Розанов В.
Религия и
культура.
Со. статей.

СПБ., 1899.

ИМЛ — Библиотека

Б
Р

Дъ отъ

РЕЛИГІЯ И КУЛЬТУРА

Б
Р

В. В. Розановъ

РЕЛИГІЯ И КУЛЬТУРА

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

Изданіе П. Перцова

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. Меркушева. Невскій пр., № 8
1899

К.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

Б
Р Р

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. В.К.П. (б.)

232810

Статьи, собранныя въ настоящей книгѣ, были напечатаны между 1890 — 1899 гг. въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, „Русскомъ Обозрѣніи“, „Новомъ Времени“, „Русскомъ Словѣ“, „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“, „Міровыхъ Отголоскахъ“ и „Народѣ“.

Оглавленіе

	стр.
Мѣсто христіанства въ исторіи.	1
Психологія русскаго раскола	23
Черта характера древней Руси.	55
Культурная хроника русскаго общества и литературы за XIX вѣкъ	68
О студенческихъ безпорядкахъ.	90
Женское образовательное движеніе 60-хъ годовъ	97
Франко-русскія впечатлѣнія	108
Демократизація живописи	113
Гдѣ истинный источникъ «борьбы вѣка»?	119
О символистахъ и декадентахъ.	128
Теперь и прежде	140
Христіанство пассивно или активно?	148
Кроткій демонизмъ	160
Сѣмя и жизнь	167
Смыслъ аскетизма	176
Женщина передъ великою задачею	187
Нѣчто изъ сѣдой древности	204
Эмбріоны	239
Библіографія («Ученіе 12-ти апостоловъ».—«Записки арх. Никанора».—А. Кирѣевъ. «По поводу старокатолическаго вопроса».—И. Даниловъ. «Въ тихой пристани».—«Иллюстрированная исторія религій». — С. Литвинъ. «Замужество Ревекки» и др. разсказы.—Ф. Кирхнеръ. «Путь къ счастью. Какъ надо жить.» — Ш. Рише. «Любовь», психологическій этюдъ).	247

По мѣрѣ того какъ годъ за годомъ и пятилѣтіе за пятилѣтіемъ ложатся на усталыя вѣки человѣка, глаза его опускаются долу и начинаютъ видѣть иное и иначе, чѣмъ нѣкогда, чѣмъ ранѣе. Укорачиваются горизонтальныя созерцанія, удлиняются вертикальныя. «Политика», шумныя «партіи» — все становится глуше для слуха, скрывается «за гору Аменти», какъ сказали бы египтяне. Вокругъ видится семья — «земля, на которой я стою», священное «азъ есмь» каждаго изъ насъ: то, что̀ смиренно и безвидно несетъ около насъ трудъ, заботу, любовь, несетъ на плечахъ своихъ безустанныхъ «ковчегъ» бытія нашего, суеты нашей, часто — «пустого» нашего. Для каждаго, въ извѣстную пору, становится близокъ и какъ-то *вдругъ* понятенъ стихъ Лермонтова:

...послѣднія мгновенья
Мелькаютъ — близокъ часъ... Вотъ лучъ воображенья
Сверкнулъ въ душѣ... предъ нимъ шумитъ Дунай...
И родина цвѣтетъ — свободной жизни край;
Онъ видитъ кругъ семьи, оставленной для брани,
Отца, простершаго нѣмѣющія длани,
Зовущаго къ себѣ опору дряхлыхъ дней...
Дѣтей играющихъ — возлюбленныхъ дѣтей!
Всѣ — ждутъ его...

Въ пору «горизонтальныхъ созерцаній» мы склонны считать «отечествомъ» то̀ и иное, широкое или далекое, и вообще въ сущности нѣчто вовсе чуждое: пока, съуживаясь во взорѣ, не открываемъ истинное свое отечество и такъ сказать «обитаемую имперію», всѣ «45 томовъ Codex'a» въ невинныхъ глазахъ дѣтей, въ супружеской вѣрности жены и вообще не далѣе порога своего «дома». Отечество обширное и совершенно для каждаго достаточное: остальныя — все больше призраки «отечествъ», фантомы не существую-

щихъ «Америкъ», которыми горизонтально играетъ глазъ, частью ихъ представляя себѣ, частью ихъ создавая изъ себя. Святое «азъ есмь»; «отечество»—вертикально уходящее «въ землю», всходящее до неба; истинно неисповѣдимая «Вавилонская башня», которую въ сущности каждый изъ насъ строитъ, обычно—не достраиваетъ, но въ ея постройкѣ выражаетъ мысль свою и вѣчную человѣческую: отъ земли и «я» восходить къ Богу и вѣчности.

Ликуетъ буйный Римъ... торжественно гремитъ
Рукоплесканьями широкая арена —
А онъ... безмолвно онъ лежитъ,
Во прахѣ и крови скользятъ его колѣна.
. . . . . .
Надменный временщикъ и льстецъ его, сенаторъ,
Вѣнчаютъ похвалой побѣду и позоръ...

Какъ это далеко только отъ Рима: поэтъ хотѣлъ выразить общую человѣческую судьбу — въ пору ошибокъ раба «горизонтальныхъ» фикцій. Такъ было въ Римѣ, такъ будетъ всегда; и убѣгая этой ошибочной судьбы человѣкъ и ищетъ инстинктомъ новаго «отечества», начинаетъ «вавилонски» построяться и устрояться.

...Дѣтей играющихъ — возлюбленныхъ дѣтей...
Всѣ ждутъ его назадъ съ добычею и славой;
Напрасно: жалкій рабъ, онъ палъ, какъ звѣрь лѣсной,
Безчувственной толпы минутною забавой...
«Прости — развратный Римъ! — прости, о край родной!»

Тысячи людей какъ поздно объ этомъ догадываются: лишь единицы удерживаются «на родинѣ», и милліоны манятся «Римомъ».

Прости — развратный Римъ...

—это нужно умѣть сказать во время.

Итакъ, сборникъ этихъ интимныхъ (по происхожденію) статей я посвящаю малому храму бытія своего, тѣсной своей часовенькѣ: памяти усопшихъ своихъ родителей — рабовъ Божіихъ Василія и Надежды, двѣ могилки и одна даже безвѣстная, даже безъ креста; памяти дочери, 9-мѣсячной Надюши — этой поставленъ мраморный крестъ на Смоленскомъ; праведной труженицѣ, женѣ своей Варварѣ, урожденной Рудневой; и дѣтямъ-младенцамъ, которые всему-то, всему меня научили именно въ «религіи», именно «въ культурѣ» — Татьянѣ, Вѣрѣ, Варварѣ, Василію

...прости, о край родной!

В. Р.

Мѣсто христіанства въ исторіи.

Между всѣми науками, предметомъ изученія которыхъ служитъ человѣкъ, исторія имѣетъ преимущество общности и цѣльности. Религія, право, искусство, нравственность—все это въ освѣщеніи другихъ наукъ является разрозненнымъ, обособленнымъ; исторія же изучаетъ эти сферы человѣческой дѣятельности въ ихъ живой связи. И причина этого различія понятна. Другія науки, какъ напр. право или мораль, изучаютъ свой предметъ безъ постоянной мысли о человѣкѣ; исторія же, стремясь уяснить для себя происхожденіе всего, разсматривая все лишь въ процессѣ образованія, невольно должна восходить къ тому, что́ служитъ общимъ источникомъ и морали, и права, и всего другого подобнаго—къ творческому духу самаго человѣка. Здѣсь открывается для нея глубокое единство того, что́ въ другихъ наукахъ, изучающихъ все уже въ готовомъ, законченномъ видѣ, представляется столь обособленнымъ, замкнутымъ въ себѣ.

Вслѣдствіе этого особеннаго отношенія къ своему предмету, исторія способна давать намъ разрѣшеніе такихъ вопросовъ, отвѣта на которые мы тщетно искали бы въ другихъ наукахъ. Указывая генетическую связь между всѣми сферами человѣческаго творчества, она опредѣляетъ *взаимное положеніе всѣхъ ихъ*, и, слѣдя за этимъ положеніемъ въ прошедшемъ, мы иногда можемъ опредѣлить довольно точно и ихъ взаимное отношеніе въ будущемъ. Какъ геометръ, найдя въ старинной рукописи недоконченный чертежъ какой-нибудь фигуры, можетъ, внимательно углубившись въ направленія и свойства начатыхъ линій, мысленно продолжить ихъ и замкнуть всю фигуру, такъ и историкъ, слѣдя за направленіемъ творческихъ силъ человѣка въ прошедшемъ, иногда можетъ предугадать это направленіе въ будущемъ и открыть то, что́ называется *планомъ исторіи*.

Это знаніе есть самое важное изъ всѣхъ, потому-что оно одно даетъ намъ возможность сознательной жизни. Жить сознательно— это значитъ руководиться въ своей дѣятельности цѣлями, и притомъ не ближайшими; жить безсознательно — это значитъ управляться въ своей жизни причинами, которыя остаются для насъ внѣшними и чуждыми. Но, конечно, мы твердо можемъ быть увѣрены въ достоинствѣ своихъ цѣлей лишь тогда, когда знаемъ, что онѣ совпадаютъ съ тѣмъ направленіемъ, которое уже невидимо, неощутимо дано всемірной исторіи, уже существуетъ въ ней.

Съ этой именно точки зрѣнія мы и будемъ разсматривать тотъ фактъ, опредѣлить значеніе котораго намъ предстоитъ теперь. Посмотримъ, нѣтъ ли въ исторіи какихъ-нибудь указаній на то, какое положеніе занимаетъ христіанство въ ряду всѣхъ другихъ явленій прошедшей жизни человѣчества, и постараемся извлечь изъ этихъ указаній то главное знаніе, въ которомъ мы всѣ нуждаемся— знаніе цѣлей нашей собственной дѣятельности.

I.

Два великія племени почти исключительно занимаютъ поприще всемірной исторіи—арійское и семитическое. Если мы прослѣдимъ за характеромъ этихъ двухъ племенъ на всемъ протяженіи ихъ существованія, мы будемъ поражены глубокимъ различіемъ, которое повсюду и во всемъ обнаруживается между ними. На самой зарѣ своего историческаго существованія, тѣ племена, дальную отрасль которыхъ составляемъ и мы, назвали себя *«свѣтлыми»*, *ariοi*, и этимъ именемъ безсознательно отмѣтили тотъ особый характеръ, который запечатлѣлся на всей ихъ исторіи. Повсюду, гдѣ мы ихъ ни наблюдаемъ, отъ Ганга и до Миссисипи, отъ старыхъ «Вѣдъ» и до нашего времени, они являются исполненными жизнерадостнаго чувства, любятъ природу и поклоняются красотѣ, и, не заглядывая въ отдаленное будущее, всецѣло отдаютъ настоящему свои душевныя силы. Невозможно исчислить всѣхъ родовъ дѣятельности, какіе занимали ихъ, и если исторія такъ безгранично богата событіями, если то, о чемъ повѣствуетъ она, такъ нескончаемо разнообразно, то это благодаря исключительно особенностямъ арійскаго духа. Въ чемъ же заключаются эти особенности? Какъ выразить, какъ опредѣлить тотъ особенный душевный складъ, изъ котораго объясняется все своеобразіе арійской исторіи и жизни?

Объективность — вотъ то названіе, которое всего правильнѣе опредѣляетъ этотъ особый складъ души. Умъ, чувство, воля — всѣ силы душевныя — у арійца направлены *къ внѣшнему, навстрѣчу впечатлѣніямъ, идущимъ снаружи.* Съ необходимостью одно это свойство повело къ созданію всего того, что мы находимъ въ ихъ исторіи и жизни. Разумъ, направленный на внѣшнее, и не могъ ни-

чѣмъ иначе выразить свою дѣятельность, какъ наблюденіемъ надъ природою и размышленіемъ о ней, т. е. именно тѣмъ самымъ, что̀ образуетъ науку и философію, которую мы одинаково находимъ у всѣхъ арійскихъ народовъ. Опытный и наблюдательный характеръ, который по преимуществу носитъ эта наука и философія, мы склонны принимать за необходимую и вѣчную черту въ ней, обусловленную самимъ предметомъ познанія; въ дѣйствительности же черта эта обусловлена только субъективными особенностями арійскаго духа, и если намъ такъ трудно понять это, если мы такъ упорно отвергаемъ мѣстный и временный характеръ нашей науки, то это свидѣтельствуетъ только о томъ, какъ безсильны мы стать выше своей природы, какъ не можемъ подняться надъ тѣмъ, что̀ есть въ ней особеннаго и частнаго. Обращенное на то же внѣшнее, чувство создало искусство, какъ стремленіе воспроизвести это внѣшнее. Уже Аристотель, который первый опредѣлилъ своимъ рефлектирующимъ умомъ то, что безъ опредѣленій, безсознательно и невольно сознавалъ человѣкъ раньше, назвалъ *искусство—подражаніемъ*; и въ этомъ опредѣленіи — уже безсознательно для себя самого—онъ отмѣтилъ ту коренную черту арійской души, о которой мы говоримъ теперь. Подражать можно лишь тому, что любишь, чѣмъ заинтересованъ, воспроизводить же непріятное или чуждое—никто не станетъ, потому что самый процессъ такого воспроизведенія не можетъ доставить никакого удовольствія. И то, что искусства у арійцевъ достигли такого высокаго совершенства, что одно и то же они стремились воспроизвести и въ линіяхъ картины, и въ контурахъ статуи, и въ словахъ поэмы—это свидѣтельствуетъ о томъ жизнерадостномъ чувствѣ, о томъ любовномъ вниманіи къ физической природѣ и вообще ко всему окружающему, которое всегда было имъ присуще. Наконецъ, воля, направленная на внѣшнее, должна была выразиться въ стремленіи подчинить себѣ это внѣшнее, или, по крайней мѣрѣ, регулировать его отношеніе къ себѣ, и здѣсь лежитъ объясненіе третьей особенности въ исторіи арійцевъ—именно той, что повсюду, гдѣ они ни появлялись, они создавали государство и устанавливали права. Государство есть то, въ чемъ выражается отношеніе одного народа къ другимъ, для него внѣшнимъ народамъ, въ чемъ онъ опредѣляетъ себя и отдѣляетъ отъ другихъ: право есть то, что опредѣляетъ отношеніе одного лица къ другимъ, для него чуждымъ людямъ. И то, и другое обращено къ внѣшнему, одинаково носитъ объективный характеръ. Отсюда же, изъ этого направленія воли къ внѣшнему, вытекаетъ и стремленіе, путемъ науки, подчинить себѣ окружающую природу, и великій антагонистъ Аристотеля, Бэконъ Веруламскій, указавъ на это подчиненіе, какъ на цѣль натуральной философіи — выразилъ въ этомъ указаніи ту же черту арійскаго характера, которую въ своемъ опредѣленіи искусства выразилъ греческій философъ. Мы

не можемъ здѣсь останавливаться на болѣе тонкихъ чертахъ исторіи и отмѣчаемъ только эти грубые, общепризнанные факты ея. Наука, искусство и государство—это три главные продукта арійскаго творчества, въ нихъ именно достигли арійцы величія, и въ послѣдовательномъ, медленномъ созиданіи ихъ проходила исторія этихъ народовъ. И какъ слѣдствіе къ своей причинѣ, они должны быть отнесены къ объективному складу трехъ главныхъ способностей души арійцевъ.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію душевнаго склада семитическихъ народовъ въ связи съ ихъ исторіею. То, что составляетъ отрицаніе арійскаго характера, что совершенно противоположно ему по направленію—есть *субъективность*, и она именно составляетъ отличительную черту психическаго склада семитическихъ народовъ. Они никогда не смотрѣли съ интересомъ на окружающій міръ, и у нихъ никогда не возникала наука. То высокое понятіе, которое сложилось о наукѣ арабовъ въ средніе вѣка и долгое время держалось въ новые, при ближайшемъ ознакомленіи съ дѣломъ оказалось ложнымъ. Они повсюду являются или продолжателями, или комментаторами, но никогда и ни въ чемъ — начинателями, творцами. Изученіе медицины началось у нихъ лишь съ того времени, какъ халифъ Альмансунъ призвалъ къ своему двору, въ Багдадъ, сирійскихъ врачей; подъ вліяніемъ этихъ врачей и, конечно, руководимые практическою потребностью, они стали сами изучать медицину, но и тогда не пошли далѣе переводовъ и комментаріевъ Гиппократа и Галена. То, что они сдѣлали въ астрономіи, ограничивалось изобрѣтеніемъ нѣкоторыхъ инструментовъ и болѣе точными и обильными, сравнительно съ греками, наблюденіями; но и здѣсь они трудились на почвѣ, уже воздѣланной ранѣе, и не оплодотворили ее никакою новою мыслью. Имъ долгое время приписывалось изобрѣтеніе алгебры, но теперь извѣстно, что начатки этой науки существовали уже ранѣе, у арійскихъ индусовъ; рѣшеніе уравненій, прогрессій, даже суммированіе рядовъ—все то, что мы называемъ элементарной алгеброй,—было извѣстно на берегахъ Ганга ранѣе, чѣмъ арабы начали прилагать свои силы къ этой наукѣ и дали названіе, которое мы употребляемъ теперь. Наконецъ въ философіи, въ которой они также славились долгое время, они не пошли далѣе усвоенія и истолкованія Аристотеля и отчасти Платона. Альфь-Араби, «второй метафизикъ», какъ называли его современники, говорилъ о себѣ съ гордостью, что онъ 40 разъ прочиталъ «Физику» Аристотеля и 200 разъ его «Реторику». Аверроэсъ, о которомъ съ такимъ уваженіемъ вспоминаетъ Данте въ «Божественной комедіи», носилъ въ средніе вѣка прозваніе «великаго комментатора». «Аристотель объяснилъ природу, а Аверроэсъ объяснилъ Аристотеля», говорили о немъ съ гордостью арабы. И во, всемъ этомъ, чѣмъ гордились арабскіе ученые и за что прослав-

ляли ихъ другіе народы, видно одно — это отсутствіе иниціативы, недостатокъ творческаго начинанія во всемъ. Если отъ арабовъ мы перейдемъ къ евреямъ, то въ древности не найдемъ у нихъ никакой мысли о научномъ знаніи, а въ новое время хотя иногда они и обнаруживали высокія способности къ наукѣ, но замѣчательно, что и здѣсь, никогда не являясь иниціаторами, творцами новыхъ идей, они только придавали европейской наукѣ характеръ крайней абстрактности, отвлеченности. Таково было вліяніе въ XVII в. Спинозы на философію, и Давида Рикардо въ текущемъ столѣтіи—на политическую экономію. Въ этомъ абстрактномъ мышленіи, въ этомъ отвращеніи отъ наблюденія и опыта сказалась та черта субъективности, то направленіе душевнаго созерцанія внутрь, а не къ внѣшнему, которое обнаруживается у нихъ и во всемъ другомъ. Они никогда не знали свѣтлаго міра искусства, и имъ не знакомо было то чувство, съ которымъ художникъ-грекъ воспроизводилъ природу въ статуѣ или въ картинѣ и любовался своимъ созданіемъ. Изо всѣхъ искусствъ только два — музыка и лирика, уже съ самаго ранняго времени, процвѣтали у нихъ. Но это есть именно тѣ виды искусства, въ которыхъ ничего не воспроизводится: они исключительно субъективны, и къ нимъ совершенно не идутъ слова Аристотеля, что «искусство есть подражаніе». Если-бы какой-нибудь семитъ, а не грекъ опредѣлялъ искусство, онъ вѣрно сказалъ бы: «искусство есть выраженіе внутренняго міра человѣческой души»—до такой степени чуждо семитамъ то, что такъ знакомо и близко арійцамъ, и арійцамъ незнакомо то, что такъ родственно семитамъ. У семитовъ даже не зарождалось никогда живописи и скульптуры—этихъ искусствъ, грубые начатки которыхъ въ Европѣ находятся уже въ памятникахъ доисторическаго быта: открывая кости животныхъ, теперь уже вымершихъ, на нихъ находили нацарапанныя фигуры звѣрей и изображенія охоты. Въ области архитектуры даже храмъ Соломоновъ былъ сооруженъ у евреевъ не ими самими, но пришлыми, чужими художниками [1]). Это совершенное безсиліе семитовъ къ образнымъ искусствамъ можно прослѣдить у нихъ и въ томъ, что есть образнаго, воспроизводящаго и въ сферѣ поэтическаго слова. Эпоса, въ которомъ, какъ въ морѣ небеса, отражается весь сложный міръ человѣческой жизни, который мы находимъ въ Магабаратѣ и Рамаянѣ индусовъ, въ рапсодіяхъ Гомера, въ Эддѣ скандинавовъ, въ нашихъ былинахъ,—этого эпоса никогда не знали семиты. У нихъ нѣтъ ника-

---

[1]) Принадлежность финикіянъ къ семитамъ утверждается одними учеными, отрицается другими. Но если даже и согласиться, что они были семиты, то все же характерно, что изъ двухъ семитическихъ народовъ одинъ, желая построить храмъ, обращается за помощью къ другому, у котораго, вслѣдствіе близости моря, развитія торговли и опытности въ судостроеніи, является и нѣкоторая умѣлость въ сооруженіи большихъ зданій.

кихъ преданій, нѣтъ миѳологіи, нѣтъ другихъ воспоминаній, кромѣ священныхъ и историческихъ, — черта, поражающая насъ своею странностью: какъ будто народы эти никогда не знали ни дѣтства, ни героической юности, но всегда были такими, какими мы ихъ знаемъ теперь—вѣчно возмужалыми, не растущими и не старѣющими. Наконецъ, если отъ науки и искусства мы обратимся къ политической жизни, мы и здѣсь найдемъ у семитовъ обнаруженіе той-же субъективности. Какъ, вслѣдствіе субъективнаго склада своей души, они оставались холодными къ красотѣ природы, не любовались ею и не любили ее, такъ и по той же причинѣ, они всегда были безучастны и къ окружающимъ людямъ. Они селились среди другихъ народовъ и охотно отдавали имъ требуемое, лишь бы не принимать на себя обязанностей управленія и организаціи. То, что принято въ исторіи называть ихъ государствами—Тиръ и Сидонъ, Карѳагенъ и Іудея,—все это было скорѣе или группою торговыхъ факторій или рядомъ селеній какого-нибудь племени. Вотъ характерныя слова, которыми описывается въ Библіи то, что мы такъ неправильно, перенося свои арійскія понятія на чуждыя племена, называемъ государствомъ: «И пришли тѣ 5 мужей въ городъ Лаисъ, и увидали народъ, который въ немъ, что онъ живетъ покойно, *по обычаю сидонянъ, тихъ и безпеченъ, и что не было въ землѣ той, кто обижалъ бы въ чемъ или имѣлъ бы власть*» (Книга Судей, XVIII). Это—странный народъ, безъ организаціи и безъ власти, т.-е. такой, какого намъ трудно представить себѣ, какого мы не встрѣчаемъ нигдѣ въ арійской исторіи. Все участіе семитическихъ народовъ въ политическихъ движеніяхъ исторіи можно отнести, какъ къ своимъ причинамъ, къ политическимъ движеніямъ окружавшихъ ихъ арійскихъ государствъ.

II.

Мы очертили характеръ арійцевъ и семитовъ, каковыми ихъ знаетъ исторія, въ отношеніи умственномъ, художественномъ и политическомъ, и не коснулись одной только стороны ихъ жизни — религіозной. Теперь на ней именно мы должны сосредоточить свое вниманіе.

Первый вопросъ, который естественно возникаетъ здѣсь, состоитъ въ томъ, почему изъ всѣхъ народовъ земныхъ однимъ только семитамъ, и именно евреямъ, дано было Откровеніе? Почему другіе народы были лишены его?

Если мы вдумаемся глубже въ ту особенность, которую мы отмѣтили выше въ душевномъ складѣ семитовъ, мы, быть можетъ, приблизимся къ разрѣшенію этого важнаго и интереснаго вопроса. Не желая выходить изъ предѣловъ исторіи, мы не будемъ здѣсь вдаваться въ доказательства, но скажемъ только, что

есть самыя серьезныя и самыя точныя основанія думать и утверждать, что духъ человѣческій не есть ни произведеніе органической природы, ни что-либо одиночно стоящее во всемъ мірозданіи. Не только съ религіозной, но и съ научной точки зрѣнія самымъ правильнымъ будетъ признать, что въ насъ живетъ «дыханіе» Творца нашей природы, и этимъ дыханіемъ живемъ мы, что оно есть источникъ всего лучшаго, что́ чувствуемъ мы въ себѣ, и что его затемнѣніе есть причина всего темнаго, что́ мы знаемъ въ исторіи и находимъ въ жизни. Теперь, если съ этой точки зрѣнія мы посмотримъ на арійцевъ и семитовъ, мы поймемъ, почему не первые, а вторые были предъизбраны для Откровенія. По самому складу своей души, арійцы были вѣчно обращены къ внѣшнему, къ физической природѣ, и то все, что мы называемъ красотою ихъ жизни и исторіи—наука, искуство, государство, все это—красота только для насъ: въ дѣйствительности же, съ высшей точки зрѣнія на природу человѣческой души — это есть ея искаженіе и обезображеніе. Окружающій міръ, какъ въ зеркалѣ своемъ, отражался въ этой обращенной къ нему душѣ, сверкалъ въ немъ миріадами чудныхъ созданій, но если мы припомнимъ, что то, въ чемъ отражался онъ, есть дыханіе и образъ самого Божества, мы безъ труда поймемъ, что эти отраженія были недостойны его, что они затемняли его и оскверняли собою. И здѣсь лежитъ разгадка всего. Духъ семитовъ, который всегда былъ обращенъ внутрь себя, который не чувствовалъ природы и отвращался отъ жизни, одинъ въ исторіи сохранилъ чистоту свою, никогда не переставалъ быть дыханіемъ Божества. Никакія мысли и никакія желанія не развлекали его—одно Божество было предметомъ его вѣчной и неутолимой жажды. «Какъ лань желаетъ къ потокамъ воды, такъ желаетъ душа моя къ Тебѣ, Боже!» говоритъ Давидъ въ одномъ изъ своихъ псалмовъ (XLI). Эта потребность Божества, вѣчная въ семитахъ, и особенно въ евреяхъ, была прекрасна выражена блаженнымъ Августиномъ, когда, не нашедши успокоенія въ человѣческой мудрости, онъ обратился къ христіанству: «Боже, Ты создалъ насъ для Себя, и наше сердце не найдетъ покоя, пока оно не успокоится въ Тебѣ». Какъ бы въ отвѣтъ на эти постоянныя исканія, какъ бы удовлетворяя этой неумолкающей жаждѣ, еврейскому народу и дано было Откровеніе. Онъ одинъ въ исторіи и искалъ его, и былъ достоинъ воспринять—именно потому, что душа его не затемнена была земными помыслами и заботами, въ которые такъ безраздѣльно погружалась душа арійца.

Различное отношеніе двухъ племенъ къ Откровенію, которое мы старались объяснить выше, очень рельефно было высказано нѣмецкимъ ученымъ Грау. Примѣняясь къ словамъ и образамъ Библіи, гдѣ еврейскій народъ часто называется избранною невѣстою Бога, онъ говоритъ: «если мы представимъ семитическую и

арійскую группы народовъ въ видѣ двухъ дѣвъ, изъ которыхъ Богъ долженъ избрать одну для союза съ собою въ святой любви, то, конечно, арійская дѣва можетъ хвалиться многими преимуществами, которыхъ не имѣетъ семитическая дѣва. Она можетъ сослаться на украшенія и сокровища, которыя она пріобрѣла черезъ свое господство надъ міромъ, на богатство фантазіи, проявившееся во всѣхъ искусствахъ, на мудрость и глубокія познанія во всѣхъ вещахъ міра. Какъ мужественная дѣва, она можетъ даже, въ сознаніи своей силы, найти довольство и цѣль жизни въ самой себѣ. Ничего этого нѣтъ у другой дѣвы. Она стоитъ передъ той, какъ нищая, бѣдная и неукрашенная, передъ королевой. Но она имѣетъ одно, чего не достаетъ той — это сердце, полное неизгладимаго стремленія къ Богу и Спасителю ея души, къ Создателю ея жизни,—сердце, полное неисчерпаемой любви, которая не спрашиваетъ ни о небѣ, ни о землѣ, если только она обладаетъ Богомъ, и которая допускаетъ погубить тѣло и душу, лишь бы духъ имѣлъ часть съ Нимъ. Одно имѣетъ некрасивая дѣва — это смиренную вѣру, въ силу которой она сама по себѣ желаетъ быть ничто, но все имѣетъ въ другомъ,—при которой она не находитъ никакого удовлетворенія въ мірѣ и потому прикрѣпляется единственно къ Богу, нимало не сомнѣвается въ Богѣ, но совершенно на Него полагается. Живо предносится намъ образъ такой дѣвы въ Божіей Матери, которая ничего не имѣетъ, кромѣ смиренной вѣры, чистой и цѣломудренной души, когда она говоритъ Ангелу-благовѣстнику: *се раба Господня, буди мнѣ по глаголу твоему*». (Луки I, 38).

Еврейскій народъ ревниво оберегалъ данное ему сокровище. Можно сказать, что чѣмъ болѣе любилъ онъ Бога, тѣмъ менѣе любилъ онъ людей. Что въ Богѣ всѣ народы земные имѣютъ своего Отца, который въ милосердіи своемъ печется о заблудшихъ столько же, сколько о вѣрныхъ, скорбитъ о нихъ и ищетъ ихъ спасенія — эта мысль была совершенно чужда евреямъ. Мы могли бы привести изъ Библіи много примѣровъ этой поразительной замкнутости избраннаго народа, его нежеланія пріобщить другіе народы къ Откровенію, которое дано было ему. Такъ мы могли бы указать на избіеніе всего мужскаго населенія въ городѣ Сихемѣ послѣ того, какъ оно уже приняло обрѣзаніе. Но мы приведемъ здѣсь другой фактъ, мы укажемъ на *цѣльный взглядъ* евреевъ на отношеніе къ себѣ и къ Богу другихъ земныхъ народовъ. Этотъ взглядъ тѣмъ болѣе привлекаетъ наше вниманіе, что былъ высказанъ въ позднее время униженія и страданія еврейскаго народа, которое должно бы смягчить его сердце, и принадлежитъ великому дѣятелю его исторіи. «Въ тридцатомъ году по разореніи города», разсказываетъ Ездра въ 3-й книгѣ своего пророчества, «я былъ въ Вавилонѣ и смущался, лежа въ постелѣ моей, и помышленія

всходили на сердце мое». Ему припоминались всѣ странныя судьбы его народа, его избраніе Богомъ, его слава при Давидѣ и Соломонѣ и его теперешнее униженіе. Онъ роптalъ, онъ говорилъ къ Богу: «Ты предалъ народъ Твой въ руки враговъ Твоихъ. Неужели лучше живутъ обитатели Вавилона и за это владѣютъ Сіономъ?» Въ Вавилонѣ также грѣшатъ, и кромѣ того не признаютъ даже по имени истиннаго Бога, еврейскій же народъ и въ величайшемъ нравственномъ паденіи никогда не отрекался отъ этого имени, и между тѣмъ одинъ поднятъ на высоту, а другой низвергнутъ въ бездну несчастія и униженія. Это возмущаетъ сердце пророка, и онъ говоритъ: «Я видѣлъ, какъ Ты поддерживаешь сихъ грѣшниковъ и щадишь нечестивцевъ; народъ Твой погубилъ, враговъ же Твоихъ сохранилъ и не явилъ о томъ никакого знаменія». Въ его роптущемъ сердцѣ поднимается глубокій, никогда не разрѣшенный вопросъ о происхожденіи зла, поднимается сомнѣніе въ Божественномъ Промыслѣ и его правединости: «Не понимаю, говоритъ онъ, какъ этотъ путь могъ измѣниться. Неужели Вавилонъ поступаетъ лучше, чѣмъ Сіонъ? Или иной народъ позналъ Тебя, кромѣ Израиля? Или какія племена вѣровали завѣтамъ Твоимъ, какъ Іаковъ? *Ни воздаяніе имъ не равномѣрно, ни трудъ ихъ не принесъ плода; ибо я прошелъ среди народовъ и видѣлъ, что они живутъ въ изобиліи, хотя и не вспоминаютъ о заповѣдяхъ Твоихъ*» (3-я книга Ездры, гл. III). Къ нему посланъ былъ Ангелъ Уріилъ, и словами сходными съ тѣми, что слышалъ и Іовъ, онъ пытался смирить его роптущій духъ: онъ говорилъ ему, что «сердце его слишкомъ далеко зашло въ этомъ вѣкѣ, что пытливость ума его объ Израилѣ дерзка, что онъ напрасно пытается постигнуть пути Всевышняго» (гл. IV). Но эти увѣщанія остались безплодны. Черезъ нѣсколько дней послѣ бесѣды съ Ангеломъ, прежнія мысли снова зароились въ немъ, и въ словахъ, которыя онъ сказалъ на этотъ разъ, выразился тотъ поражающій взглядъ, о которомъ мы говорили выше. Эти слова касаются уже не Вавилона, не угнетателей только Израильскаго народа. Вспомнивъ о дняхъ творенія міра и человѣка, онъ говоритъ: «*Для насъ, Господи, создалъ Ты вѣкъ сей, о прочихъ же народахъ, происшедшихъ отъ Адама, Ты сказалъ, что они ничто, но подобны слюнѣ, и все множество ихъ Ты уподобилъ каплямъ, капляющимъ изъ сосуда.* И нынѣ, Господи, вотъ эти народы, *за ничто Тобою признанные*, начали владычествовать надъ нами. Мы же, народъ Твой, котораго Ты назвалъ Твоимъ первенцемъ, единороднымъ, возлюбленнымъ Твоимъ, преданы въ руки ихъ. *Если для насъ создана вѣкъ сей, то почему не получаемъ мы наслѣдія съ нимъ? и доколѣ это?*» (Гл. VI).

Какимъ ужасающимъ холодомъ вѣетъ отъ этихъ словъ, какая странная отчужденность отъ всѣхъ людей слышится здѣсь! Кромѣ своего народа, всѣ остальныя племена земныя не только пренебре-

жены, но почти забыты. Во всемірной исторіи и во всемірной литературѣ, гдѣ было такъ много униженія и гордости, возвеличенія и паденія, вѣроятно никогда не были сказаны слова такой презрительности, какъ эти. И сказаны въ уединеніи ночной молитвы, сказаны къ Богу, т. е. вытекаютъ изъ самой глубины души, выражаютъ постоянную мысль, въ которой нѣтъ никакого сомнѣнія. Здѣсь гордость и униженіе такъ велики, что они не обращены даже къ тѣмъ, кого унижаютъ; унижаемые очевидно не существуютъ для того, кто унижаетъ.

Ездра въ своемъ ропщущемъ сердцѣ могъ забыть о людяхъ, но о нихъ не могъ забыть Богъ. И здѣсь, намъ думается, лежитъ объясненіе непостижимыхъ на первый взглядъ судебъ Израильскаго народа, который такъ долго былъ избраннымъ и въ концѣ былъ отвергнутъ. Ездра не понималъ, почему израильскій народъ въ въ плѣну и страдаетъ, и дѣйствительно, если принять во вниманіе грѣхи тѣхъ и другихъ, онъ не окажется болѣе виновнымъ передъ Богомъ; но Ездра забылъ, что страданія Израиля не внутреннія—не голодъ и моръ, но что онъ въ цѣломъ преданъ въ руки враговъ. Здѣсь было наказаніе не за частные грѣхи отдѣльныхъ людей, но за грѣхъ общій всему Израилю—за грѣхъ его передъ другими народами, о которыхъ онъ забылъ, которыхъ онъ не хотѣлъ пріобщить къ своему избранію. Въ Библіи народъ Божій нерѣдко сравнивается съ виноградною лозою: эта лоза все болѣе и болѣе засыхала въ своемъ отчужденіи и эгоизмѣ. Напрасно возставали среди евреевъ пророки, напрасно величайшій изъ нихъ, Исаія, съ неизъяснимою силою говорилъ, что всѣ народы земные должны собраться къ Сіону. Ихъ преслѣдовали и убивали. Израиль не хотѣлъ заботиться о приведеніи народовъ къ Сіону; какъ и для Ездры, эти народы—безчисленные милліоны человѣческихъ душъ—были для него лишь ненужными каплями, каплющими изъ сосуда, и что они безплодно терялись и засыхали въ землѣ — объ этомъ нечего было заботиться.

Эта безжалостность къ Божію творенію, это невниманіе къ человѣческой душѣ и было наказано, когда «исполнились времена и сроки»,—отверженіемъ еврейскаго народа. Новое и высшее Откровеніе, которое дано было людямъ, совершилось черезъ Израиля, но уже не для него. Какъ будто всѣ силы засыхающей лозы, оставляя омертвѣлыми другія части ея, собрались въ одномъ мѣстѣ и произвели послѣднее и чудное явленіе израильской исторіи и жизни—Св. Дѣву Марію. Черезъ нее совершилось вочеловѣченіе Сына Божія; Онъ не былъ признанъ Израилемъ, но Откровеніе, имъ принесенное на землю, было принято другими народами, и именно арійскими.

Такъ, двѣ тысячи лѣтъ назадъ, на дальнемъ берегу Средиземнаго моря, въ глухой и уединенной странѣ, совершилось это со-

бытіе,—самое потрясающее во всемірной исторіи. Какъ и все истинно великое на землѣ, оно совершилось безъ шума и незамѣтно. Въ то время какъ на Западѣ ненужно передвигались легіоны, произносились пустыя рѣчи и писались безсильные законы—въ Виѳлеемѣ и Іерусалимѣ рѣшались судьбы и Востока, и Запада. Тамъ перемѣщалось всемірно-историческое значеніе семитическихъ и арійскихъ народовъ, упразднялся Римъ, и заложена была новая исторія и новая цивилизація—та, въ которой живемъ, думаемъ и стремимся мы.

Среди народа, гордаго своимъ избранничествомъ, ни съ кѣмъ не сообщающагося, ходилъ и училъ Спаситель. Бѣдной самарянкѣ, съ которою за осквернѣніе почелъ бы говорить книжникъ-раввинъ. Онъ говорилъ слова неизъяснимой мудрости; Онъ простилъ грѣшницу, боявшуюся поднять глаза отъ земли; Онъ проникъ въ бѣдное, стыдящееся самого себя, сердце мытаря; разсказалъ притчу о милостивомъ самарянинѣ. Все это было такъ не похоже на то, что уже много лѣтъ привыкъ слышать еврейскій народъ отъ своихъ учителей. Кромѣ немногихъ избранныхъ, онъ оставался глухъ къ Его словамъ. Но все таки этотъ народъ былъ сѣменемъ Авраама; это былъ страдалецъ въ Египтѣ, хранитель заповѣдей; онъ слушалъ пророковъ; въ теченіе долгихъ вѣковъ онъ одинъ на землѣ хранилъ законъ и имя истиннаго Бога и только теперь, повинуясь неизмѣнимому ходу исторіи, онъ палъ такъ низко. Однако паденіе это было связано со всею его предшествующею судьбою, было внутренно необходимо, и онъ не могъ уже подняться изъ него. За нѣсколько дней до своихъ страданій и смерти, въ словахъ, полныхъ неизъяснимой грусти и неизгладимаго величія, Спаситель высказалъ судьбу израильскаго народа: «О, Іерусалимъ, Іерусалимъ», сказалъ Онъ, смотря на градъ Давидовъ, «сколько разъ хотѣлъ я собрать дѣтей твоихъ, какъ птица собираетъ птенцовъ своихъ подъ крылья, и вы не захотѣли», и, думая о наступающихъ страшныхъ дняхъ и о послѣднихъ судьбахъ міра и человѣка, продолжалъ: «вотъ домъ вашъ оставляется вамъ пустъ; отнынѣ не увидите Меня, доколѣ не воскликнете: Благословенъ Грядый во имя Господне!» (Матѳея, XXII). Историческое и религіозное значеніе еврейскаго народа кончилось.

Здѣсь мы не можемъ удержаться, чтобы не высказать нѣсколько общихъ замѣчаній историческаго характера. Все, что совершается въ исторіи, совершается съ внутреннею необходимостью, и она видна какъ въ томъ, что въ ветхозавѣтныя времена еврейскій народъ былъ избранъ, такъ и въ томъ, что въ новозавѣтныя времена онъ былъ отвергнутъ. Скажемъ болѣе: между тою и другою судьбою была неразрывная связь, и ни которая изъ нихъ не могла бы совершиться, еслибы не совершилась другая. Здѣсь проявило свою силу то темное и неясное для человѣческаго ума, что не-

преодолимо управляетъ жизнью природы и ходомъ исторіи, что́ всегда чувствовали люди, но чего они никогда не умѣли ни понять, ни выразить; то самое, что чуткіе греки отмѣтили словомъ «Мойра» и что они не осмѣлились олицетворить ни въ какомъ образѣ; что гораздо ранѣе формулировалось на одномъ соборѣ буддійскаго духовенства подъ именемъ закона сцѣпленія причинъ и дѣйствій, и на что слабо и лишь въ частностяхъ указываетъ наша наука подъ именемъ законовъ природы. Добро и зло, какъ въ природѣ, такъ и въ исторіи, связаны неразрывною связью, неотдѣлимы другъ отъ друга, и эта неотдѣлимость сказалась въ признаніи и отверженіи еврейскаго народа. Припомнимъ то, что было сказано ранѣе о душевномъ складѣ его,—именно о томъ, что его созерцаніе всегда направлено внутрь самого себя, что оно субъективно: будучи одинъ изъ всѣхъ народовъ таковымъ, могъ ли онъ въ чемъ-нибудь нарушить свою духовную чистоту, исказить природу своей души впечатлѣніями внѣшняго міра? И если нѣтъ—если изъ всѣхъ народовъ земныхъ онъ одинъ оставался чистымъ, могъ ли онъ не стать единымъ избраннымъ, могъ ли не воспринять первый всѣ Откровенія? Но именно потому, что онъ былъ такъ субъективенъ, могъ ли онъ быть общителенъ съ другими народами? И если ясно, что нѣтъ, то какимъ образомъ обѣтованіе искупленія, долженствовавшее исполниться надъ всѣмъ сѣменемъ Адама, пролиться на всѣ народы земные, какимъ образомъ это искупленіе могло совершиться иначе, какъ не черезъ отверженіе этого народа тотчасъ же, какъ только совершилось это искупленіе? Одна и та-же причина породила оба эти явленія, призваніе и отверженіе, и если мы поймемъ, если мы почувствуемъ, съ какою страшною необходимостью совершилось это, мы проникнемся глубокою жалостью къ еврейскому племени, нѣкогда столь великому и святому, и теперь такъ низко павшему. Этотъ законъ воздаянія, это сцѣпленіе причинъ и дѣйствій—оно виситъ и надъ всѣми народами, и также надъ нашимъ, и если мы могущественны, свободны и счастливы теперь, мы должны помнить, что это одна половина явленія, и, думая о другой, должны быть сострадательны ко всему, что уже пало и унижено въ исторіи.

Будемъ продолжать начатое изслѣдованіе. Исторія не можетъ и не должна входить въ разсмотрѣніе самаго акта Искупленія—эта мистическая сторона религіозной жизни человѣка принадлежитъ исключительно богословію. Ея задача состоитъ въ томъ, чтобы изучить условія, при которыхъ это Искупленіе совершилось, и, не касаясь самаго существа Откровенія, опредѣлить по его *общимъ и внѣшнимъ* чертамъ то отношеніе, въ которомъ оно находится къ различнымъ эпохамъ и къ различнымъ народамъ. Здѣсь, оставаясь одновременно и строгою и скромною, она можетъ открыть такія точки соприкосновенія, которыя прольютъ самый ясный свѣтъ на нѣкоторыя темныя стороны въ судьбахъ человѣчества.

Съ этой именно точки зрѣнія мы и разсмотримъ отношеніе Евангелія къ характеру двухъ главныхъ историческихъ племенъ—семитовъ и арійцевъ.

Тотъ характеръ чистоты духа, который присущъ семитамъ и которымъ запечатлѣна Библія, этотъ характеръ мы находимъ и въ Евангеліи. Книга «Руоь» напоминаетъ намъ самыя свѣтлыя событія изъ исторіи Святаго Семейства; книга Іисуса, сына Сирахова, исполнена тою же простотою и мудростью, какъ и многія страницы евангелистовъ. Въ этомъ отношеніи Евангеліе составляетъ продолженіе Библіи: это—также завѣтъ Бога къ людямъ. Но это завѣтъ—*новый*, и здѣсь, въ этомъ названіи, отмѣчается уже какое-то отличіе. Въ чемъ заключается оно?

Вмѣсто духа исключительности и строгости, который лежитъ на Библіи, вѣетъ съ каждой страницы ея величіемъ и ужасомъ, мы находимъ въ Евангеліи духъ свѣтлой радости, духъ прощенія и примиренія, любви къ людямъ. Что-то глубоко родственное каждому сердцу, что-то влекущее къ себѣ, заставляющее не замыкаться, не уходить въ себя, но напротивъ раскрывать свою душу—слышится въ каждомъ словѣ Спасителя и въ каждомъ дѣйствіи Его. Это уже не Іегова, грозящій и гнѣвный къ своему народу, къ своему «первенцу и избранному», это — Богочеловѣкъ, сошедшій къ людямъ, живущій среди нихъ, любящій и понимающій все, что въ нихъ есть слабаго и незначительнаго. Вспомнимъ бракъ въ Канѣ Галилейской—это заботливое вниманіе къ маленькимъ радостямъ маленькихъ людей; вспомнимъ также притчу о блудномъ сынѣ.

Духъ свѣтлый и радостный, духъ открытости и общенія съ людьми—не звучитъ-ли все это чѣмъ-то уже знакомымъ намъ? Да, это духъ народовъ, которые, едва воспринявъ первыя впечатлѣнія жизни, назвали себя сами «свѣтлыми», «arioi». Совершенно чуждый ему по происхожденію, онъ одинаковъ съ нимъ по характеру, тяготѣетъ самъ къ нему и взаимно притягиваетъ его къ себѣ. Небесная радость, которая слышится въ Евангеліи, склоняется къ земной радости, которою проникнута арійская жизнь; она просвѣтляетъ ее собою, но не отрицаетъ уже. Та черта объективности, *то обращеніе не внутрь себя, но къ внѣшнему*, что было всегда такъ чуждо семитамъ, вдругъ появляется на склонѣ ихъ исторіи, въ моментъ завершенія ихъ историческаго и религіознаго значенія. Тотчасъ же, какъ появилось, это стремленіе къ внѣшнему разрываетъ замкнутость семитическаго духа и идетъ, какъ благая вѣсть, какъ «евангеліе», на встрѣчу всѣмъ народамъ земнымъ. Но не всѣ народы поняли это; это поняли тѣ только, которые въ этомъ движеніи къ внѣшнему, въ этомъ свѣтломъ и радостномъ духѣ почувствовали что-то родственное, близкое: не туранцы и не египтяне, но именно арійцы первые восприняли христіанство и теперь несутъ его уже и другимъ народамъ.

Мы сравнили ранѣе трудъ историка съ трудомъ геометра, который стремится завершить недоконченный чертежъ, найденный имъ въ старинномъ манускриптѣ. Какъ геометръ напрягаетъ свой умъ, чтобы отгадать мысль неизвѣстнаго автора чертежа, такъ усилія историка направлены къ тому, чтобы понять мысль и планъ, управляющіе ходомъ человѣческаго развитія. Найдя и опредѣливъ направленіе какого-нибудь одного теченія, онъ окидываетъ взглядомъ все остальное поле исторіи и ищетъ, нѣтъ-ли на немъ гдѣ-нибудь другихъ теченій, которыя бы соотвѣтствовали, гармонировали съ найденнымъ уже, шли бы ему на встрѣчу. Тогда завершеніе недоконченнаго узора исторіи, мысленное окончаніе еще только осуществляющагося плана ея уже не можетъ представить большаго затрудненія.

III.

Задолго до начала христіанства, въ свѣтлой и жизнерадостной Греціи появился странный человѣкъ: двадцати пяти лѣтъ изгнанный изъ родного города, онъ долго странствовалъ по Эллады, и куда онъ ни приходилъ, онъ повсюду встрѣчалъ отчужденіе и непріязнь. «Вотъ уже будетъ теперь 67 лѣтъ, какъ я мыкаю горе по Эллады», говорилъ онъ въ послѣдній годъ своей жизни. Онъ не принималъ участія въ политической жизни своего времени, и причиною его изгнанія и его странствованій не была вражда партій. Переходя изъ страны въ страну, онъ слагалъ рапсодіи, и въ ихъ характерѣ исключительно мы должны искать объясненія его странной судьбы. Чѣмъ-то непохожимъ на все, что до тѣхъ поръ видѣла и знала Греція, вѣяло отъ этихъ рапсодій: въ нихъ слышалось новое и незнакомое настроеніе души, слышался разладъ со всею окружающею дѣйствительностью, съ исторіею, поэзіею и религіею: «Куда ни посмотрю, куда ни обращу разумъ», говоритъ онъ въ одномъ изъ сохранившихся отрывковъ его пѣсень, *«все разрѣшается въ одно, все стягивается въ одинаковую однообразную сущность.* Я старъ, а все блуждаю обманчивымъ путемъ. Нуженъ твердый умъ чтобы смотрѣть въ обѣ стороны... Никто не можетъ поручиться за свое знаніе... Надо всѣмъ тяготѣетъ одно невѣрное мнѣніе». Сомнѣніе, выраженное въ послѣднихъ словахъ, касается однако не тѣхъ особенныхъ мыслей, которыя занимали его, но того обычнаго склада чувства и ума, который онъ встрѣчалъ повсюду. Ему чуждо все греческое міросозерцаніе, онъ враждебно смотритъ на свѣтлый міръ Гомера, желчно смѣется надъ Олимпомъ: «Люди воображаютъ», говоритъ онъ, «что боги родились, что они сходны съ ними, имѣютъ ихъ одежду, голосъ и образъ. Отъ того фракійцы изображаютъ своихъ боговъ голубоглазыми и бѣлокурыми, а эфіопы — черными и курносыми, мидяне, персы, египтяне и другіе народы также представляютъ своихъ боговъ по своему образу, а Гомеръ и Гезіодъ,

воспѣвая нечестивыя дѣла боговъ, приписали имъ все, что и у людей считается позорнымъ и безчестнымъ: воровство, прелюбодѣяніе и взаимный обманъ». Онъ борется противъ антропоморфическихъ представленій родной религіи и противопоставляетъ имъ свое убѣжденіе: «Одинъ есть Богъ», говоритъ онъ, «ни видомъ, ни мыслью не похожій на смертныхъ: Онъ весь—зрѣніе, весь—слухъ, весь—мысль, и безъ труда Онъ господствуетъ надъ міромъ своимъ умомъ»; онъ учитъ, что это единое Божество вѣчно и неизмѣняемо, что оно неподвижно и нераздѣльно.

Рапсодъ этотъ былъ Ксенофанъ Колофонскій. На 90-мъ году жизни онъ пришелъ въ Великую Грецію и здѣсь умеръ въ городѣ Элеѣ. Только одинъ человѣкъ изъ всѣхъ, кто зналъ и слышалъ его, воспринялъ его мысли и далъ имъ дальнѣйшее развитіе. Но и этотъ единственный ученикъ относился къ нему непріязненно, холодно: мысль, оставленную Ксенофаномъ, онъ воспринялъ какъ тягостное, какъ постылое бремя, до того противорѣчила она всему складу греческой души.

То, что было у Ксенофана на степени смутнаго сознанія, у Парменида обставилось стройными доказательствами, противъ которыхъ даже и въ наше время трудно было бы привести основательныя возраженія. Живой, многообразной и измѣнчивой дѣйствительности, о которой говорятъ намъ органы чувствъ, въ которую такъ глубоко былъ погруженъ грекъ, вслѣдствіе объективнаго склада своей души, этой дѣйствительности онъ противопоставилъ понятіе о чистомъ бытіи, чуждомъ измѣняемости и множественности, и первый показалъ, что оно одно можетъ стать предметомъ истиннаго и вѣчнаго знанія. Недоступное ни зрѣнію, ни осязанію, оно открывается единственно мышленію, и слѣдовательно въ немъ одномъ долженъ состоять процессъ познаванія; все же, о чемъ свидѣтельствуютъ намъ чувства, есть лишь призракъ, фантомъ, о которомъ мы не можемъ думать, не впадая въ противорѣчія.

Уже въ этомъ указаніи способа познанія намъ слышится коренное измѣненіе арійскаго отношенія къ природѣ, которое всегда чувственно, всегда обращено на ветрѣчу идущимъ извнѣ впечатлѣніямъ. Но у Парменида субъективенъ только способъ познанія: самый же познаваемый предметъ—чистое бытіе, носитъ еще космическій характеръ: правда, и онъ—уже не живая природа, но онъ стоитъ рядомъ съ природою, какъ абстрактный снимокъ съ нея, какъ ея неподвижное и вѣчное отвлеченіе. Во всякомъ случаѣ, этотъ предметъ познанія имѣетъ внѣшнее по отношенію къ человѣку положеніе. Съ появленіемъ Сократа и эта черта объективности исчезаетъ. Онъ первый оставилъ изслѣдованія внѣшней природы: «свелъ, какъ говорили о немъ, философію съ неба на землю»; было бы правильнѣе сказать, что онъ ввелъ ее въ человѣческую душу, оставивъ равнодушно внѣшній міръ, какъ небесный, такъ

равно и земной. Какъ и Парменидъ, онъ настаивалъ на томъ, что предметомъ познанія можетъ быть только вѣчно существующее, но путемъ своего неподражаемаго метода онъ заставлялъ своихъ собесѣдниковъ находить это вѣчное въ ихъ собственной душѣ.

«Мать моя была повивальная бабка, и я продолжаю ея ремесло»,—говорилъ онъ о себѣ: «я ничему не учу, я только другимъ помогаю родить мысли». Онъ первый посмотрѣлъ на душу, какъ на неисчерпаемый источникъ знанія, всѣхъ богатствъ котораго мы не сознаемъ потому только, что мало прислушиваемся къ ея движеніямъ, вѣчно обращены къ природѣ, живемъ лишь впечатлѣніями органовъ чувствъ. Онъ *повернулъ это вниманіе отъ внѣшней природы внутрь себя*, и въ этомъ именно заключается всемірно-историческое значеніе его дѣятельности, ученія и жизни. „Γνῶθι σεαυτόν — познай себя самого". Эта мысль кажется простою и неважною, но, если мы прослѣдимъ направленіе развитія арійскихъ и семитическихъ племенъ и приведемъ ее въ связь съ этимъ развитіемъ, мы поймемъ, что только демономъ Сократа могла быть внушена ему эта мысль: до такой степени ея значительность въ исторіи превышаетъ силы единичной личности. И не только въ ученіи Сократа, но во всей его личности, въ каждой чертѣ его характера мы чувствуемъ, что онъ былъ въ исторіи центральною личностью, въ которой совершался переломъ не только греческой жизни, но жизни всего обширнаго арійскаго племени. Что-то странное видѣли въ немъ греки, онъ не былъ похожъ ни на кого изъ нихъ. „Ἀτοπία", „неумѣстность"—вотъ слово, которымъ характеризуетъ его Платонъ въ своемъ „Симпосіонѣ". И дѣйствительно, онъ является чѣмъ-то неумѣстнымъ и страннымъ, если разематривать его въ ходѣ развитія лишь одного греческаго народа или даже однихъ арійскихъ племенъ; и, напротивъ, все въ его личности, каждый поступокъ въ его жизни становится понятнымъ и необходимымъ, если разматривать его какъ соединительное звено между двумя самостоятельными процессами развитія, черезъ которые проходила жизнь арійцевъ и семитовъ. Сынъ арійскаго племени, онъ не только обратилъ созерцаніе своего народа туда, куда оно обращено лишь у семитовъ — въ глубину собственнаго духа, но онъ и заставлялъ искать въ этомъ духѣ лишь тѣхъ знаній, которыя одни только цѣнились тѣми же семитами: знанія нравственныхъ истинъ вѣчнаго характера. Онъ не училъ о природѣ, онъ былъ только моралистомъ. Наконецъ, ученіе свое онъ запечатлѣлъ добровольною смертью—черта поражающая насъ своею странностью въ арійской исторіи, въ исторіи племенъ всегда такъ терпимыхъ ко всякому мнѣнію съ одной стороны, всегда такъ уступчивыхъ, мягкихъ — съ другой. Въ Сократѣ греки казнили человѣка, который разрушалъ ихъ психическій строй, который безсознательно для себя самого выводилъ свой народъ и съ нимъ всѣ арійскія племена на

встрѣчу какому-то другому теченію, о которомъ онъ самъ не зналъ, что оно есть, котораго онъ не видѣлъ, какъ не видѣлъ Моисей обѣтованной земли. И какъ же было ему не говорить о своемъ геніѣ, объ этомъ добромъ божествѣ, къ внушеніямъ котораго онъ такъ часто прислушивался? По истинѣ, еслибы онъ не сказалъ намъ о немъ, мы подумали бы, что онъ только скрылъ его отъ насъ, но мы знали бы, что около него стояло это доброе „δαιμόνιον": до такой степени всѣ его поступки гармонировали не съ окружающею дѣйствительностью, но съ иными и далекими теченіями въ жизни всего человѣчества, частью уже совершившимися, частью еще имѣвшими произойти. Въ то самое время, какъ онъ, приготовляясь выпить чашу съ ядомъ, въ послѣдній разъ бесѣдовалъ со своими учениками и говорилъ имъ о безсмертіи души, въ это самое время среди другаго и чуждаго племени также происходило раздвоеніе прежде цѣльной жизни: тамъ возставали и избивались пророки. Даже частныя, мелочныя черты въ его характерѣ поражаютъ насъ разладомъ съ духомъ его собственнаго народа и родственною близостью съ духомъ другого, ему невѣдомаго племени: Платонъ разсказываетъ въ „Федрѣ", какъ однажды, на приглашеніе идти гулять, Сократъ желчно отвѣчалъ, что онъ не хочетъ, потому что онъ ничему не можетъ научиться у деревьевъ и окрестностей. Это равнодушіе къ красотѣ природы, это нежеланіе на нее смотрѣть есть черта чисто семитическая и вмѣстѣ совершенно незнакомая, чуждая грекамъ: въ Библіи едва-ли есть хоть одно описаніе природы, и между греками едва-ли бы нашелся еще второй человѣкъ, который далъ бы отвѣтъ подобный тому, какой услышали отъ Сократа его друзья.

Мы сказали, что въ появленіи Сократа выразился переломъ греческой исторіи: и дѣйствительно, всѣ другія теченія греческой жизни начинаютъ съ этого времени умаляться, и разростается только то одно, которое впервые возникло много лѣтъ назадъ въ личности Колофонскаго рапсода. Не только политическая жизнь, свобода внутренняго развитія, но также религія, искусства, поэзія— все увядаетъ въ Греціи, все засыхаетъ, какъ въ то же самое время засыхала и увядала жизнь другого народа. И какъ тамъ всѣ силы духовно умирающаго народа сосредоточивались въ одной вѣтви его, чтобы принести послѣдній и чудный плодъ,—такъ и здѣсь, въ Греціи, всѣ творческія способности богато одареннаго племени сосредоточились въ одномъ узкомъ, но глубокомъ теченіи, и произвели высочайшій расцвѣтъ спиритуалистической философіи. Этотъ высшій и послѣдній плодъ греческаго развитія запечатлѣнъ двоякимъ характеромъ: по существу своему, какъ нѣкоторое *знаніе*, онъ есть произведеніе арійскаго духа; но глубокая субъективность, отчужденіе отъ всей природы, которое сказалось въ этой философіи, заставляютъ насъ видѣть въ ней склоненіе арійскаго духа въ сторону семитическаго.

Чѣмъ далѣе развивалась эта философія, тѣмъ ближе и ближе подвигалась она къ тому, что̀ уже было у главнаго изъ семитическихъ племенъ, именно еврейскаго. Истины, знакомыя намъ изъ Библіи, не появляются, но уже мерцаютъ въ ней: вспомнимъ ученіе Платона о знаніи и о прекрасномъ.

Здѣшняя земная жизнь нашей души, училъ этотъ философъ, есть лишь временный переходъ для нея; она томится въ ней, и если такъ ищетъ истины, если такъ наслаждается созерцаніемъ красоты, то только потому, что это пробуждаетъ въ ней воспоминаніе объ иномъ мірѣ, въ которомъ она жила нѣкогда и куда ей предстоитъ возвратиться. Все, что̀ создаетъ человѣкъ въ своей жизни относительно прекраснаго и относительно истиннаго, онъ создаетъ лишь по воспоминанію о той безусловной красотѣ и безусловной истинѣ, которую созерцала его душа въ своемъ премірномъ существованіи. Когда онъ учится, когда онъ познаетъ, онъ лишь припоминаетъ то, что̀ зналъ ранѣе своего появленія на землѣ. Припомнимъ также прекрасное ученіе этого философа о Деміургѣ: этотъ вещественный міръ, въ которомъ мы живемъ и который мы созерцаемъ, обязанъ происхожденіемъ своимъ Предвѣчному Зодчему, который созидалъ его, устремивъ взоръ на міръ идей, этихъ безплотныхъ и отъ вѣка существовавшихъ первообразовъ всего дѣйствительнаго. Духовный міръ, такимъ образомъ, безусловно предшествовалъ матеріальной природѣ. Еще ближе къ Библейскому откровенію подходитъ ученіе о Богѣ Аристотеля; но весь интересъ этого ученія становится понятенъ только тогда, когда оно разсматривается въ связи съ остальными частями его философіи, и въ особенности въ связи съ его понятіями о процессѣ, генезисѣ. Какъ извѣстно, въ Аристотелѣ греческая философія закончилась: она не пошла дальше, не могла подняться выше идей этого мыслителя. Чѣмъ же для него, въ комъ завершился греческій духъ, была его философія, какъ смотрѣлъ онъ на ея сущность и на ея цѣль? Повсюду изысканіе первыхъ причинъ бытія и знанія онъ называетъ безразлично то «первою философіею», то «теологіею»: ученіе объ основахъ мірозданія у него сливается съ ученіемъ о Божествѣ. Не разбирая этого ученія, укажемъ въ немъ, въ видахъ его отношенія къ Библіи, только на одну частную черту: какъ извѣстно, Божество по Аристотелю есть *первый двигатель* мірового развитія, и съ тѣмъ вмѣстѣ само оно *чуждо* всякой измѣняемости, и слѣдовательно также *пространственнаго движенія*. Разсматривая вопросъ о томъ, какъ неподвижное можетъ стать причиною движенія, онъ объясняетъ это примѣромъ. Божество, говоритъ онъ, есть источникъ мірового развитія не въ томъ смыслѣ, въ какомъ толчекъ есть причина движенія: оно дѣйствуетъ на мірозданіе тѣмъ особеннымъ способомъ, какимъ дѣйствуетъ на человѣка прекрасная статуя, имъ созерцаемая. Она сама остается неподвижна, и однако

мы, которые смотримъ на нее, приводимся въ движеніе, волнуемся и влечемся къ ней. Такъ и Божество, продолжаетъ онъ, однимъ существованіемъ своимъ движетъ и направляетъ къ себѣ все міровое развитіе. Оно есть источникъ вѣчной жизни, которую мы созерцаемъ вокругъ себя и чувствуемъ въ себѣ, и вся эта жизнь есть только вѣчное напряженіе природы слиться съ Творцомъ своимъ, вѣчная жажда ея приблизиться къ Нему, къ своему источнику и къ своему завершенію. Невольно вспоминаются при этомъ слова царя Давида, уже приведенныя нами ранѣе: «какъ желаетъ лань къ потокамъ воды, такъ желаетъ душа моя къ Тебѣ, Боже!» То, что почувствовалъ въ себѣ псалмопѣвецъ, то понялъ и объяснилъ Аристотель; во всякомъ случаѣ оба они остановились на одномъ.

Прошло еще нѣсколько вѣковъ; на берегахъ Нила, въ недавно возникшей Александріи, куда направлялись суда всѣхъ странъ и всѣхъ народовъ, встрѣтились впервые люди, ранѣе никогда не знавшіе другъ друга. Тутъ были христіанскіе пресвитеры, ученые раввины, философы неоплатонической школы. Каждая изъ этихъ группъ людей являлась послѣднимъ звеномъ длиннаго процесса историческаго развитія. Эти процессы происходили совершенно независимо одинъ отъ другого; но, странное дѣло, всѣ эти люди узнали другъ въ другѣ знакомыя, близкія черты. Прочитавъ евангеліе отъ Іоанна, одинъ неоплатоникъ сказалъ, что первыя строки его до выраженія: «И Слово плоть бысть» — есть то самое, что думаетъ онъ и его друзья. Напротивъ, евреи и христіане, знакомясь съ Платономъ, находили въ его Деміургѣ черты сходства съ творящимъ Іеговой, а въ мірѣ безплотныхъ идей, при помощи которыхъ былъ созданъ міръ, они видѣли отдаленный намекъ на Предвѣчное Слово. Начался великій синтезъ двухъ различныхъ теченій, дотолѣ отдѣленныхъ другъ отъ друга и мѣстомъ, и племенною средою. То, чего не находили греческіе философы въ великихъ завѣщанныхъ имъ ученіяхъ, но къ чему уже давно и страстно порывалась ихъ душа, то они нашли и восприняли въ Откровеніи; то, что затрудняло христіанъ въ пониманіи Откровенія, что вызывало въ средѣ ихъ споры и недоумѣнія, то они объясняли и разрѣшали съ помощью понятій, выработанныхъ въ греческой философіи. Такъ ученіе западной церкви о пресуществленіи святыхъ даровъ покоится на различіи между субстанціею и акциденціями, которое было установлено Аристотелемъ въ его «Метафизикѣ». Черезъ нѣсколько столѣтій, когда греко-римская цивилизація была уже холоднымъ трупомъ, а въ западной Европѣ затеплилась новая жизнь и расцвѣло другое просвѣщеніе,—въ Парижскомъ и Оксфордскомъ университетахъ со всякаго желавшаго получить въ нихъ каѳедру бралось предварительное клятвенное обѣщаніе, что, преподавая, онъ ни въ чемъ не будетъ отступать ни отъ Библіи, ни отъ Аристотеля. Такъ къ этому времени срослись между собою откровеніе,

воспринятое семитами, съ высшимъ плодомъ арійскаго духовнаго развитія.

Здѣсь мы можемъ считать нашу задачу оконченною. Двѣ идеи невольно остаются въ нашемъ умѣ, когда, отрываясь отъ всѣхъ подробностей изслѣдованія, мы останавливаемся на общемъ его смыслѣ, ищемъ главнаго изъ него вывода: это — идея *о цѣлесообразности*, которая господствуетъ въ ходѣ историческаго развитія, и идея *христіанской цивилизаціи*, какъ завершенія исторіи, какъ ея окончанія. Первая возвышаетъ нашъ духъ, укрѣпляетъ наши силы для дѣятельности, вторая указываетъ для этой дѣятельности цѣль. Со времени открытія Коперника, съ тѣхъ поръ какъ стало извѣстно истинное положеніе земли въ мірозданіи, одна тяжелая, сумрачная мысль повисла надъ сознаніемъ людей: это — мысль о ничтожествѣ человѣка, о незначительности всего, что онъ дѣлаетъ, о случайности слѣпыхъ законовъ природы, которые вчера вызвали его къ существованію въ одномъ далекомъ уголкѣ міра и завтра могутъ погубить снова. Есть что-то сиротливое въ этой мысли, внушающей одновременно и отчаяніе, и чувство страшной свободы. Человѣкъ одинокъ, никто не видитъ его на этой кружащейся планеткѣ, и онъ можетъ дѣлать на ней, что ему угодно. Нѣтъ никакого верховнаго закона надъ человѣкомъ, нѣтъ другой отвѣтственности для него, кромѣ той, которую придумываютъ сами люди, сегодня условливаясь считать добромъ и зломъ одно, завтра—другое. Вся жизнь человѣчества, вся исторія его — это только игра случайностей, къ которой невозможно относиться серьезно, въ которой нечему радоваться и не о чемъ сожалѣть.

Этотъ взглядъ на человѣка и на его положеніе въ мірозданіи, который высказывался многими великими умами въ два послѣднія столѣтія, устраняется признаніемъ цѣлесообразности въ исторіи. Тамъ, гдѣ есть гармоническое соотвѣтствіе частей, гдѣ процессы, зародившіеся вдали другъ отъ друга, въ своемъ движеніи и развитіи таинственно согласуются между собою,—тамъ мы не можемъ отрицать, что кромѣ того психическаго начала, которое обнаруживается въ каждой изъ частей порознь, есть иное и высшее, которое стоитъ внѣ ихъ и управляетъ ихъ движеніемъ. Есть мысль въ исторіи, которая проявляется въ тысячелѣтіяхъ и согласуетъ развитіе народовъ, не знающихъ взаимно о своемъ существованіи. Источникъ этой мысли далекъ отъ насъ, далекъ отъ земли, на которой мы живемъ и движемся, управляемые этою мыслью. Мы не можемъ видѣть этого источника, и намъ не нужно этого, чтобы знать, что онъ есть: мы видимъ дѣйствіе, — мы сами, съ нашими идеями, съ нашими чувствами и желаніями, только результатъ этого дѣйствія. И здѣсь, съ этимъ представленіемъ о мысли, которая живетъ въ насъ и въ нашей исторіи, къ намъ снова возвращается та великая, радостная и успокаивающая идея, которую

утратилъ человѣкъ съ открытіемъ Коперника. То, что онъ потерялъ въ мірозданіи, онъ находитъ въ своей исторіи. Нѣтъ болѣе основанія ни чувству своего одиночества, заброшенности въ мірозданіи, ни сознанію своего ничтожества. Мы можемъ спокойно смотрѣть на звѣздное небо, пусть оно ничего болѣе не говоритъ нашему сердцу: мы уже свободны отъ того грустнаго чувства, съ которымъ смотрѣли на это небо люди въ теченіе двухъ столѣтій. Не тамъ, не среди холодныхъ и ясныхъ звѣздъ, но въ насъ самихъ, въ нашемъ сердцѣ и въ нашей исторіи мы открываемъ предвѣчную мысль, заботливо руководящую нашею жизнью.

Далекая и послѣдняя цѣль, къ которой направляетъ насъ эта мысль, есть, мы сказали, *христіанская цивилизація*. Подъ этимъ выраженіемъ мы разумѣемъ полное сліяніе въ насъ самихъ и во всемъ, что мы дѣлаемъ и что создаемъ, элементовъ семитическаго духа съ элементами духа арійскаго. Что именно въ этомъ состоитъ цѣль исторіи — это никѣмъ не сознается, что можно видѣть изъ того, какъ постоянно, съ какимъ безумнымъ упорствомъ люди стремятся раздѣлить въ себѣ и въ своей жизни эти элементы, какъ нерѣдко они смотрятъ на такое раздѣленіе, какъ на успѣхъ въ исторіи, какъ на ея прогрессъ. Печальнымъ примѣромъ подобнаго раздѣленія могутъ служить взаимныя отношенія между религіею и наукою, о которыхъ одни съ сожалѣніемъ, другіе злорадно, но всѣ съ одинаковою увѣренностью говорятъ, что они не могутъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только борьбою: заблужденіе глубокое, основанное на непониманіи всего хода исторіи. Какъ можемъ мы отрицать, что въ безсмертной мысли человѣка, стремящейся обнять собою мірозданіе, проникнуть всѣ глубины его, проявляется то же самое дыханіе Божества, которое сказывается въ насъ, когда въ минуты горя или безнадежности мы обращаемся къ молитвѣ? Стремиться подавить въ себѣ эту мысль, думать, что ея пытливость можетъ быть не угодна Богу — это значитъ отвращаться отъ Божества, въ своей безсмертной душѣ убивать Его дыханіе. Воля Творца нашей души несомнѣнно выражена для насъ въ самомъ строѣ этой души, и если въ нее вложено этою волею стремленіе къ познанію, мы можемъ только осуществлять ее: познавая, мы повинуемся Богу. Такимъ образомъ, печать религіознаго освященія лежитъ на наукѣ. И съ другой стороны, какъ можемъ мы думать, что наука въ какомъ бы то ни было смыслѣ можетъ поколебать наши религіозныя убѣжденія? Что общаго между знаніемъ астрономіи и завѣтомъ Спасителя: «Ищите прежде царствія Божія и правды Его, и все остальное приложится вамъ»? Тутъ нѣтъ ни согласія, ни противорѣчія — это истины разныхъ категорій, изъ которыхъ одна не имѣетъ никакого отношенія къ другой. Когда мы говоримъ о противорѣчіи между наукою и религіею, мы все еще думаемъ о тѣхъ жалкихъ и павшихъ религіяхъ, которыя возникли

изъ раннихъ попытокъ арійскаго ума объяснить себѣ природу: таковы были греческій политеизмъ и индусскій пантеизмъ. Съ появленіемъ науки, какъ истиннаго знанія, онѣ всѣ пали, какъ ложное, несовершенное знаніе. Онѣ не имѣютъ ничего общаго съ откровенною религіею, которая дана была семитамъ и отъ нихъ воспринята нами. Эта религія есть нравственный законъ, данный намъ, чтобы руководить насъ въ жизни. Его нельзя ни связывать съ наукою, ни противопоставлять ей: они не имѣютъ ничего общаго. Каковы бы ни были наши знанія, Нагорная проповѣдь Спасителя останется вѣчною правдою, къ которой мы не перестанемъ прибѣгать, пока не перестанемъ чувствовать горе и униженіе, пока останемся людьми. Здѣсь есть несоизмѣримость, и, слѣдовательно, не можетъ быть противорѣчія. Только пустыя души, одинаково безсильныя и къ религіозному чувству, и къ научной дѣятельности, могутъ находить между ними какую-то несовмѣстимость. Люди-же истинно высокіе духомъ одинаково совмѣщали въ себѣ и это чувство, и эту дѣятельность. Какъ на примѣръ этой гармоніи между религіею и наукою, мы можемъ указать на жизнь самого Коперника, о трудѣ котораго такъ ложно судили посторонніе люди. Они думали, что этотъ трудъ подрываетъ религію, и римскій престолъ осудилъ его буллою, а Вольтеръ писалъ о немъ восторженныя страницы. И то, и другое мнѣніе было одинаково заблужденіемъ: оно вытекало изъ стремленія къ раздѣленію семитическихъ элементовъ отъ арійскихъ, оно основывалось на непониманіи, что исторія идетъ къ ихъ синтезу, къ ихъ гармоническому сочетанію. Мы же, помня это, думаемъ, что его умственный подвигъ былъ вмѣстѣ и религіознымъ. На всей жизни великаго преобразователя астрономіи лежитъ печать той глубокой серьезности, которую можетъ дать нашей душѣ только вѣра въ Бога. Онъ писалъ свое сочиненіе, не думая издавать его. Друзья почти насильно взяли у него рукопись и издали ее противъ его воли. За нѣсколько часовъ до смерти къ нему принесли первый напечатанный экземпляръ книги. Онъ взглянулъ на него и умеръ. Въ теченіе всей долгой жизни, онъ оставался простымъ каноникомъ соборной церкви въ одномъ незначительномъ городкѣ. Такъ жилъ этотъ великій человѣкъ и такъ окончилъ онъ свои дни. Что бы ни думали о немъ другіе, я убѣжденъ, что его глубокое мышленіе было также чисто передъ престоломъ Всевышняго, какъ и псалмы Давида, и такъ же свято, какъ и они. То и другое нераздѣлимо: размышляя или молясь, мы одинаково возвращаемся душою къ источнику нашей жизни—къ Богу.

Психологія русскаго раскола.

Есть двѣ Россіи: одна—Россія *видимостей*, громада внѣшнихъ формъ съ правильными очертаніями, ласкающими глазъ; съ событіями, опредѣленно начавшимися, опредѣлительно оканчивающимися,—«Имперія», исторію которой «изображалъ» Карамзинъ, «разработывалъ» Соловьевъ, законы которой кодифицировалъ Сперанскій. И есть другая—«Святая Русь», «матушка Русь», которой законовъ никто не знаетъ, съ неясными формами, неопредѣленными теченіями, конецъ которыхъ не предвидимъ, начало безвѣстно: Россія *существенностей*, живой крови, непочатой вѣры, гдѣ каждый фактъ держится не искусственнымъ сцѣпленіемъ съ другимъ, но силой собственнаго бытія, въ него вложеннаго. На эту потаенную, прикрытую первою, Русь—взглянули Буслаевъ, Тихонравовъ и еще рядъ людей, имена которыхъ не имѣютъ никакой «знаменитости», но которые всѣ обладали даромъ внутренняго глубокаго зрѣнія. Къ ея явленіямъ принадлежитъ расколъ.

Въ немъ ясны два теченія, точнѣе—есть двѣ школы: «буквенники», охранители «древляго» благочестія, возстановители цѣлостной «старины»—школа *консервативная*, и искатели новой *святости*, «духоборцы»—школа существеннымъ образомъ *творческая*, движущаяся. Къ первой принадлежатъ два обширные толка, «поповщинскій» и «безпоповщинскій», съ Рогожскимъ и Преображенскимъ кладбищами во главѣ; ихъ центръ—въ Москвѣ; требованія и протесты ихъ выражены въ обширной литературѣ; они почти не таятся въ средѣ народной, въ составѣ государственномъ. Численностью, въ 50-хъ годахъ этого вѣка, они достигали, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ (*Дитранди*: «Краткое обозрѣніе существующихъ въ Россіи ересей и расколовъ», 1853 г.)—девяти милліоновъ. Вторую школу образуютъ безчисленныя мелкія

секты—молоканы, бѣгуны, хлысты, монтаны и другіе. Они не имѣютъ столь сосредоточенныхъ центровъ: численность ихъ гораздо менѣе значительна, литература менѣе обильна, и тѣмъ отличается отъ «старовѣрческой», что менѣе критикуетъ чужое, болѣе утверждаетъ свое; всѣ они таятся, и нѣкоторые, какъ хлысты, запрещаютъ вовсе излагать письменно ученіе свое, между прочимъ по соображенію, что закрѣпленное буквой становится менѣе живо («буква мертвитъ»). Всѣ эти секты образовались изъ безпоповщины, и, кажется, именно потому, что, лишенные «поповъ», имѣя только «наставниковъ», они вообще лишены были твердаго, опредѣленнаго, *каноническаго* руководства, и уже естественно оторвались отъ Православія въ безбрежную даль отрицаній и новаго созиданія.

Намъ хотѣлось-бы сдѣлать на этихъ страницахъ попытку выясненія психологіи обѣихъ школъ—ихъ «логики спасенія», такъ сказать.

I. Старообрядчество.

I.

Расколъ, и именно расколъ старообрядчества, есть не только не менѣе, но и гораздо болѣе значительное явленіе, чѣмъ поднятая Лютеромъ реформація. «Cujus regio—ejus religio», «какого государя ты подданный, того государя и вѣру ты исповѣдуешь»—это рѣшеніе Аугсбургскаго сейма 1555 года, на которомъ протестантская половина Германіи помирилась съ католическою, не только удивительно, но и ужасающе въ своей поверхностности, жестокости: человѣкъ совершенно пренебреженъ, если онъ не король, не богословъ; онъ принуждаемъ самими протестантами быть «подданнымъ» не въ дѣлахъ только политическихъ, но и въ религіозной вѣрѣ. Съ какимъ страхомъ, съ какимъ основательнымъ пренебреженіемъ посмотрѣли бы наши старовѣры на западныя исповѣданія, если бы они поняли ихъ и знали ихъ исторію. Насколько народное глубже общественнаго, созиданіе выше разрушенія, вѣра прочнѣе скепсиса, настолько движеніе нашего раскола глубже, во всякомъ случаѣ, серьезнѣе реформаціи.

Все въ этомъ движеніи замѣчательно, и даже то, что оно началось «съ мелочей»: расколъ старообрядчества обнимаетъ собою людей, не имѣющихъ никакого сомнѣнія въ истинности всей полноты христіанства и всего переданнаго церковью; для нихъ безсмертіе души, бытіе Божіе—не «отвлеченные вопросы», какъ для множества изъ насъ: для нихъ это вѣчныя рѣшенія, въ трепетѣ выслушанныя, съ трепетомъ принятыя. Можно сказать, раскольники—это послѣдніе вѣрующіе на землѣ, это—самые непоколебимые, самые полные изъ вѣрующихъ. Для нихъ вопросъ можетъ быть о томъ только, писать ли имя Христа: «Іесусъ» или «Іисусъ», ходить

ли около престола вправо или вл҃во, слагая крестъ—знаменовать ли Троицу или дв҃ ипостаси въ Спасител҃. «Мы еще не р҃шили вопросъ о Бог҃, а вы хотите ѣсть», говорилъ Тургеневу Б҃линскій, и Тургеневъ удивленно комментировалъ: «какой это былъ идеалистъ!». «Грановскій любилъ, оставаясь наедин҃ со мною, затрогивать въ разговор҃ религіозные вопросы: моя твердость въ в҃р҃ видимо нравилась ему и даже его трогала», разсказываетъ С. М. Соловьевъ въ своихъ «Запискахъ». И они вс҃ умерли по метрик҃ «православными» и по православному были погребены; они, конечно, «служили», какъ православные. Не таковъ расколъ: вы прибавляете іоту къ святому имени Іисуса, когда Онъ сказалъ: «*истинно, истинно говорю вамъ, небо и земля прейдутъ, а слова Мои не прейдутъ!*» Имъ говорятъ: «это—все равно». Но чтобы показать, что это «не все равно», они идутъ... не въ великол҃пные ауто-да-фе, для любованія народнаго, для памяти исторіи, — н҃тъ, въ архангельскихъ сугробахъ они уходятъ въ л҃съ, въ болото, и горятъ въ срубахъ, съ в҃рою: «небо и земля прейдутъ, но слово *Его* не прейдетъ».

И преходятъ земля и небо, а они не поддаются въ «іот҃»...

Н҃тъ, это—явленіе страшное, это—явленіе грозное, удивительное явленіе нашей исторіи. Если на всемірномъ суд҃ русскіе будутъ когда-нибудь спрошены: «во что же вы в҃рили, отъ чего вы ни-когда не отреклись, чему вс҃мъ пожертвовали?» — быть-можетъ, очень смутясь, попробовавъ указать на реформу Петра, на «просв҃щеніе», то и другое еще, они найдутся въ конц҃ концовъ вынужденными указать на расколъ: «вотъ н҃которая часть насъ в҃рила, не предала, пожертвовала»...

II.

Чему? По составу церковнаго ученія, которое мы испов҃дуемъ и отъ котораго отречься не можемъ, да и не хотимъ, —заблужденію. Вот҃ гд҃ тайна, гд҃ узелъ вопроса. Люди неизм҃римо лучшіе насъ, въ д҃л҃ неизм҃римой ц҃нности, черезъ рвеніе сохранить въ немъ іоту—отпали отъ насъ, эту іоту нарушившихъ въ ихъ глазахъ. Они отвергли вовсе насъ и съ нами все наше в҃роученіе, а оно для насъ истинно. Если мы, признавъ все это, вс҃ эти споры—«несущественными», уступимъ имъ, какъ отчасти сд҃лали, непосл҃довательно и не искренно, въ такъ называемомъ «единов҃ріи», мы только еще больше, еще глубже упадемъ въ ихъ глазахъ, станемъ совершенно въ ихъ глазахъ презр҃нными. Соединенія никакого не произойдетъ: они останутся т҃мъ, ч҃мъ были,—съ «іотой» и негодуя на насъ именно за уступчивость еще гораздо страстн҃е, ч҃мъ негодуютъ теперь.

Признать ихъ равнозначущими съ протестантами и католи-

ками—значитъ признать ихъ для себя внѣшними, чего еще нѣтъ; значитъ собственныхъ дѣтей своихъ оторвать отъ своей груди и понять вдругъ, какъ чужихъ, какъ постороннихъ, какъ пришельцевъ. Это слишкомъ ужасно, это — чрезмѣрное горе, которое мы отодвигаемъ.

Повѣримъ ли мы, что нѣсколько милліоновъ людей гонятся за вѣру безъ основанія, гонятся за вѣру землею, которая за вѣру никого не гонитъ? Но страшный фактъ совершился: дѣти наши, лучшія наши дѣти возстали и отпали отъ насъ, и мы не вѣримъ, чтобы это было окончательно. Замѣчательно: втайнѣ преслѣдуя расколъ, оффиціальная власть по внѣшности игнорируетъ его; она затаиваетъ фактъ значительнѣйшій, чѣмъ реформація — въ кучу дѣлъ одного изъ департаментовъ. Она себя обманываетъ, она говоритъ всѣмъ наружу: «нѣтъ дѣла, такъ — маленькое, въ пукѣ бумагъ такого-то департамента», хотя всѣ ясно понимаютъ, что это «дѣло» объемистѣе 12-го года. Но тамъ наша слава, тамъ — наша мощь; здѣсь—бѣдствіе, домашняя рана, которую мы залечить не умѣемъ; что-то въ родѣ вопроса о законнорожденности, о вѣнчаніи безъ свидѣтелей, котораго, быть можетъ, и вовсе не было: семейная тайна, которую признать формально мы не можемъ и пугливо прячемъ отъ публики позорную метрику.

Мы все еще ожидаемъ, что рана какъ-нибудь залечится; чудомъ, цѣлящими силами организма, смиреніемъ *ихъ*, благоразуміемъ *насъ*— кто знаетъ, кто можетъ предвидѣть историческія судьбы? Но ее вскрыть передъ позорищемъ свѣта, ее признать незалечимою и окончательно установившеюся — мы не можемъ, — и пусть будетъ оказано этой немощи нѣкоторое милосердіе.

III.

Замѣчено, что всюду, гдѣ дѣти раскольниковъ посѣщаютъ общую школу, они сливаются съ православною средою, перестаютъ быть «раскольниками». Не нужно обманываться этимъ, — нужно этотъ фактъ понимать точно: нельзя предположить, чтобы пройдя двухклассное министерское училище, дѣти получали развитіе болѣе высокое и гибкое, чтобы они становились «просвѣщеннѣе», нежели, напр., братья Денисовы, авторы знаменитыхъ *Поморскихъ отвѣтовъ*. Съ тѣмъ вмѣстѣ они оставляютъ расколъ безъ всякихъ собственно церковныхъ споровъ, безъ обсужденія особенностей, раздѣляющихъ церковь до-Никоновскую отъ послѣ-Никоніанской. Повторяемъ, этотъ фактъ нужно понимать точно: они теряютъ вкусъ къ «іотѣ», теряютъ ея пониманіе, для нихъ тускла становится страница, на которой мелькаютъ эти «іоты» и глухъ смыслъ всей книги. Они входятъ въ ту психическую атмосферу, въ которой живемъ мы— мы, для которыхъ все это—«нѣсколько отвлеченно».

Между тѣмъ какъ школа безъ споровъ «преодолѣваетъ» расколъ, споры самые упорные противъ него и со стороны самыхъ компетентныхъ людей никогда и ни къ чему до сихъ поръ не приводили, кромѣ единичныхъ обращеній. Причина этого кроется въ различіи, такъ сказать, самыхъ *методовъ умствованія* раскола — съ одной стороны, господствующей церкви—съ другой. Какъ и всякая церковь, даже всякое ученіе христіанское, православіе и расколъ имѣютъ равно задачею своею спасеніе души, угожденіе Богу. Но въ то время, какъ церковь ищетъ *правилъ* спасенія, расколъ ищетъ *типа* спасенія. Первая анализируетъ; она размышляетъ, учитъ; она выводитъ, умозаключаетъ; она говоритъ: вотъ *это* спасаетъ, вотъ *чѣмъ* оправдались передъ Богомъ св. Сергій, св. Алексѣй, Петръ. Іона, остальное въ ихъ дѣятельности не существенно и къ спасенію не имѣетъ отношенія. Она, такимъ образомъ, отдѣляетъ частное, личное; отбрасываетъ подробности, къ своему времени относившіяся, и оставляетъ въ составѣ своего ученія и своихъ требованій отъ христіанина одно общее; какъ средства спасенія— она предлагаетъ посты, молитвы, канонически правильныя книги и притомъ лучшей редакціи, критически провѣренныя. Расколъ, этотъ «грубый» расколъ, который нерѣдко намъ представляется послѣднею степенью «невѣжества», дѣйствуетъ по закону художественнаго сужденія: къ чудному, святому акту спасенія, къ этому акту, въ которомъ мы такъ мало понимаемъ, которое устраиваетъ Богъ, — а ужъ несомнѣнно актъ этотъ былъ данъ святымъ, объ этомъ свидѣтельствуютъ ихъ мощи и чудеса и видѣнія,—какъ подойти съ умственнымъ анализомъ? какъ его расчленить и сказать: вотъ *это* было существенно, необходимо для спасенія, а *то*, другое—побочно и достойно забвенія. Раскольники не отдѣляютъ святости отъ святого человѣка; они какъ бы снимаютъ маску съ драгоцѣнныхъ его мощей, точнѣе—со всей его живой личности, во всей полнотѣ его дѣятельности и мышленія, въ его молитвахъ вотъ по этимъ книгамъ, въ его пощеніи вотъ въ эти дни, въ его хожденіи вотъ такъ, въ манерѣ говорить, думать, поучать, — и усиливаются себя, свою душу, свою дѣятельность влить въ полученную такимъ образомъ форму. *Типиконъ* спасенія — вотъ тайна раскола, нервъ его жизни, его мучительная жажда, въ отличіе отъ summa regulorum, которою руководится наша, да и всякая, впрочемъ, церковь. Расколъ полонъ живого, личнаго, художественнаго; онъ полонъ образа Алексѣя Божія человѣка, а не размышленій о поведеніи и способѣ, какими спасся Алексѣй Божій человѣкъ; его основное чувство — восхищеніе, любованіе, такъ сказать мотивъ зрительный и нисколько не теоретически выведенный. Отсюда кажущаяся столь «тупою» забота раскола о «подробностяхъ»: вѣчное его усиліе—повторить, воспроизвести; требованіе удержать ранѣе бывшее; его поиски буквъ, способовъ движенія, символовъ, знаковъ; обобщая, скажемъ:

забота спасти неразрушеннымъ образъ святого житія, уже человѣкомъ испытаннаго и Богомъ благословеннаго. Извѣстно, что мало-по-малу расколъ дошолъ до величайшихъ отрицаній, до отверженія священства, таинствъ, полной нѣтовщины, и это въ вѣчныхъ усиліяхъ найти древнее, правильное, цѣлостное христіанство. Это мы должны понимать, какъ чисто художественные въ основѣ и въ то же время полные святого чувства гнѣвные порывы истребить всякую найденную форму спасенія, если въ ней сомнительна хоть одна черта, не вѣрна, не достаточно древня, не точно удостовѣрена,—вѣчто подобное тому, какъ мы рвемъ цѣлую страницу, видя въ ней неправильно написанное слово, или какъ скульпторъ разбиваетъ статую, видя дурно сдѣланную въ ней подробность. Во всякомъ случаѣ чувство цѣльности, образности въ высшей степени присутствовало при этихъ бурныхъ взрывахъ, которые лежали въ основѣ раскольничьихъ трансформацій. Расколъ полонъ глухого отчаянія: безъ «іоты» такъ же нельзя спастись, какъ и безъ цѣлой книги; безъ цѣльной формы житія древнихъ подвижниковъ, съ этими осколками утраченныхъ формъ ихъ житій, съ розпятыми на части и полурастерянными элементами ихъ несомнѣннаго спасенія—какъ прійти къ Богу, какъ уберечь себя въ мірѣ?

Отсюда не только безуспѣшны, но и такъ раздражительно дѣйствуютъ даже на постороннаго споры и «собесѣдованія» съ ними, какъ въ дни текущіе, такъ и въ древніе, начиная съ знаменитаго спора въ Грановитой палатѣ, передъ царевной Софьей. Ясно для всякаго наблюдающаго, что здѣсь въ спорѣ что-то не условлено, не оговорено, что тяжущіяся стороны лишены общей почвы и, какъ я сказалъ, не имѣютъ одного «умоначертанія». Раскольники начинаютъ споръ уже съ апріорнымъ чувствомъ вражды и насмѣшки надъ хотящими ихъ увѣщевать; они приходятъ вовсе не затѣмъ, чтобы убѣдиться: узнать; они не хотятъ разсуждать—они хотятъ сами не столько убѣдить, сколько оскорбить этого «щепотника», который такъ хорошо *развиваетъ* свои «доводы» и между тѣмъ самъ такъ *не похожъ* ни на св. Алексѣя, ни на св. Петра Іону, другихъ... который оскорбляетъ ихъ самымъ *видомъ* своимъ и раздражаетъ ихъ воображеніе, всѣ имъ понятные способы мышленія самымъ методомъ сужденій своего грѣховнаго и слабаго ума, съ которымъ онъ думаетъ возвеститъ надъ праведными ликами и въ нихъ побѣдить любовь къ этимъ ликамъ.

IV.

Но если безплодны эти споры, эти умствованія, почва которыхъ неощутима для раскольниковъ, сила которыхъ для нихъ недѣйствительна, то есть иной и болѣе вѣрный путь залечить развернувшуюся рану въ народномъ и церковномъ тѣлѣ нашемъ. Вспомнимъ слова

Моисея, сказанныя Богу, готовому проклясть народъ, плясавшій передъ тельцомъ сейчасъ послѣ того, какъ ему даны были скрижали Завѣта: «*Господи, если изъ проклянешь, и меня прокляни, ибо не хочу раздѣляться съ народомъ моимъ*». Если, съ нашей точки зрѣнія, раскольники канонически и заблуждаются, *мотивъ* ихъ блужданій даже и канонически правиленъ: желаніе ни въ чемъ, ни ради чего не отдѣляться отъ благочестивыхъ предковъ и въ будущей жизни имѣть часть общую съ ними, а въ здѣшней перенести все, что перенесли они. Любовь завитая въ этомъ движеніи, это чувство восхищенія, этотъ порывъ воспроизвести, повторить—правильны и почтенны. Ихъ недовѣріе къ умственнымъ выводамъ имѣетъ также за себя многія основанія: мы начали сопоставленіемъ нашего раскола съ протестантизмомъ: весь проникнутый «интеллигентностью», протестантизмъ черезъ три вѣка дошолъ до совершеннаго почти отрицанія христіанства; самые высокіе, самые благородные умы въ немъ, какъ Неандеръ, не находя точки, гдѣ могъ бы остановиться ихъ умственный анализъ, впадаютъ въ безбрежный скептицизмъ, въ неясно выраженный, но глубоко и мучительно чувствуемый атеизмъ. Все христіанство становится для нихъ предметомъ археологической любознательности: это—древность, которую они разсматриваютъ съ любопытствомъ Діонисія Галикарнасскаго или съ авторитетомъ Нибура. Расколъ всю эту древность, все множество ея подробностей, «мелочей», ощущаетъ какъ совершенно живую, какъ продолжающую существовать еще и въ наши дни, даже какъ единственную истинную реальность, къ которой не ошибаясь мы можемъ привязать свое сердце, приковать свое вниманіе. «Новый годъ начинается съ 1-го сентября; 1-го сентября міръ былъ созданъ, *когда уже яблоки были поспѣвшими*, отъ чего и Ева соблазнила Адама поспѣлымъ яблокомъ» (*Кельсіевъ*, I, 75)—этотъ выводъ, конечно, не имѣетъ никакой силы для нашего ума; но и многоученый Неандеръ позавидовалъ бы свѣжести чувства, которое бьется подъ этимъ выводомъ ума. И если бы *его* спросили: что же ближе къ христіанству, необъятная ли ученость, какою онъ обладаетъ, но подернутая смертью скепсиса, или это младенческое невѣдѣніе, исполненное жизни?—конечно, онъ отвѣтилъ бы: *оно*, эта не знающая *вѣра*, этотъ ошибающійся *порывъ*.

Именно силою анализа, которымъ обладаетъ наше богословіе, оно можетъ различить въ расколѣ невѣрное содержаніе отъ вѣрнаго метода, неправильность выводовъ отъ правильнаго мотива. Можно залечить нашу историческую рану не побѣдою, не «искорененіемъ» раскола, на что напрасно надѣяться — это показали два вѣка борьбы, — но вдумчивымъ отношеніемъ къ нему, признаніемъ той *почвы*, на которой онъ стоитъ, того *метода*, которымъ онъ руководится. Мы сами должны поддаться въ сторону древняго *типикона*, изъ формъ котораго не можемъ ни выманить, ни выгнать раскола.

Сохраняя *все* ученіе своей церкви—*истинное* ученіе, *превосходящее* то, которое содержится въ расколѣ,—мы можемъ, на-ряду съ анализомъ, дать больше мѣста любованію, созерцанію, восхищенію, жаждѣ воспроизвести безъ поправокъ, безъ умствованій, что̀ все составляетъ методъ раскола. Во всемъ церковномъ бытѣ, въ укладѣ жизни общественной, въ порядкахъ жизни государственной не невозможно приблизиться къ тому, что̀ очевидно составляетъ мучительную жажду раскола: къ *цѣлостному* бытію, первый прообразъ котораго заключается въ священныхъ книгахъ Ветхаго завѣта, указующія правила—въ Евангеліи, нѣкоторое осуществленіе — въ древне-русской жизни или, по крайней мѣрѣ, въ томъ идеалѣ, который предносился передъ ея духовными очами и съ которымъ не имѣетъ ничего общаго тотъ, который предносится теперь предъ нашими. Какъ только священна станетъ для насъ древность, священно подражаніе, расколъ ощутитъ у себя общую почву съ нами, онъ самъ поддастся въ своихъ мнѣніяхъ, уступитъ то, что мы основательно считаемъ въ немъ нелѣпостью. Завяжется взаимное пониманіе; не раздражая, мы получимъ средство проникнуть въ глубь его ума; онъ почувствуетъ наши «доводы», когда перестанетъ негодовать на нашъ *видъ*.

Но пока мы немощны, доколѣ мы — пугливыя овцы, боящіяся всякаго отвыклаго шага, пусть наши братья не сѣтуютъ на то, что мы ихъ «гонимъ», не даемъ имъ «равноправности» одинаковой съ католиками, протестантами, даже съ муллами и ламами. Повторяемъ: дать имъ это — значитъ отсѣчь ихъ окончательно отъ своего тѣла, а мы хотимъ быть *съ ними*. Наконецъ, это значило бы и для себя потерять великія чаянія въ будущемъ, ибо *церковный соборъ* есть только отодвигаемое, но сохраняемое средство исцѣленія для нихъ и насъ, а, «расколовшись» окончательно, мы потеряли бы главный мотивъ для него, мы, вѣроятно, уже никогда бы не «собрались». Итакъ, хоть отрицательно, хоть въ мучительныхъ «гоненіяхъ» и «преслѣдованіяхъ», мы еще продолжаемъ хранить съ раскольниками цѣлительную связь; мы ихъ сберегаемъ для «святой» древней Руси, мы себя прикрѣпляемъ къ этой древней Руси.

II. Духоборчество.

I.

Уже въ началѣ XVIII вѣка св. Димитрій Ростовскій въ *Розыскѣ о Брынской вѣрѣ* записалъ такое странное толкованіе Евангелія нѣкоторою частью имъ наблюдавшихся раскольниковъ: они говорили, напр., что въ извѣстномъ разсказѣ о бесѣдѣ Спасителя съ самарянкой «*дѣла* не было, а притча есть. Самаряныня — это душа человѣческая, кладезь — крещеніе, вода жива — духъ святой, пять

мужей—пятеры книги Моисеевы. «Лазарево воскресенье не было-де «въ дѣлѣ» *(т. е. какъ факта его не было)*, но притча есть. «Лазарь-бо боляй, толкуется: умъ нашъ, немощію человѣческою побѣждаемый. Смерть Лазарева—грѣхи. Сестры Лазаревы—плоть и душа; плоть—Мароа, душа—Марія. Гробъ—житейскія попеченія. Камень на гробѣ—окаменение сердечное. Обвязанъ Лазарь укроями—пленицами духовными умъ связанный. Воскресеніе Лазарево—покаяніе отъ грѣховъ».

Вдумаемся въ этотъ отрывокъ, и мы замѣтимъ въ немъ поворотъ духовный, діаметрально противоположный направленію, въ которомъ шли «буквенники». Факты, въ Евангеліи переданные—исторія спасенія рода человѣческаго, тамъ записанная,—какъ бы блѣднѣютъ здѣсь, затуманиваются передъ духовнымъ взоромъ читающихъ; искупленіе, какъ совершившійся фактъ, какъ твердая опора *позади* насъ, изъ которой мы *исходимъ*, на *основаніи* которой индивидуально каждый изъ насъ спасается, — не ярко ощущается; пройдетъ немного времени, еще поколѣніе смѣнится, и станетъ возможно понимать это искупленіе какъ *задачу*, какъ *работу* духа, какъ фактъ *продолжающійся* теперь, *снискиваемый* собственными нашими усиліями. Что такое Евангеліе, какъ не посохъ, на который мы опираемся, бродя и *ища* этого спасенія? Это—собраніе небесныхъ глаголовъ, святыя строки, подъ которыми мы должны *разгадывать* подлинную мысль Саваоа. Главное—*объектъ* спасенія, *я* самъ, моя грѣшная *душа:* объ этой овцѣ погибающей писано Евангеліе. Вниманіе отходитъ отъ писанной книги Божіей, оно скользитъ по ней какимъ то боковымъ разсѣяннымъ взглядомъ, и всею силой падаетъ внутрь другой, не писанной, а созданной, *вещной* книги Божіей — самого человѣка. Вотъ — загадка; вотъ — книга, которая испорчена первороднымъ грѣхомъ, въ которой истинное сплетено съ ложнымъ, святое съ лукавымъ, свѣтъ съ тьмою, и правильный текстъ которой нужно и предстоитъ возстановить при помощи писанной Божіей книги, гдѣ нѣтъ лукавства. Такимъ образомъ, задача послѣ-Никоніанскихъ временъ, понятая «старовѣрчествомъ» какъ задача спасенія древнихъ книгъ и обряда, древняго типа святости,—преобразившись и одухотворившись, выразилась здѣсь, какъ задача огромной внутренней работы. Въ слѣдующемъ духоборческомъ стихѣ ясно высказался этотъ разрывъ съ преданіемъ, это отпаденіе отъ буквы, неопредѣленность новыхъ наступившихъ блужданій:

Стечемся, братіе,
Во храмъ *нерукотворный*.
Поклонимся *духомъ*
Истинному Богу.
Онъ единъ услышитъ насъ,
Явитъ намъ *спасеніе*,

Проявить милость многу
На свое твореніе.
Возопіемъ, братіе,
Мы устами духа:
Услыши насъ, Господи,
Не затвори слуха!
Сотворивый разумомъ
Весь міръ, всю природу,
Даруй намъ, рабамъ твоимъ,
Вѣчную свободу.
Да внемлемъ словамъ Твоимъ
Разумнымъ слухомъ,
И летимъ къ Тебѣ, Боже,
Свободнымъ духомъ.
Да ищемъ въ премудрости
Мы Твоей *познанья;*
Не лиши рабовъ Твоихъ,
Боже, *упованья.*

Въ этомъ стихѣ мы ясно чувствуемъ потерянною почву Православія, почву церковнаго строительства, уже имѣвшаго мѣсто восемьнадцать вѣковъ. Прекрасныя, благородныя усилія, которыя, мы ожидаемъ, оборвутся...

II.

Въ усиліяхъ, которыя человѣкъ дѣлаетъ къ спасенію, онъ *помогаетъ* дѣйствію надъ собой благодатныхъ силъ Божіихъ. Онъ долженъ *возбуждать* въ себѣ эти душевныя теченія и искать для этого возбужденія *средствъ*, не пренебрегая даже физическими, если-бъ они нашлись; и, разъ возбужденныя, эти теченія движутся, какъ и благодатныя, *смѣшиваясь* съ ними, имъ *родственныя*, къ нимъ *близкія*. Вотъ точка отправленія «*Божіихъ людей*», «*пророчествующихъ*», генетически связанныхъ съ покойными, созерцательными вѣтвями духоборчества, какъ *молоканство* [1]), которое удержалось на первоначальной, неопредѣленно-общей ступени духоборческаго исканія. Самая узкая, но и вмѣстѣ страстно-глубокая вѣтвь духоборчества, порвавъ почти всякую связь съ христіанствомъ и только обнимая имя Іисусово, бросилась въ головокружительную бездну новаго религіознаго созиданія. Она потеряла границу между человѣческимъ и Божескимъ; Богъ пересталъ быть для этихъ людей «премирнымъ» (терминъ отцовъ церкви Александрійской школы); Онъ приблизился, Онъ обнялъ духъ человѣческій, встревоженный, взволнованный, и вотъ—«*пророчествующіе*». Слова Іоиля: «и будетъ въ послѣдніе дни, глаголетъ Господь, излію отъ духа Моего на *всякую* плоть, и *пророкутъ сынове ваши*

---

[1]) Въ изслѣдованіяхъ, по порученію правительства сдѣланныхъ, не разъ указывается, что «есть какая-то связь между хлыстовщиной и молоканствомъ». Но это связь психологическая, а не фактическая.

и дщери», они чувствуютъ — эти слова сбылись, сбываются. Понятно слишкомъ, что наша завѣщанная древностью литургія, эта *фактическая* литургія, гдѣ все есть *установленное* дѣйствіе и каждое дѣйствіе есть воспоминаніе *бывшаго* факта, не могла бы ничего выразить у нихъ, перестала быть имъ нужною; также какъ перестали быть нужными и что-нибудь выражающими и формы нашей молитвы. Для насъ молитва есть *обращеніе* къ премірному Богу, это — моленіе которое будетъ услышано или не услышано: мы остаемся при немъ пассивными или, по крайней мѣрѣ, въ страдательномъ положеніи; для нихъ—это *общеніе* съ Богомъ, это сліяніе силъ своихъ съ Божескими, нѣкоторое состояніе экстаза, исполненное движенія. Отсюда возникновеніе, естественное развитіе такъ называемыхъ «радѣній» — явленія столь невыразимо страннаго на нашъ взглядъ, у *Христовщины* (въ просторѣчіи называемой «хлыстовщиною»). Радѣніе — то же, что работа, трудъ, движеніе, въ религіозныхъ цѣляхъ совершаемое; «работа *Израилева*», какъ называютъ эти радѣнія сами «хлысты». Общины или «братства» хлыстовскія, очевидно чувствуя странность своего положенія среди Православія, какъ-бы смѣщенность свою съ его почвы, которую однако они продолжаютъ любить и чтить, называютъ себя «кораблями»—характерное названіе, выражающее чувство разобщенія съ моремъ остальныхъ людей, средя котораго они одиноки не столько въ вѣрѣ, сколько въ способахъ вѣрить, думать, уповать, молиться, въ самомъ *методѣ* спасенія. На такъ называемыхъ «корабельныхъ радѣніяхъ», т. е. *общихъ*, куда собирается *все* братство, всегда въ ночь передъ большимъ праздникомъ, нашимъ *православнымъ* праздникомъ, они послѣ торжественнаго пѣнія опять *нашего* православнаго канона: «*Болотецъ убо Давидъ предъ сильнымъ ковчегомъ скакаше играя: людіи-же Божіи святіи образовъ сбытіе зряще, веселимся божественнѣ*» (поется на Св. Пасхѣ) — уносятся въ вихрь головокружительной пляски. Удивительно наблюдать сочетаніе этихъ оборванныхъ кусковъ Православія съ потокомъ религіознаго конвульсіонерства, не имѣющаго ничего общаго ни съ одною христіанскою церковью,—эту память, которая лѣпится къ *своему прошлому, историческому*, и, очевидно, не въ силахъ была противостоять новымъ порывамъ. Въ длинныхъ и широкихъ бѣлыхъ рубашкахъ — символъ «убѣленныхъ» одежъ, о которыхъ говорится въ XIV-й главѣ *Апокалипсиса*, — они прыгаютъ, трясутся, кружатся (неизмѣнно «по-солонь», какъ въ до-Никоновской церкви), кружатся то въ одиночку, то «всѣмъ кораблемъ», то образуя фигуру круга, то — креста, до изнеможенія, до полнаго упадка силъ, послѣ котораго «шатаются, какъ мухи». Безъ сомнѣнія, какъ всякое чувство въ насъ вызываетъ движеніе, такъ и обратно — движенія, по крайней мѣрѣ нѣкоторыя, особенныя, могутъ если не зародить, то усилить уже имѣющееся чувство, уско-

рить его темпъ и, слѣдовательно, напряженность. Круженіе, какъ средство довести до величайшаго напряженія религіозно-вакхическій экстазъ, было, вѣроятно, постепенно найдено, «открыто» хлыстами и нисколько не было заимствовано ими отъ мало-извѣстныхъ древнихъ сектъ. Таковы были «галлы» и «корибанты», буквально — «головотрясы», въ позднюю греко-римскую эпоху; у римлянъ — коллегія жрецовъ «салієвъ», то есть «скакуновъ»; и еще равѣе подобныя-же религіозныя пляски исполнялись въ древней Финикіи и Сиріи. Мы назвали это религіозно-*вакхическимъ* экстазомъ; дѣйствительно, родъ опьяненія испытывается ими при этомъ, какъ это простодушно выражается крестьянами-хлыстами: «то-то *пивушко-то*», говорятъ они послѣ радѣнія, и поясняютъ постороннимъ: «человѣкъ плотскими устами не пьетъ, а *пьянъ живетъ*». Если мы вспомнимъ, что сущность ученія «христовщины» есть аскетическое воздержаніе отъ мяса, вина и брачныхъ отношеній, мы слишкомъ поймемъ необходимость и какъ бы невольность этихъ психическихъ опьяненій. Связь ихъ собственно съ «пророчествомъ» ясна изъ того, что всякій, кому указываетъ наставникъ или кто самъ хочетъ *стать на святой кругъ*, то есть начать пророчествованіе передъ «кругомъ» [1]) братьевъ и сестеръ, предварительно непремѣнно кружится, очевидно возбуждая себя. Приведемъ, для характеристики ихъ религіозныхъ представленій, слѣдующую пѣснь хлыстовъ-скопцовъ:

Царство, ты Царство, духовное Царство!
Во тебѣ во Царствѣ—благодать великая:
Праведные люди въ тебѣ пребываютъ.
Они въ тебѣ живутъ и не унываютъ,
На Святаго Духа крѣпко уповаютъ.
. . . . . .
Въ томъ-ли во Царствѣ сады превелікіе;
Въ тѣхъ-ли во садахъ древа плодовитые.
. . . . . .
Растите-жъ вы, древушки, и не засыхайте,
Бѣлыми цвѣточками всегда разцвѣтайте;
Вы цвѣты цвѣтите до Царства Небеснаго.
Будьте вы, древушки, первые во садѣ:
Будьте во главѣ во Царствѣ Небесномъ.
Будьте вы любимы Отцу и Сыну,
Отцу и Сыну и Святому Духу!

Кругъ, въ которомъ вертятся *Божіи люди*, они называютъ *вертоградомъ*, а составляющихъ его братьевъ и сестеръ—«верто-

[1]) То же, что «кругъ», «рада» у казаковъ; происхожденіе слова очевидно южно-русское. Можно высказать предположеніе, что какъ Кондратій Селивановъ, изобрѣтя скопческій актъ, сталъ «богомъ» у нѣкоторой части хлыстовъ, такъ Даніла Филипповичъ былъ обожествленъ *всею* сектой хлыстовъ собственно за изобрѣтеніе опьяняющаго кружевія, положившаго начало ихъ сектѣ.

градными и садовыми *оревами*». Въ пѣснѣ образно представляютъ они себя и свое отношеніе къ Небесному царству.

III.

Духоборчество закончилось въ скопчествѣ — сектѣ, которая возникла въ 60-хъ годахъ прошлаго вѣка среди «хлыстовъ». Слишкомъ много сошлось теченій въ немъ, которыя всѣ подводили къ заключающейся въ этой сектѣ мысли, чтобы она могла не появиться позднѣе или ранѣе. И прежде всего — *возвеличеніе человѣка*: средоточеніе постоянныхъ восходящихъ и нисходящихъ религіозныхъ токовъ, вѣчно ожидающій на себя «изліянія св. Духа», предсказаннаго пророкомъ Іоилемъ и подтвержденнаго ап. Петромъ «всякой плоти въ послѣдніе дни», онъ могъ не только принять свои экстазы за подлинно бого-вдохновенные, но и почувствовать, что эта бого-вдохновенность течетъ изъ него самого, что онъ самъ есть источникъ Божескаго или близкаго къ Божескому. Отсюда странныя, невѣроятныя представленія, бродившія уже у Божіихъ людей еще въ серединѣ прошлаго вѣка. Сходясь, они испытывали силу духа другъ друга—не забудемъ, что это совершалось въ средѣ простаго крестьянства,—вотъ среди людного собранія, «корабля», раздается ударъ по лицу: окровавленный «братъ» не только удерживается отъ отвѣта, но и подставляетъ «другую ланиту», исполняя точно слова Евангелія. Чѣмъ большее можетъ перенести *Божій человѣкъ* — тѣмъ болѣе полонъ онъ божественныхъ силъ. Спиблен-ный съ ногъ, слыша нестерпимую обиду въ словѣ, онъ молчитъ, чтобы на-завтра имѣть возможность гордо сказать обидчику: «*Мой* Богъ больше», то-есть *во мнѣ больше*, чѣмъ въ тебѣ, *Бога* Иногда это выражалось даже въ словахъ: «*Я*—больше *Богъ*».—«О, и куда-же *твой* Богъ великъ!» говорила Селиванову, еще безвѣстному бродягѣ, одна «пророчица» хлыстовскаго «корабля», которая вступила съ нимъ въ родъ духовнаго состязанія и была побѣждена. Отсюда—необыкновенные знаки внѣшняго почитанія, какіе оказывали при встрѣчѣ другъ съ другомъ эти люди. «Братъ», встрѣчая гдѣ-нибудь «брата» или «сестру»,—если не было никого постороннихъ — крестился и клалъ земной поклонъ «передъ образомъ и подобіемъ Божіимъ». Представленіе о богоподобности человѣка было, такимъ образомъ, уже вполнѣ развито въ средѣ «*Божіихъ людей*», откуда вышло скопчество; оно было вполнѣ тамъ привычно: они всѣ были маленькіе «божки» и не были вовсе поражены, когда, затмевая ихъ, отметая ихъ «пророковъ», среди ихъ поднялся «большой богъ», самъ «Спаситель Іисусъ Христосъ» [1]).

---

[1]) Въ „Страхахъ" Селиванова (родъ автобіографіи) можно видѣть, до чего скопческая мысль стала *тотчасъ понятна* хлыстамъ и вмѣстѣ *испугала* ихъ.

Далѣе—идея аскетическая, собственно скопческій актъ. Та «вѣчная свобода», о «дарованіи» которой просятъ духоборцы въ приведенномъ выше стихѣ, не имѣетъ ничего общаго съ именемъ свободы, которое употребляемъ мы. Ихъ «свобода» — это свобода духа отъ тѣлесныхъ узъ. Ради ея они «вертятся», и тогда душа воспаряетъ на крыльяхъ—они «пророчествуютъ»; но это—экстазъ. моментъ: онъ прошолъ, и душа снова въ узахъ тѣла. Естественно могла и должна была возникнуть мысль о *длительномъ средствѣ* освободиться отъ этой тягостной оболочки, отъ вѣчно язвящаго, кусающаго, *живого* грѣха, который мы носимъ въ своемъ тѣлѣ. И «радѣніе» — тоже физическое средство, уже найденное, могущественное, но только минутное. Внѣшнее искаженіе себя — оно близко, оно ходитъ около всякаго конвульсіонерства, если послѣднее есть средство, *усиліе* къ экстазу. Наконецъ, послѣдняя идея—вторично нужнаго и возможнаго «искупленія». Мы уже сказали, какъ блѣдно, слабо духоборцы ощущали всякій *фактъ* и ярко чувствовали *надежду*. Вслѣдствіе этого вся Библія и Евангеліе освѣтились для нихъ, какъ одно великое пророчество, какъ зовъ или какъ прообразъ внутреннихъ духовныхъ отношеній въ человѣкѣ: *не было* бесѣды Іисуса съ Самарянкою «въ дѣлѣ», *не было* вшествія Іисуса въ Іерусалимъ, воскресенія Лазаря—были только «*притчи*». Итакъ, весь актъ искупленія, уже совершившійся, который они не смѣли отвергать, поблекъ для нихъ въ себѣ самомъ и отъ этого именно осыпался въ своихъ подробностяхъ. Имя Іисуса было постоянно на ихъ устахъ; всѣ собранія хлыстовъ открывались и до сихъ поръ открываются этою пѣснью:

Дай намъ, Господи, *къ намъ*
Іисуса Христа.

Отъ имени постоянно призываемаго Христа и, до извѣстной степени, отъ этой пѣсни, которой они придаютъ необыкновенный мистическій смыслъ [1]), они получили самое имя «христовщины». Но это—именно Іисусъ, о которомъ они говорятъ къ Богу: «дай»! «дай»! — невзслѣдимо перенесшійся изъ прошлаго въ будущее: изъ факта въ ожиданіе: и это напряженное ожиданіе разрѣшилось.

до чего почувствовали они *беззащитность* свою противъ этого вывода изъ собственныхъ психологическихъ посылокъ: они хотѣли его убить, его—искалѣченнаго „молчанку", донесли на него властямъ, и, въ то же время, провозгласили его „богомъ надъ богами, пророкомъ надъ пророками".

[1]) Хлысты, равно какъ и скопцы, увѣрены, что эта пѣсня (довольно безсвязный наборъ словъ) есть *та самая* неповторимая ни для кого пѣсня, которую, по *Апокалипсису*, поютъ старцы передъ престоломъ Божіимъ; они увѣряютъ, что кромѣ самихъ хлыстовъ (и скопцовъ) этой пѣсни пропѣть, *какъ нужно*, никто не можетъ, и даже не можетъ всякій, уже вышедшій изъ ихъ секты.

IV.

Бракъ есть не только таинство, но величайшее изъ таинствъ: рождаясь, умирая и наконецъ вступая въ брачную, то-есть глубочайшую связь съ человѣкомъ и человѣчествомъ, каждый изъ насъ подходитъ къ краю индивидуальнаго бытія своего, онъ стоитъ на берегу неизслѣдимыхъ основаній личнаго своего существованія, понять которыхъ никогда не можетъ и только инстинктивно, содрогаясь и благоговѣя, ищетъ освятить ихъ въ религіи. Вотъ почему не свята и не истинна всякая церковь, которая не понимаетъ этого акта именно какъ религіознаго таинства,—и, наоборотъ, религія, церковь, секта настолько открываетъ свою содержательность, насколько глубоко и проникновенно смотритъ на этотъ актъ. Скопчество, поэтому, есть отрицаніе всего священнаго: это есть другой полюсъ не только христіанства, но и всѣхъ религій. Нельзя достаточно отвергнуть, достаточно выразить отрицательныхъ чувствъ къ нему: все человѣчество, вся тварь Божія должны бы возстать на него и выбросить, какъ величайшее свое отрицаніе, какъ нѣкоторое nefas, одна мысль о которомъ приводитъ въ содроганіе. Оно должно быть сброшено именно какъ мысль, какъ представленіе, какъ возможность, и не только съ человѣка, но и со всякаго животнаго. Скопить — это ругаться надъ природой, и человѣкъ, какъ господинъ ея и покровитель, долженъ бы не только не допускать его въ себя, въ свой ротъ, но и не допускать его ни до чего живого. Если вносимы были когда войны въ цѣляхъ уничтоженія невольничества, по простому чувству отвращенія къ нему, насколько болѣе основаній внести оружіе для освобожденія странъ отъ этого беззаконія (восточные евнухи), передъ которымъ рабство есть сама святость и человѣколюбіе.

Тѣмъ ужаснѣе, что между 60 ми годами прошлаго вѣка и 1832 г. оно разыгралось у насъ. Мы уже сказали, что оно представляетъ собою апогей духоборчества, что всѣ теченія въ «христовщинѣ» сошлись къ тому, чтобы произвести его. Приведемъ нѣсколько мѣстъ изъ *Посланія* основателя секты, изъ которыхъ ясно станетъ, что собственно скопческій актъ только заканчиваетъ *общія* духоборческія настроенія? Замѣтимъ, что *нѣгостью* онъ называетъ плотское вожделѣніе, ясно разумѣя здѣсь не одинъ физіологическій процессъ, но всякое влеченіе къ красотѣ, все «прилѣпляющее» къ себѣ человѣка, а самое оскопленіе онъ называетъ *чистотой*.

...«Берите всѣ истиннаго Отца вашего крѣпость, чтобы ни малѣйшая не одолѣла васъ сладость грѣха. *Многіе* отъ пагубнаго вождѣленія *Учители учительства и Пророки пророчества, Угодники и Подвижники своихъ подвиговъ лишились, не доходили до Царства Небеснаго.* Всѣ они лишились вѣчнаго блаженства, кото-

рое истинный вашъ Богъ Искупитель *обѣщалъ* любящимъ его и *соблюдающимъ чистоту и дѣвство. Ибо единые дѣвственники предстоятъ у Престола Господня* [1]), *а чистые сердцемъ зрятъ на Бога Отца лицомъ къ лицу* [2])... Чистота же есть отъ всякихъ слабостей удаленіе, какъ-то: въ началѣ отъ женской лѣпости, а потомъ отъ клеветы и зависти, отъ чести и тщеславія, отъ гордости и самолюбія, отъ лжи и празднословія; словомъ чтобъ *отъ* всѣхъ *пороковъ и слабостей сердца* ваши *были чисты и совѣсть* ни въ чемъ *не* была-бы *замарана*. Имѣйте всегда передъ собой цѣломудріе; *и* оное состоитъ также не въ одномъ словѣ, но заключается въ немъ многое, а именно: дабы и *умъ* вашъ былъ отъ всего *свободенъ* и на всемъ *непоколебимъ*, во всякомъ случаѣ былъ-бы *цѣлъ и здоровъ*, — и ниже сердце свое занимать какою-либо видимою суетой, или умомъ и сердцемъ прилѣпляться къ тлѣнному богатству, а равно и къ лѣпости... Преклоните головы и обратите сердечныя ваши очи внутрь себя, и уразумѣйте: *какая польза именоваться Христіаниномъ, а жить крайне нехристіански, отвернувшися отъ міра и потомъ паки міру подражать, и въ таковыхъ же слабостяхъ и неразумніи пребывать?* О, страшно о таковыхъ изрещи, и утробушка моя болитъ о всѣхъ грѣшныхъ, что черезъ нерадѣніе и слабость лишаются вѣчнаго блага и вѣчнаго царствія... Предохраняю васъ отъ всѣхъ слабостей и лѣпости: отъ ней *и въ прежнія времена многія тысячи праведныхъ душъ погибли, и великихъ Угодниковъ и Столпниковъ женская лѣпость свела въ муку вѣчную.* Еще прежде говорилъ вамъ и нынѣ напоминаю: не судите другъ друга, а единъ судья у васъ Отецъ Искупитель; вы же между собой имѣйте любовь, совѣтъ и согласіе; плевелъ и клеветы другъ на друга не чините, а *каждаго покрывайте своею добродѣтелью. Ибо любовь многіе пороки покрываетъ* и на оной основана церковь Христова, а *безъ любви постъ и молитва и прочіе подвиги ничто же есть.* А посему призирайте

---

[1]) Намекъ на начало 14-й главы *Апокалипсиса*, вообще образующей, конечно, при ложномъ пониманіи, закваску скопчества; мы приведемъ здѣсь эти важныя слова: „И взглянулъ я, и вотъ Агнецъ стоитъ на горѣ Сіонѣ, и съ Нимъ 144 тысячи, у которыхъ имя Его написано на челахъ. И услышалъ я голосъ съ неба, какъ шумъ отъ множества водъ и какъ звукъ сильнаго грома: и услышалъ голосъ, какъ-бы гусляровъ, играющихъ на гусляхъ своихъ, они поютъ какъ-бы новую пѣснь предъ престоломъ и предъ четырьмя животными и старцами; и никто не могъ научиться сей пѣсни, кромѣ сихъ 144 тысячъ, искупленныхъ отъ земли. *Это тѣ, которые не осквернились съ женами, ибо они дѣвственники суть:* это тѣ, которые слѣдуютъ за Агнцемъ, куда-бы онъ ни пошелъ. *Они искуплены отъ людей, какъ первенцы Богу и Агнцу*, и въ устахъ ихъ нѣтъ лукавства: *они непорочны предъ Престоломъ Божіимъ*".

[2]) Намекъ на заповѣдь блаженства въ Нагорной проповѣди Спасителя „блаженни *чистые* сердцемъ, яко *тіи Бога узрятъ*".

сиротъ и питайте видимымъ хлѣбомъ; а паче призрите самого Господа *внутреннимъ болѣніемъ, слезами и воздержаніемъ*»...

Такъ писалъ эту, въ своемъ родѣ *Крейцерову Сонату*, также апостолъ чистоты и любви; онъ считалъ себя реформаторомъ, но только не обще-моральнымъ, а религіознымъ. Онъ ясно понималъ, что нѣчто *завершаетъ*, что достигъ того, что ранѣе его *не было никѣмъ достигнуто*: «благодать (*т. е. ученіе*) у нихъ чистая, да плоти коварныя», говоритъ онъ о всѣхъ прежнихъ, до него бывшихъ учителяхъ, и еще въ другомъ мѣстѣ—опредѣленнѣе: «у старыхъ учителей и пророковъ благодать была по поясъ, а я принесъ полную». Такъ этотъ тульскій мужикъ, села Столбова, Писаніе читавшій, но писать не разумѣвшій [1]), понималъ себя. Въ концѣ *Посланія* своего, во многихъ отношеніяхъ замѣчательнаго, онъ объективируетъ себя и чрезвычайно ясно характеризуетъ свою историческую роль, *какъ самъ ее понималъ*:

«По сырой землѣ странствуя, ходилъ и чистоту (*оскопленіе*) всѣмъ явилъ. На колокольню выходилъ и одною рукой во всѣ колокола звонилъ, а другою изобранныхъ своихъ дѣтушекъ манилъ и имъ говорилъ: «Подите, мои вѣрные, изобранные, со всѣхъ четырехъ сторонушекъ: идите на звонъ и на жалостный гласъ мой; выходите изъ темнаго лѣса, отъ лютыхъ звѣрей и отъ ядовитыхъ змѣй; бѣгите отъ своихъ отцовъ и матерей, отъ женъ и отъ дѣтей. *Возьмите только одни души, сіяющія въ тѣлѣ вашемъ!* А почто́ ты, человѣкъ, нейдешь на гласъ Сына Божія и не плачешься о грѣхахъ своихъ, Который только лѣтъ зоветъ тебя отъ утробы матери твоей тѣлесной? И почто не ищешь душѣ своей Матери Небесной, которая воспитала-бы душу твою благодатью и довела бы до Жениха Небеснаго? Онъ возводитъ съ земли на небо, гдѣ ликуютъ души вѣрныя и праведныя, Преподобные и Мученики, Пророки и Пророчицы, Апостолы и Учители, наслаждаясь вѣчною радостью и зрѣніемъ Его красоты». На сей мой жалостный гласъ и колокольный звонъ нѣкоторые *стали отъ вѣчнаго сна пробуждаться и головы изъ гробовъ поднимать и изъ дна моря на верхъ всплывать и изъ лѣсу ко мнѣ выходить*».

V.

Онъ понялъ себя «Искупителемъ»; онъ понялъ, что «глава Змія» вовсе еще не стерта «сѣменемъ Жены», какъ обѣщано было павшему человѣку отъ Бога, что и теперь, какъ всегда, жало грѣха язвитъ человѣка «въ пяту» и безсильно онъ «поражаетъ его въ голову». Благодать ученія есть, а благодати факта нѣтъ. Онъ принесъ самый фактъ; онъ совершилъ вторую и труднѣйшую поло-

[1]) *Посланія*, равно какъ и *Страды*, родъ автобіографіи, записаны учениками его со словъ, но буквально.

вину искупленія, и также запечатлѣлъ это своею кровью. Слова Спасителя, неисказательно понимаемыя Церковью, ему представилось, никогда ею *не были замѣчены:* «Суть скопцы, иже изъ чрева матерня родишася тако; и суть скопцы, иже скопишася отъ человѣкъ; и суть скопцы, *иже искизиша сами себе Царствія ради Небеснаго*» (Мато. XIX. 12). Но можно отгадывать, что если эти слова послужили для него опорой, если на нихъ онъ утвердился, то *поманили* его не они. Въ сектѣ «пророчествующихъ» завѣты и требованія какъ Библіи, такъ и Евангелія вовсе не исполнялись твердо, и поэтому основателемъ скопческой ереси не было принято во вниманіе прямое повелѣніе Моисея: «да не входитъ каженникъ и скопецъ въ сонмъ Господень» (*Второз.*, XXIII, 1) Все манящее, все значущее для «Божьихъ людей» заключалось въ пророчествахъ, и вотъ, безъ сомнѣнія, чудный заключительный образъ *Апокалипсиса*, гдѣ, послѣ Суда надъ міромъ, показываются 144 тысячи праведниковъ, «искупленныхъ отъ грѣха, первенцевъ Богу и Агнцу», и поясняется о нихъ, что это — тѣ, которыя «съ женами не осквернились, но сохранили чистоту дѣвства», — этотъ зовущій образъ палъ глубоко и рано въ душу основателя новой секты. Словаетого видѣнія постоянно путаются въ рѣчи его, главнымъ образомъ въ большомъ *Посланіи*, гдѣ онъ изложилъ свое ученіе, и, вмѣ сомнѣнія, истинное основаніе, *мотивъ* скопчества— въ немъ. Селивановъ въ точности былъ дѣвственникомъ, не физически, но по самой структурѣ души; изъ всѣхъ идеаловъ христіанства: любви, милосердія, незлобивости — идеалъ чистоты физической и нескверненности воображенія всего глубже поразилъ его. «Когда меня везли въ Иркутскъ было у меня товару (*т. е. благодатнаго дара, особенной его «чистоты»*) за одной печатью; изъ Иркутска пришелъ въ Россію—вынесъ товару за тремя печатями». Онъ трижды произвелъ надъ собой страшную операцію, всякій разъ чувствуя, что еще слѣдъ мысли и вожделѣнія остается, въ немъ. Что-то духовное, почти *личное* есть въ его гнѣвѣ противъ *этой* формы грѣха Онъ хочетъ «грѣхъ весь изодрать»; «разорю на землѣ всю *мерзость*», восклицаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ *Страд.* Повидимому, мысль свою онъ считалъ неотразимо обоснованною; онъ не сомнѣвался въ присутствіи своего идеала у всѣхъ людей (онъ присущъ *всѣмъ* вѣтвямъ духоборчества), но видѣлъ, что всѣмъ имъ недостаетъ универсальнаго средства, которое вотъ, наконецъ, онъ «открылъ». На это, т. е. на сознаніе могущества своей мысли, есть намеки въ автобіографическихъ *Страдан*: онъ передаетъ, не безъ радости чаянія, какъ, послѣ перваго ареста, солдаты, примкнувъ его штыками, говорили: «*Его убить бы надо, да указу нѣтъ; не подходите близко — это великій преступникъ, онъ и Царя обольстить, недовольно что насъ.*» — «Называли меня *волхвою*, какъ и Христа іуден», добавляетъ онъ. Ему, тульскому

темному мужику, собственная мысль — безъ сомнѣнія плодъ многолѣтнихъ размышленій и чтенія съ «отмѣтинами» всего Писанія — представлялась волшебно-необходимою, какъ нѣкоторая новая математическая формула. Привезенный изъ Иркутска въ Петербургъ по повелѣнію императора Павла, онъ, какъ только былъ представленъ ему, открылся и предложилъ принять «свое дѣло», за что немедленно былъ посаженъ въ сумасшедшій домъ. Но «прелесть» открытія его уже дѣйствовала: «искупленные отъ земли» апокалипсическіе человѣки употребили всѣ усилія и добились для своего «Бога», для «Батюшки-искупителя» — свободы. То, что мы читаемъ по документамъ, хранящимся въ архивѣ Петербургской Градской Полиціи, въ «дѣлахъ» отъ 1801 по 1820 годъ, превосходитъ всякое вѣроятіе. Въ эпоху конгрессовъ, Сперанскаго и потомъ Аракчеева, когда не смѣла дрогнуть не такъ, «не по закону», ни одна былинка,—въ Петербургѣ на глазахъ высшаго Правительства образуется общество и дѣятельно распространяетъ ученіе о «Сынѣ Божіи», «Іисусѣ Христѣ», «вторично сшедшемъ на землю Искупителѣ», который есть вотъ этотъ сѣденькій столѣтній старичекъ, съ ласковымъ лицомъ и «необыкновенно нѣжнымъ взглядомъ», передъ коимъ поются гимны, молитвы тысячными собраніями въ домѣ Солодовникова. Высшіе сановники: Кочубей, Голицынъ, Толстой, Милорадовичъ ведутъ секретную переписку объ «этомъ Старикѣ», который нигдѣ въ документахъ не названъ по имени; къ нему посылается, «для нѣкотораго переговора», директоръ департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія, самъ позднѣе принявшій ученіе секты; еще посылаются чиновники для осмотра дома, гдѣ онъ жилъ; и едва, черезъ 20 лѣтъ, съ величайшими предосторожностями, въ виду все возрастающей численности общества, его виновникъ высылается въ Спасо-Евфиміевскій Суздальскій монастырь, съ секретнымъ наставленіемъ отъ митрополита Петербургскаго Михаила настоятелю монастыря обходиться бережно и внимательно «съ симъ начальникомъ секты, именующимъ себя и отъ единомышленниковъ своихъ называемомъ Искупителемъ и Спасителемъ» (препровождено къ архимандриту Досиѳею при отношеніи министра Вн. Д. гр. Кочубея отъ 7-го іюля 1820 г. за № 140).

Одна изъ величайшихъ фантасмагорій нашей исторіи, можетъ быть — даже исторіи всемірной. Мы попытались дать ея психологію. Тутъ не было обмана [1]); былъ чудовищный самообманъ, самообманъ всего духоборчества. Нѣсколько словъ мы скажемъ и считаемъ *нужнымъ* сказать о логикѣ этой иллюзіи [2]).

---

[1]) Ни въ *Страдать*, ни въ *Послаціи* Селиванова нѣтъ даже намековъ о его царственномъ происхожденіи, и, очевидно, *эта* легенда возникла вокругъ него, но шла не отъ него. Она и обнаружилась впервые въ *Херсонской* губерніи, когда Селивановъ жилъ въ Петербургѣ.

[2]) При чтеніи *Изслѣдованія о скопческой ереси* Надеждина, а потомъ и

VI.

Темьая деревня, Селивановъ поднялся на грѣхъ, какъ на медвѣдя съ рогатиной, со всею ея *силой*, но и со всей неосмотрительностью. Онъ забылъ о грѣхѣ *воспоминанія*, о грѣхѣ *представленій*— этомъ истинномъ грѣхѣ, противъ котораго не далъ средствъ, обрѣзавъ только *исполненіе*. И, далѣе—допустимъ это соображеніе неправильнымъ, допустимъ, что «чистота» его освобождаетъ и духъ,— какая польза побѣдить мертвый грѣхъ? Гдѣ заслуга передъ Богомъ? Нужно восходить, усиливаться, побѣждать *живой* грѣхъ, вотъ *этотъ*, который кусаетъ, жжетъ, манитъ, а не тотъ, который *былъ* и его нѣтъ болѣе. Его «искупленіе» есть какое то деревянное искупленіе, мертвое, безблагодатное. Богъ не напрасно, давъ благодать наученія, оставилъ въ тѣлѣ ниспаденіе долу: усиливайся, восходи, снискивай Царство Небесное—это тернистый путь, это узкая дверь, на которую Онъ указалъ человѣку. Но оскопленные — какимъ путемъ они идутъ? гдѣ эта съуженность *существующихъ* у нихъ желаній? гдѣ терни отреченія? Ихъ ничто не соблазняетъ — и они также мало имѣютъ чистоты отреченія, какъ я отрекаясь отъ богатствъ Сіамскаго короля, которыя мнѣ не принадлежатъ. Они по-

---

самыхъ документовъ. главное *Страхъ* и *Послание* Селиванова, впечатлѣніе получается настолько сильное, что нѣкоторое время вамъ кажется, что вы читаете исторію какого-то нравственнаго «свѣтопреставленія», что-то апокалипсическое, чудовищное, невписуемое вовсе въ «гражданскую» и «политическую» исторію человѣчества, выбрасывающееся изъ рамокъ всего этого. Нѣтъ сомнѣнія, бездна мощи и логики, но, главное — бездна *заблудившейся* совѣсти положены въ основаніе секты Чтобы судить о силѣ всего броженія, изъ коего вышла секта, достаточно упомянуть о «другѣ-напереснкѣ» Селиванова, Ал. Ив. Шиловѣ, который «произошелъ всѣ вѣры и былъ перекрещенецъ, и во всѣхъ вѣрахъ былъ учителемъ, а самъ говорилъ всѣмъ: *Не истинна наша вѣра и постоять не за что. О, если-бы нашелъ я истинную вѣру Христову, то бы не пощадилъ своей плоти! Радъ бы головушку свою сложить и отдать бы плоть свою на мелкія части раздробить!* Въ «математическомъ секретѣ» спасенія, какой «открылъ» Селивановъ, онъ, наконецъ, нашелъ то, за что бы «раздробить плоть свою». Характерно его восклицаніе, когда его озарила новая «благая вѣсть»: «*Вотъ кого надо и кого я ждалъ сорокъ лѣтъ—тотъ и идетъ. Ты-то* (то-есть Селивановъ)—*нашъ истинный сынъ и просвѣтилъ всю тьму, освѣтилъ всю вселенную, и тобою всѣ грѣшныя души просвѣтятся, и отъ грѣховныхъ узловъ развяжутся и тебѣ я съ крестомъ поклонялся! Кто какъ хочетъ, а я тебя почитаю за Сына Божіяго*». Всѣ мысли объ обманѣ Селивановъ должны быть безусловно оставлены; за исключеніемъ того, что онъ былъ еретикъ и невѣжда, онъ былъ безусловно праведный, то-есть, *если бы не заблудился*—святой человѣкъ. И то, что безграмотный мужицкій мальчикъ, съ изумительнымъ и *истиннымъ* вдеаломъ въ душѣ, не былъ взятъ своевременно въ семинарію и потомъ въ академію, — это несчастіе породило самую чудовищную на землѣ секту и лишило Православіе не только великаго подвижника святости, но, можетъ-быть, и могущественнѣйшаго изъ *словесныхъ* учителей. Ибо его *Послание*, за исключеніемъ одного пункта помѣшательства его чудовищнаго «явленія», есть въ точности посланіе святаго человѣка, есть религіозный феноменъ.

клоняются, съ крестнымъ знаменіемъ. «образу Божію» другъ въ другѣ: но зачѣмъ они *исказили* Его? Ихъ преступленіе противъ Бога страшнѣе, чѣмъ противъ человѣчества: ибо Богъ *далъ*, и Онъ же можетъ Единый отнять даже само-малѣйшую черту изъ своего «подобія». Своимъ произволеніемъ они сняли искусъ съ себя; они выкинули испытаніе прижизненное—для чего живутъ они?

Но, ясно видя логику фантома, мы должны проникать въ его *особую* психику. Совершенно ложно все, что пишетъ Надеждинъ (*Изслѣдованіе о скопческой ереси*, печатано въ 1845 г. по распоряженію министра Вн. Д., у Кельсіева т. III) и что обычно предполагается о «скорбномъ» чувствѣ членовъ этой секты, о мучительныхъ сожалѣніяхъ, о духѣ пропаганды [1]), вытекающемъ изъ «чувства ихъ преступности»; грубо ошибочны также всѣ аналогіи ихъ съ *под-невольными* евнухами Востока. Они принимаютъ оскопленіе своею волей. Послѣ торжественнаго пѣнія «всѣмъ соборомъ» тропаря Пятидесятницы, *нашего* тропаря: *Благословенъ еси Христе Боже нашъ, иже премудрые ловцы являй, и тѣмъ уловляй вселенную*, — поступающій вновь «братъ» произноситъ, держа въ рукахъ икону стараго письма, слѣдующія слова: «пришелъ я къ Тебѣ, Господи, на истинный путь спасенія, не по неволѣ, но по своему желанію, и обѣщаюсь про дѣло сіе святое никому не сказывать, ни царю, ни князю, ни отцу, ни матери, и готовъ принять гоненіе и мученіе, только не повѣдать врагамъ тайны». Многочисленные, чисто *народные*, слѣдовательно безъ всякой придуманности, скопческіе стихи — всѣ въ грубо-мажорномъ тонѣ: восторгъ, побѣда — *легкая* побѣда, скажемъ мы,—слышится во всѣхъ нихъ. Они теперь, послѣ забытыхъ мученій минутной операціи,—

Чистые, непорочные,
Грѣхомъ тяжкимъ недоточные (*недоступные*),—

вознесенные надъ нашимъ уязвляемымъ міромъ, надъ грѣхомъ и проклятіемъ, въ своемъ родѣ—*по-ту-сторонніе* люди. «Твой конь *былъ* и *смиренъ*» (т. е. плоть очищена и укрощена), не безъ зависти сказала Селиванову, въ темную пору его скитаній, хлыстовская «пророчица», первая объявившая его, въ опьяненіи удивленія, «богомъ надъ богами, царемъ надъ царями, пророкомъ надъ пророками» (*Кельсіевъ*, т. III, приложенія). Такъ всѣ они чувствуютъ. Струя восторга слышится во всѣхъ ихъ писаніяхъ: «Христосъ Воскресъ, Христосъ Воскресъ, Христосъ Воскресъ», такъ начинаются всѣ *Посланія*, *Страды*, даже частныя ихъ письма. Любимыя пѣсно-

---

[1]) Пропаганда имѣетъ достаточное объясненіе въ числѣ 144 тысячъ «искупленныхъ отъ земли» по Апокалипсису, восполнить которое усиливаются скопцы, и тогда ожидаютъ объщаннаго конца міра. Поэтому, по ихъ вѣрованію, оскопившій 12 человѣкъ, каковъ-бы ни былъ въ другихъ грѣхахъ, уже заслужилъ Царство Небесное. См. у *Кельсіева*.

пѣнія—Пасхальныя; ничего — заунывнаго; полное господство идеи побѣды надъ грѣхомъ. Страшенъ только порогъ переступанія въ эту *по-ту-стороннюю* жизнь, только актъ рѣшенія. Вполнѣ трогательны и проникновенны слова «прощающагося» съ міромъ «новика», передъ тѣмъ какъ переступить этотъ порогъ: «Прости небо, прости земля, прости солнце, прости луна, простите звѣзды, простите озера, рѣки и горы, простите всѣ стихіи небесныя и земныя» (*Кельсіевъ*, III, 139). Онъ знаетъ, что еще такимъ-же, *прежнимъ* взглядомъ, онъ уже не взглянетъ на эти стихіи, что перемѣнится *онъ* и перемѣнятся для него *они*. Но вотъ, актъ совершенъ: *тотъ* міръ остался позади, и въ новомъ мірѣ, на «радѣніи», раздаются такія истинно вакхическія пѣсни:

Ужъ какъ царь Давидъ по садику (*то-есть братству ихъ*) гулялъ,
Я люблю, я люблю!
Онъ по садику гулялъ, во свои гусли игралъ,
Я люблю, я люблю!
Звонко въ гусли игралъ, царски пѣсни распѣвалъ,
Я люблю, я люблю!
Полно други спать, есть время возстать.
Я люблю, я люблю!
Еще есть время возстать, ключевой воды достать.
Я люблю, я люблю!
Я еще люблю Саваоа въ Небеси,
Я люблю, я люблю!
Я за то Его люблю: небо, землю сотворилъ,
Я люблю, я люблю!
Небо, землю сотворилъ, солнце, мѣсяцъ утвердилъ,
Я люблю, я люблю!
Солнце, мѣсяцъ утвердилъ, небо звѣздами украсилъ,
Я люблю, я люблю!
Небо звѣздами украсилъ, своимъ гласомъ прогласилъ,
Я люблю, я люблю! (*Кельсіевъ*, т. III, прилож., стр. 74).

Или еще слѣдующая, несомнѣнно поющаяся въ моментъ самого верченія, судя по ея смыслу и тону:

Ай, кто пиво варилъ,
Ай, кто затиралъ?
Варилъ пивушко Самъ Богъ,
Затиралъ Святой Духъ.
Сама Матушка сливала,
Вкупѣ съ Богомъ пребывала;
Святые Ангелы носили,
Херувимы разносили,
Херувимы разносили,
Серафимы подносили.
— Скажи жъ, Батюшка родной,
Скажи, Гость дорогой!
Отчего пиво не пьяно?
А ли я гостямъ не рада?
Рада, Батюшка родной,
Рада, Гость дорогой,

На святомъ кругу гулять,
Въ золоту трубу трубить,
Въ золоту трубу трубить,
Въ живогласну возносить!
Богу слава и держава
Во вѣки, аминь. (*Тамъ же*).

VII.

«За всѣмъ тѣмъ, при внезапномъ посѣщеніи домовъ, которые вовсе не считаются раскольничьими, замѣчены были очевидные признаки раскола, какъ-то: *лѣстовки* съ треугольниками, то-есть особаго рода четки; *подручники*, родъ подушечекъ, подкладываемыхъ при земныхъ поклонахъ подъ руки; *кадильницы*, мѣдныя и глиняныя, употребляемыя при домашнемъ молитвословіи; прибитые надъ воротами и разставленные въ избахъ на полкахъ *кресты осьмиконечные*, отъ 3 вершковъ до ½ аршина и болѣе длиной, почти всѣ безъ титла і. н. ц. і., съ замѣняющею ее подписью іс҃ х҃с сн҃ъ Бж҃ій, съ нерукотворнымъ вверху образомъ Спасителя вмѣсто изображенія Господа Саваоѳа, съ солнцемъ и луной на краяхъ большого поперечника; старинныя *иконы*; разныя *Апокалипсическія изображенія*, въ томъ числѣ пораженіе Антихриста на конѣ, въ воинской одеждѣ и каскѣ; надписи надъ дверьми съ изреченіями св. Отцовъ; безпрерывное повтореніе хозяевами при входѣ чиновника молитвы: *Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ*,— частое повтореніе которой раскольники считаютъ достаточнымъ для спасенія и защиты себя отъ нечистой силы; чтеніе молитвъ по скитскому уставу, съ лѣстовкой въ рукѣ, и прочее т. п.» (*Кельсіевъ*, IV, 3—4).

Такъ писалъ, въ докладной *Запискѣ* своей министру Внутреннихъ Дѣлъ, въ 1852 г., нѣкоторый «ст. сов. Синицынъ». И вотъ намъ почему-то думается, что, сопоставивъ ту буйную религіозно-вакхическую пѣснь съ отрывкомъ изъ этой оффиціальной записки, мы поймемъ многое. Тамъ —оскопленіе тѣлесное ради духа, здѣсь— скопчество духа ради покоя тѣлеснаго; забывъ уже Церковь—тамъ уносятся въ буйное круженіе, здѣсь не рожденные въ Церковь — прикидывая аршинъ, вымѣряютъ кресты и «оффиціально» записываютъ изображенія на его «поперечникѣ». Два полюса, двѣ несоизмѣримыя величины, двѣ не ощущающія другъ друга категоріи— вотъ нашъ *расколъ* и *мы*, ему противостоящіе.

Еще двѣ-три выписки изъ оффиціальныхъ документовъ, и все станетъ въ этомъ расколѣ до чрезвычайности ясно:

«Съ полученною отъ настоятеля запиской, бѣглый перекрещенецъ, гдѣ-бы ни проходилъ по безпоповщинскимъ селеніямъ, *всюду снабжается пріютомъ и продовольствіемъ*» (*Кельсіевъ*, II, стр. 113; изъ «Краткаго обозрѣнія расколовъ, ересей и сектъ» *Липранди*).

Итакъ, вотъ — христіанское братство, взаимопомощь; у *насъ* — homo homini lupus est. Взглянемъ на *бытъ*, какъ продуктъ этого нравственнаго строя:

«Природные Буковинскіе старовѣры (*липованы*)» вообще отличаются трудолюбіемъ, трезвостью и тихими, миролюбивыми нравами. Ихъ почти не слышно въ краѣ, хотя они всюду попадаются на глаза, рѣзко отличаясь отъ туземцевъ своею русскою физіономіей и русскимъ нарядомъ. Мнѣ довелось видѣть огромное сборище ихъ въ Сучавѣ, по случаю праздника Іоанна Сучавскаго, совершаемаго 24 іюня. Тутъ было ихъ до нѣсколькихъ сотъ обоего пола, и между тѣмъ я не замѣтилъ между ними ни пьянства, ни буйства, не слыхалъ даже шумныхъ, разгульныхъ пѣсней, обыкновенно сопровождающихъ праздничныя собранія русскаго простонародья. Туземные хозяева чрезвычайно дорожатъ ими, какъ работниками; а правительство не можетъ нахвалиться ихъ смирнымъ, спокойнымъ поведеніемъ. Со времени утвержденія владычества Австрійскаго не было примѣра уголовныхъ преступленій и даже видимыхъ полицейскихъ безпорядковъ, въ которыхъ бы замѣшаны были липованы» (*Кельсіевъ*, I, стр. 94; Записка Надеждина: «*О заграничныхъ раскольникахъ*»).

Расколъ есть восхожденіе къ идеалу, усиліе къ лучшему въ томъ самомъ тонѣ бытія и развитія, въ которомъ находимся мы на очень низкой ступени:

«Не въ щепоти состоитъ дѣло, учатъ послѣдователи Ефимія, основателя секты бѣгуновъ; печать Антихриста, сіяющая на слугахъ антихристовыхъ, не значитъ щепоть или крыжъ—но *житіе*, согласное съ мыслью Антихриста, но *починеніе* ему, какъ Христу, но *исполненіе* во имя Христа—законовъ въ духѣ Антихриста, презрѣніе къ вѣрѣ при всемъ наружномъ къ ней уваженіи, порабощеніе Церкви, измѣна древнимъ обычаямъ» (*Кельсіевъ*, IV, стр. 327; записка гр Стенбока: «*Краткій взглядъ на причины быстраго распространенія раскола*»).

И, какъ общее этого слѣдствія, — вотъ взглядъ на расколъ православной народной среды:

«Распространено и утверждено въ простомъ народѣ повсемѣстно сильное предубѣжденіе, что раскольничья вѣра — святая, настоящая христіанская, что въ одной только этой вѣрѣ и можно спастись, и что вѣра Православная или, по народному названію, «*вѣра по церкви*», есть вѣра мірская, въ которой невозможно спастись среди трудовъ и суетъ житейскихъ. При входѣ въ крестьянскія избы, я часто былъ встрѣчаемъ словами: «*мы не христіане*». На вопросъ: «*что же вы, нехристи?*» «Отвѣчали: «*какъ же, мы во Христа вѣруемъ, но мы по Церкви, люди мірскіе, суетные*». — «*Такъ отчего же вы не христіане, если вѣруете во Христа?*».—«*Христіане ть, что по старой вѣрѣ: они молятся*

не по нашему, а намъ некогда» (*Кельсіевъ*, IV, стр. 45—46; изъ *Записки* ст. сов. *Синицина* [1]).

Итакъ, вотъ поддающаяся передъ расколомъ среда: она поддается съ сознаніемъ, что она — не идеалъ; уступаетъ какъ низшая ступень того же развитія передъ высшей; склоняетъ передъ расколомъ голову, какъ обычный церковный приходъ передъ строгоуставнымъ монастыремъ.

Есть затрудненія историческія, неразрѣшимыя ни для какихъ усилій искуства и ума, но разрѣшающіяся простымъ *честнымъ* взглядомъ на дѣло. Таковы были, въ началѣ XVI вѣка, затрудненія съ зарождающеюся реформаціей; въ концѣ XVIII вѣка — съ готовящеюся революціей; вообще всѣ явленія совѣсти или гдѣ *завита* совѣсть.

Актъ *убѣжденія*, субъективный актъ — доступенъ только субъективному же внутреннему акту и, такъ сказать, не реагируетъ, не соотносится по несоизмѣримости ни съ какимъ внѣшнимъ актомъ, наружнымъ воздѣйствіемъ, на которое *не умѣетъ* отвѣтить иначе, какъ отрицательно, замыкаясь въ себя, противодѣйствуя, внутренно обособляясь, усиливаясь. Вотъ, пока, исторія нашихъ отношеній къ расколу, исторія нашихъ воздѣйствій на расколъ. Она вся вытекла изъ внѣшняго пониманія его, какъ нѣкотораго чуждаго заблужденія не только безспорнаго, ненужнаго, основаннаго на упрямствѣ, но и какъ заблужденія чуждыхъ людей, нѣкоторыхъ политическихъ и религіозныхъ «гоевъ», «варваровъ», «еретиковъ».

Нужно подойти къ нему внутренно, субъективно, — это я назвалъ честнымъ отношеніемъ къ дѣлу. Нужно понять въ немъ честное увѣрованіе, къ которому иначе, какъ съ честною же вѣрой, и подойти нельзя. Нужно признать его не внѣшнимъ для себя фактомъ, который предстоитъ побѣдить, а *своимъ* собственнымъ состояніемъ, состояніемъ *своей* Церкви, *своего* быта, *своего* государства, которые выбросили изъ себя такія двѣ вѣтви какъ старовѣрчество — съ одной стороны, духоборство — съ другой. Не излѣчить *ихъ* нужно (мѣры правительства); тѣмъ менѣе — отсѣчь

---

[1]) Въ общемъ, при недостаткахъ внѣшняго отношенія къ религіи, оффиціальныя записки, перепечатанныя въ Лондонѣ Кельсіевымъ, составили бы, если бы были опубликованы во всеобщее свѣдѣніе, великую честь для министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Никогда нельзя было предполагать, чтобы нашъ чиновный міръ былъ такъ дѣловитъ, серьезенъ и даже граждански мужественъ: факты, имъ собранные — громадны; онъ дѣйствительно *изучилъ* дѣло и не скрылъ отъ себя его трудности и даже неразрѣшимости, вовсе не скрываетъ даже продажности всѣхъ почти агентовъ своихъ. Все, въ чемъ мы готовы бы обвинить его — онъ знаетъ лучше насъ и также болѣетъ объ этомъ, раздражается на это. Но *творчества* — нѣтъ; великаго *порыва* духа — не ищите. Все *знаетъ*, но ничего *не можетъ* сдѣлать.

(требованіе раскола о религіозной свободѣ на правахъ *иновѣрцевъ*); но исцѣлѣть въ собственномъ организмѣ своемъ. И тогда эти вѣтви вберутся назадъ сами; ихъ силы возвратятся въ материнское лоно.

Мы указали раньше, что́ знаменуетъ собою старовѣріе: необходимость намъ самимъ поддаться въ сторону древняго *типикона* [1]) праведнаго житія, въ сторону *уставности*, *преданія*, благоговѣйнѣе понять букву. Пересмотръ клятвъ собора 1667 г., которыя соборомъ же не сняты и потому лежатъ и на нашемъ единовѣріи, открывшемъ сверхъ сего какую то странную *дву-церковность* вопреки Символу вѣры, повелѣвающему вѣровать въ «*Единую* Соборную и Апостольскую Церковь», — этотъ соборный пересмотръ и вѣроятное снятіе клятвъ внѣ всякаго сомнѣнія возсоединитъ съ нами девять милліоновъ (въ 1853 году) поповщины и безпоповщины.

Теперь относительно духоборчества, какъ явленія болѣе психическаго, нежели собственно церковнаго. И здѣсь есть исцѣленіе. Духоборчество есть симптомъ, показующій и отрицающій великую *пассивность* всѣхъ нашихъ духовныхъ состояній — пассивность, достигшую высокой степени уже къ концу Московскаго періода нашей исторіи, но съ тѣхъ поръ все увеличивающуюся. Не выноситъ этого душа человѣческая. Мы начали очеркъ развитія этой вѣтви раскола съ противоположенія *сидимостей* нашего историческаго и государственнаго быта потаеннымъ его явленіямъ, и закончили извлеченіемъ изъ офиціальной бумаги, гдѣ нѣкоторый внѣшній человѣкъ внѣшнимъ взглядомъ разематриваетъ, считаетъ, мѣряетъ «признаки» внутренняго акта вѣры, какъ бы не замѣчая и не понимая этого акта, во всякомъ случаѣ отвергая его. Невыносимо это для души человѣческой, и тогда она начинаетъ «вертѣться» — «по-солнцу» или даже противъ солнца; невыносимо, говоримъ мы, потому что природа души человѣческой есть *жизнь*, *акція*, *инициатива*, потому что душа есть Божія тайна, и именно тайна — *творческая*. Между тѣмъ, у насъ все творчество, всякая инициатива, акція взята формами — увы, окостенѣвшимися духа формами! Что оставлено бѣдному русскому человѣку, что оставлялось ему эти послѣдніе два вѣка? — шесть дней потрудись и на седьмой сходи къ обѣднѣ, вечеромъ напьешься чаю. Этого мало, по-истинѣ этого мало. Мы, композиторы, художники, писатели, насъ 1500 —

---

[1]) Отъ коего, безъ всякой нужды, мы все далѣе и далѣе отступаемъ. Напримѣръ, такія явленія непониманія, какъ освѣщеніе православныхъ храмовъ *мертвымъ* электрическимъ свѣтомъ, конечно могутъ только усилить расколъ. Свѣча, которую *я* ставлю передъ образомъ и молюсь о *моемъ* грѣхѣ; храмъ, который освѣщается *ярче* или *тусклѣе* въ мѣру усердія къ нему прихожанъ, т. е. какъ-бы свѣтится ихъ *любовью* къ Богу — развѣ это *возмѣщается* электричествомъ? Но оно имъ *вымѣщается*.

2000 человѣкъ — не должны забывать о милліонахъ: мы можемъ фантазировать, буйствовать, «вертѣться» съ перомъ или кистью въ рукѣ—но остальные? Имъ также нужно въ чемъ нибудь, какъ нибудь «вывертѣть» свой духъ. Мы говоримъ съ иронією, мы употребляемъ смѣшныя слова, мы не избѣгаемъ этого, чтобы быть неотразимо понятными въ серьезной мысли: дайте *сотворить* человѣку, иначе онъ умретъ или «завертится». Но чтобы онъ не вертѣлся, чтобъ онъ не уродствовалъ, — откройте ему для творчества благородныя формы. Мы знаемъ, государство руководится исключительно утилитарными понятіями, никто не замѣчаетъ необходимости великихъ этическихъ и эстетическихъ идей: но если безъ этихъ этическихъ и эстетическихъ идей въ цѣломъ жизнь умираетъ или уродуется, не есть ли онѣ вмѣстѣ съ тѣмъ и утилитарныя идеи? Итакъ, господствующая идея *удобства* въ трудѣ— это господствующее и даже единственное понятіе артели плотниковъ, кладущихъ «аккуратно» историческій срубъ, — должна податься передъ идеей художественною и нравственною. Мы говоримъ о художественной и нравственной идеѣ въ приложеніи къ государству, быту, вѣрѣ. Боже, кто же усомнится, что «ст. сов. Синицынъ», вымѣряющій, въ силу инструкціи за № 262, въ раскольничьей моленной кресты, не есть въ государственной храминѣ продуктъ художественной идеи? Мы взяли подробность, и изъ милліоновъ такихъ подробностей состоитъ наша жизнь, наша исторія. Итакъ, если къ исторіи примѣнимы біологическіе термины, мы скажемъ, что въ самое существо той «красной глины»—той физической массы, которую образуетъ тѣло народное, у насъ не былъ вдунутъ духъ никакимъ истиннымъ художникомъ: что, такъ-сказать, новая Россія зачата и рождена безъ всякаго истинно-творческаго, художественнаго или этическаго порыва.

Мы заговорили о такой глубокой и общей сторонѣ нашей исторіи, потому что лишь въ *ея свѣтѣ* становятся понятны и «мелочи». Нельзя не замѣтить, что изъ всего Петромъ Великимъ созданнаго живуча и прекрасна, дѣятельна и народна вышла собственно только армія: въ нее имъ вдохнутый духъ не умеръ въ двухъ вѣкахъ. На *главный* мотивъ реформы Россіи—мотивъ *самосохраненіе* эта реформа и отвѣтила твердымъ, умѣлымъ *да*. Все остальное, въ его реформѣ, уже не творилось съ тѣмъ же сознаніемъ нужды, съ тою же живостью, надеждами, страхомъ, *поэзіей* личныхъ усилій и ожиданій народныхъ, — не ковалось въ трудахъ и несчастіяхъ Великой сѣверной войны. И все остальное — большею частью плодъ подражательности — вяло, не имѣетъ цѣны, не имѣетъ завитаго въ себѣ *живого акта*. Петръ не настаивалъ даже на остальномъ: остальное—не главное въ его дѣлѣ, и оно подвергалось, тотчасъ по его смерти, безчисленнымъ передѣлкамъ, въ которыхъ народъ не принималъ никакого участія. Исторія едва

знаетъ имена «передѣлывателей»: однако, одно имя даже въ народѣ, кажется, не безъизвѣстно. Остановимся на немъ: это— Сперанскій. Вотъ не иниціаторъ, но скорѣе довершитель, а также и образецъ для безчисленныхъ позднѣйшихъ «творцовъ», которые всѣ равно трудились надъ организаціей внѣшнихъ формъ нашего бытія, тѣхъ *видимостей*, которыя невольно вырисовываются въ умѣ, когда задумываешься надъ духоборчествомъ. Не онъ одинъ, но онъ во главѣ міріадъ аналогичныхъ лицъ, почти вовсе неизвѣстныхъ или полуизвѣстныхъ, и которые по самому существу своему никогда не могли стать *славными, любимыми, народными*, которые никогда не были людьми воинственнаго *поля*, народной *народной*, но только всегда мужами «чернильницы» и «отношенія», — онъ и всѣ эти люди какъ бы произвели нѣкоторый скопческій актъ надъ Россіей. Съ тѣхъ поръ, или, точнѣе, подъ вліяніемъ новаго *изъ метода*, жизнь скрылась изъ Россіи. Гдѣ она? Какъ именно Россія существуетъ? Что ей грозитъ? Чему она радуется? Мы узнаемъ это только изъ бюллетеней, — и о религіозномъ, напримѣръ, бытіи Россіи не только мы ничего не знаемъ изъ фактовъ, въ которыхъ бы *соучаствовали*, но и самые документы объ этомъ бытіи можно выписать только изъ Лондона. Формы замкнулись отъ Россіи, затаились въ своей дѣятельности отъ ея глаза: онѣ ей не довѣряютъ, ея не любятъ,—и онѣ изсякли въ духѣ. Россія изуродовалась, «завертѣлась», не имѣя достойныхъ формъ для своего духа.

Мы снова возвращаемся къ духоборчеству, отъ котораго, повидимому, такъ далеко отошли. То «опьяненіе», то «духовное пиво», которое «человѣкъ плотскими устами не пьетъ, а пьянъ живетъ» (*см. выше*). — это и есть ирраціональная этическая и эстетическая идея. Нужно нѣкоторое сладкое опьяненіе человѣку: Ной былъ праотецъ, но разъ и онъ былъ пьянъ, и четыре тысячелѣтія людскихъ поколѣній не видятъ въ этомъ грѣха. Только Хамъ осудилъ его, но онъ былъ Хамъ. Благословенно духовное «пиво»; благословененъ трудъ, забота, бережливость — но болѣе благословененъ тотъ неясный, безотчетный восторгъ, ради котораго человѣкъ говоритъ: «живу и *хочу* еще жить». Здѣсь, именно въ эстетической и этической идеѣ — сѣмена жизни; и какъ всю жизнь мы считаемъ Божіей — идеи, указанныя нами, какъ наиболѣе жизнетворящія, мы въ правѣ назвать любимыми Божіими идеями. Тутъ sactum sanctum исторіи.—то чего касаться человѣку не слѣдуетъ и только беречь лелѣять: прислушиваться къ сердцу своему — есть ли въ немъ эти идеи. И, пока есть онѣ — обильно напоять ими жизнь.

Вотъ мысли, которыя, если-бы онѣ были изложены передъ Сперанскимъ, остались-бы въ высшей степени непонятны ему. Мы снова возвращаемся къ этому человѣку удивительныхъ талантовъ,

удивительной судьбы, но совершенно не опредѣленнаго нашими историками значенія. Характерно самое происхожденіе его — изъ духовенства и семинаріи, т. е. изъ сословія и школы, которыя, давъ длинную вереницу методистовъ-тружениковъ, не дали Россіи ни одного поэта, ни одного музыканта, ни одного живописца. Не столько въ составѣ своихъ убѣжденій, сколько въ свойствахъ своего темперамента, Сперанскій лишенъ былъ совершенно этической и эстетической идеи, и, вмѣстѣ, въ самомъ характерѣ, онъ лишенъ былъ той глубины и непоколебимости, какой мы удивляемся, напр., въ митрополитѣ Филаретѣ. Все существо его было въ высшей степени риторическое—не даромъ единственный его литературный трудъ есть книжка «О правилахъ высшаго краснорѣчія» (изд. въ Спб. въ 1846 г.); складъ ума трезво логическій, исключительно формальный; тусклое воображеніе; погасшія или, вѣрнѣе, не заложенныя въ натурѣ страсти: характерно, что онъ былъ женатъ не на русской, а на нѣмкѣ—сочетаніе брачующихся, рѣдкое въ Россіи. При всѣхъ этихъ личныхъ данныхъ, онъ всего менѣе могъ стать Цезаремъ или Периклomъ нашего государственнаго строя. Совершенно напротивъ, осыпьте всѣми внѣшними дарами, всѣмъ внѣшнимъ величіемъ, блескомъ и знаменитостью, наконецъ — дружбой монарха, но оставьте въ тайнѣ души, гдѣ-то глубоко запрятаннымъ, бѣдное, робкое сердце Акакія Акакіевича и узкую, скудную мысль Молчалина—и вы будете имѣть историческаго Сперанскаго. Все это отразилось на его трудѣ. Онъ создалъ для внутренняго употребленія Россіи какую-то политическую «хрію», повидимому неопровержимую, но въ высшей степени безполезную, а главное—погашающую всякій порывъ и творчество, погашающую тѣмъ вѣрнѣе, что это творчество, видя передъ собой эту удобную форму, невольно входитъ въ нее и неизмѣнно въ ней погибаетъ. Съ его времени, по преимуществу, Россія обставилась департаментами и канцеляріями—не какъ необходимою записною книжкой, куда живой дѣятель вноситъ свои предположенія, рѣшенія, разсчеты, но именно какъ самимъ дѣятелемъ, рѣшителемъ, творцомъ. Съ тѣхъ поръ фабрики не успѣваютъ приготовлять чернила и бумагу; мы улучшаемъ перомъ земледѣліе, перомъ создаемъ промыслы, вводимъ въ отечество «расцвѣтъ образованности», на дѣлѣ не имѣя ничего этого, и всему, что въ этой сферѣ готово-бы само начаться, чрезвычайно мѣшая; мы теоретизируемъ, планируемъ,—такъ же легко, и, повидимому, правильно, какъ 16-лѣтній семинаристъ, когда онъ сидитъ надъ темой о свойствахъ бытія Божія. Россія закрылась канцелярскими формами и стала въ нихъ непроницаема для истины, неуязвима для сужденія, безпомощна въ работѣ, пышна и сокрушена, какъ Парисъ, вздумавшій однажды надѣть доспѣхи Гектора. Яснѣе станетъ значеніе Сперанскаго, если мы рядомъ съ нимъ поставимъ людей, къ которымъ невольно какъ-то привязы-

вается любовь *народная* и историческая *слава*. Около его разсудительной фигуры и слыша его убѣдительную рѣчь, Суворовъ былъ-бы смѣшенъ, Орловъ стыдливо спряталъ-бы свои кулаки, Потемкинъ — свой «греческій проектъ», на который онъ *любовался*, и, можетъ быть, сама Екатерина растерянно потупилась-бы. Но вотъ они *сѣмали* исторію, а онъ только говорилъ и писалъ, и научилъ насъ только говорить и писать. Они неправильные, ирраціональные; они то смѣшные, то буйные, всегда страстные, — знали тайну духовнаго «пива». Они были немножко поэтически опьянены и отъ богатствъ духа своего напоили окружающую жизнь. Все было поэтично около нихъ, трудно и геройчно; люди умирали за нихъ и благословляли ихъ, отвѣдавъ «пива». И имъ самимъ, опьяняющимъ сердца человѣческія тою струйкой восторга, которая вилась изъ нихъ, — все было легко, исполнимо. «Удача, опять удача, тысяча удачъ — да дайте-же сколько-нибудь и уму», говорилъ Суворовъ обиженно, но люди справедливо не давали ничего уму и все — *удачѣ*: удача — богъ исторіи, богъ совершонныхъ, исполненныхъ дѣлъ, въ противоположность бездарному уроду — *неудачѣ*, этому бѣсу, преслѣдующему всѣхъ ограниченныхъ «умниковъ». Мы снова возвращаемся къ расколу, и да проститъ читатель намъ эти перипетіи мысли, вызываемыя самимъ предметомъ. Есть едва замѣтное, только упомянутое, но любопытнѣйшее извѣстіе (оффиціальное) у *Кельсіева* (I. 183 стр.), что раскольники начали было тысячами [1]) переходить въ единовѣріе, когда мысль его была провозглашена *Потемкинымъ*, и этотъ переходъ остановился тотчасъ, какъ только, съ начала XIX вѣка, для него даны были «правила». Дѣло имѣло успѣхъ, пока было процессомъ, и умерло, какъ только стало формой. Не было болѣе жизни въ немъ, надежды, чаянія; за нимъ не стоялъ человѣкъ, который могъ-бы *понять*, *снизойти*, *простить*, *увѣровать*, но — «правило», которое ничего

---

[1]) Это такъ замѣчательно, что мы приведемъ буквально: «По ходатайству Потемкина-Таврическаго въ 1782 г. дозволено было, въ Новороссійскомъ краѣ, раскольникамъ свободное богослуженіе и разрѣшено имъ имѣть своихъ поповъ. Это было *началомъ единовѣрія*. *правила* котораго были утверждены въ *1800 году*. Успѣхи единовѣрія не были значительны, и замѣчательно, что до 1800 года присоединеніе къ единовѣрію, *еще не организованному*, было несравненно сильнѣе, чѣмъ впослѣдствіи. Такъ, въ самомъ гнѣздѣ и разсадникѣ *поповщины* — въ Нижегородской губ., тысячи человѣкъ приступали къ единовѣрію; въ Черниговской губ., другомъ центрѣ раскола, — тоже; но послѣ утвержденія въ 1800 году правилъ митрополита Платона, положившихъ *твердое основаніе этой церкви*, оно такихъ *успѣховъ не имѣло*» (въ *Запискѣ о русскомъ расколѣ, составленной для В. К. Константина Николаевича* — Мельниковымъ). Между прочимъ: «строго воспрещалось вписываться въ единовѣріе тѣмъ, которые, будучи раскольниками, пишутся православными въ книгахъ, ведущихся священниками, а также и тѣмъ, которые по бумагамъ значатся православными: такихъ теперь около $^{9}/_{10}$ всей массы раскольниковъ.» (Тамъ же).

болѣе не понимало. Живой актъ вѣры (у раскольниковъ) встрѣтило живое сердце (у насъ)—и великое сліяніе началось, принципъ единства былъ найденъ. Но пришелъ «умъ» и схитрилъ: онъ далъ раскольникамъ поповъ и не далъ архіерея — дѣло было для ума не въ вѣрѣ, а въ подчиненіи, онъ сказалъ: это церковь, совершенно церковь, какъ и наша, и шепнулъ *своимъ*, чтобы они не ходили туда и тамъ не причащались св. таинъ. Трусишка «умъ» испугался, что всѣ православные тотчасъ перейдутъ въ единовѣріе, — или нѣтъ, онъ испугался не этого, а того, что произойдетъ какая-то путаница въ «вѣдомостяхъ» православныхъ, единовѣрцевъ и раскольниковъ. И вдругъ раскольникамъ стало ясно, что все дѣло именно въ этихъ «вѣдомостяхъ» — не въ сердцѣ и его вѣрѣ, до которыхъ дѣла нѣтъ, а именно въ порядкѣ документовъ, въ красотѣ отчета, въ порядкѣ видимости, до которой, въ свою очередь, имъ не было дѣла. — и они отхлынули назадъ, а мальчишка «умъ», этотъ глупый уродъ, кричитъ съ тѣхъ поръ, кричитъ вотъ уже 96 лѣтъ: неудача, неудача, рѣшительная неудача!— «не вижу никакихъ мѣръ, которыя могли-бы принести существенную пользу.» (*гр. Стенбокъ*: «Взглядъ на причины быстраго распространенія раскола», у *Кельсіева*, т. IV, стр. 342).

Нѣтъ, осталась еще мѣра: *исполнить* слова Псалма «*сердце чисто созижди во мнѣ, Боже!*»...

Мы говоримъ, однако, не объ *единовѣріи*, этомъ неоригинальномъ подражаніи изобрѣтенію Антонія Поссевина, а объ «*Единой* Святой Соборной и Апостольской Церкви» символа: мы говоримъ не о компромиссѣ, а о *сліяніи* на основѣ «чистаго сердца». Не слѣдуетъ, однако, уже теперь забывать, что, возсоединивъ съ собой расколъ, нужно его удержать, нужно предупредить расколы и отпаденія обратныя. Нужно помнить объ оригинальномъ и огромномъ движеніи, которое испытала русская душа въ расколѣ, объ этой безднѣ иниціативы, акціи, суровой борьбы и поэзіи. Нельзя ожидать, чтобы послѣ двухъ вѣковъ подобной жизни, она возвратилась къ той пассивности всѣхъ отношеній, которую и мы, послѣ двухъ вѣковъ привыканія, едва имѣемъ силы переносить. Все то дѣятельное и живое, что есть въ расколѣ, то «духовное пиво», которымъ онъ безформенно напоялъ до сихъ поръ христіанскую душу, — *это* должно быть бережно сохранено, должно быть взято нами, какъ сторона истинная въ немъ, и *разлито по всѣмъ формамъ нашего бытія*. Если вспомнимъ сказанное раньше о приближеніи къ древнему *типикону* житія, какъ средствѣ умиротворить «буквенниковъ», — мы поймемъ въ цѣломъ реформу, намъ предстоящую: *ожить древнимъ духомъ* — тѣмъ прекраснымъ духомъ, прототипъ котораго дала намъ еще Кіевская Русь. Возможно сдѣлать это при сохраненіи всей той крѣпости силъ, какую съумѣла создать Москва, и не отказываясь нисколько отъ правильныхъ

сторонъ просвѣщенія, которое любить завѣщалъ великій Петръ. Все это можно соединить: все — слить въ новую гармонію, черезъ живой актъ души. Къ такому живому акту мы нудимся задачей раскола.

Вотъ почему мы вѣримъ — язва его «не въ смерть, но во исцѣленіе»: мы вѣримъ — Богъ не оставитъ Россію, и великій художникъ ей будетъ данъ.

Черта характера древней Руси.

„Добрые люди древней Руси". В. Ключевскаго. Сергіевъ посадъ, 1892 г.

Всякая историческая культура налагаетъ на индивидуумъ опредѣленныя, постоянныя черты, и, зная ея общій характеръ, мы можемъ угадывать подъ ней единичныя, живыя лица, хотя бы ихъ и не видѣли вовсе; какъ и наоборотъ, видя подобныя лица, можемъ понять общій смыслъ культуры, который для насъ почему-либо сталъ неясенъ или мы забыли его. Въ этомъ соотношеніи между общимъ и единичнымъ кроется многозначительность частныхъ историческихъ изысканій: одна подробность изъ давно пережитаго возстановляетъ для мыслящаго наблюдателя это пережитое въ его цѣломъ, и притомъ съ убѣдительностью, равною той, какую мы находимъ въ разсужденіяхъ натуралиста, который по одной сохранившейся части давно исчезнувшаго организма возстановляетъ передъ нами весь его образъ.

Подобную услугу для русскаго общества оказалъ недавно извѣстный профессоръ Московскаго университета, В. О. Ключевскій. Въ очень краткой публичной лекціи, прочитанной въ Историческомъ музеѣ, онъ показалъ современному обществу искусно извлеченный обрывокъ изъ древней русской жизни, взглянувъ на который многіе съ изумленіемъ почувствовали, какъ мало они знали истиннаго о смыслѣ этой давно умершей жизни. И, между тѣмъ, эта жизнь намъ родная, близкая. Не одно любопытство, но и опасеніе ошибиться въ сужденіяхъ объ этомъ близкомъ, родномъ, заставило многихъ такъ пристально вдуматься въ слова извѣстнаго профессора, и его краткое чтеніе возбудило въ нашей печати самое оживленное вниманіе.

I.

Въ чтеніи, посвященномъ доброму дѣлу помощи голодающимъ почтенный профессоръ вздумалъ напомнить современному ему обществу, какъ совершалось подобное же дѣло въ древней Руси, и по какимъ мотивамъ:

«Древне-русское общество подъ руководствомъ церкви»,—говоритъ онъ. — «впродолженіе вѣковъ прилежно училось понимать и исполнять вторую изъ двухъ основныхъ заповѣдей, въ которыхъ заключаются весь законъ и пророки — заповѣдь о любви къ ближнему. При общественной безурядицѣ, при недостаткѣ безопасности для слабаго и защиты для ближняго [1]), практика этой заповѣди направлялась преимущественно въ одну сторону: любовь къ ближнему полагали прежде всего въ подвигѣ состраданія къ страждущему, ея первымъ требованіемъ признавали личную милостыню. Идея этой милостыни полагалась въ основаніе практическаго нравоученія, потребность въ этомъ подвигѣ поддерживалась всѣми тогдашними средствами духовно-нравственной педагогики. Любить ближняго—это прежде всего накормить голоднаго, напоить жаждущаго, посѣтить заключеннаго въ темницѣ. Человѣколюбіе на дѣлѣ значило *нищелюбіе*. Благотворительность была не столько вспомогательнымъ средствомъ общественнаго благоустройства, сколько *необходимымъ условіемъ личнаго нравственнаго здоровья: она больше нужна была самому нищелюбцу, чѣмъ нищему.* Цѣлительная сила милостыни полагалась не столько въ томъ, чтобы утереть слезы страждущему, удѣляя ему часть своего имущества, сколько въ томъ, чтобы, смотря на его слезы и страданія, самому пострадать съ нимъ, пережить то чувство, которое называется человѣколюбіемъ. Древне-русскій благотворитель, «христолюбецъ», менѣе помышлялъ о томъ, чтобы добрымъ дѣломъ поднять уровень общественнаго благосостоянія, чѣмъ о томъ, чтобы возвысить уровень собственнаго духовнаго совершенствованія. *Когда встрѣчались двѣ древне-русскія руки, одна съ просьбой Христа ради, другая съ подаяніемъ во имя Христово, трудно было сказать, которыя изъ нихъ больше подавали милостыни другой: нужда одной и*

[1]) Въ этихъ и непосредственно слѣдующихъ словахъ указывается фактъ, слишкомъ общій и постоянный, чтобы въ немъ не видѣть нѣкоторый родъ исторической антиноміи: непомнимъ обычай гостепріимства у кавказскихъ горцевъ, у арабовъ, и возможность умереть отъ голодной смерти среди многолюдныхъ улицъ европейскихъ столицъ—и мы увидимъ, какъ всякій прогрессъ общественности есть въ то же время регрессъ личности: что (какъ благотворительность) беретъ на себя государство, то естественно слагаетъ съ себя индивидуумъ, какъ ненужное болѣе, не требуемое —и когда случайно требованіе предъявляется къ индивидууму, оно уже не находитъ въ немъ нужныхъ сторонъ души.

помощь другой сливались во взаимодѣйствіи братской любви обѣихъ. Вотъ почему древняя Русь понимала и цѣнила только личную, непосредственную благотворительность, милостыню подаваемую изъ руки въ руку, притомъ «отай», тайкомъ, не только отъ сторонняго глаза, но и отъ собственной «шуйцы».

Нищій былъ для благотворителя лучшій богомолецъ, молитвенный ходатай, душевный благодѣтель. «Въ рай входятъ святой милостыней», говорили въ старину: «нищій богатымъ питается, а богатый нищаго молитвой спасается». Благотворителю нужно было воочію видѣть людскую нужду, которую онъ облегчалъ, чтобы получить душевную пользу; нуждающійся долженъ былъ видѣть своего милостивца, чтобы знать, за кого молиться. Древне-русскіе цари наканунѣ большихъ праздниковъ, рано по утрамъ, дѣлали тайные выходы въ тюрьмы и богадѣльни, гдѣ изъ собственныхъ рукъ раздавали милостыню арестантамъ и призрѣваемымъ, такъ же посѣщали и отдѣльно живущихъ убогихъ людей. Какъ трудно изучить и лѣчить болѣзнь по рисунку или манекену больного организма, такъ казалось малодѣйствительной заочная милостыня. Въ силу того же взгляда на значеніе благотворительнаго дѣла *нищенство считалось въ древней Руси не экономическимъ бременемъ для народа, не язвой общественнаго порядка, а однимъ изъ главныхъ средствъ нравственнаго воспитанія народа, состоящимъ при церкви практическимъ институтомъ общественнаго благонравія.* Какъ въ клиникѣ необходимъ больной, чтобы научиться лѣчить болѣзни, такъ *въ древнерусскомъ обществѣ необходимъ былъ сирый и убогій, чтобы воспитать умныя и навыкъ любить человѣка.* Милостыня была дополнительнымъ актомъ церковнаго богослуженія, практическимъ требованіемъ правила, что вѣра безъ дѣлъ мертва. Какъ живое орудіе душевнаго спасенія, нищій нуженъ былъ древне-русскому человѣку во всѣ важныя минуты его личной и семейной жизни, особенно въ минуты печальныя. Изъ него онъ создалъ идеальный образъ, который онъ любилъ носить въ мысли, какъ олицетвореніе своихъ лучшихъ чувствъ и помышленій. Еслибы чудодѣйственнымъ актомъ законодательства или экономическаго прогресса и медицинскаго знанія вдругъ исчезли въ древней Руси всѣ нищіе и убогіе, кто знаетъ—можетъ быть древне-русскій милостивецъ почувствовалъ бы нѣкоторую нравственную неловкость, подобно человѣку оставшемуся безъ посоха, на который онъ привыкъ опираться: у него оказался бы недочетъ въ запасѣ средствъ его душевнаго домостроительства. Трудно сказать, въ какой степени такой взглядъ на благотворительность содѣйствовалъ улучшенію древне-русскаго общежитія. Никакими методами соціологическаго изученія нельзя вычислить, какое количество добра вливала въ людскія отношенія эта ежедневная, молчаливая, тысячерукая милостыня, насколько она пріучала людей любить человѣка и отучала бѣдняка ненавидѣть богатаго» [1]).

[1]) «Добрые люди древней Руси», стр. 2—4.

Вотъ слова, по-истинѣ драгоцѣнныя, заслуживающія войти во всякую учебную хрестоматію, прозвучать въ каждомъ умѣ и сердцѣ современнаго общества, такъ безмѣрно удалившагося отъ смысла и буквы этихъ словъ. Собственно, обо всемъ этомъ приблизительное понятіе мы имѣли и раньше; и раньше знали мы, что древняя Русь была «богомольна и милостива»; но недоставало формулы, сжатыхъ и точныхъ образовъ, которые собрали бы и отвердили эти смутныя представленія.

II.

Но, кромѣ этой цѣнности формулы, важно и разъясненіе смысла древней жизни, которое содержится въ приведенныхъ словахъ: въ нихъ показанъ узелъ взаимно переплетенныхъ понятій и чувствъ, взглянувъ на которыя мы тотчасъ понимаемъ, что, изолированно одно отъ другого, они не могли бы существовать, что они суть часть живаго историческаго организма и должны были умереть тотчасъ какъ только перемѣнилась его структура — то цѣлое, въ чемъ они составляли часть.

И въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторая созерцательность, углубленіе въ свой внутренній міръ, въ свою совѣсть суть необходимыя условія для того, чтобы эта совѣсть была столь чувствительна, чтобы ея «внутреннее домостроительство» было такой непремѣнной потребностью и удовлетворялось средствами столь деликатными. Внѣшній покой, обращеніе вниманія куда-то внутрь — къ своей душѣ, къ кругу своей семьи и къ тѣмъ, кто къ ней приближается со стороны, отсутствіе какой-либо смятенности въ жизни и въ совѣсти — было той почвой, на которой выросли всѣ эти близкія, человѣколюбивыя отношенія въ древней Руси. И можно представить себѣ, до какой степени все это стало невозможно тотчасъ, какъ только этотъ покой былъ нарушенъ: какъ ненуженъ сталъ «посохъ», который представлялъ собою для древняго «христолюбца» нищій, какъ только этотъ «христолюбецъ» вошелъ въ коллегіумъ, сталъ на палубу корабля, поѣхалъ учиться за море. Иныя мысли, цѣлый вихрь этихъ мыслей, нужда, отвѣтственность, совмѣстность работы — все это смяло прежній укладъ души, смутило, взволновавъ, кристальную поверхность жизни. Явились иныя потребности, и между ними на первомъ мѣстѣ — потребность силы, внѣшняго одолѣнія, и въ сторону этихъ потребностей стали расти силы души, въ то же время умаляясь въ другихъ направленіяхъ. Перемѣнились задачи исторіи, и съ ними преобразился самъ человѣкъ.

Если мы обратимъ вниманіе только на то, что *новаго пріобрѣлъ* въ этомъ превращеніи человѣкъ, мы безъ сомнѣнія поймемъ его, какъ успѣхъ, какъ шагъ впередъ, какъ улучшеніе; но наше отношеніе къ этому превращенію станетъ по крайней мѣрѣ сомнительнымъ, если, смотря на пріобрѣтенное, мы не забудемъ и о поте-

рянномъ. Это потерянное, въ самомъ дѣлѣ, имѣетъ гораздо болѣе абсолютную цѣну, нежели то, что̀ замѣстило его: внѣшняя сила, успѣхъ всякаго предпріятія, конечно, цѣнны; цѣнно, что, вѣчно побѣждаемые, мы стали наконецъ, побѣждать; что стали умѣлы уже во многихъ дѣлахъ и усиливаемся, и надѣемся стать когда нибудь умѣлыми во всѣхъ. Въ этомъ именно направленіи движется нашъ прогрессъ: намъ все еще кажется, что наши ружья недостаточно скоро стрѣляютъ, поѣзда желѣзныхъ дорогъ недостаточно быстро движутся, что есть народы, которые не менѣе насъ сильны. Но *наши ли* это идеалы? вѣчны ли они? могутъ ли они насытить сколько-нибудь наше сердце? Вотъ мы побѣдили всѣхъ и на покоренной землѣ движемся во всѣхъ направленіяхъ съ головокружительной быстротой: неужели достаточно этого, чтобы лицо наше никогда болѣе не выразило скорби? чтобы жизнь почувствовалась нами легко? Не почувствуется ли она скорѣе какъ могила? и древній, *ничего не умѣющій* «христолюбецъ» не покажется ли намъ гораздо лучше понявшимъ смыслъ жизни, нежели мы со своей техникой, со своимъ богатствомъ, съ тысячею вычурныхъ навыковъ и ни къ чему существенному не ведущихъ «умѣній»?

III.

В. О. Ключевскій приводитъ и факты, одѣвающіе живою плотью его общій взглядъ. Въ 1601—1603 годахъ, во время посѣтившаго Россію голода, «жила въ своемъ имѣніи вдова-помѣщица, жена зашточнаго провинціальнаго дворянина, Ульяна Устиновна Осорьина. Это была простая, обыкновенная добрая женщина древней Руси, скромная, боявшаяся чѣмъ-нибудь стать выше окружающихъ. Она отличалась отъ другихъ развѣ только тѣмъ, что жалость къ бѣдному и убогому—чувство, съ которымъ русская женщина на свѣтъ родится,—въ ней была тоньше и глубже, обнаруживалась напряженнѣе, чѣмъ во многихъ другихъ и, развиваясь отъ непрерывной практики, постепенно наполнила все ея существо, стала основнымъ стимуломъ ея нравственной жизни, ежеминутнымъ влеченіемъ ея вѣчно дѣятельнаго сердца. Еще до замужества, живя у тетки по смерти родителей, она обшивала всѣхъ сиротъ и немощныхъ вдовъ въ ея деревнѣ, и часто до разсвѣта не гасла свѣча въ ея свѣтлицѣ. По выходѣ ея замужъ, свекровь поручила ей веденіе домашняго хозяйства, и невѣстка оказалась умной и распорядительной хозяйкой. Но привычная мысль о бѣдномъ и убогомъ не покидала ее среди домашнихъ и семейныхъ хлопотъ. Она глубоко усвоила себѣ христіанскую заповѣдь о тайной милостынѣ. Бывало, уйдетъ ея мужа на царскую службу куда-нибудь въ Астрахань года на два или на три. Оставшись дома и коротая одинокіе вечера, она шила и пряла, рукодѣлье свое продавала и выручку тайкомъ раздавала нищимъ,

которые приходили къ ней по ночамъ. Не считая себя въ правѣ брать что-нибудь изъ домашнихъ запасовъ безъ спроса у свекрови, она однажды прибѣгла даже къ маленькому лукавству съ благотворительной цѣлью. Ульяна была очень умѣренна въ пищѣ, только обѣдала, не завтракала и не полдничала, что̀ очень тревожило свекровь, боявшуюся за здоровье молодой невѣстки. Случился на Руси одинъ изъ нерѣдкихъ неурожаевъ, и въ Муромскомъ краю наступилъ голодъ. Ульяна усилила обычную свою тайную милостыню и, нуждаясь въ новыхъ средствахъ, вдругъ стала требовать себѣ полностью завтраковъ и полдниковъ, которые, разумѣется, шли въ раздачу голодающимъ. Свекровь полушутливо замѣтила ей: «что̀ это подѣялось съ тобой, дочь моя? когда хлѣба было вдоволь, тебя бывало не дозовешься ни къ завтраку, ни къ полднику, а теперь, когда всѣмъ стало ѣсть нечего, у тебя такая охота къ ѣдѣ припала?»—«Пока не было у меня дѣтей,—отвѣчала невѣстка,—мнѣ ѣда и на умъ не шла, а какъ пошли ребята родиться, я отощала и никакъ не могу наѣсться, не только-что днемъ, но часто и ночью такъ и тянетъ къ ѣдѣ, только мнѣ стыдно, матушка, просить у тебя». Свекровь осталась довольна объясненіемъ своей доброй лгуньи и позволила ей брать себѣ пищи, сколько захочется, и днемъ, и ночью.

Эта постоянно возбужденная сострадательная любовь къ ближнему, обдѣленному жизнью, помогла Ульянѣ легко переступить черезъ самые закоренѣлые общественные предразсудки древней Руси. Глубокая юридическая и нравственная пропасть лежала между древнерусскимъ барином̀ъ и его холопомъ: послѣдній былъ для перваго по закону не лицомъ, а простою вещью. Слѣдуя исконному туземному обычаю, а можетъ быть и греко-римскому праву, не вмѣнявшему въ преступленіе смерти раба отъ побоевъ господина, русское законодательство еще въ XIV в. провозглашало, что если господинъ *огрѣшится*, неудачнымъ ударомъ убьетъ своего холопа или холопку, за это его не подвергать суду и отвѣтственности. Церковь долго и напрасно вопіяла противъ такого отношенія къ крѣпостнымъ людямъ. Десятками наполняя дворы зажиточныхъ землевладѣльцевъ, челядь составляла толпу домашнихъ нищихъ, болѣе жалкихъ сравнительно съ вольными публичными нищими. Древнерусская церковная проповѣдь такъ и указывала на нихъ господамъ, какъ на ближайшій предметъ ихъ состраданія, призывая ихъ позаботиться о своихъ челядинцахъ прежде, чѣмъ протягивать руку съ благотворительной копѣйкой нищему, стоящему на церковной паперти. Въ усадьбѣ Ульяны было много челяди. Она ее хорошо кормила и одѣвала, не баловала, но щадила, не оставляла безъ дѣла, но задавала каждому работу по силамъ и не требовала отъ нея личныхъ услугъ: что могла—все дѣлала для себя сама, не допускала даже разувать себя и подавать воды

умыться. При этомъ она не позволяла себѣ обращаться къ крѣпостнымъ съ кличками, но каждаго и каждую называла настоящимъ именемъ. Кто, какія соціальныя теоріи научили ее, простую сельскую барыню XVI вѣка, стать въ такія прямыя и обдуманныя отношенія къ низшей подвластной братіи?»

Тутъ едва ли умѣстны слова объ «обдуманности»: нѣтъ, не «обдуманность», но живое ощущеніе, что передо мной стоитъ другой подобный же человѣкъ и, быть можетъ, по внутреннимъ своимъ дарамъ даже лучшій и высшій, чѣмъ я, хотя мнѣ и подчиненный, можетъ сблизить меня съ нимъ внутренно, и, сблизя, уже вызвать къ нему и соотвѣтствующія отношенія. И это же можетъ сдѣлать *запрещъ*, строгое и тѣсное обращеніе къ темнымъ сторонамъ моей души, которыя должны прятаться, которыя отсѣкаются безъ уступчивости, какъ уродливый наростъ на духовномъ моемъ существѣ, а не поощряются, не прощаются, не допускаются, какъ слабость. Было достаточно «обдуманности» въ римскомъ правѣ, дозволявшемъ употреблять рабовъ на откармливаніе рыбы въ прудахъ; и не менѣе было обдуманности въ образованныхъ кругахъ Франціи XVIII вѣка, когда, однако, передъ урокомъ алгебры или философіи, судя по мемуарамъ, женщины спокойно брали ванны въ присутствіи мужской прислуги, такъ же мало испытывая при этомъ стыдливости, какъ въ присутствіи собаки или кошки, которая случилась бы тутъ. «Обдуманность» испытана въ исторіи и въ этомъ испытаніи оказалась недостаточной: она не вѣрна, колеблется, не простираетъ безусловнаго вліянія на цѣлую природу человѣка; и страсти, руководя дѣйствіями и отношеніями людей, всегда и при всякой обдуманности могутъ сдѣлать эти дѣйствія преступными, эти отношенія—невыносимыми.

«Осорьина была уже въ преклонныхъ лѣтахъ, когда ее постигло послѣднее и самое благотворительное испытаніе. Похоронивъ мужа, выростивъ сыновей и поставивъ ихъ на царскую службу, она уже помышляла о вѣчномъ устроеніи собственной души, но все еще тлѣла передъ Богомъ любовью къ ближнему, какъ тлѣетъ передъ образомъ догорающая восковая свѣчка. Нищелюбіе не позволяло ей быть запасливой хозяйкой. Домовое продовольствіе она разсчитывала только на годъ, раздавая остальное нуждающимся. Бѣдный былъ для нея какой-то бездонной сберегательной кружкой, куда она съ ненасыщаемымъ сконидомствомъ все прятала да прятала всѣ свои сбереженія и излишки. Порой у нея въ домѣ не оставалось ни копѣйки отъ милостыни, и она занимала у сыновей деньги, на которыя шила зимнюю одежду для нищихъ, а сама, имѣя уже подъ 60 лѣтъ, ходила всю зиму безъ шубы. Начало страшнаго голоднаго трехлѣтія при царѣ Борисѣ застало ее въ Нижегородской вотчинѣ совсѣмъ неприготовленной. Съ полей своихъ она не собрала ни зерна, запасовъ не было, скотъ палъ почти

весь отъ безкормицы. Но она не упала духомъ, а бодро принялась за дѣло, распродала остатокъ скота, платье, посуду, все цѣнное въ домѣ и на вырученныя деньги покупала хлѣбъ, который и раздавала голодающимъ. Ни одного просящаго не отпускала съ пустыми руками и особенно заботилась о прокормленіи своей челяди. Тогда многіе разсчетливые господа просто прогоняли съ дворовъ своихъ холоповъ, чтобы не кормить ихъ, но не давали имъ отпускныхъ, чтобы послѣ воротить ихъ въ неволю. Брошенные на произволъ судьбы, среди всеобщей паники, холопы принимались воровать и грабить. Ульяна больше всего старалась не допустить до этого своихъ челядинцевъ и удерживала ихъ при себѣ, сколько было у ней силы. Наконецъ, она дошла до послѣдней степени нищеты, обобрала себя до чиста, такъ что не въ чемъ стало выйти въ церковь. Выбившись изъ силъ, израсходовавъ весь хлѣбъ до послѣдняго зерна, она объявила своей крѣпостной дворнѣ, что кормить ее больше она не можетъ, и кто желаетъ — пусть беретъ свои крѣпости или отпускныя и идетъ съ Богомъ на волю. Нѣкоторые ушли отъ нея и она проводила ихъ съ молитвой и благословеніемъ; но другіе отказались отъ воли, объявили, что не пойдутъ, скорѣе умрутъ со своей госпожей, чѣмъ покинутъ ее. Она разослала своихъ вѣрныхъ слугъ по лѣсамъ и полямъ собирать древесную кору и лебеду, и принялась печь хлѣбъ изъ этихъ суррогатовъ, которыми кормилась съ дѣтьми и холопами, даже ухитрялась дѣлиться съ нищими, «потому что въ то время нищихъ было безъ числа», лаконически замѣчаетъ ея біографъ. Окрестные помѣщики съ упрекомъ говорили этимъ нищимъ: «зачѣмъ это вы заходите къ ней? Чего взять съ нея? Она и сама помираетъ съ голода.» — «А мы вотъ что скажемъ, говорили нищіе: много обошли мы сель, гдѣ намъ подавали настоящій хлѣбъ, да и онъ не ѣлся намъ такъ въ сласть, какъ хлѣбъ этой вдовы — какъ, бишь, ее?» Многіе нищіе не умѣли и назвать ее по-имени. Тогда сосѣди-помѣщики начали подсылать къ Ульянѣ за ея диковиннымъ хлѣбомъ; отвѣдавъ его, они находили, что нищіе были правы, и съ удивленіемъ говорили межъ себя: мастера же ея холопы хлѣба печь! Съ какой любовью надобно было подавать нищему ломоть хлѣба, не безукоризненнаго, чтобы этотъ ломоть становился предметомъ поэтической легенды тотчасъ, какъ былъ съѣденъ! Два года терпѣла она такую нищету и не опечалилась, не роптала, не дала безумія Богу, не изнемогла отъ нищеты — напротивъ, была весела, какъ никогда прежде, — такъ заканчиваетъ біографъ свой разсказъ объ ея послѣднемъ подвигѣ. Она умерла вскорѣ по окончаніи голода, въ началѣ 1604 года. Преданія нашего прошлаго не сохранили намъ болѣе возвышеннаго и болѣе трогательнаго образца благотворительной любви къ ближнему».

«Никто не сосчиталъ», — говоритъ въ заключеніе почтенный

профессоръ, — «ни одинъ историческій памятникъ не записалъ, сколько было тогда Ульянъ въ Русской землѣ, и какое количество голодныхъ слезъ утерли онѣ своими добрыми руками. Надобно полагать, что было достаточно тѣхъ и другихъ, потому что Русская земля пережила тѣ страшные годы, обманувъ ожиданія своихъ враговъ» [1]).

IV.

Здѣсь невольно припоминаются намъ слова другого уважаемаго профессора, котораго, лѣтъ 10 назадъ, пишущему строки эти привелось слушать, какъ и В. О. Ключевскаго. Говоря о смѣнѣ нравственныхъ идеаловъ въ эпоху Возрожденія, профессоръ Н. И. Стороженко привелъ, какъ примѣръ упадающихъ идеаловъ, Елизавету, ландграфиню Тюрингенскую: «Счастливая жена и мать,—говорилъ онъ, она мучилась, однако, сознаніемъ, что провела жизнь не въ дѣвствѣ. Овдовѣвъ и потерявъ состояніе, она радовалась, когда приходилось ей унижаться изъ-за куска хлѣба для себя и дѣтей. Получивъ снова свое состояніе, она раздала его по монастырямъ, основала больницы, ухаживала за больными и прокаженными и умерла преждевременно отъ непосильныхъ трудовъ и истощенія».

Этотъ образъ для каждаго и русскаго, конечно, такъ-же благороденъ и дорогъ, какъ и образъ нашей родной Ульяны. Мы хотимъ только остановиться на разницѣ, которая есть въ этихъ двухъ образахъ.

Извѣстно громадное значеніе труда «De civitate Dei» блаженнаго Августина для всего послѣдующаго развитія римско-католической церкви. Начатый въ тотъ самый годъ, когда стѣны вѣчнаго города, покинутаго своимъ императоромъ, дрожали подъ ударами Лариха и его вестъ-готовъ, трудъ этотъ какъ бы носитъ на страницахъ своихъ отблескъ того историческаго зарева, при свѣтѣ котораго онъ писался. Не забудемъ, что блаженный Августинъ былъ типичный представитель своего времени, и даже для всѣхъ временъ онъ есть высокій выразитель античной цивилизаціи, ея духа, ея красоты. И вотъ, эта красота невозвратимо рушилась на его глазахъ подъ гуннами, подъ готами, подъ вандалами и другими. Civitas Dei — это тѣсный градъ, это—неразрушимая, вѣчная весь, подъ которою спасаются немногіе, когда остальные гибнутъ, когда міръ подвергается катаклизмамъ. Это — церковь. Съ страстностью, какая могла возникнуть только въ такой мигъ и въ такомъ сердцѣ, эта идея церкви-града противоположилась міру, какъ его отрицаніе, какъ его осужденіе, какъ радость о гибели его – въ тайникахъ души однако-же дорогого. Въ «De civitate Dei», въ самомъ дѣлѣ, содержится объясненіе паденія древняго міра, оправ-

[1]) Тамъ же, стр. 8—9.

даніе этого паденія, радость о немъ. Невозможно достаточно оцѣнить силу душевнаго поворота, какой совершился въ творцѣ этого замѣчательнаго труда, — но нельзя не замѣтить и нѣкоторой его болѣзненности и узкости, обусловленныхъ отношеніемъ этого душевнаго состоянія все же къ частному и временному факту исторіи, хотя и единственному по своимъ размѣрамъ и трагизму.

Эта сила, эта болѣзненность и исключительность и залегли во все послѣдующее развитіе западной церкви: идея тѣсной вси Божіей, какъ чего-то далекаго отъ міра и ему противоположнаго, съ нимъ не связаннаго и только борющагося, эта идея (вѣрнѣе, чувство) стала основной для великихъ организаторовъ новаго историческаго зданія, которое мы называемъ католицизмомъ: безбрачіе всего клира; ему одному доступность «и крови Христовой»; непонятный живымъ народамъ богослужебный языкъ; наконецъ, ученіе о государствахъ, какъ преходящихъ ступеняхъ исторіи, и о государяхъ, какъ свергаемыхъ гнѣвомъ Божіимъ простыхъ избранникахъ толпы,—все это заключалось уже, какъ выводъ, въ томъ основномъ чувствѣ, съ которымъ блаженный Августинъ, на развалинахъ древняго міра, писалъ какъ-бы завѣты для новаго.

«Анти-міръ» — такъ можно было бы опредѣлить церковь, выросшую на этихъ особыхъ завѣтахъ, могучихъ въ силѣ своей, но и односторонних: и вотъ почему Западный міръ, насколько онъ не вошелъ въ нее, насколько онъ выросъ изъ какихъ бы то ни было другихъ началъ — политическихъ, культурныхъ, раціональныхъ—всюду и постоянно становился «Анти-церковь». Безъ взаимнаго просвѣтлѣнія, безъ желанія понять другъ друга, безъ сожалѣнія, съ какимъ-то отмщающимъ чувствомъ они борются въ исторіи, безъ другаго удовлетворенія, безъ другой надежды какъ только— не видѣть другъ друга, не знать другъ о другѣ, какъ день ничего не знаетъ о ночи, имъ смѣняемой, но съ нимъ не смѣшивающейся.

Позже язычество въ эпоху гуманизма, походы королей на Римъ и посылка ими же туда простыхъ убійцъ, наконецъ открытый атеизмъ XVIII — XIX вв., рѣшеніе окончательно устроиться на землѣ безъ Бога и противъ Бога — есть только антитеза желанію «устроиться безъ міра и вопреки міру», какая гораздо ранѣе совершилась уже въ римской церкви.

«Я не миръ принесъ на землю, но вражду и раздѣленіе» — это таинственное пророчество Спасителя во всей полнотѣ своей осуществилось въ западной вѣтви Имъ основанной церкви.

И, однако, если только «вражду и раздѣленіе» Онъ принесъ, гдѣ же мѣсто для завѣта: «возлюби ближняго своего, возлюби врага своего»?

Мѣсто это тамъ, гдѣ нѣтъ борьбы какъ сущности, гдѣ она есть лишь случайность и заблужденіе. Замѣчательна разница въ типѣ,

который наблюдается во всѣхъ средствахъ спасенія, употребляемыхъ по отношенію къ заблуждающимся въ западной и въ восточной вѣтвяхъ церкви: на Западѣ они всегда носятъ характеръ причинный, *отгоняющій отъ заблужденія*, на Востокѣ — характеръ цѣлесообразный, *привлекающій* къ истинѣ. Среди осужденнаго къ гибели міра, въ одинокую и вѣчную весь можно ли ожидать грѣшниковъ? развѣ, когда гибнетъ корабль среди бури, есть мѣсто убѣжденію для гибнущихъ? не заключается ли дѣло въ томъ, чтобы какъ можно поспѣшнѣе, какъ можно больше полузахлебнувшихся, полуживыхъ набросать въ лодки, гдѣ уже сидятъ сильные гребцы съ приподнятыми веслами, чтобы грести къ близкому и твердому берегу, недоступному для волнъ (Civitas Dei)?

Этого понятія о грѣхѣ, какъ о чемъ-то всеобъемлющемъ, окончательно и безвозвратно погубляющемъ вотъ эти предстоящія толпы людей, вовсе нѣтъ въ восточной церкви. Проникающее ее чувство спокойнѣе и вѣчнѣе: оно не относится, въ своемъ происхожденіи, ни къ какому единичному факту, ни къ какому историческому катаклизму; поэтому и нѣтъ въ немъ ни того напряженія, страстности, какія наблюдаются въ господствующемъ на Западѣ религіозномъ чувствѣ, и нѣтъ его узкости, односторонности, болѣзненности. Ощущеніе *уже совершившагося искупленія* рода человѣческаго отъ грѣха здѣсь гораздо жизненнѣе, ярче — и, сообразно ощущенію этому, все здѣсь свѣтлѣе, радостнѣе: нѣтъ абсолютности въ гибели людей и въ порокахъ ихъ — есть только легкомысліе, забвеніе главнаго. Не толпа *слѣпорожденныхъ* проходитъ передъ церковью — толпа, которая не видитъ ея и сама не можетъ увидать, которую нужно поэтому «ввести» туда (compelle, intrare). — вокругъ нея, въ опьяненіи минуты, безумствуетъ, *закрывъ глаза*, слишкомъ пока довольная, слишкомъ счастливая толпа. Пройдутъ эти минуты безумнаго веселья, почувствуется низменность этого счастья, и тогда люди сами увидятъ, гдѣ имъ должно быть. Въ храмъ горящій свѣчами, теплящійся молитвами, *о нихъ молитвами*, они войдутъ и возьмутъ предуготовленныя для нихъ свѣчи — и поклонятся всѣ Единому Богу.

Существеннѣйшая черта православія заключается въ этомъ: оно ожидаетъ, оно долготерпитъ [1]; не проклинаетъ, не ненавидитъ,

---

[1]) Это отражается и на частностяхъ, напр. на понятіи о милостынѣ: много лѣтъ назадъ, подавъ нищему монету и слѣдя за нимъ въ окно, я увидѣлъ, какъ онъ прямо пошелъ въ кабакъ. Повинуясь невольному движенію сердца, воспитаннаго въ вдеяхъ, ничего общаго съ православіемъ не имѣющихъ, я тотчасъ раздражился и громко выразилъ сожалѣніе о подаяніи, милостынею я дѣлалъ только утилитарный поступокъ и, разъ въ немъ не было нужной стороны, онъ былъ въ моихъ глазахъ дуренъ, вреденъ. Бывшая тутъ же четырнадцати-лѣтняя крестьянская дѣвушка (изъ старовѣрческой семьи), услышавъ ропотъ мой, съ волненіемъ замѣтила: «что баять за дѣло, куда онъ пошелъ и что сдѣлалъ съ вашими деньгами? — за это онъ отвѣтитъ Богу; а вы только

не гонитъ. И, сообразно этому внутреннему покою, чужда какая-либо экзальтація всѣмъ его внѣшнимъ выраженіямъ: наши храмы никуда не устремляются своими формами, они свѣтлы внутри, порывистость и страстность чужда нашимъ церковнымъ напѣвамъ; и, въ противоположность всему этому, какъ сумрачны, затѣнены католическіе каѳедралы, какая устремленность въ готикѣ и тоскующее желаніе, трудно сдержанный порывъ въ церковной западной музыкѣ.

V.

Этотъ духъ церкви, еще библейскій на Западѣ, уже евангельскій на Востокѣ, наложилъ печать свою и на народные характеры. Мы возвратимся теперь снова къ двумъ идеальнымъ типамъ христіанской нравственности, о которыхъ говорили выше.

Въ характерѣ идеальной христіанки древней Руси мы наблюдаемъ прежде всего полную *слiянность* съ окружающею жизнью—слiянность въ интересахъ, въ привязанностяхъ, въ способахъ радоваться и въ причинахъ печали. Ульяна—мать и, очевидно, счастливая; выполнивъ весь свой долгъ передъ Богомъ, она чужда какого-либо осужденія къ тѣмъ, кто забылъ свой долгъ; на путь, ею пройденный, она никого не вноситъ и дѣтей своихъ выводитъ на другой, для всѣхъ обычный путь. Высокія способности своей души она, очевидно, считаетъ особымъ даромъ Божіимъ, за который она должна Его благодарить, но за отсутствіе котораго осудить другихъ—значило бы роптать на Бога и Его Промыслъ. Въ годину, особенно бѣдственную, нищенствуя съ нищими, она и особенно весела и дѣятельна. Такимъ образомъ слiянность ея съ окружающими людьми и съ окружающею жизнью есть полное подчиненіе, наравнѣ съ ними, вѣчнымъ законамъ природы, которые священны: «благословенъ Богъ мой и благословенъ міръ Его»—какъ бы слышится въ каждомъ поступкѣ этой женщины, ничего не отрицающей, всему покоряющейся, во всемъ долготерпѣливой.

Очень сходны, по содержанію своему, съ ея добрыми дѣлами и добрыя дѣла ея западной сестры, Елизаветы Тюрингенской. Но, при этомъ сходствѣ, и какое внутреннее различіе: духомъ осужденія вѣетъ отъ всего ея нравственнаго склада, осужденія — міру, его радостямъ, его естественнымъ законамъ и путямъ развитія; скорбь и сожалѣніе чувствуетъ она къ себѣ, насколько вступила,

---

подайте — Богъ у васъ только за это спроситъ». Иными словами: не размышляя и не анализируя, поступай хорошо, дѣлай добро; увидѣть это добро и послѣдовать ему или нѣтъ—это принадлежитъ чужой свободной волѣ, которая наравнѣ съ вашей имѣетъ свое самостоятельное отношеніе къ Богу. Абсолютность добра, его необусловленность обстоятельствами, его всегдашнее требованіе — и, одновременно, свобода индивидуальной воли, ея самоопредѣляемость, отчетливо и твердо здѣсь выражены.

насколько она не могла не вступить на эти пути; и участіе къ міру этому лишь тогда, когда, свернувшись на этихъ путяхъ, онъ разбитъ, страдаетъ, гноится въ ранахъ.

«По-ту-сторонняя церковь»—невольно думается при этомъ: церковь, не просвѣтляющая дѣйствительность, но отрицающая ее. И не отъ этого ли жизнь — насколько она уже есть, еще не истреблена—вздымаетъ свои мутныя волны, безъ какого-либо играющаго въ нихъ луча, чтобы залить эту церковь, всякую святыню на землѣ, чтобы все погрузить въ первобытную тьму?

Культурная хроника русскаго общества и литературы за XIX вѣкъ.

Ник. Барсуковъ. Жизнь и труды М. Погодина. Книги первая — девятая. С.-Петербургъ 1888—1895.

I.

Исторія культурнаго нашего развитія за самые знаменательные годы, приблизительно отъ 1818 [1]) и до 1875 г. (если Богъ дастъ г. Барсукову окончить его трудъ), которую мы имѣемъ подъ скромнымъ именемъ *Жизни и трудовъ Погодина*, возникла почти случайно. Желаніе вдовы покойнаго нашего историка издать біографію ею чтимаго мужа совпало съ тѣмъ обстоятельствомъ, что уже съ 1820 года онъ началъ вести *Дневникъ*, куда заносилъ свои наблюденія, замѣчанія, разговоры, отзывы о лицахъ и событіяхъ, предположенія и пр., и велъ его на протяженіи 55 лѣтъ; а, главное — все это совпало съ тѣмъ, что приблизительно около 1875 г. уже жилъ замѣчательный человѣкъ, который былъ какъ-бы *насыщенъ* высокимъ культомъ къ духовному развитію нашего общества, и притомъ въ средѣ учениковъ незабвеннаго московскаго профессора. Предложеніе г-жи Погодиной было обращено къ нему; въ его руки попалъ неоцѣнимый «Погодинскій Архивъ»—всѣ эти тетради дневниковъ, кипы писемъ, гдѣ подъ пылью, подъ выцвѣтшими чернилами таилась жизнь полу-вѣка. Онъ ее дополнилъ еще всѣмъ обильнымъ историческимъ матерьяломъ, ранѣе уже опубликованнымъ въ нашихъ какъ спеціальныхъ, такъ и обще-литературныхъ журналахъ;

---

[1]) Годъ, съ котораго начинаютъ довольно подробно описываться жизнь и столкновенія житейскія Погодина.

все это привелъ день ко дню, разговоръ прерванный—къ его окончанію, письмо написанное — къ отвѣту на него, и развернулъ панораму.

Одну изъ привлекательныхъ сторонъ труда г. Барсукова составляетъ какъ бы безсознательность его, непреднамѣренность, какъ въ выборѣ содержанія, такъ и въ выполненіи, и наконецъ даже въ самомъ заглавіи. Онъ предполагалъ написать жизнь одного человѣка, но незамѣтно для самого автора около фигуры этого человѣка выросло цѣлое общество, исторически развивающееся по мѣрѣ того, какъ центральное лицо разсказа переходило изъ возраста въ возрастъ, училось, преподавало, странствовало, покупало и продавало рѣдкости своего *Древлехранилища*, въ мужествѣ произносило одинъ рѣчи и въ старости—другія. Такимъ образомъ, вмѣсто надуманной и скучной «Исторіи русской словесности», мы имѣемъ въ его книгѣ зрѣлище самой жизни, отъ которой, какъ ея естественный цвѣтъ и плодъ, отдѣляется литература. Толпа дѣвушекъ и женщинъ замѣшивается среди холодныхъ ученыхъ и разсчетливыхъ администраторовъ; рядомъ съ изданіями «Московскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ» раскрываются семейныя хлопоты Аксаковыхъ, домашній бытъ Кирѣевскихъ или Тютчевыхъ, частности характера и приключеній вѣчно странствовавшаго Гоголя. И, благодаря этой *смѣшанности* литературы съ жизнью, мы получаемъ безподобную, на фактахъ основанную, *критическую* исторію первой И въ самомъ дѣлѣ, лишь видя, въ какомъ отношеніи къ реальному факту жизни стоялъ тотъ или иной писатель, мы можемъ вскрыть для себя невысказанный смыслъ его произведеній, который дотолѣ намъ представлялся отвлеченно неяснымъ: драмы, хроники, ученые труды, стихотворенія—все это въ безкровныя очертанія свои принимаетъ конкретное содержаніе, все *наливается жизнью* и становится для насъ прозрачно въ малѣйшей своей складкѣ. Мы видимъ героя *Дневника* и вмѣстѣ книги не только въ заботахъ служебныхъ и ученыхъ трудахъ, но и въ полу-любовныхъ волненіяхъ въ имѣніи Знаменскомъ, среди привлекательной семьи Трубецкихъ, гдѣ онъ былъ учителемъ въ юношескіе годы; видимъ его то въ «новомъ фракѣ» отличнаго сукна, подаренномъ ему старымъ княземъ; то открывающимъ въ себѣ «черты удивительнаго сходства» съ Шиллеромъ; то смущенно отмѣчающимъ, что, стоя за всенощной, онъ не былъ внимателенъ къ службѣ, «потому-что ему все мечталась (задуманная) трагедія». Вотъ, почти безъ выбора, нѣсколько мѣстъ изъ книги г. Барсукова, рисующихъ живую и прихотливо сложившуюся натуру всѣмъ памятнаго московскаго старца въ его молодые годы.

Онъ мечталъ о выигрышѣ въ лотереѣ маленькой деревеньки и однажды, гуляя по Мѣщанской (въ Москвѣ, близъ Сухаревой башни) съ Кубаревымъ (товарищъ по университету, позднѣе по каѳедрѣ въ немъ), думалъ о своихъ предпріятіяхъ по выигрышѣ

предполагаемаго имѣнія. Человѣкъ десять отличныхъ студентовъ онъ послалъ бы путешествовать, для усовершенствованія по всѣмъ частямъ учености; собралъ бы отличнѣйшую библіотеку, открытую для всѣхъ любителей учености; завелъ бы училище для образованія учителей на всю Россію; открылъ бы публичныя лекціи. Мерзляковъ (это все — его учителя) читалъ бы русскую словесность; Калойдовичъ — русскую исторію; Кубаревъ, возвратившись изъ путешествія, читалъ бы греческую и римскую словесность, Оболенскій — эстетику, Веселовскій — физіологію, Гульковскій — химію, Павловъ — физику. Мерзлякову онъ назначилъ бы 10 тысячъ жалованья и поручилъ бы ему изданіе, съ примѣчаніями, Ломоносова, Державина. Одновременно съ этимъ Погодинъ думалъ «о составленіи капитальца» и это не мѣшало ему въ то же время читать съ увлеченіемъ сочиненіе Руссо о неравенствѣ, причемъ онъ «съ большимъ удовольствіемъ смотрѣлъ на мѣсяцъ, въ полномъ сіяніи катившійся по голубому небу, и думалъ о Богѣ» (I, 146).

«Что знаю я основательно? Ничего! Боже мой, Боже мой! Какую пользу приношу моему отечеству? Не тунеядецъ ли я? не даромъ ли ѣмъ хлѣбъ? Эти мысли еще болѣе тревожили меня, когда я жилъ у Трубецкихъ (репетиторомъ). Такъ-ли должно учить, какъ учу я? Слѣпецъ слѣпца водитъ. Между тѣмъ я думаю, что едва ли кто лучше меня учитъ. Боже мой, Боже мой»... (I, 144). «Читалъ о сердцѣ Лодеръ (профессоръ анатоміи): Боже мой, съ какою мудростью устроено сердце человѣческое!.. О, атеисты!» (*ib.*)

«Какія великія свойства русскаго народа! Какая преданность вѣрѣ, престолу! Вотъ главное основаніе всѣхъ великихъ дѣяній. Русскій крестится, говоритъ: *Господи, помилуй!* — и идетъ на смерть. Какихъ переворотовъ не было въ Россіи! Иноплеменное двухъ-сотъ лѣтнее владычество, тираны, самозванцы — и все устояло, какъ было, опираясь на религію. Покажите вы, подлыя, низкія души, вы глупыя обезьяны, французы въ русской кожѣ! Покажите мнѣ исторію другаго народа, которая бы сравнялась съ исторіею нашего народа, языкомъ котораго вы стыдитесь говорить, подлецы! Петръ! Петръ! ты все унесъ съ собой!» (I, 138).

«Великъ, безпримѣренъ народъ русскій. Возьмемъ въ примѣръ время Петра. Невѣжество; появился Петръ и какіе явились люди изъ среды этихъ невѣждъ. Все одушевилось. О, Петръ, Петръ — человѣческій Богъ!.. Что почувствовала бы душа Петра, прочтя первую оду Ломоносова?.. Быстрота смысла у русскаго — чудо... «Недоросль» Фонъ-Визина долженъ быть помѣщенъ оригиналомъ въ нашу «Исторію». Восхищались, говоря съ Кубаревымъ, имъ и Державинымъ. Ругали нашихъ бестій, которыя не понимаютъ ихъ» (I, 212). Еще въ другомъ мѣстѣ — какая-то недоконченная мысль: «Златоустъ — изъ *дворянъ*. Осодосій Печерскій *помѣщикъ* курскій» (курс. Пог.). (I, 212).

«Еслибы вдругъ осѣнило меня небесное вдохновеніе и я бухнулъ эпическую поэму *Моисей* [1]), въ 24 пѣснях. которая стала-бы рядомъ съ *Мессіадою*, *Іерусалимомъ* (Тасса). Вдругъ заговорили журналы. Дмитріевъ. Карамзинъ. Жуковскій, Батюшковъ. Пушкинъ ищутъ знакомства. А, дождались мы,—сказали бы они. Въ чужихъ краяхъ зашумѣла бы молва о новой эпической поэмѣ. Академія, руками Карамзина, вручаетъ мнѣ золотую медаль. Я, признательнѣйшій, благодарю, называю Карамзина моимъ учителемъ. Между зрителями—княгиня Голицына (въ которую Пог. былъ полу-влюбленъ) (I, 190).

«То мечталъ онъ, что его узнаетъ Карамзинъ, беретъ жить къ себѣ, опредѣляетъ его занятія, чувствуетъ къ нему привязанность, любитъ его, назначаетъ своимъ преемникомъ, препоручаетъ ему написать свою жизнь и умираетъ. При погребеніи Погодинъ говоритъ ему надгробное слово, краснорѣчивѣйшимъ образомъ описываетъ его добродѣтели, свою горесть, не можетъ выговорить словъ отъ рыданій. Всѣ предстоящіе трогаются и плачутъ съ нимъ. Обнимаетъ его въ послѣдній разъ, цѣлуетъ его руки. Послѣ издаетъ сочиненія Карамзина и передъ ними помѣщаетъ жизнь его». Эти мечты смѣняются другими: «Онъ дѣлается вице-губернаторомъ, губернаторомъ и, наконецъ, министромъ просвѣщенія. Дѣлаетъ полезнѣйшія узаконенія, заводитъ училища, академіи, университеты, учреждаетъ особенный орденъ для ученыхъ, издаетъ всѣ лучшія сочиненія нашихъ писателей, награждаетъ таланты, даетъ благодѣтельные совѣты по всѣмъ частямъ государственнаго управленія, споспѣшествуетъ счастію отечества и... *и самъ ничего не имѣетъ*» (I, 70).

«Восхищался», — пишетъ онъ, «стоя въ Успенскомъ соборѣ. Первый храмъ Россіи: сюда, въ теченіе восьми вѣковъ, приходили государи русскіе молиться Богу за народъ свой. Здѣсь молился Донской, Іоанны: здѣсь служили Алексіи, Филиппы; отсюда выпускали на битву Холмскихъ, Воротынскихъ. Какое благоговѣніе возбуждаетъ сія простота, его куполы, его узкія окошки. Ходили въ Архангельскій соборъ: поклонились гробамъ Калиты, Донскаго, Іоанна III: помолился за Іоанна IV. Были въ Чудовѣ: приложились къ мощамъ св. Алексія, разсматривали одежды его, хранящіяся пятьсотъ лѣтъ. Древность возбуждаетъ сильное чувство. Ходили на Красное крыльцо. Здѣсь, по этимъ ступенямъ ходилъ царь Алексій, за нимъ, въ трескучій морозъ, на рукахъ несли Петра; Наталія шла возлѣ; передъ крыльцомъ толпился народъ и кричалъ: *жива буди многія лѣта, надежа Государь!* и шелъ вмѣстѣ съ нимъ въ церковь Божію. Какія воспоминанія»... (I, 166).

---

[1]) Въ этой поэмѣ, съ планомъ которой долго носился Погодинъ, онъ думалъ выразить натуръ-философскія идеи Шеллинга, чрезвычайно занимавшія и увлекавшія его въ молодости.

Мы привели мѣста, исключительно обнажающія душу Погодина, и не коснулись гораздо болѣе занимательной, но легче представимой для читателя внѣшней стороны жизни какъ его самого, такъ и тѣхъ людей, съ которыми онъ сталкивался. Замѣтимъ только, что вкусъ г. Барсукова, его чуткость къ слову какъ *памятнику* момента, пережитаго душою, не покидаетъ его на протяженіи всѣхъ девяти томовъ и къ лицамъ какого бы разнаго душевнаго склада онъ ни переходилъ (Погодинъ и Бѣлинскій, Гоголь и Герценъ, княжны Трубецкія и митр. Филаретъ, и пр.).

II.

Читатель уже могъ замѣтить, изъ приведенныхъ выдержекъ, что совершенное отсутствіе *классичности*, чѣмъ такъ обильно богатъ былъ Карамзинъ, составляло отличительную особенность Погодина. Онъ весь былъ въ фактѣ, въ жизни; обобщеніе не закрывало отъ него предметовъ, минутъ, людей, ихъ дѣйствій; и также точно его собственный характеръ, порывы, поступки, интересы, занятія не поддаются вовсе подобному обобщенію. Отъ этого — отсутствіе постоянства и единства въ трудахъ его. Какъ ребенокъ, готовый бы заняться годы приводящею его въ восторгъ игрушкой, однако выбрасываетъ ее черезъ минуту изъ рукъ, потому-что видитъ уже другую, лучшую, — такъ Погодинъ, несмотря на специфическое призваніе свое «къ Исторіи» («исторію» онъ всегда писалъ съ большаго «И»), не могъ не бросать ея всякій разъ, когда шумъ событій, новое явленіе въ литературѣ или затрудненіе въ политикѣ звало его вниманіе. Можно сказать, онъ слишкомъ любилъ жизнь и слишкомъ мало цѣнилъ себя, точнѣе—слишкомъ мало былъ на себѣ сосредоточенъ, чтобы посвятить себя одному монументальному труду, хотя бы это былъ «Моисей», имѣвшій поднять нашу литературу на уровень Тасса и Клопштока. Чтобы предпринять «Исторію государства Россійскаго», «Исторію Россіи съ древнѣйшихъ временъ» — необходимъ извѣстный эгоизмъ, нѣкоторая сухость души и высокомѣріе ума, чего и тѣни не было у этого дитяти народа [1]), хотя именно замыслы великихъ твореній бродили у него постоянно въ головѣ. При этомъ замѣчательно—слѣдя на протяженіи девяти томовъ за этимъ человѣкомъ, видя его во всѣ возможныя минуты, во всякихъ положеніяхъ, и даже въ невозможно распущенныхъ, мы ни разу не замѣчаемъ, чтобы онъ былъ въ отношеніи какого-нибудь предмета тупъ, что можемъ подмѣтить въ человѣкѣ даже такихъ великихъ заслугъ, какъ его знаменитый ученикъ С. М. Соловьевъ [2]), и, наконецъ, въ неуловимо легкихъ штрихахъ — въ

[1]) Погодинъ происходилъ изъ крѣпостнаго крестьянства.
[2]) См. его разборъ Лорана, въ «Критическомъ Обозрѣніи», и мн. друг.

Карамзинѣ, и всегда почти—въ «кумирѣ» Погодина, П. П. Дмитріевѣ. И хотя онъ исполненъ самыхъ высокихъ мыслей о себѣ (именно отъ безсознательной даровитости) и только не знаетъ, куда приложить силы—къ «Монсею», переводу «Славянской грамматики» Добровскаго или «Исторіи Россіи до монгольскаго ига», онъ никогда не тщеславенъ и даже почти не видитъ себя, а только тысячи предметовъ, вопросовъ, на которые разбѣгаются его глаза. Отъ этого онъ — истинно благороденъ, несмотря на помыслы «о капиталѣ»: ибо сущность неблагородства въ человѣкѣ есть именно отравленность мысли его собою. Около него, въ разныя поры жизни, стояли истинные геніи — Пушкинъ, Гоголь; въ ранніе годы, какъ нѣкоторыхъ геніевъ, онъ издали созерцалъ Карамзина и Дмитріева—и никогда мучительное чувство Сальери не шевельнулось въ душѣ его. Нужно читать отмѣтки его *Дневника* за время пребыванія въ Знаменскомъ, среди высоко-аристократической семьи, гдѣ этотъ сынъ народа, еще продолжавшаго оставаться въ закрѣпощеніи, имѣлъ единственный предметъ смущенія и раздраженія въ томъ, что здѣсь употребляютъ «подлый французскій языкъ», и онъ съ живостью записываетъ у себя въ книжкѣ:

«Я замѣчаю, что французскій языкъ хотя здѣсь и употребляется, но не потому, чтобы онъ нравился, а отъ того, что всѣ его употребляютъ»—

и младшихъ членовъ семьи онъ перетягиваетъ на свою сторону, къ употребленію «природнаго россійскаго» нарѣчія. Онъ полу-влюбленъ во всю женскую половину семейства; его сокрушаетъ, что мать «любитъ больше Николиньку, нежели Сашеньку», и онъ вступаетъ съ ней, по поводу этой несправедливости, въ тайныя полунаставительныя объясненія. И, однако, его полу-влюбленность такъ мало заключаетъ въ себѣ эгоизма, что, познакомившись съ извѣстнымъ поэтомъ-воиномъ Д. В. Давыдовымъ и придя въ восхищеніе отъ него, онъ записываетъ въ *Дневникъ*: «какъ было бы хорошо, еслибы княжна Аграфена Ивановна (ему нравившаяся) вышла за него замужъ». Ни разу темная мысль: «почему это не мнѣ?», «чѣмъ я хуже другихъ?»—если только это не касалось старой рукописи или другихъ сокровищъ его великолѣпнаго *Древлехранилища*, не помрачила его душу. И это есть истинный аристократизмъ — ничему не завидовать, въ основѣ чего лежитъ сознаніе своего равенства со всѣми. Онъ отвезъ огурецъ своей матери отъ Трубецкихъ и «хорошаго сукна» въ подарокъ своему отцу — отъ нихъ же; и какъ не отказался отъ огурца, не отказался и отъ сукна, потому-что былъ истинно гордъ и ему въ голову не могла придти мысль, чтобы *онъ* оцѣнивался на деньги, на состояніе. Въ немъ, такимъ образомъ, въ тѣсномъ соединеніи мы наблюдаемъ истиннаго демократа, который есть въ то же время истинный аристократъ, видящій границы, проводимыя между людьми соціальнымъ строемъ и размышляющій

о нихъ, но какъ будто вовсе не чувствующій, что онѣ также и *черезъ него* проведены... Какая разница съ позднѣйшею демократическою завистью у насъ, въ которой сказалось новое *начинающееся* сословіе, мучительно алчущее *себя* всего и ничего не желающее оставить другимъ [1]).

Мы отвлеклись въ сторону—къ чувствамъ новымъ, которыхъ не зналъ несравненный историкъ московскій. И, между тѣмъ, будучи студентомъ, онъ всякую Пасху ходилъ къ профессорамъ своимъ съ праздничнымъ поздравленіемъ, и по *Дневнику* мы видимъ, что онъ дѣлалъ это съ тѣмъ же чувствомъ любви и почтительности, съ какимъ бояре до Петровскаго времени приходили на поклонъ къ своимъ государямъ [2]). Именно не затемненность души, не затемненность на протяженіи десятковъ лѣтъ, между тѣмъ какъ мы видимъ всѣ самыя интимныя ея движенія, есть самое привлекательное зрѣлище, развертывающееся передъ нами въ *«Жизни и трудахъ Погодина»*. И это зрѣлище гораздо болѣе утѣшительно для насъ и болѣе поднимаетъ въ насъ человѣческую гордость, чѣмъ какъ это могъ бы сдѣлать разсказъ о какомъ угодно подвигѣ на полѣ брани. Ибо ни разу въ жизни своей не позавидовать, не подумать: «почему это не я?», видя счастье, талантъ, успѣхъ другаго, — это труднѣе для человѣческой слабости, нежели для силъ человѣка подняться на снѣжныя высоты и перебросить черезъ нихъ армію при удивленіи, страхѣ, волненіи народовъ, для *памяти* исторіи.

Если не возмущенная ясность составляла основную черту въ нравственномъ обликѣ Погодина, то *удивленность* и *неугомонная занятость* были отличительною особенностью его ума, какъ это съ живостью сказалось, напримѣръ, въ слѣдующихъ словахъ, занесенныхъ въ *Дневникъ* по прочтеніи Шлецеровой критики текста Несторовой лѣтописи:

«Прочелъ Шлецера—и очутился въ новомъ мірѣ и уразумѣлъ, что̀ такое критика»... (I, 54).

---

[1]) Это—сословіе такъ называемыхъ «разночинцевъ», которое единственное свое достояніе — книжную начитанность (не умъ, не талантъ) усиленно пыталось и съумѣло выставить какъ единственно заключающую въ себѣ смыслъ привиллегію — привиллегію, которая должна быть сохранена и укрѣплена законодательнымъ путемъ, когда всѣ другія этимъ же законодательнымъ путемъ должны быть ослаблены или всего лучше совсѣмъ уничтожены. При реформахъ Императора Александра II только эта привиллегія уже принималась въ разсчетъ и къ уваженію (напр. при всеобщей воинской повинности).

[2]) Однажды знатный иностранецъ, участвовавшій въ посольствѣ къ московскому государю, былъ удивленъ, увидя знакомаго ему сановитаго боярина, къ которому приступа не было, когда онъ въ чужой землѣ представлялъ своего государя—теперь бѣгающимъ и суетящимся около него какъ мальчикъ, и онъ выразилъ ему свое удивленіе. «Эхъ, батюшка», — отвѣчалъ тотъ ему вполголоса: «вѣдь мы своимъ государямъ не по вашему служимъ». Тутъ сказалась вся Москва.

Его все занимало, но не исключительно съ умственной стороны, но скорѣе—съ волевой. Онъ не только заинтересовывался, но всему непремѣнно хотѣлъ бы «споспѣшествовать»; *видѣть* уже значило для него *привязаться*, и привязаться значило—улучшать, помогать, способствовать. Въ отмѣткахъ *Дневника* мы встрѣчаемъ не только ясныя мысли, какъ напр. эту—

«горе воспитателю, который бы захотѣлъ слишкомъ рано научить разсуждать своего питомца; горе и тому, котораго воспитаніе нравственныхъ силъ остается позади отъ физическихъ; но какъ опредѣлить эту неотъемлемость, какъ устроить воспитаніе, чтобы и нравственныя, и физическія силы шли наравнѣ? Воспитателю! Вотъ задача, отъ нея зависитъ счастіе рода человѣческаго!» (I, 127).

И онъ, въ волненіи, уже

«молится Богу, чтобы помогъ ему дать хорошо урокъ географіи»

—но мѣстами попадаются и мысли положительно глубокія, удивительной силы проницанія, и которыя въ тѣ ранніе годы нашего столѣтія рѣшительно не останавливали еще ничьего вниманія (напр. о нѣкоторыхъ общихъ, органическихъ особенностяхъ великихъ людей въ исторіи). Но по какому-то невниманію къ себѣ, которое такъ привлекательно, онъ ихъ не разработывалъ вовсе, но бросалъ тотчасъ, какъ онѣ ему приходили на умъ, чтобы бѣжать и любоваться и любить еще и еще множество предметовъ внѣ себя. У него именно не было оглядки на свой слѣдъ; не было эгоистическаго анализа себя; міръ ему представлялся огромною и неоцѣнимою жемчужиной, въ удивленіи и восторгѣ передъ которою протекала его жизнь, и онъ никогда не спросилъ себя, не представляетъ ли и онъ самъ въ этомъ мірѣ нѣкоторой жемчужины и нельзя ли сдѣлать изъ нея какого-нибудь лучшаго употребленія, нежели только удивленіе, умирающее вслѣдъ за минутою, какъ оно произошло. Его труды литературные и ученые—ничтожны или малозначительны; изъ предпріятій, «дѣль»—нѣтъ ни одного памятнаго; онъ сгорѣлъ, какъ свѣча передъ міромъ, не оставивъ по себѣ ничего, кромѣ нѣкоторой копоти и куска пахнущей свѣтильни; но это его горѣніе было истинно прекрасно; что онъ *жилъ*, а не писалъ только сочиненія—это и прекрасно, и благодѣтельно, и поучительно, а благодаря труду г. Барсукова становится поучительно и на всѣ времена.

III.

Въ силу указанныхъ особенностей души Погодинъ безъ усилія, безъ старанія вошелъ въ общеніе со всѣмъ выдающимся, что появлялось на горизонтѣ нашей дѣйствительности за полу-вѣковую пору его зрѣлости. Нужно читать, по отмѣткамъ въ *Дневникѣ*, съ какимъ благоговѣніемъ онъ выслушивалъ самыя незначущія слова, если они принадлежали кому-нибудь изъ чтимыхъ имъ про-

фессоровъ университета или тому или иному маститому писателю. Когда въ семейство Трубецкихъ одинъ разъ пріѣхалъ кн. П. Вяземскій — онъ весь вечеръ къ нему «приглядывался»; въ 1825 г., написавъ магистерское разсужденіе *О происхожденіи Руси*, онъ представилъ его, черезъ П. П. Дмитріева, знаменитому исторіографу при письмѣ, гдѣ писалъ:

«У Васъ началъ я учиться добру, языку и Исторіи; позвольте же посвятить Вамъ, въ знакъ искренней благодарности, первый трудъ мой ..»

На что Карамзинъ, черезъ Дмитріева же, отвѣчалъ болѣе классически, чѣмъ живо:

«Милостивый Государь, Михаилъ Петровичъ. Примите изъявленіе искреннѣйшей моей признательности. Съ живѣйшимъ любопытствомъ читаю Ваше разсужденіе, писанное основательно и приятно. Усердно желаю, чтобы Вы и впредь занимались такими важными для Россійской Исторіи предметами, къ чести Вашего имени и вашей исторической литературы. Прося о продолженіи Вашей ко мнѣ благосклонности, съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть и пр.».

Погодинъ съ этимъ письмомъ обѣжалъ всю Москву, показывая строки болѣе начертанныя, чѣмъ написанныя исторіографомъ и обращенныя къ нему, еще совершенному ничто въ этомъ мірѣ громадъ, свѣтилъ и всяческаго духовнаго величія. И также кто бы ни восходилъ надъ горизонтомъ дѣйствительности талантомъ, знаніями или простою оригинальностью характера или жизни [1]), Погодинъ, наивный любитель міра, уже спѣшилъ его разглядывать; и такъ какъ никто не замѣчалъ, чтобы къ этому разглядыванію примѣшивалось какое-нибудь дурное чувство или постороннее исканіе, то всѣ отвѣчали ему привѣтомъ и дружбою на его порывъ. Отсюда—множество его связей. Онъ былъ часто грубъ съ людьми; даже почти всегда былъ грубъ, потому что, чрезвычайно цѣня ихъ внутреннія дары, какъ бы не видѣлъ вовсе внѣшней оболочки этихъ даровъ и нисколько не регулировалъ свое отношеніе къ ней (такъ онъ очень иногда раздражалъ Гоголя) Съ тѣмъ вмѣстѣ, у него не было постоянныхъ, избранныхъ любимцевъ, предметовъ исключительнаго поклоненія; такимъ предметомъ поклоненія для него если и было что нибудь, то — вся Русь, все море имъ ощущаемой вокругъ себя жизни: и Пушкина, Гоголя, Карамзина онъ любилъ почти такъ же, какъ мы любимъ красоту Кавказа и климатъ южнаго берега Крыма, которые намъ нравятся, когда мы даже не видимъ ихъ, мысль объ утилизаціи которыхъ для *себя* чужда намъ и они для насъ дороги просто какъ красота, какъ даръ

[1]) Таковъ былъ, напримѣръ, таинственный своимъ затворничествомъ графъ М. А. Дмитріевъ-Мамоновъ, къ которому Погодинъ, никогда его не видавшій, обратился съ письмомъ въ 1821 г., а по его смерти, въ 50-хъ годахъ, разразился негодованіемъ на прессу, что она прошла молчаніемъ кончину такого достопамятнаго, хотя бы только странностью, человѣка.

Божій любимому нами отечеству. Между множествомъ изданій Погодина есть одно — собраніе факсимиле, почерковъ знаменитыхъ людей русскихъ: полководцевъ, царей, вельможъ, писателей. Онъ просто любилъ ихъ всѣхъ, издали или вблизи — это не было для него на первомъ планѣ; въ его оцѣнку людей не входила какая-нибудь исключительная черта — эстетическая, моральная, умственная: онъ любилъ все *достопримѣчательное*, что̀ давало пищу его господствующей потребности — быть удивленнымъ, заинтересованнымъ. Отсюда — чрезвычайное несходство лицъ, съ которыми онъ входилъ въ общеніе: онъ былъ на «ты» съ Шевыревымъ и Гоголемъ; мы видѣли уже отношеніе его къ Карамзину; и вотъ что̀ записываетъ онъ послѣ перваго знакомства съ Денисомъ Давыдовымъ:

«Огонь! Съ какимъ жаромъ говорилъ о поэзіи, о Пушкинѣ, о Жуковскомъ. «Въ молодости только».— говорилъ онъ, «можно писать стихи: надобна гроза, буря, надобно, чтобъ било нашу лодку... Теперь я въ пристани, наякорѣ. Теперь не до стиховъ». Какъ восхищался Байрономъ, разсказывалъ мѣста изъ него. Негодуетъ на Жуковскаго, зачѣмъ онъ только переводитъ. Онъ переводить ничего не можетъ Прекрасно дразнить обезьяну (?). Пишетъ стихи за присѣстъ, однако мараетъ много. Александрійскіе стихи—императорскіе. Говорилъ о своемъ дневникѣ, біографіи и пр. Огонь, огонь!»

Онъ любилъ пеструю толпу людей, любилъ этотъ шумный базаръ исторіи, на который приходили люди и уходили съ него, и онъ тогда плакалъ надъ ними, какъ плакалъ о Пушкинѣ въ аудиторіи Московскаго университета, но слезами свѣтлыми, безъ длящагося уныній, безъ щемящей боли, безъ всего саднящаго въ душѣ или ѣдкаго въ воспоминаніяхъ. Типъ совершеннаго душевнаго здоровья представляетъ собою этотъ человѣкъ изъ народа, переводившій однако «Рене» Шатобріана и плакавшій надъ смертью Юліи въ «Новой Элоизѣ» и нисколько этимъ всѣмъ не заразившійся. Онъ поднялся прямо съ почвы народной, съ которою не разорвалъ никогда связи; и мимо его или надъ нимъ проносились дуновенія вѣтровъ самой разнообразной силы и неодинаковаго качества, не пошатнувъ его нисколько, не погубивъ, даже не измѣнивъ сколько-нибудь замѣтно.

Между писателями нашими, какъ это ни странно, онъ по качествамъ ближе всего примыкаетъ къ Ломоносову. То же смѣшеніе научныхъ занятій съ художническими порывами; тотъ же реализмъ; та же неугомонность; то же желаніе всему «споспѣшествовать»; тотъ же неистощимый энтузіазмъ къ землѣ Россійской; та же совершенная простота, и не подозрѣвающая даже, что все прекрасное, что̀ у нихъ выходило само собою, можно также и «дѣлать». Только у одного предметомъ господствующаго интереса были естественныя науки, онъ дивился болѣе громадамъ и чудесамъ міра физическаго; у другаго предметомъ поклоненія и «воздѣлыванія»

была исторія — онъ удивлялся болѣе людямъ. Пожалуй Погодинъ былъ попроще, поуже, пассивнѣе Ломоносова; но, во всякомъ случаѣ, онъ былъ человѣкъ его духовнаго *типа*; онъ былъ, прибавимъ, нѣсколько теплѣе, нѣжнѣе его. Въ обоихъ мы наблюдаемъ черты нашего крестьянства въ ихъ общихъ, не съуженныхъ и еще не углубленныхъ линіяхъ.

IV.

Въ симпатіяхъ своихъ какъ одинъ, такъ и другой сливались съ цѣлостнымъ бытіемъ своего народа, а не съ какимъ-либо однимъ его теченіемъ. Только Ломоносовъ, болѣе близкій къ личности Петра, тяготѣлъ съ чрезвычайною силою къ этому колоссу нашей исторіи: Погодинъ, сообразно своей удаленности и измѣнившимся историческимъ отношеніямъ, уже не испытывалъ этого тяготѣнія; но онъ также чрезвычайно любилъ личность удивительнаго царя. Какъ было бы ошибочно, однако, назвать «западникомъ» Ломоносова, такъ ошибочно будетъ назвать Погодина «славянофиломъ», хотя симпатіи одного къ европейскому просвѣщенію и другого ко всему славянскому были чрезвычайно сильны. Они были слишкомъ даровиты и *жизненны*, чтобы принять эти, въ концѣ концовъ нѣсколько книжныя теоріи; они жили слишкомъ натурою, инстинктомъ, здравымъ смысломъ, чтобы подчинить себя сухой и замкнутой логикѣ этихъ ученій. Погодинъ подвергъ впослѣдствіи «Исторію» Карамзина рѣзкой критикѣ и всегда отдавалъ передъ нимъ предпочтеніе Шлецеру; онъ плакалъ, когда умеръ старый московскій профессоръ Геймъ; онъ строилъ планы посѣтить Шеллинга и мысленно велъ съ нимъ бесѣды о натурь-философіи. И въ самомъ дѣлѣ, не выраженіемъ ли скудости нашего духа было бы, встрѣтивъ благородное, умное, «достопримѣчательное», прежде чѣмъ удивиться, восхититься, взволноваться — спросить, откуда оно и не контрабанда ли это? Самый этотъ вопросъ уже предполагаетъ въ себѣ отсутствіе способности энтузіазма; и тотъ энтузіазмъ, который мы потомъ допускаемъ въ себѣ, убѣдившись въ доброкачественности «марки», не можетъ не быть нѣсколько дѣланъ и холоденъ. Хотя, съ другой стороны убѣжденіе, что «всѣ французы — собаки» и «россійское нарѣчіе — лучше всѣхъ», конечно, не можетъ подлежать какому-либо осужденію. Любовь къ почвѣ, къ землѣ своей и нѣкоторое апріорное отрицаніе всѣхъ иныхъ земель и языковъ *до* знакомства съ ними также коренится въ живыхъ, милыхъ, прекрасныхъ, необходимо нужныхъ инстинктахъ человѣка, какъ удивленіе и культъ при *позднѣйшей* встрѣчѣ съ тѣмъ и инымъ конкретнымъ фактомъ чужой жизни коренится въ его разумности и въ добрыхъ свойствахъ его сердца. Шлецеръ всю свою жизнь положилъ на критическое изученіе Несторовой лѣтописи; за шесть дней до безболѣз-

венной кончины, Геймъ еще читалъ лекціи и долженъ былъ прервать послѣднюю, потому что его задушилъ кашель. Оба воздѣлывали *нашу* почву, не ища въ ней для себя никакого клада. Какъ же передъ этимъ высокимъ подвигомъ—и уже безъ всякой мысли, что они копали именно *нашу* почву, — не преклониться всякому русскому, и уже преклониться не какъ русскому съ благодарностью за содѣянный трудъ, но съ удивленіемъ какъ человѣку? Западничество и славянофильство, такъ не соединимое въ книгахъ, соединяются безъ всякаго противорѣчія въ живой натурѣ человѣка, которая богаче, могущественнѣе и правдивѣе всякой логики.

Во всякомъ случаѣ этотъ «всероссійскій» складъ натуры Погодина, отсутствіе въ немъ провинціализма и филіальности убѣжденій, при ихъ живости, горючести — еще болѣе расширило кругъ его сближенности съ людьми; и, можно сказать, переходя изъ десятилѣтія въ десятилѣтіе, онъ, какъ кряжистый дубъ, если и не досягалъ непосредственно, то видѣлъ передъ собой весь шумящій около него лѣсъ дѣйствительности; и что видѣлъ, что слышалъ, о чемъ вспоминалъ или на что надѣялся въ этомъ людскомъ лѣсу— онъ заносилъ въ необозримые томики своей *Записной книжки* изо дня въ день. Мы указали на горизонтальную широкость этихъ записей, ихъ все-захватывающее содержаніе въ каждую текущую минуту; и если мы припомнимъ, что эти минуты длились до 1875 года нашего вѣка, а начались въ самомъ началѣ двадцатыхъ годовъ—мы поймемъ, какъ великъ ихъ не столько фактическій, сколько *духовный* интересъ.

Вотъ 2—3 мимолетныя черточки, показывающія психическую структуру общества тѣхъ лѣтъ, когда Погодинъ *началъ* свой «Дневникъ».

Въ Московскомъ университетѣ курсъ анатоміи читалъ Лодеръ, другъ и товарищъ творца «Фауста» и «Германа и Доротеи». По его мысли и желанію, на одной изъ стѣнъ анатомической залы была сдѣлана надпись, и мы ее можемъ понимать какъ выраженіе взгляда маститаго ученаго на свою науку и на задачу своего служенія ей. Что же, были ли это слова Гиппократа, Гарвея, Мальпиги? Нѣтъ, это была строка изъ псалма: *Руцѣ Твои сотвористѣ мя и создастѣ мя, вразуми мя, и научуся заповѣдемъ Твоимъ.* Погодинъ, приведя этотъ текстъ, замѣчаетъ у себя въ *Дневникѣ*: «Эта священная надпись слилась въ нераздѣльное цѣлое съ самыми первыми начатками моихъ научныхъ занятій въ Москвѣ» (I, 51)

Это — небесная сторона тѣхъ ушедшихъ въ могилу дней, а вотъ и земная:

Когда Лодеръ получилъ анненскую звѣзду, главенствовавшій въ профессорской корпораціи медицинскаго факультета профессоръ Мудровъ повелъ слушателей своей аудиторіи (въ числѣ ихъ былъ и знаменитый впослѣдствіи Пироговъ) поздравить ихъ наставника

и своего товарища съ государевой милостью. Когда студенты почтительно выстроились передъ новымъ кавалеромъ ордена, — Мудровъ, выступивъ впередъ, вынулъ изъ кармана заготовленный листъ и прочелъ привѣтствіе, «гласомъ проповѣдника» по воспоминанію Пирогова:

«Красуйся свѣтлостію звѣзды твоея, но подожди еще быть звѣздою на небесѣхъ» (т. е. не умирай, живи между нами) и т. д.

Мы видимъ, какъ въ сферѣ внутреннихъ ощущеній, такъ и внѣшнихъ формъ, какъ-бы другую породу людей, съ другой планеты и уже ни въ какомъ случаѣ не изъ нашего отечества, не изъ нашего вѣка. Между тѣмъ—это были наши предки. Вотъ еще черта, дорисовывающая ихъ нравственный обликъ:

Погодинъ былъ, какъ уже выше замѣчено, изъ рода крѣпостнаго крестьянства; стѣсненный одно время въ средствахъ, онъ обратился къ старичку Сандунову, исполнявшему обязанности инспектора студентовъ, за позволеніемъ переѣхать въ казенные нумера. «Хорошо, сказалъ старикъ, приходи ко мнѣ тогда-то, и мы посмотримъ вмѣстѣ, гдѣ можно тебѣ помѣститься». Назначенный день наступилъ, и они отправились въ № 14, предназначавшійся для недостаточныхъ студентовъ. Комната была почти пуста, большинство ея обитателей разбрелось куда-то. «Сандуновъ подошелъ къ одной кровати; шерстяное, дырявое, грязное одѣяло покрывало постель. Палкою приподнялъ онъ одѣяло, открылись голыя доски. Старикъ обратился къ Погодину и сказалъ:

«*Намъ вотъ какихъ надо. Ты такой ли?*» (т. е. такъ ли ты бѣденъ, чтобы въ этомъ нуждался? Иначе, не занимай мѣсто бѣднѣйшаго тебя).

Погодинъ замѣчаетъ по этому поводу:

«*Намъ вотъ какихъ надо.* Святыя слова! Вотъ былъ какой духъ въ университетскомъ начальствѣ того времени. Не знаю, какія гуманныя теоріи и учтивыя фразы могутъ быть сравнены съ этими простыми словами».

Иногда болѣе, нежели въ самыхъ фактахъ, строй души и формы ея состоянія выражаются въ структурѣ рѣчи. И вотъ еще одинъ, послѣдній штрихъ.

Кончившіе курсъ студенты, по тогдашнему благочестивому и благородному обычаю, ходили благодарить ректора и профессоровъ не только за жалованье, но и съ любовью посвящавшихъ имъ свой трудъ и знанія. Погодинъ, сдавъ послѣдній выпускной экзаменъ, также отправился къ доброму, ласковому ректору Антонскому, который его очень любилъ за прилежность къ наукамъ. На бѣду, впопыхахъ и вѣроятно приготовляя благодарственныя слова, онъ позабылъ оставить палку въ передней и съ нею вошелъ къ нему:

«Ахъ-та, что ты это?», вскричалъ, увидя его, ректоръ: «Бить-та пришелъ ты меня-та. Ай-ай-ай! Что ты это дѣлаешь! Поди-та, поди-та отъ меня! Бить-та меня онъ-та хочетъ!»

Сгорая отъ стыда, Погодинъ бросился къ Мерзлякову, разсказалъ ему все и просилъ разъяснить Антону Антоновичу, какъ и почему это вышло. Все, конечно, уладилось, и на-завтра же ректоръ обласкалъ пылкаго ученика, разспросилъ его о занятіяхъ, семейномъ положеніи и обѣщалъ хлопотать о казенномъ «коштѣ» для заграничнаго (научнаго) путешествія, и пр. (т. I, стр. 105).

Вотъ съ какихъ людей, какихъ временъ, какой психической структуры начинается трудъ г. Барсукова, гдѣ жизненныя сцены, размышленія, письма, воспоминанія, предположенія, чередуясь, восходятъ изъ года въ годъ, безъ какого-либо перерыва, до времени, когда писались уже слѣдующія строки:

«Вамъ, милый юноша, понравилось то, что Самаринъ говоритъ о народѣ: перечтите-ка да переведите эти фразы на простыя понятія, такъ и увидите, что это цѣликомъ взятыя у французскихъ соціалистовъ и плохо понятыя понятія о народѣ, абстрактно примѣненныя къ нашему народу. Еслибъ объ этомъ можно было писать, не рискуя впасть въ тонъ доноса, я бы потѣшился надъ нимъ за эту страницу... Самаринъ не лучше Булгарина по его отношенію къ натуральной школѣ, а съ этими господами надобно быть осторожному .. Конечно, статья ваша противъ него жива и дѣльна, — но я крайне недоволенъ ею съ одной стороны. Этотъ баринъ третировалъ насъ съ вами du haut de sa grandeur, какъ мальчишекъ; вы возражали ему, стоя передъ нимъ на колѣняхъ. Ваше заключительное слово было то, что онъ даровитый человѣкъ. Что Самаринъ человѣкъ умный—противъ этого ни слова, хотя его умъ парадоксальный и безплодный; что Самарина нельзя никакъ назвать бездарнымъ человѣкомъ, и съ этимъ я совершенно согласенъ. Но не быть бездарнымъ и быть даровитымъ—это вовсе не одно и то же. Это, впрочемъ, общій всѣхъ насъ недостатокъ — легкость въ производствѣ въ геніи и таланты. Въ чемъ увидѣли вы даровитость Самарина? Въ томъ, что онъ пишетъ не такъ, какъ Студитскій? Но, вѣдь, это дуракъ, а онъ уменъ. Вспомните, что онъ человѣкъ съ познаніями, съ многосторонннимъ образованіемъ, говоритъ на нѣсколькихъ иностранныхъ языкахъ, читалъ въ нихъ все лучшее, да не забудьте при этомъ, что онъ свѣтскій человѣкъ. Что же удивительнаго, что онъ умѣетъ написать статью такъ же порядочно (comme il faut), какъ умѣетъ порядочно держать себя въ обществѣ? Оставляя въ сторонѣ его убѣжденія, въ статьѣ его нѣтъ ничего пошлаго, глупаго, дикаго, въ отношеніи къ формѣ все какъ слѣдуетъ; но гдѣ же въ ней проблескъ особеннаго таланта, вспышки ума, смысла? Надо быть слишкомъ предубѣжденнымъ въ пользу такого, чтобы видѣть въ немъ что-нибудь другое, кромѣ человѣка сухаго, черствaго, съ умомъ парадоксальнымъ, больше возбужденнымъ и развитымъ, нежели природнымъ, человѣка холоднаго, самолюбиваго, завистливаго, иногда блестящаго по причинѣ злости, но

всегда мелкаго и посредственнаго... Вы имѣли случай раздавить его; вамъ это было легче сдѣлать, чѣмъ мнѣ. Дѣло въ томъ, что въ своихъ фантазіяхъ онъ опирается на источники русской исторіи; тутъ я—пассъ. Онъ мнѣ сказалъ объ *Ипатьевской лѣтописи*, а я не знаю и объ существованіи ея; вы — другое дѣло, вы читали и изучали, и ею же его и могли бить. Вы это и сдѣлали, но съ такимъ уваженіемъ къ нему. А вмѣсто этого вамъ слѣдовало бы раздавить его вѣжливою ироніею, презрительною насмѣшкою... Церемониться съ славянофилами нечего. Я не знаю Кирѣевскихъ, Ивана и Петра, но, судя по разсказамъ Грановскаго и Герцена, это фанатики полу-помѣшанные, особенно Иванъ, но люди благородные и честные; я хорошо знаю лично К. С. Аксакова: это человѣкъ, въ которомъ благородство—инстинктъ натуры; я мало знаю брата его Ивана Сергѣевича и не знаю, до какой степени онъ славянофилъ, но не сомнѣваюсь въ его личномъ благородствѣ. За исключеніемъ этихъ людей, всѣ остальные славянофилы, знакомые мнѣ лично или только по сочиненіямъ, страшные и на все готовые... или, по крайней мѣрѣ, пошлецы. Самаринъ не лучше другихъ; отъ его статьи несетъ мерзостью. Эти господа чувствуютъ свое безсиліе, свою слабость и хотятъ замѣнить ихъ дерзостью, наглостью и ругательнымъ тономъ. Въ ихъ рядахъ нѣтъ ни одного человѣка съ талантомъ. Ихъ журналъ, *Москвитянинъ*, читаемый только собственными сотрудниками, и *Московскій сборникъ*—изданіе для охотниковъ. А журналы ихъ противниковъ, *Отечественныя Записки* и *Современникъ*, расходятся тысячами, ихъ читаютъ, о нихъ говорятъ, ихъ мнѣнія въ ходу. Да что объ этомъ толковать много! Катать ихъ!.. И Богъ вамъ судья, что отпустили живымъ одного изъ нихъ, имѣя его подъ пятою своей!»... (IX, стр. 35—37).

Такъ писалъ Бѣлинскій въ 1847 г. своему молодому другу, начинающему ученому, Кон. Кавелину, по поводу его *Опыта* Ю. О. Самарину на статью послѣдняго: *О мнѣніяхъ «Современника» историческихъ и литературныхъ* (этотъ журналъ только-что перешелъ тогда отъ Плетнева къ Краевскому и Некрасову). Отъ тона, отъ новыхъ пріемовъ, которые слышатся въ этомъ письмѣ и которые черезъ немного лѣтъ (60-е годы) мы увидимъ на страницахъ всѣхъ почти журналовъ, перейдемъ на минуту къ воззрѣніямъ болѣе практическимъ, высказаннымъ тѣмъ же человѣкомъ:

«Нѣкто Кулишъ», писалъ Бѣлинскій Анненкову, «въ *Затѣйникѣ*, журналѣ, который издаетъ Шишмова для дѣтей, напечаталъ *Исторію Малороссіи*, гдѣ сказалъ, что Малороссія должна или отторгнуться отъ Россіи или погибнуть. Прошелъ годъ — и ничего, какъ вдругъ Государь получаетъ отъ кого-то эту книжку съ отмѣткою фразы... Можете представить, въ какомъ ужасѣ было Министерство Просвѣщенія (тогда завѣдывавшее цензурою) Мусинъ-Пушкинъ накинулся на переводы французскихъ повѣстей, воображая, что въ нихъ-то

Кулишъ набрался хохлацкаго патріотизма. Вотъ что дѣлаютъ эти скоты—либералишки! Охъ, эти мнѣ хохлы! Либеральничаютъ во имя галушекъ и варениковъ съ свинымъ саломъ! И вотъ теперь писать ничего нельзя: все марают. А съ другой стороны, какъ и жаловаться на Правительство? Какое же Правительство позволитъ печатно проповѣдывать отторженіе отъ него области... Наводилъ я справки о Шевченкѣ и убѣдился окончательно, что внѣ религіи вѣра есть никуда не годная вещь. Вы помните, что вѣрующій другъ мой говорилъ мнѣ, что онъ вѣритъ, что Шевченко — человѣкъ достойный и прекрасный. Вѣра дѣлаетъ чудеса, творитъ людей изъословъ и дубинъ, стало быть она можетъ и изъ Шевченко сдѣлать, пожалуй, мученика свободы. Но здравый смыслъ въ Шевченкѣ долженъ видѣть осла, дурака и пошлеца, а сверхъ того, горькаго пьяницу, любителя горилки по патріотизму хохлацкому. Этотъ хохлацкій радикалъ написалъ два пасквиля. Читая одинъ пасквиль, Государь хохоталъ, и вѣроятно дѣло тѣмъ и кончилось бы, и дуракъ не пострадалъ бы за то только, что онъ глупъ. Но когда Государь прочелъ другой пасквиль, то пришелъ въ великій гнѣвъ. Я не читалъ этихъ пасквилей, и никто изъ моихъ знакомыхъ ихъ не читалъ. Шевченко послали на Кавказъ за эту литературу солдатомъ. Мнѣ не жаль его: будь я его судьею, я сдѣлалъ бы не меньше. Я питаю личную вражду къ такого рода либераламъ. Это — враги всякаго успѣха. Своими дерзкими глупостями они раздражаютъ правительство, дѣлаютъ его подозрительнымъ, готовымъ видѣть бунтъ тамъ, гдѣ нѣтъ ровно ничего, и вызываютъ мѣры крутыя и гибельныя для литературы и просвѣщенія» (IX, стр. 230—231).

Еще нѣсколько строкъ объ отношеніи къ *внутренней собственной* жизни (малорусская все-таки отдѣлена отъ насъ нѣкоторой чертой), и намъ станетъ ясно въ своей тенденціи обрисовывающееся здѣсь міросозерцаніе.

Въ 1847 г. на кафедру Московскаго университета вступилъ любимый ученикъ Грановскаго, П. И. Кудрявцевъ—происхожденіемъ изъ духовнаго званія и прошедшій черезъ семинарію. Только-что вернувшись изъ за границы, онъ поселился, чтобы быть ближе къ отцу своему (священнику) въ Замоскворѣчьи и взялъ къ себѣ сестру, вдову тоже священника, съ маленькими дѣтьми.

«Кудрявцевъ», писалъ Анненкову В. Боткинъ, членъ кружка Бѣлинскаго и Герцена, «начинаетъ свои лекціи въ сентябрѣ. Я не знаю еще, гдѣ онъ будетъ жить; но то, что онъ будетъ *жить вмѣстѣ съ своею сестрою, вдовой священника, и у которой четверо маленькихъ дѣтей,—и Кудрявцевъ не имѣетъ достаточно силы воли чтобы отдѣлиться отъ этого родственнаго деспотизма*, — это представляетъ мало утѣшительнаго. Поймите, *что это за міръ, что за сфера!* Да досадно еще то, что *Кудрявцевъ чувствуетъ себя хорошо въ этой сферѣ*... Въ его умѣ *нѣтъ ни малѣйшей самостоятельности, онъ*

набитъ авторитетами... Мнѣ сдается, что Бѣлинскій раздѣляетъ мои предчувствія». (IX, стр. 223).

И еще, послѣ свиданія съ Кудрявцевымъ, онъ писалъ: «Только сегодня увидѣлся я съ Кудрявцевымъ, между тѣмъ какъ онъ уже болѣе двухъ недѣль въ Москвѣ. Онъ пришелъ ко мнѣ, *словно убитый*. (Кудрявцевъ вскорѣ умеръ отъ чахотки, первые признаки которой у него появились во время двухъ-годоваго заграничнаго путешествія, но Боткинъ не догадывался объ этомъ). Эти *семейныя обстоятельства его ужасно отдѣлали:* глаза впали, лицо—цвѣта пергамента. Кудрявцевъ не сообщителенъ, я отъ него не могъ ничего узнать, но всячески старался развеселить его и часа черезъ два немного успѣлъ. Изъ *Европы попасть въ сферу духовную! А силы воли нѣтъ, чтобъ рѣшительно отдѣлаться отъ нея.* И за это онъ дорого заплатитъ. Поселился онъ съ сестрой, у которой четверо дѣтей, за Москвой рѣкой, чтобы быть поближе къ отцу. Въ такихъ положеніяхъ juste milieu никуда не годится. Addio» (IX, 223). Бѣлинскій же объ умственной сторонѣ Кудрявцева писалъ нѣсколько ранѣе, до его возвращенія изъ-за границы: «Этотъ человѣкъ никогда *не выйдетъ изъ своей коры*. Онъ и въ Парижъ *привезъ съ собою свою Москву*. Что-за *узкое созерцаніе*, что за *бѣдные интересы*, что-за *ребяческіе идеалы*. Кудрявцевъ—*духовно-малолѣтній, нравственный и умственный недоросль*... и вся бѣда въ томъ, что онъ москвичъ» (тамъ же, стр. 222).

V.

Уже умирающею почти рукой, Бѣлинскій писалъ приведенныя выше письма, всего за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти; и осужденіемъ дышутъ его строки. Любовь Кулиша и Шевченко къ своей Украйнѣ, къ ея быту, къ ея людямъ, къ этимъ тысячамъ покачнувшихся на бокъ деревень, съ звучащими тамъ пѣснями, съ передаваемыми разсказами, — все это кажется ему малозначительнымъ сравнительно съ «французскими повѣстями», которыя вдругъ стала марать цензура, во-время не догадавшаяся замарать эти строки. Эту *ихъ* любовь—прекраснаго поэта и горячаго историка, онъ топчетъ — топчетъ ихъ привязанность къ родной землѣ, которая мѣшаетъ *его* любви къ понятіямъ французской словесности. И сущность этихъ понятій, какъ видно изъ писемъ его же и Боткина о Кудрявцевѣ, отражалась, хотя и косвенно, какъ нѣкоторая темная непріязнь и глухое непониманіе своей *собственной* земли, того материнскаго чрева, которое ихъ всѣхъ выкормило и выносило.

Отъ Бѣлинскаго, отъ его предсмертныхъ литературныхъ трудовъ, которые писались подъ вліяніемъ чувства, для насъ теперь вскрытаго, пошла цѣлая группа писателей, надолго получившая преобладаніе надъ всѣми остальными теченіями нашей литературы.

Чернышевскій, Добролюбовъ, Писаревъ, Шелгуновъ, изъ художниковъ — Некрасовъ и Салтыковъ, и, наконецъ, г. Н. Михайловскій и г. Скабичевскій—всѣ эти люди, какъ бы преемственно развивая въ себѣ послѣдній порывъ Бѣлинскаго, только приложили его ко всей многообразной дѣйствительности—въ стихахъ, въ прозѣ, сатирѣ, романѣ и, главнымъ образомъ, все-таки въ критикѣ. Очень развитый, очень многословно выраженный — это есть все одинъ и тотъ же порывъ отвергнуть, растоптать, унизить чужую любовь, чужое уваженіе, и, наконецъ, самую дѣйствительность.—не по основаніямъ какимъ-нибудь и даже вообще не послѣ какой-нибудь повѣрки, но потому только, что все это растетъ не изъ тѣхъ «французскихъ повѣстей», которыя имъ были и остаются дороги болѣе, нежели людскія поколѣнія, ихъ живая кровь, всякая реальная дѣйствительность. Въ разное время этими «французскими повѣстями» становилось различное: то, какъ для Бѣлинскаго,—французскіе соціальные теоретики; то, какъ было позднѣе,—теоретики того же склада Англіи и Германіи; но что̀ объединяетъ всѣхъ этихъ людей — это невниманіе къ чему-нибудь еще, кромѣ ихъ занимающихъ «сюжетовъ», и неразборчивость въ средствахъ, какими можно привлечь къ нимъ вниманіе остальныхъ частей человѣчества (см. слова Бѣлинскаго: «да что долго толковать — катай ихъ *всѣхъ*», сказанныя о людяхъ, которые и «знали» то, чего онъ «не зналъ», и у которыхъ «благородство» было «инстинктъ натуры»). Знаменитый критикъ негодовалъ, какимъ образомъ судьба Малороссіи можетъ быть поставлена наряду съ зачеркнутыми цензурою французскими повѣстями; очень скоро настало время, когда вообще перестали понимать, какимъ образомъ сѣрая, хмурая, некрасивая Россія въ своихъ ежедневныхъ нуждахъ, въ своемъ историческомъ трудѣ, въ своей молитвѣ, для *нея* дорогихъ преданіяхъ, и, наконецъ, во всемъ ею исповѣдуемомъ вотъ уже тысячу лѣтъ можетъ стоять препятствіемъ на пути не къ чтенію только, но и къ живому осуществленію въ дѣйствительность сюжетовъ тѣхъ «повѣстей».

Что̀ это было за странное движеніе? Откуда эта потеря чувства дѣйствительности? Что̀ это за странный культъ, горѣвшій десятилѣтія три въ нашемъ обществѣ и не угаснувшій окончательно еще и теперь? И кто, наконецъ, были они—эти своеобразные посланцы, которыхъ ни умѣстить, какъ слѣдуетъ, въ исторію литературы мы не умѣемъ, и не можемъ, очевидно, изъ нея выбросить,—съ юношею во главѣ мужей и сѣдоволосыхъ старцевъ? [1]).

---

[1]) Мы разумѣемъ Писарева. Характерно и многознаменательно, что ни Добролюбовъ или Чернышевскій, ни даже Бѣлинскій не пользовались такимъ ореоломъ, не возбуждали такого горячаго, страстнаго энтузіазма, какъ этотъ писатель. И что бы ни говорили, какія бы поправки и возраженія къ этому факту ни привносили, онъ останется *историческимъ* фактомъ, который предстоитъ не отвергнуть, а объяснить.

Въ той части приведенныхъ писемъ, которая относится къ Кудрявцеву, мы видимъ какъ бы просвѣтъ, падающій на этотъ фактъ, видимъ зачаточный слѣдъ, идя которымъ, находимъ нѣкоторое для него объясненіе. Самая поразительная и общая черта, соединяющая какъ авторовъ тѣхъ писемъ, Боткина и Бѣлинскаго, такъ и *всѣхъ* писателей, которые образуютъ это теченіе литературы, состоитъ въ томъ, что никогда, ни на одну минуту, ни въ какое время имъ не приходила на умъ мысль, что ихъ сочиненія могутъ быть нужны кому-нибудь еще *кромѣ юношей*, которымъ они нужны въ высшей степени; что ихъ можетъ взять въ руки и серьезный историкъ (напр. тотъ же Кулишъ), и поэтъ, государственный мужъ, отецъ семьи или вообще кто-нибудь, имѣющій на землѣ серьезные, *взрослые* интересы. Точка зрѣнія этихъ взрослыхъ людей, имѣющихъ насущные нужды и трудныя обязанности—вотъ что́ равно и безусловно отсутствуетъ у юноши Писарева и старика Некрасова, у вдохновеннаго Бѣлинскаго и цинника Щедрина, у много учившагося Боткина и ничего почти не знавшаго Шелгунова.

Мы говоримъ именно про структуру духа, которая остается та же при всякихъ степеняхъ образованія и во всѣхъ возрастахъ. Катковъ, напр., не интересовался никогда, читаютъ ли его мальчики, и вообще даже не интересовался, читаетъ ли его и общество: онъ говорилъ всегда немногимъ *лицамъ*, которыя его могли понимать; напротивъ, когда писалъ Добролюбовъ и также всякій другой писатель изъ *этого* теченія литературы, онъ вовсе не предполагалъ, что его слова будутъ серьезно обсуждаться и взвѣшиваться людьми такого закала души, какъ хотя-бы Катковъ.

Салтыковъ (Щедринъ) уже на склонѣ лѣтъ, заканчивая свою литературную дѣятельность и пользуясь несравненнымъ авторитетомъ въ обществѣ, забезпокоился мучительно тѣмъ взглядомъ, какой былъ много лѣтъ назадъ брошенъ на него юношею Писаревымъ (въ статьѣ «Цвѣты невиннаго юмора»), очевидно неправильно его понявшимъ: и тѣмъ, что, вслѣдъ за Писаревымъ, еще толпы юношей также неправильно будутъ его перетолковывать. Очевидно, судъ взрослыхъ для него не существовалъ: *этотъ* судъ его не тревожилъ,—хотя-бы между судящими былъ человѣкъ такой умственной силы, безупречной искренности, могучаго таланта, какъ Достоевскій. И если, далѣе, мы возьмемъ историческіе труды Шелгунова или Шашкова и въ нихъ всмотримся, мы увидимъ, что мысль о составѣ этихъ трудовъ, ихъ компетентности, возможномъ отношеніи къ нимъ ученыхъ—никогда даже не приходила имъ въ голову, и, *главное*, нисколько ихъ не занимала. «Отечественныя Записки», «Современникъ», теперь «Русское Богатство» и «Русская Мысль»—эти органы, говоря серьезно и о серьезныхъ предметахъ, о чемъ бы, однако, ни говорили, говорятъ именно юношеству, съ

точекъ зрѣнія для юношества занимательныхъ, ему понятныхъ или имъ усвоимыхъ.

Что же это за странное явленіе, что за необъяснимое отношеніе къ возрасту, помимо истины, пользы, красоты созданій единственно принимаемое во вниманіе? Кто, наконецъ, они—эти странные люди, и въ чемъ была ихъ истинная миссія, помимо той кажущейся, которою они были такъ усердно заняты? Внѣ всякаго вѣдѣнія для себя—они были безсознательные *педагоги* и съ замѣчательнымъ совершенствомъ выполнили функцію, которой въ нихъ никто не предполагалъ и они сами не предполагали ея въ себѣ. Внѣ школы, скучной, безсвязной, безкультурной, не способной сколько-нибудь вовлечь расцвѣтающія души въ міръ серьезныхъ интересовъ, за ея стѣнами и съ явнымъ антагонизмомъ къ ней, развернулась школа безъ стѣнъ, безъ партъ, безъ застегнутыхъ въ мундиръ чиновниковъ, въ которую радостно ринулось [1]) все свѣжее, ищущее, любознательное.—и они эти педагоги-писатели, радостно и дружно пошли навстрѣчу этому движенію. Что въ томъ, что матерьялъ воспитанія, т. е. самыя писанія, были часто недоброкачественны, какъ безтолковы бываютъ и переводимые «для упражненія» примѣры: важно, что методъ усвоенія этихъ предварительныхъ упражненій былъ абсолютенъ, что въ томъ общеніи, какое начиналось между учителемъ и учениками, соблюдены были всѣ вѣчные принципы образованія: индивидуализмъ отношеній, неторопливость воспріятій, ихъ однородность, культъ уваженія къ предметамъ ученія и любви къ лицу научающаго [2]).

И если, по всѣмъ линіямъ своего воздѣйствія, эта школа стремилась отдѣлиться отъ литературы взрослыхъ—въ этомъ сказалось цѣломудріе исторіи, не смѣшивающей своихъ процессовъ. Здѣсь возникла своя поэзія, для которой не существовали критеріи поэзіи «той»: свои разсказы, повѣсти, романы, гдѣ уморительно было бы искать какой-то «психологіи», «анализа», и даже смѣшно, немножко неприлично было говорить о бракѣ въ его глубокомъ, таинственномъ значеніи [3]). Всѣ женщины, въ этихъ повѣстяхъ дѣйствовав-

[1]) Уже Ив. С. Аксаковъ, изучая на югѣ Россіи ярмарки, писалъ о поразившемъ его явленіи: что «всѣ молодые люди, честные по своимъ стремленіямъ и всему складу души—зачитываются Бѣлинскимъ». Онъ не писалъ «всѣ размышляющіе, умные, образованные мѣстные жители».

[2]) Отсюда замѣчательный споръ, поднятый надъ могилою Некрасова и не умолкшій до сихъ поръ: былъ ли онъ *искренекъ* и правдивъ въ своемъ ученіи, а не о томъ, былъ ли онъ *правиленъ* въ этихъ ученіяхъ? Для взрослаго нужно знать *истину*, для несовершеннолѣтняго нужно *обожать* научающаго, безъ чего пропадетъ въ него вѣра и самое ученіе разсыпается.

[3]) См. романы «Что дѣлать?», «Шагъ за шагомъ или Свѣтловъ» и многіе другіе. Отсюда вытекло и все глумленіе, которому были подвергнуты въ свое время «Война и миръ», «Обрывъ» и, первое время, «Анна Каренина» — пока именно (среди другихъ причинъ) подъ воздѣйствіемъ этого романа изумительной художественной силы не произошелъ переломъ въ духовной жизни нашего общества.

шія остались до конца милыми дѣвушками, у которыхъ вопросъ «о четырехъ дѣтяхъ» (см. выше письмо о Кудрявцевѣ) вызвалъ бы гомерическій смѣхъ и чувство нѣкоторой естественной стыдливости. Единственно, что занимательно было здѣсь—это самое «дѣйствіе», а вовсе не характеристики, не «тонкое развитіе» страсти (которой и не было), не «художественная цѣльность» произведенія и т. п. «глупости» взрослыхъ. И когда эти взрослые, обращаясь сюда, пытались говорить о нуждахъ государства, задачахъ семьи, догматахъ церкви, цѣляхъ культуры — горсти каменьевъ сыпались имъ въ отвѣтъ, потому-что они дѣйствительно говорили нѣчто нелѣпое, неумѣстное и также мало нужное здѣсь, какъ «Курсъ акушерства» мало нуженъ въ библіотекахъ Смольнаго монастыря.

Отсюда, чѣмъ юношественнѣе былъ писатель, чѣмъ онъ далѣе уходилъ отъ дѣйствительности, чѣмъ болѣе «сюжетовъ» необычайныхъ изобрѣталъ самъ или приносилъ съ Сены, Шпрее, Темзы,— о чемъ, впрочемъ, никто не спрашивалъ, — тѣмъ неудержимѣе, свѣжѣе привѣтствовался. Добролюбовъ былъ еще нѣсколько серьезенъ,—хотя и хорошъ въ «Свисткѣ», въ «Когда же придетъ настоящій день?» и болѣе всего въ безподобной «Что такое обломовщина?» и въ «Темномъ царствѣ» — сатирѣ на «тѣхъ». Чернышевскій былъ слишкомъ ученъ; совсѣмъ не понятенъ Герценъ [1]; но Бѣлинскій въ своихъ восторгахъ, а еще лучше Писаревъ, столь же восторженный и совершенно понятный, простой,—былъ истиннымъ кумиромъ. Это былъ Гомеръ, котораго множество маленькихъ Александровъ Македонскихъ, засыпая, клали подъ подушку, чтобы на завтра, проснувшись, еще и еще читать, и мысленно благодарить его, и позднѣе плакать надъ его могилой, а при достаточныхъ средствахъ, даже и приносить ему гекатомбы [2].

---

[1]) Въ высшей степени замѣчательно, что Герценъ, несмотря на свой радикализмъ и бездну талантливости, никогда особеннымъ культомъ не пользовался въ нашемъ юномъ обществѣ. Онъ былъ не только слишкомъ сложенъ, умственно развитъ, но и недостаточно внутренне чистъ для этого. Острота, хорошо написавшаяся, еслибы даже, написавъ, онъ и почувствовалъ ея неправость — уже не зачеркнулась бы имъ, и этого никогда не сдѣлалъ бы Писаревъ.

[2]) Въ Нижегородской гимназіи (гдѣ и учился) и особенно въ Нижегородскомъ дворянскомъ институтѣ, въ серединѣ 70-хъ годовъ, степень зачитанности Писаревымъ была такъ велика, что ученики даже въ характерѣ разговоровъ и манерѣ взаимнаго грубовато-шутливаго обращенія пытались подражать его писаніямъ. Я въ Нижнемъ уже не читалъ Писарева, прочтя его всего въ Симбирскѣ, во 2-мъ и 3-мъ классахъ гимназіи, гдѣ также прочелъ всего Бокля и Карла Фохта и составилъ конспекты этихъ книгъ, у меня до сихъ поръ хранящіеся. Но и въ Нижнемъ, въ 4-мъ классѣ, изъ-за насмѣшекъ старшаго брата (который замѣнялъ мнѣ отца) надъ Боклемъ и Писаревымъ, я поссорился съ нимъ въ столь рѣзкихъ формахъ, что онъ принужденъ былъ отдѣлить меня отъ общаго обѣда и я ѣлъ одинъ, сожалѣя о родѣ человѣческомъ, не усваивающемъ такихъ честныхъ писателей. Классъ въ VI мъ однако, придя къ товарищу и увидя у него томъ Писарева, я раскрылъ ста-

И когда весь этотъ циклъ литературы, къ сожалѣнію, уже истощающійся [1]), замкнется,—мы, обернувшись назадъ, будемъ поражены свѣжестью, богатствомъ формъ и, главное, необычайною оригинальностью этого совершенно новаго во всемірной литературѣ явленія; а, углубившись въ его смыслъ, поймемъ и великую мысль, на немъ почившую. Наконецъ (и это уже наше пожеланіе) мы навсегда сохранимъ эту школу для нашего юношества, безъ какого-либо опасенія передъ ея прямыми утвержденіями, подробностями, всѣмъ въ ней несущественнымъ (кстати, ее и разрушить нельзя,—не человѣческими руками она создана). Къ Богу, къ пониманію исторіи, къ смиренію передъ землею своею и привязанности къ ней люди не книгами приводятся, и не нужно, чтобы приводились книгами. *Это*—слишкомъ жизненно для книгъ, слишкомъ серьезно; и, наконецъ, это такъ существенно, такъ важно, что вѣрить судьбу этого обрѣтенія родины случайной встрѣчѣ съ книгою не было бы мудро. Итакъ, пока безъ родины, безъ Бога, въ сторонѣ отъ насъ и нашихъ путей, въ садахъ чудесныхъ Гесперидъ пусть растутъ наши дѣти, отдыхаютъ до времени, когда придетъ *ихъ* часъ и позоветъ ихъ къ *труду*.

раго любимца—и вдругъ самая манера его изложенія и также всѣ мысли мнѣ показались до того не интересными и скучными, точно это были «Les avantures de Telemaque“ Фенелона, и это былъ день, съ котораго я какъ бы забылъ, что и читалъ его когда-нибудь.

[1]) Онъ изнемогаетъ не столько внѣшнимъ образомъ, въ обилія, сколько внутренно, какъ бы перерождаясь. Напр. у г. Н. Михайловскаго, который первое время кажется очень искреннимъ, нельзя не замѣтить, что онъ часто тоньше и умнѣе своихъ статей, и, напр., полемизируя съ вами, видитъ въ томъ и иномъ неправоту свою и не сознается въ этомъ, заметаетъ слѣдъ. Онъ старается быть наивнѣе, чѣмъ есть; такъ сказать — присѣдаетъ въ уровень со своими читателями, и это вноситъ въ его писанія, въ общемъ еще очень свѣжія, фальшь, и отнимаетъ у нихъ то безупречно-воспитательное значеніе, какое именно искренностью своею имѣли сочиненія Бѣлинскаго, Чернышевскаго, Писарева, теперь отчасти — Протопопова и Скабичевскаго. Сюжеты «французскихъ повѣстей» (см. выше письмо Бѣлинскаго) ему уже не одни снятся, однимъ глазомъ онъ уже видитъ и дѣйствительность, и, между тѣмъ, силится внушить читателю, что только ихъ одни и видитъ.

О студенческихъ безпорядкахъ.

Такъ-называемые «студенческіе безпорядки» хронически повторяются у насъ отъ времени до времени. Теперь уже въ *Русской Старинѣ* и въ *Русскомъ Архивѣ* мы можемъ читать воспоминанія о подобныхъ безпорядкахъ, написанныя людьми или престарѣлыми, или умершими. Итакъ, это явленіе давнее, періодически повторяющееся. Никогда ни къ чему серьезному они не приводили, и университетская жизнь, поволновавшись нѣсколько, опять улегалась въ свое старое русло, какъ-бы ничего не случилось. Изъ біографій нѣкоторыхъ нашихъ замѣчательныхъ людей, напримѣръ Н. Я. Данилевскаго, мы знаемъ, что угаръ политическаго и такъ-называемаго «соціальнаго» броженія мутилъ и ихъ умы во время молодости; авторъ «Россіи и Европы» и «Критическаго изслѣдованія о дарвинизмѣ», бывъ въ молодости фурьеристомъ и отвергая бытіе Божіе, въ зрѣлыхъ годахъ сталъ не только превосходнымъ практическимъ работникомъ на государственной службѣ, сохранившимъ Россіи ея громадныя рыбныя богатства, но и теоретическою мыслью—однимъ изъ столповъ славянофильства.

На безпорядки эти можно имѣть нѣсколько точекъ зрѣнія; точнѣе, они открываютъ въ себѣ разныя стороны, какъ только мы рѣшаемся ихъ всесторонне изслѣдовать.

Прежде всего, это есть болѣзнь возраста, непріятная, хлопотливая, но не упорная и не опасная. Наше броженіе политическое и такъ-называемое «соціальное» комплектуется исключительно адептами 16—27 лѣтъ; и, съ другой стороны, въ возрастѣ этихъ критическихъ 16—27 лѣтъ почти каждый образованный русскій «отрицаетъ» и волнуется. Было-бы напрасно думать, что какія-то проблематическія выгоды заставляютъ позднѣе успокоиваться этихъ людей. Нѣтъ,—простой опытъ жизни, расширеніе сферы наблюденій

и самой наблюдательности, завязавшіяся живыя связи съ обществомъ и жизнью историческою черезъ семью, дѣтей, наконецъ черезъ трудъ — кладутъ каждаго въ свою ячейку и заставляютъ признавать необходимость и цѣлесообразность, а наконецъ и священность, и поэзію этого громаднаго улья, гдѣ вотъ уже тысяча лѣтъ роится громадный народный рой. Въ 16—27 лѣтъ каждый, т.-е. почти каждый, русскій бываетъ не только парламентаристомъ или республиканцемъ—этого еще мало,—онъ непремѣнно бываетъ дарвинистомъ, позитивистомъ, соціалистомъ; онъ вообще бываетъ политикомъ и философомъ въ политикѣ, къ которой вплотную не подошелъ, и въ философіи, которую только что началъ читать.

Россія въ исторіи своей пережила казачество: нѣкоторый родъ духовнаго казачества переживаетъ и каждый изъ насъ въ соотвѣтствующую фазу возраста, переживаетъ пору увлеченій, воеванія, погруженія исключительно въ свое «я» и противопоставленія этого «я» всему міру. Ничего опаснаго. Рождается у этого «нигилиста»-казака первый ребенокъ, и съ крикомъ его проходитъ болѣзнь: таинства жизни вскрываются тому, кто отвергалъ ихъ потому, что не понималъ, и даже просто потому, что не видѣлъ.

Теперь—собственно предметъ отрицаній.

Отрицается Богъ, семья, отечество «въ томъ нелѣпомъ видѣ, какъ оно существуетъ», міръ невидимый и видимый, но какъ одинъ, такъ и другой—пока неувидѣнный и насколько онъ не увидѣнъ. Отрицается все неиспытанное, не перешедшее въ живое ощущеніе; отрицается съ тою твердостью, какъ передъ однимъ путешественникомъ индусскій раджа отрицалъ возможность снѣга и льда—«сухой и твердой воды». Раджа за глубокій и наглый обманъ его путешественникомъ, сообщавшимъ такія невѣроятныя вещи, распорядился даже казнить его, но почему-то не успѣлъ, иначе мы не узнали-бы этого характернаго разсказа. Ну, точь-въ-точь, наше юношество негодуетъ, сжимаетъ кулаки, и, къ несчастью, иногда больше, чѣмъ только кулаки, при всякой попыткѣ его оспорить и не раздѣлить его вѣру въ особенные «сюжеты», его занимающіе, или предложить повѣрить въ другіе сюжеты, которые его не занимаютъ. «Честная юность» отъ всего подобнаго отвращается и посылаетъ въ отвѣтъ горсти каменьевъ. Она замыкается въ себя и изолируется; студенчество—и, правда, какъ старое казачество — представляется въ общемъ укладѣ нашей дѣйствительности какимъ-то островомъ Хортицей, гдѣ новые запорожцы совершаютъ свои умственныя оргіи, гдѣ «дорогія бархатныя шаровары тщательно вымазываются въ дегтѣ» и откуда время отъ времени показываются «удалыя чайки», чтобы напасть на дремлющихъ «враговъ», кой-что у нихъ «поцарапать», окружить большіе линейные корабли и, надѣлавъ тревоги, кой-что захвативъ, но никакого существеннаго вреда не причинивъ, вернуться назадъ съ добычей, которая имъ

доставляетъ большое удовольствіе и почти никакого неудовольствія тѣмъ, у кого похищена. Вотъ почему Россія и общество русское, несмотря на то, что учащееся юношество ярко ихъ отрицаетъ и отвергаетъ въ такихъ вѣрованіяхъ, за которыя онѣ готовы-бы пролить, да уже и проливали, кровь, — какъ-то и почему-то, однако, безотчетно любитъ его; какъ и Москва въ свое время любила это казачество, столь противоположное ей во всемъ. Два возраста, двѣ поры времени, но одного и того-же живого существа.

Для этого духовнаго казачества, для этихъ потребностей возраста у насъ существуетъ цѣлая обширная литература. Никто не замѣчаетъ, что всѣ наши такъ называемые «радикальные» журналы ничего, въ сущности, радикальнаго въ себѣ не заключаютъ: если-бы было иначе, можно было-бы подумать (по процентному отношенію ихъ къ органамъ остальной печати), что Россія краснѣетъ радикализмомъ и что ей завтра-же грозитъ что-то ужасное. По колориту, по точкамъ зрѣнія на предметы, пріемамъ нападенія и защиты это просто «журналы для юношества», «юношескіе сборники», въ своемъ родѣ «дѣтскіе сады», но только въ печатной формѣ и для возраста болѣе зрѣлаго, чѣмъ Фребелевскіе. Что это такъ, что это не журналы для купечества, чиновничества, помѣщиковъ — нашего читающаго люда, что всѣмъ этимъ людямъ взрослыхъ интересовъ, обязанностей, заботъ не для чего раскрывать этихъ журналовъ, а эти журналы нисколько въ такомъ раскрытіи не нуждаются,—это такъ интимно извѣстно въ нашей литературѣ, что было-бы смѣшно усиливаться доказать это. Не только здѣсь есть своя дѣтская исторія, т.-е. съ дѣтскихъ точекъ объясняемая; дѣтская критика, совершенно отгоняющая мысль объ эстетикѣ—продуктѣ исключительно зрѣлыхъ умовъ: но есть цѣлый обширный эпосъ, романы и повѣсти исключительно изъ юношеской жизни, гдѣ взрослые вовсе не участвуютъ, исключены, гдѣ нѣтъ героевъ и даже зрителей старше 35 лѣтъ, и всѣ, которые подходятъ къ этому возрасту, а особенно если переступаютъ за него, окрашены такъ дурно, какъ дѣти представляютъ себѣ «чужихъ злыхъ людей», и какъ въ былую пору казаки рисовали себѣ турокъ. Всѣ знаютъ, сколько свѣжести и чистоты въ этой литературѣ, оригинальнѣйшемъ продуктѣ нашей исторіи и духовной жизни, которому аналогій напрасно искали-бы мы въ старѣющей жизни Западной Европы. Соотвѣтственно юному возрасту нашего народа, просто юность шире у насъ раскинулась, она болѣе широкою полосой проходитъ въ жизни каждаго русскаго, большее число лѣтъ себѣ подчиняетъ и вообще ярче, дѣятельнѣе, значительнѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Гдѣ-же въ самомъ дѣлѣ она развивала изъ себя и для себя, какъ у насъ, почти всѣ формы творчества, почти цѣлую маленькую культуру со своими праведниками и грѣшниками, мучениками и «ренегатами», съ ей исключительно принадлежащею пѣснею, сужденіемъ и даже

начатками всѣхъ почти наукъ? Сюда же, то-есть къ начаткамъ вотъ этихъ наукъ, а отчасти и вытекающей изъ нихъ практики, принадлежитъ и «своя» политика, въ коей студенческіе «безпорядки» составляютъ только отдѣлъ.

Можно-бы ожидать, что университетъ силой своего ученія разобьетъ этотъ странный мірокъ, какъ его разбиваетъ позднѣе непосредственное соприкосновеніе съ жизнью, непосредственное ощущеніе ея тайнъ. Но этого нѣтъ.

Въ жизни нашихъ университетовъ есть незамѣченная сторона, которая вообще лишаетъ ихъ культурнаго воздѣйствія на учащихся, по крайней мѣрѣ—очень сильнаго и продолжительнаго: именно — университетъ не даетъ и тѣни хотя-бы сколько-нибудь закругленнаго образованія, хотя-бы намека на какой нибудь цѣлостный умственный организмъ. Факультетъ — это у насъ рядъ каѳедръ, между собой не связанныхъ и не связуемыхъ. Почему столько ихъ, а не нѣсколько менѣе—нельзя сказать; почему не гораздо больше—тоже нельзя сказать; почему при процвѣтаніи классической системы образованія нѣтъ каѳедры исторіи спеціально классическихъ народовъ (это послѣ Нибура)—непонятно; нѣтъ каѳедры классическаго искусства (послѣ Винкельмана) — тоже непонятно; почему до-историческая археологія, археологія «каменныхъ бабъ»—есть, а грекоримской археологіи, то-есть археологіи Парѳенона и Пропилей — нѣтъ: конечно, никто на это ничего не отвѣтитъ. Въ самой структурѣ нашего университета лежитъ элементарный эмпиризмъ, эмпиризмъ полный и глубокій — плодъ подражательной пересадки къ намъ науки и нисколько не плодъ потребности, особенно не духовной потребности. Еслибы университетъ давалъ нѣчто цѣльное и закругленное, еслибы онъ не ограничивался разрозненными и, Богъ знаетъ, почему и зачѣмъ существующими дисциплинами, онъ имѣлъ-бы свойство и силу втягивать въ себя умъ, и, втягивая, покорять его, захватывать, овладѣвать имъ: и соотвѣтственно своему содержанію (каково-бы оно ни было)—формировать и дисциплинировать его. Такъ дѣйствуетъ всякая система, вступивъ во входъ которой вы уже неудержимо проходите ее всю, и если въ ней не удерживаетесь, не остаетесь и свергаете ее съ себя—вы ее свергаете человѣкомъ гораздо болѣе сильнымъ, чѣмъ какимъ вошли въ нее, и вообще выходите изъ нея новымъ человѣкомъ. Но русскій юноша, какимъ вошелъ въ университетъ, такимъ въ сущности и выходитъ. Онъ только чрезвычайно въ памяти своей обремененъ знаніями, но онъ вовсе не болѣе развитъ, чѣмъ былъ, или развитость его относится, какъ къ причинѣ своей, къ столкновеніямъ житейскимъ, къ той или иной прочитанной книгѣ или кругу книгъ; но никогда или почти никогда она не относится къ тому, что онъ услышалъ съ каѳедры. Пересмотрите въ нашей литературѣ всѣ университетскія воспоминанія: перечтите воспоминанія о лучшей

порѣ Московскаго университета: это есть только воспоминанія объ увлекательности чтеній, о «свѣтломъ образѣ» профессора, но это не припоминаніе любопытной мысли, имъ высказанной, не борьба съ этою мыслью или, напротивъ — не ея пропаганда. Наоборотъ, припоминаніе любопытныхъ мыслей, высказывавшихся въ студенческихъ кружкахъ — есть. Есть оно въ «Запискахъ» Пирогова, относящихся въ студенческой своей части къ первымъ десятилѣтіямъ нашего вѣка; и, много позднѣе, въ кружкахъ Станкевича и Бѣлинскаго (т. е. опять въ студенческихъ или полустуденческихъ) высказывались, мы знаемъ, мысли оригинальныя или новыя для своего времени. Отъ этого страннаго обстоятельства университеты наши имѣютъ традиціи и дисциплину нравовъ, но они не имѣютъ традиціи и дисциплины собственнаго ученія, т. е. самой науки, каѳедры, которая опредѣленно сложилась-бы и послѣдовательно развилась. Былъ Грановскій—«свѣтлый характеръ и высокій художникъ слова»; умеръ онъ—и опять ничего особеннаго, какъ ничего особеннаго не было до него. Мы часто готовы жестоко обвинять профессоровъ, но откуда имъ взять то, чего нѣтъ вообще въ университетѣ, на каѳедрѣ, въ сферѣ, куда они вступаютъ и откуда ждутъ отъ нихъ какихъ-то необыкновенныхъ словъ? «Лучшій профессоръ...» но вдумаемся-же, что это «лучшее» есть только личный даръ его, то излишнее и особенное, что онъ приноситъ съ собою, и за что мы безконечно обязаны его благодарить; но не можемъ этого ни ожидать отъ всякаго, ни негодовать, если этого даже ни у кого нѣтъ. Отъ 60-хъ до 80-хъ годовъ въ Московскомъ университетѣ читалъ лекціи Буслаевъ, авторъ «Очерковъ русской литературы и искусства», «Лицеваго Апокалипсиса» и множества еще работъ; въ противоположность Грановскому, который несъ въ себѣ только «колоритъ науки», этотъ уже, дѣйствительно, несъ науку. Но что такое была эта наука, какъ не самое лицо профессора—это удивительнѣйшее лицо, которое стояло въ центрѣ цѣлаго міра знаній, интересовъ, почти растерянное въ нихъ: растерянно не замѣчающее [1]) ни студентовъ, ни университета; со взоромъ чисто младенческимъ и одновременно съ тѣмъ — если у Мафусаила была мудрость, соотвѣтственная лѣтамъ, — мы сказали-бы: со взоромъ Мафусаила. Рядомъ съ нимъ стоялъ и читалъ о тѣхъ-же предметахъ и иногда то-же Тихонравовъ—профессоръ также неключительной значительности, но ничего подобнаго не было: не было въ его чтеніяхъ глубокаго свѣченія и благоуханія генія; была вѣявь науки, тщательно обрабатываемой, и вовсе не наука въ ея мысли, въ ея нервѣ. Поэтому образова-

[1]) О немъ между студентами передавали анекдотъ (или фактъ), что, когда однажды онъ былъ выбранъ Совѣтомъ въ ректоры, онъ, благодаря за честь и отказываясь отъ должности, мотивировалъ отказъ: «Господа, я не могу никогда правильно разсчитаться съ извозчикомъ, то не додавая, то передавая — какъ вы хотите, чтобы я былъ ректоромъ».

тельное значеніе Буслаева было огромно, и оно было огромно даже и тогда, когда, шамкая и проглатывая слова (отъ старости), онъ давалъ скорѣе обрывки курса, нежели курсъ въ сколько-нибудь законченномъ и цѣломъ видѣ; обрывки, но—какъ обломки классической статуи—полные красоты и выразительности; страницы, почти между собою не связанныя, но каждая полна именно мысли. Степень благоговѣнія къ нему студентовъ была поэтому изумительна. Трудно повѣрить, но это фактъ, что въ бурную нигилистическую пору конца 70-хъ годовъ студенты передавали и почти гордились, что, идя по такому-то бульвару, «встрѣтилъ и поклонился Оедору Ивановичу», никогда—«Буслаеву», всегда — «Оедору Ивановичу», который, впрочемъ, рѣдко и отвѣчалъ на поклонъ, погруженный въ какія-нибудь свои мысли, и уже, конечно, не замѣчая торопливо бѣгущаго на урокъ студента (тогда еще они ходили безъ формы). Но, какъ мы сказали, эта наука сосредоточена была въ самомъ лицѣ его. Тихонравовъ читалъ лекціи только по своей каѳедрѣ (русская литература), но Буслаевъ — скорѣе Богъ знаетъ о чемъ читалъ, гдѣ русская литература только мелькала, какъ подробность, какъ частность. Можно сказать, онъ и о каѳедрѣ своей, т. е. объ ея тѣсныхъ и узкихъ границахъ, забылъ, какъ и о студентахъ, и объ университетѣ. Въ немъ, если вдуматься, бродили вѣчно эмбріоны новыхъ, совершенно оригинальныхъ дисциплинъ, но ихъ каѳедры вовсе не было, не было даже для нихъ имени. Они бродили въ его умѣ, то вспыхивая съ каѳедры — и тогда заражая мысль аудиторіи, то погасая въ необозримой мысли настоящаго ученаго, который уже бѣжалъ вниманіемъ къ другимъ предметамъ и въ нихъ вглядывался любопытствующимъ глазомъ своимъ, вновь и вновь рождая эмбріоны еще и еще вѣтвей на старомъ деревѣ знанія. Онъ сошелъ съ каѳедры — и ничего не осталось. Геніальный номадъ, случайно забредшій въ сарай и его собою освѣтившій, онъ умеръ, — и сарай остается также грубъ и неинтересенъ, какъ раньше его и вкругъ него; неинтересенъ и грубъ въ самомъ своемъ устройствѣ. И всякій талантливый русскій профессоръ есть подобный же номадъ—созданіе не культуры, не обстановки, не мысли, выраженной въ университетѣ (ея вовсе нѣтъ), но индивидуальныхъ своихъ усилій и искры Божіей, его чела коснувшейся. Но этой искры требовать для каждаго лица мы не можемъ у Бога; не можемъ требовать ея у всякаго человѣка; безъ нея-же—ночь.

Теперь, если мы вдумаемся въ дикое казачество нашихъ студентовъ, въ пѣльные разговоры, которые угрюмо они ведутъ между собою, но, однако, преемственно, но, однако, изъ десятилѣтія въ десятилѣтіе; если вдумаемся въ ту крошечную дѣтскую культурку, которую со страницъ своихъ развиваютъ нѣкоторые журналы—мы увидимъ, что это все-таки культура, все-таки нѣкоторая цивилиза-

ція, ибо это есть несомнѣнно нѣкоторая любовь и мысль, которая выдерживаетъ себя отъ первой строки и до послѣдней, которая въ стихотвореніи продолжаетъ то, что было начато въ якобы ученомъ трактатѣ, въ романѣ начинаетъ и кончаетъ въ критикѣ.

Здѣсь — мы говоримъ о старой «Сѣчи» нашего студенчества и копошащейся около нея литературки — все связно и цѣльно; все здѣсь проникнуто вѣрой въ себя; все представляетъ опредѣленный строй мысли, и каждый юноша, вступая въ университетъ, знаетъ, что онъ самою атмосферой, которою будетъ здѣсь дышать четыре года, принуждается къ опредѣленнымъ мыслямъ, опредѣлившимся чувствамъ, тѣсно ограниченнымъ дѣйствіямъ. Именно этого-то и нѣтъ на каѳедрѣ: сюда каждый приноситъ—сверхъ обязательныхъ свѣдѣній — свое лицо, свое міросозерцаніе, и, вообще говоря, онъ даже можетъ не приносить сюда никакого лица, никакого міросозерцанія. Вотъ причина, почему студенчество вѣчно одолѣваетъ каѳедру, одолѣваетъ въ самой культурѣ своей; и профессора, эти бѣдные и безпріютные профессора, ни къ чему не принадлежащіе, ни къ чему не относящіеся, если они не развиваютъ изъ себя, какъ Буслаевъ, свою культуру, — они льнутъ къ этому-же студенчеству, какъ взрослые, голые дикари льнутъ къ дѣтскимъ кострамъ, однако несомнѣннымъ, однако дѣйствительно горящимъ. Есть цѣлый рядъ профессоровъ—я не хочу изъ деликатности называть ихъ имена—у коихъ отнимите обыкновенныя студенческія мысли, тѣ мысли, которыя, по воспоминаніямъ Пирогова, еще въ 20 годахъ развивались «во II номерѣ», въ интернатѣ,—и у нихъ вовсе не останется никакой мысли, т. е. въ ихъ одно и двутомныхъ трудахъ не останется совершенно ни одного понятія, кромѣ обыкновенной связи между предложеніями и груды цитатъ и фактовъ, рѣшительно ничѣмъ не связанныхъ и никакъ, даже нелѣпо, не освѣщенныхъ. Какъ-же имъ не льнуть сюда—къ бѣднымъ, дымящимся и тусклымъ, студенческимъ кострамъ: да студенчество-то и есть для нихъ «университетъ», гдѣ они научаются, и тутъ есть бездна боли, но ничего нѣтъ смѣшного, а, что главное, нѣтъ никакой вины профессоровъ, ибо, повторяемъ, ни талантъ, ни геній для человѣка необязательны.

Женское образовательное движеніе 60-хъ годовъ.

Имя г. В. Стасова будетъ вспоминаться долго послѣ того, какъ будутъ забыты имена его литературныхъ противниковъ; не будетъ припоминаться какая нибудь его мысль, его взглядъ на этотъ или иной вопросъ, вообще—его «умственное наслѣдіе»; все это будетъ забыто, пренебрежено, какъ уже забыто почти даже и теперь. Но его фигура, его зычный голосъ, его постоянная воспаленность тѣмъ или инымъ вопросомъ — все это гораздо замѣчательнѣе его «мыслей», все это стало уже теперь какъ-то монументально, памятно, незабываемо, даже національно. Что именно сказалъ г. Стасовъ о живописи? о музыкѣ и музыкантахъ? о Даргомыжскомъ и Рѣпинѣ?— на что намъ знать это: навѣрное онъ сказалъ что-нибудь несообразное съ дѣйствительностью. Но вотъ, если когда-нибудь кто-нибудь о какомъ-либо вопросѣ, предметѣ, кружкѣ людей, вновь нарождающемся явленіи, но непремѣнно—явленіи добромъ, хорошемъ, вдругъ закричитъ нелѣпо и бурно, требуя всеобщаго вниманія и, не будучи въ состояніи объяснить, почему «вниманія»,—невольно припомнятъ всѣ фигуру нашего маститаго современника и скажутъ: «э — да это опять какъ Стасовъ!» И въ припоминаніи не будетъ ничего желчнаго; скорѣе, напротивъ—нѣчто свѣтлое, доброе. Стасовъ—это первобытная, не культивированная Русь; Русь еще былинъ, еще до Владиміра, до всякаго просвѣщенія; обильная, обширная, но «неустроенная»; «порядка нѣтъ», но ширь во всѣ стороны необъятная. Мы говоримъ о внутреннемъ логическомъ порядкѣ, о художественномъ устрояющемъ вкусѣ, котораго такъ явно недостаетъ нашему писателю и безъ котораго его обширныя знанія, ученость, начитанность, даже любовь и старательность, только—

Обширный храмъ безъ божества.

Г-нъ Стасовъ съ «былинной» первобытностью не понялъ всей неудобности для него писать біографію родной сестры; писать ее въ томъ тонѣ, какъ это мы читаемъ на страницахъ «Книжекъ Недѣли» (за лѣто 1896 г.), наконецъ, говоря о движеніи, въ которомъ его сестра участвовала и даже отчасти имъ руководила—онъ явно не можетъ и даже не догадывается, что нужно сказать о немъ сколько-нибудь опредѣленное, цѣнное или новое слово. Это какъ лѣтописецъ-монахъ: «было—и стало быть достопамятно»; было женское движеніе, въ немъ принимала участіе его сестра, и вотъ еще не успѣло остыть ея тѣло, какъ хлопотливый братъ уже обмакиваетъ перо въ чернильницу и излагаетъ въ хронологическомъ порядкѣ событія, въ которыхъ или около которыхъ плыла «замѣчательная женщина». Но и здѣсь онъ совершаетъ безтактность, точнѣе — обнаруживаетъ ясное непониманіе нужнаго для исторіи: сестра его, очевидно, оставила автобіографическія записки о себѣ—объ этомъ можно судить по обильнымъ выдержкамъ, приводимымъ въ ковычкахъ «братомъ». Записки эти представляютъ неоцѣнимый матеріалъ для изученія 60-хъ годовъ нашей жизни, по своему колориту, множеству упоминаемыхъ лицъ, по характерности описываемыхъ событій; ихъ буквально воспроизвести было бы важно, но «братъ» прячетъ записки въ столъ, воспользовавшись лишь фактическимъ матеріаломъ, въ нихъ заключеннымъ. Онъ пишетъ панегирикъ сестрѣ и всему движенію; онъ наполняетъ его восклицаніями, характеристиками, «своими мнѣніями» и вообще тѣмъ, что не нужно, давая очень мало изъ того, что истинно нужно. Онъ, напримѣръ, пишетъ:

«И такъ, русскія женщины не унылн (въ декабрѣ 1868 г.). Не взирая на всѣ самыя тяжкія, удручающія обстоятельства, среди которыхъ не оставалось уже, казалось бы, ни одной голубой полоски голубого неба съ солнцемъ и не было уже ни единаго самаго маленькаго луча свѣта надежды для ихъ дорогого дѣла, онѣ все-таки не утратили вѣру въ него и съ непобѣдимымъ фанатизмомъ продолжали идти на-проломъ. Но откуда бралась у нихъ эта сила, это убѣжденіе, эта непреклонность, эта непоколебимая увѣренность въ побѣдѣ когда-то, впослѣдствіи? Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, тѣ, которые имъ тогда противились, развѣ они не были тысячу разъ правы во многомъ, въ самомъ существенномъ? Развѣ ихъ предпріятіе могло двинуться съ мѣста со всего 6.000 р. въ карманѣ (предполагаемая плата за слушаніе лекцій съ курсистокъ), да еще и тѣ 6.000 словно еще журавль въ небѣ? Развѣ сопротивлявшіеся ихъ дѣлу не истинную правду говорили, что все у нихъ, тутъ, у петербургскихъ женщинъ, шатко, вилами на водѣ писано, не содержитъ ни малѣйшей прочности, что такъ дѣла нельзя вести, и солидному человѣку, или управленію, нельзя пускаться на такія химеры (министерство народнаго просвѣщенія отказывалось утвердить положеніе о курсахъ,

ссылаясь на необезпеченность ихъ матеріальной стороны и само отказываясь дать таковое обезпеченіе). Они были правы; но кромѣ правоты математической, той, которая сію минуту существуетъ, есть еще другая правота, та, которую не видать, но которая все-таки есть, которую иные глаза еще не нащупываютъ, но чувствуютъ впереди, и на которую всѣ лучшіе люди уповаютъ, какъ на гранитныя и порфировыя стѣны. И эта правота несокрушима. Такъ было и на нынѣшній разъ, въ дѣлѣ русскихъ женщинъ»... («Кн. Недѣли», іюль, стр. 194 — 195).

Все это можетъ быть мило, но совершенно никому не нужно.

II.

Очевидно, въ сестрѣ его, которую «братъ» сдѣлалъ невольно предметомъ литературнаго обсужденія, было много «стасовскаго»: это имя рѣшительно напрашивается стать нарицательнымъ. Невозможно безъ самого живого сочувствія, безъ истинной теплоты читать извлеченій изъ ея «Записокъ»; очевидно,—это была душа кристальной чистоты; и совершенно очевидно, что какъ «братъ» вовсе не даетъ яснаго отчета себѣ въ смыслѣ и назначеніи имъ написаннаго, такъ она никогда не задавалась вопросомъ о смыслѣ и назначеніи движенія, въ которомъ участвовала и напрягала всѣ силы, чтобы его подтолкнуть впередъ. Еще замѣчательнѣе и даже поразительнѣе, что объ этомъ не спрашиваетъ и самъ г. Стасовъ. Все время, пока пробѣгаешь «*Записки*» и переплетающій ихъ панегирикъ, спрашиваешь себя: да что именно хотѣли узнать эти женщины на курсахъ? какимъ вопросамъ, какою областью знаній была заинтересована которая-нибудь изъ нихъ? Почему для курсовъ необходимы 4 факультета, а не одинъ съ выборомъ интереснѣйшихъ общеобразовательныхъ наукъ? Вообще наука есть непремѣнно наука о чемъ-нибудь, и какой-нибудь вопросъ, интересъ, заботу, недоумѣніе нужно держать въ умѣ, подходя къ наукѣ и требуя, чтобы она начала говорить передъ тобою. Этого-то именно: вопроса, интереса, умственной возбужденности не только ни у кого не было, но даже и позднему біографу «движенія» необходимость его, какъ предваряющаго условія, вовсе не приходитъ на умъ.

«Закипѣла работа, тотчасъ былъ сдѣланъ проектъ и смѣта всего хозяйства. По дѣлу квартиры намъ очень помогалъ Собольщиковъ. Надо было устраивать освѣщеніе—въ верхнемъ этажѣ былъ газъ, внизу его не было а онъ былъ необходимъ для занятій, да и для освѣщенія аудиторій... Потомъ надобна была мебель: все заказывается, и тутъ намъ много помогалъ мой братъ Николай, онъ рекомендовалъ намъ дешеваго столяра. Дѣлаемъ объявленія во всѣхъ газетахъ (да о чемъ?), печатаемъ билеты, и въ одну недѣлю они всѣ расхватаны. Поступаетъ 767 женщинъ и это намъ даетъ ра-

зомъ изрядную сумму. Мы оживаемъ. Въ три недѣли все готово» (ib., стр. 206—207).

Нѣсколько ранѣе, въ болѣе минорномъ тонѣ: «М. В. Трубникова ходила иной разъ, какъ въ воду опущенная, но Н. В. Стасова, душа всего дѣла и всѣмъ сердцемъ ему отдавшаяся, не унывала. Она работала больше всѣхъ и все сосредоточивалось на ней. Къ ней всѣ обращались, къ ней все стекалось, и все сглаживая, никого не оскорбляя, она шла неуклонно къ цѣли, глубоко вѣруя, что цѣль будетъ достигнута. Не разъ говорила она: «Какъ вспомню, что все это дѣлается на нашихъ глазахъ, что совершается такой важный шагъ, и что, можетъ быть, тысячи будутъ потомъ пользоваться тѣмъ, надъ чѣмъ мы теперь трудимся—тогда мнѣ никакихъ трудовъ не жаль! А я,—прибавляла она тихимъ голосомъ,—знаю, что положила на это дѣло не мало своего труда. И такъ мнѣ пріятно объ этомъ думать!» (ibid, стр. 202). «Солодовникова, услыхавъ это, сочла себя обиженной и тотчасъ же сложила съ себя званіе депутатки, и оказалась, такимъ образомъ, внѣ движенія» (стр. 203). «Внутреннія смуты шли своимъ чередомъ и двѣ партіи стояли другъ противъ друга: «нигилистки намъ все испортятъ», говорили аристократки; «не нужно намъ филантропокъ и покровительницъ», кричали нигилистки» (ibid). Но вотъ, страданія кончились, распри утихли, хлопоты увѣнчались успѣхомъ и 20-го января 1870 г. курсы торжественно открылись первою лекціею. Н. В. Стасова была дежурною. «Никогда я не видала ее въ такомъ безпокойствѣ,—пишетъ одна очевидица,—она безпрестанно мѣнялась въ лицѣ и выражала опасеніе, что публики не будетъ, и тогда все затѣянное дѣло, а съ нимъ и вопросъ о высшемъ женскомъ образованіи будетъ проигранъ и надолго. Но это опасеніе оказалось напраснымъ: къ назначенному часу нахлынула толпа и аудиторія была переполнена, къ великой радости Н. В., лицо которой сіяло отъ удовольствія».

И далѣе потомъ, какъ и ранѣе, идутъ аудіенціи у министровъ: Толстого, Милютина, Тимашева, хлопоты у президента Академіи Наукъ Литке; «великая княгиня Елена Павловна присылаетъ фрейлину свою, баронесу Раденъ, ко мнѣ, чтобы сказать, что «tous ies rayons de sa bibliothèque sont à notre disposition» (стр. 200); «Ан. П. Философова, при встрѣчахъ въ свѣтѣ съ гр. Д. А. Толстымъ, постоянно напоминала ему о нашемъ дѣлѣ и даже разъ, на балу во дворцѣ, любезно и мило пристала къ министру со словами: когда же отвѣтъ? (на поданную докладную записку). Отвѣтъ, и правда, прямо пришелъ на ея имя (стр. 192)». И вотъ, среди долгихъ страницъ, хлопотами наполненныхъ, гдѣ мы видимъ множество лицъ, въ самыхъ различныхъ положеніяхъ, на извозчикахъ, у директоровъ гимназій, во время переѣздки «со всѣмъ нашимъ скарбомъ скелетовъ, кое-какихъ инструментовъ, физическаго и химическаго каби-

нетовъ» (стр. 213), мы не наблюдаемъ лишь одного: уединенной комнаты, тускло догорающей свѣчи и беззавѣтно забывшейся надъ книгою женщины. Именно этого sacrum sanctum, ума взволнованнаго и устремленнаго, ума спрашивающагося, допытывающагося, не хотящаго отстать, пока не данъ отвѣтъ — мы и не находимъ во всѣхъ курсахъ, о немъ нѣтъ ни одного свидѣтельства; и, между тѣмъ, внимательный учитель находитъ это въ каждой захолустной гимназіи, хотя бы у 2—3 мальчиковъ, возраста 15—18 лѣтъ.

III.

Высшіе женскіе курсы, поэтому, были и остаются вовсе не проявленіемъ умственнаго, теоретическаго интереса женщинъ. Его не было въ то время и его нѣтъ теперь. Удивительно, какъ никѣмъ не было замѣчено, что въ эти столь, повидимому, грубые анти-«женственные» 60—70-е гг. въ дѣйствительности идеалъ женщины не только былъ сохраненъ, но выразился съ рѣдко достигаемою полнотой, въ чертахъ яркихъ и, по условіямъ времени, поразительныхъ. Быть любимою, осуществлять съ глубокою преданностью чужой идеалъ, съ самоотверженіемъ становиться тѣмъ, чего отъ нея ожидаютъ—это всегда и въ шестидесятые и семидесятые годы было природою женщины. Изъ мимолетныхъ выдержекъ, приведенныхъ выше, уже видно, до чего все общество принимало участіе въ «движеніи» женщинъ къ образованію; въ *«Запискахъ Н. В. Стасовой»* это еще гораздо видиѣе. Вотъ, между прочимъ, часть письма Д. С. Милля отъ 18-го декабря 1868 года, съ которымъ этотъ философъ обратился къ петербургскимъ женщинамъ:

«Съ чувствомъ удовольствія, смѣшаннаго съ удивленіемъ, узналъ я, что въ Россіи нашлись просвѣщенныя и мужественныя женщины, возбудившія вопросъ объ участіи своего пола въ разнообразныхъ отрасляхъ высшаго образованія—историческаго, филологическаго и научнаго, считая въ томъ числѣ и занятіе практическою медициною, — для того, чтобы расположить въ пользу высшаго женскаго образованія выдающіяся силы ученаго міра. То, чего съ постоянно возрастающей настойчивостью безуспѣшно требовали для себя образованнѣйшія націи другихъ странъ Европы, благодаря вамъ, милостивыя государыни, Россія можетъ получить раньше другихъ. Это еще разъ докажетъ, что націи сравнительно поздней цивилизаціи воспринимаютъ иногда великія идеи прогресса прежде націй ранней цивилизаціи» (ibid, стр. 195—196).

Профессора Бекетовъ (ботаникъ), Кесслеръ, Парановичъ ѣздили съ «депутатками», призывали ихъ къ себѣ, хлопотали о помѣщеніи для «курсовъ»; графы Михаилъ и Николай Ростовцевы, князь Голицынъ, братья Ольхины насильно забираютъ изъ всѣхъ трехъ театровъ—Михайловскаго, Маріинскаго и Александринскаго, артистовъ

съ репетиціи и отвозятъ въ устроенный Стасовою, Философовою и Трубниковою концертъ; графъ Литке выхлопатываетъ, что переводы «учащихся» женщинъ рекомендуются во всѣ заведенія въ качествѣ наградныхъ книгъ; профессоръ химіи, П. П. Федоровъ—полковникъ артиллеріи при Михайловской академіи—«проводилъ съ ученицами по цѣлымъ днямъ и сердился, если онѣ рано уходили» (стр. 200); на смѣшанныхъ лекціяхъ, для слушателей и слушательницъ, которыя были открыты съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, «профессора игнорировали навязанныхъ имъ мужчинъ, они всецѣло относились только къ женской аудиторіи и, терпя тѣхъ, какъ необходимое зло, на демонстративныхъ лекціяхъ обращались исключительно къ женщинамъ» (стр. 212). Съ тѣмъ отсутствіемъ грубаго, упорнаго, что всегда ее отличало, женщина 60—70-хъ годовъ вступила въ эту влекущую, обаятельную атмосферу, въ атмосферу всеобщаго къ себѣ вниманія и новаго восхищенія. *Въ мужчинѣ* возникъ новый идеалъ женщины, идеалъ жены - «друга», матери-«ментора»; и покорно, податливо, безвольно она подчинилась этому идеалу; даже болѣе—она ринулась радостно ему на встрѣчу, сбрасывая съ себя запястья, кольца, обстригая красоту свою—волосы, марая руки, лицо въ трупной вони анатомическихъ театровъ, отрицаясь даже отъ того, что вѣковѣчно болѣе всего любила въ себѣ. Все оставила она ради «господина своего» и въ этомъ именно оставленіи безмолвно повторила слова Руѳи, обращенныя къ Ноемини, этотъ какъ бы завѣтъ, оставленный женщиною всѣмъ женщинамъ: «твой народъ будетъ моимъ народомъ, и твоя вѣра—моею вѣрою, и твой законъ—моимъ закономъ». Только въ томъ случаѣ, еслибы женщина 60 — 70-хъ годовъ сберегла внѣшнюю «женственность», сберегла ее упорно противъ всякаго требованія, какъ свою постоянную природу, какъ свое не поддающееся ничему «я»—она впала бы въ муже-образность, нарушила бы интимнѣйшій и собственно даже единственный законъ существа своего, стала бы груба и несимпатична. Порознь, индивидуально мы встрѣчаемъ эту муже-образность у женщинъ: такова была становящаяся все болѣе извѣстною въ нашей литературѣ, упоминаемая и у Стасовой, Эдита Раденъ. Она вела многолѣтнюю переписку, кромѣ многихъ другихъ замѣчательныхъ «друзей», съ Юр. О. Самаринымъ, оспаривала его политическія и церковныя мнѣнія, оспаривала съ такимъ умомъ, что онъ находилъ въ ней... едва не сказалъ «мужчину» равной силы. Ея письма и ученo административныя записки (одна—о женскомъ образованіи, вызвавшая, года 4 назадъ, возникновеніе комиссіи изъ высшихъ государственныхъ сановниковъ)—образцы самой превосходной прозы. Но до чего превосходнѣе ихъ мемуары П. В. Стасовой — этой женщины отъ ногъ до головы, этой навѣчно милой дѣвушки, состарившейся въ дѣвушкахъ. Когда мы видимъ ее то блѣднѣющею, то краснѣющею передъ первою лекціею «курсовъ»,

не понимающею вовсе, зачѣмъ эти курсы, не догадывающеюся спросить себя объ этомъ; когда мы слышимъ ея испуганный шолотъ, что «женское образованіе заглохнетъ, и надолго, если сейчасъ, въ это утро толпа не повалитъ въ аудиторію» — мы восклицаемъ неудержимо: «это—Ева». Это та Ева, которую мы никогда не устанемъ любить, которая ввела насъ въ безчисленные хлопоты въ исторіи, и мы все *ей* и *такимъ* простимъ, потому что она согрѣла насъ поэзіей, искренностью, какой-то особенной правдой бытія своего, столь не похожей на правду нашего бытія.

IV.

Одинъ эпизодъ въ исторіи возникновенія курсовъ ярко показываетъ, до чего собственно ученіе, любознательность не только были побочны среди мотивовъ ихъ основанія, но и вовсе не играли въ немъ никакой роли. Дѣло въ томъ, что всѣ высшіе курсы вдругъ были открыты, но «не нами»; однако, пусть разсказываетъ хлопотунья:

«Въ началѣ 1869 года М. В. Трубникова (одна изъ ревностнѣйшихъ участницъ) заболѣла и уѣхала за границу. Собранія продолжались у меня и Солодовникова (ранѣе арестованная по подозрѣнію полиціею и принужденная сложить съ себя званіе «депутатки») присутствовала тоже на нихъ. Программа лекцій была готова, даже профессора были готовы, оставалось только нанять помѣщеніе и открыть курсы, но не было главнаго — не было средствъ. Депутатка А. П. Философова предложила для этого дѣла свой домъ. «Не нужно намъ филантропокъ!» было отвѣтомъ на ея сердечное предложеніе. Но она этого отвѣта не слыхала; она продолжала ѣздить на собранія, блистая своими нарядами, звеня своимъ милымъ, молодымъ голоскомъ».

«Наступилъ великій постъ. Со всѣхъ сторонъ Россіи, и даже изъ-за границы, отъ Д. С. Милля, француженки Андре Лео и англичанки Бутлеръ получались сочувственныя письма, а дѣло ни жило, ни умирало, и денегъ все не было.

«Вдругъ, какъ громъ среди яснаго дня, поразила насъ вѣсть: Солодовникова устроила высшіе курсы и для этого напередъ устроила концертъ въ ихъ пользу, съ участіемъ Лавровской. Зала дворянскаго собранія была полна, сборъ былъ великолѣпный, курсы полны, желающихъ попасть на нихъ такъ много, что приходится многимъ отказывать, мѣсть нѣтъ. Надежда Васильевна и всѣ мы (разсказываетъ Е. А. Штакеншнейдеръ) — были поражены. Н. В., не жалѣя своихъ силъ, боролась съ океаномъ препятствій, а другая прошла по расчищенной дорожкѣ и раньше пришла къ цѣли. Колумбъ открылъ новую часть свѣта, но она будетъ называться Америкой, а не Колумбіей! Всѣмъ намъ это было невыносимо».

«Не надо намъ филантропокъ и покровительницъ!» повторяла противоположная партія и шла только на свои, Солодовниковскіе курсы. Они были открыты, съ Высочайшаго разрѣшенія, въ зданіи 5-й гимназіи, у Аларчина моста. «Вотъ и вышло то, чего мы боялись, вотъ нигилистки и испортили все дѣло»—заговорили у насъ иныя. «Чѣмъ же испортили?—утѣшали насъ друзья—вы добивались курсовъ, ну вотъ они и готовы; не все ли равно, кто ихъ устроилъ?» Но въ томъ-то и дѣло, что не все равно. Эти курсы другой программы, низшей,—какіе-то въ родѣ приготовительныхъ, съ учителями вмѣсто профессоровъ. И мы остались съ нашей программой и профессорами, но безъ слушательницъ, потому что всѣ побѣжали туда, и безъ денегъ, потому что на успѣхъ второго концерта, вскорѣ вслѣдъ за первымъ, разсчитывать было нельзя. Удивительно ловко, подъ шумокъ и втихомолку, дѣйствовала Солодовникова, присутствуя на нашихъ собраніяхъ и никогда, ни однимъ словомъ не обмолвясь о своемъ предпріятіи» (стр. 203—204).

Да это страница изъ исторіи о Троѣ; это — греческія богини, передравшіяся изъ-за золотого яблока «первенства»; Елены сбѣжавшія отъ своихъ Менелаевъ. И ничего болѣе мы здѣсь не имѣемъ, ничего, кромѣ этой alte Geschichte.

V.

Извѣстенъ суровый судъ, высказанный надъ курсами гр. Л. Н. Толстымъ; не будемъ отрицать его проницательности, но откуда суровость? Мы уже сказали, что, какъ никогда, въ 60—70-е годы женщина осталась женщиною, ничего не утративъ въ своихъ вѣковѣчныхъ чертахъ, не выйдя изъ-подъ своего закона. Итакъ, не отвергая, что за многолѣтнюю пору существованія «курсовъ» были здѣсь «паденія»; что курсы всегда ютились около мужского университета и внѣ университетскаго города ихъ невозможно было бы собрать, мы спросимъ: что же имѣемъ мы здѣсь осудить? Это есть вѣчная природа женщины не только быть покорною «господину» своему, но и покорно становиться, во благовременіи, матерью. Что она скрывала это влеченіе свое? закрывала его придуманнымъ интересомъ къ наукѣ? Но она только не была въ этомъ безстыдна и хоронила глубоко важнѣйшій свой инстинктъ, таилась въ правдѣ своей природы, какъ это дѣлала всѣ тысячелѣтія бытія своего. Мы указали на ея преданность, отрѣшеніе отъ своего *я*; отмѣтили несравненную поэзію, какой она насъ согрѣваетъ. Собственно, именно женщина есть символъ единства рода человѣческаго, его связности. Не имѣя своего *я*, она входитъ цементирующею связью между всѣми человѣческими *я*, и вотъ почему «любовь» есть признанная сила, красота и право женщины. И всякой женщинѣ доступная форма этой связи есть обыкновенная, не героическая, но самая

важная для человѣчества плотская любовь. Отъ Навзикаи и Ревекки до героинь нашихъ дней, мы наблюдаемъ, какъ, подходя къ возрасту, дѣвушка ослабѣваетъ въ связяхъ своихъ съ родною семьею, ослабѣваетъ именно на эти 14—18—26 лѣтъ, чтобы, если не удалось замужество, стать снова прочною въ прежнемъ родѣ; но въ эти годы она становится нервна, нетерпѣлива, холодна и безучастна къ дому. Нужда, хлопоты, даже болѣзнь матери, отца — ее какъ-то поверхностно трогаютъ; она торопливо отдаетъ требуемую отъ нея заботу старому гнѣзду, вынося главную свою заботу за порогъ дома. Мимолетная встрѣча, самый незначительный разговоръ оставляютъ въ ней впечатлѣніе, какого не въ силахъ произвести самые неистовые крики матери и суровыя замѣчанія отца; она глуха здѣсь, дома, и вся настораживается наружу. Но вотъ, законъ природы совершенъ; о, какъ тепло становится ей матернее гнѣздо! какъ теперь, сама готовящаяся стать матерью, она внимательна къ своей матери, къ усталости и болѣзни отца! Но она не одна въ семьѣ своей: какъ цементирующая глина, она слила въ себѣ два рода, сливаетъ залоги будущаго съ хладѣющими останками прошлаго. Замѣчательно очень, что въ нормальномъ укладѣ жизни не столько жена переходитъ въ родъ мужа, сколько мужъ вступаетъ въ родъ жены. У древнихъ евреевъ, которые возвели бракъ къ апофеозу, по обычаю и закону, именно мужъ проводилъ первый годъ въ домѣ тестя, избавленный отъ всякаго труда, отъ неволи идти на войну, если таковая случалась. Слабая тѣнь этого сохраняется и донынѣ: жена теряетъ родовое имя свое, но именно мужъ послѣ брака ослабѣваетъ въ связяхъ къ прежнему своему роду и прилѣпляется къ новому («женится—перемѣнится», не только въ характерѣ своемъ, но и въ связяхъ ко всѣмъ прежнимъ родственникамъ). Но мы не будемъ слѣдить за этими тонкими трансформаціями чувствъ. Мы не имѣли въ виду иныхъ цѣлей, говоря о нихъ, какъ чтобы выяснить, до какой степени естественно, справедливо и вѣчно то, что всюду, гдѣ появляется женщина, она появляется какъ любящая: не какъ «учащаяся», исправно пишущая «рефераты»; не какъ «гражданка» и прочее, — но, подъ всѣмъ этимъ затаиваясь, всегда и только какъ любящая.

VI.

«Однако», скажутъ, «она любила безъ благословенія»... Но здѣсь есть жертва, и мы спрашиваемъ — гдѣ виновные? Пусть укажетъ кто-нибудь, за всѣ годы существованія «курсовъ», хотя бы одну только дѣвушку, которая отвергла бы честнымъ образомъ ей предложенный бракъ. Такой нѣтъ. Дѣвушка не бѣжала благословенія; но когда она любила неудержимо, въ силу природы своей, никто ей не далъ благословенія. Мы подходимъ къ существу «женскаго

вопроса»; этотъ вопросъ есть—напрасно закрывать на это глаза, но онъ есть вовсе не въ томъ смыслѣ, какъ это предполагаетъ г. Стасовъ и его бѣдная, изхлопотавшаяся сестра. Ученіе, наука—это есть потребность мужского инстинкта. Я уже сказалъ, что всякій зоркій учитель въ самой захолустной гимназіи подсмотритъ 2—3 мальчиковъ, неудержимо жадныхъ къ ученію, сосущихъ жадно книгу, какъ воду сосетъ губка: это — природа; и не было этой природы на всѣхъ «курсахъ», ея не видно во всѣхъ воспоминаніяхъ г-жи Стасовой. Въ 60—70 годахъ мужчина отдалъ женщинѣ свое право; и она была такъ робка, такъ застѣнчива, такъ, можетъ быть, запугана уже «вѣковымъ рабствомъ», что не осмѣлилась выговорить простое: «это — не мое право», т.-е. поправить, указать, внушить слѣпому и холодному распорядителю своей судьбы, спросивъ у него о *своемъ* правѣ. Это право—въ даръ за любовь свою получить мужественнаго и сильнаго покровителя, опереться на его честное и великодушное сердце, имѣть, какъ возвратъ своей потерянной чистоты, его хоть относительную чистоту—объ этомъ правѣ женщины не было вопроса въ 60—70 года. Она не смѣла его спросить; мужчина не умѣлъ о немъ догадаться. Мы замѣтили, что въ эти годы женщина глубочайшимъ и страстнымъ, въ условіяхъ времени, образомъ сохранила коренныя черты своей природы; но замѣчательно, что коренныхъ чертъ своей природы не сохранилъ мужчина. Онъ разучился быть покровителемъ и вождемъ; онъ, до извѣстной степени, потерялъ инстинктъ правильной къ женщинѣ любви. Ни въ какое время нашей общественности мы не наблюдаемъ такого множества женственныхъ характеровъ среди мужчинъ, такого обилія среди нихъ женоподобнаго сложенія. Въ этомъ отношеніи нѣтъ ничего любопытнѣе подробныхъ данныхъ изъ біографій корифеевъ движенія той эпохи: Добролюбова, Писарева, Шелгунова и, вѣроятно, еще многихъ другихъ. Кумиры своего времени, они не были кумирами близь-стоявшихъ женщинъ. Писаревъ безпомощно томился около своей двоюродной сестры; Добролюбовъ завидывалъ вниманію, которое на его глазахъ отдавала передъ нимъ любимая, прекрасная, молодая дѣвушка ничтожному армейскому офицеру, едва знавшему, что есть писатель Тургеневъ; и, увы, не болѣе счастливъ, едва ли не менѣе счастливъ былъ Шелгуновъ. Рѣшительно, женщины ничего не чувствовали къ нимъ, т.-е. онѣ не чувствовали того неудержимаго влеченія, которое покоряетъ женщину инстинктамъ и чертамъ сильно выраженной мужской природы. Въ то же время этихъ именно людей мы наблюдаемъ величайшими хлопотунами около «женскаго вопроса». Добролюбовъ, въ незабываемыхъ до сихъ поръ разборахъ, освѣщаетъ и возводитъ къ апофеозу образы Катерины («Гроза») и Елены («Наканунѣ»); Писаревъ пишетъ «О женскихъ типахъ въ романахъ Гончарова, Тургенева и Писемскаго»; еще гораздо болѣе

хлопочетъ Шелгуновъ. Женственное неудержимо влечетъ ихъ; гораздо болѣе, чѣмъ «бестія Кавуръ» (какое характерно женское выраженіе!). Но это женственное они понимаютъ подъ угломъ той аномаліи, которой были носителями. Они всего дальше были отъ того, чтобы почувствовать себя въ отношеніи къ женщинѣ покровителемъ, властелиномъ, вообще мужемъ: скорѣе всего они сами становились въ отношеніе къ нимъ «товарками», въ положеніе подчиненности и съ восхищеніемъ смотрѣли на мужественныя дѣла подругъ. Вотъ исторія возникновенія новаго и страннаго идеала женщины.

Съ присущимъ ей недостаткомъ рефлексіи, женщина не поняла аномаліи, лежавшей въ основѣ всего этого—она покорно, безъ разсужденій, приняла новое требованіе. Она взялась за книгу, потянулась къ скальпелю, и вотъ—движеніе, внѣшнюю исторію котораго разсказала Н. В. Стасова.

Ее и всѣхъ милыхъ дѣвушекъ того времени, такъ часто не понятыхъ, мы назвали чистыми Евами; но вотъ ея братъ—развѣ это не евангельская Марѳа? Онъ такъ хлопочетъ, онъ вѣчно хлопочетъ около *не* своего: удивительно — нѣтъ мысли, идеи, замѣчательнаго произведенія собственно стасовскихъ, но стасовскіе крики мы слышимъ около всего. Такая непродуктивность, слабость своего *я*, такая безкорыстная преданность чужому предпріятію, заботѣ, интересу, развѣ это не синтезъ характерно женственныхъ чертъ, выродившихся въ мужчинъ? И вотъ эти Марѳы наполнили и наполняютъ еще атмосферу нашей общественной жизни столькими криками, и столькими безпредметными хлопотами.

Франко-русскія впечатлѣнія.

Французы доставили намъ коротенькій, но отличный праздникъ. Что-то веселое и беззаботное прошло въ эти дни по нашей жизни. Всѣ на минуту забыли о дѣлахъ, заботахъ, обязанностяхъ. Спрашивали: «гдѣ французы?», и ѣхали туда, гдѣ они есть. При входѣ въ загородные сады намъ не разъ случилось видѣть, какъ, выйдя изъ экипажа, пріѣзжіе спрашивали: «есть французскіе матроски?», и при отрицательномъ отвѣтѣ уѣзжали обратно—отыскивать мѣсто, гдѣ они вѣроятно или навѣрно есть.

Наблюденія надъ французами-простолюдинами, какія можно было сдѣлать за эти дни, конечно, кратки и ничтожны; очень даже возможно, что они ошибочны. Но всегда что-нибудь да значитъ человѣческое лицо, человѣческая фигура, человѣческія манеры. И вотъ, приглядываясь къ «матроскамъ» за эти дни, во всѣхъ нихъ, безъ рѣзкихъ исключеній, я замѣтилъ одну удивившую меня черту, которую мнѣ очень хочется отмѣтить, хочется даже, чтобы она запомнилась: это—наивность. Наивность, т. е. прежде всего неиспорченность, нерастлѣнность крови, расы, на что́ такъ упорно указывали и указываютъ нѣмцы съ семидесятыхъ годовъ, и «худой слухъ» о чемъ прошелъ всю Европу. Что-то веселое и открытое, а главное—совершенно дѣтское, совершенно безъискусственное и довѣрчивое было въ лицахъ и движеніяхъ многихъ. Не говоря о русскихъ, я видалъ и подвыпившихъ нѣмцевъ-простолюдиновъ: именно въ сторону душевной неиспорченности мнѣ не приходилось ни у однихъ, ни у другихъ дѣлать такихъ ясныхъ, безспорныхъ наблюденій.

Можно было, наблюдая француза среди русской тоже полу-образованной или необразованной толпы, замѣтить превосходство русскаго въ сторону глубины, и превосходство француза—въ сторону

естественной, природной граціи. Русскій, кромѣ того, что онъ прямо говоритъ или дѣлаетъ, вѣчно что-то еще около этого думаетъ. Это—народъ, вѣчно оглядывающійся на себя, смотрящій «вслѣдъ себя», какъ употреблено это замѣчательное выраженіе объ одномъ замѣчательномъ случаѣ въ Библіи. Отъ этого онъ такъ неуклюжъ, связанъ въ движеніяхъ; пьяный—вѣчно «ломается». Народъ, съ безчисленными «задоринками» въ душѣ, можетъ быть хорошими, но часто также и скверными; что-то неясное, темное есть въ немъ, затаивающееся; «народъ-мистикъ», такъ и хочется сказать: со всякими душевными скверами, но также и со способностью къ большой высотѣ. Промежуточное, связующее звено между ясно расчлененною и ясно все расчленяющею Европой и темною, запутанной, заматерѣлой Азіей сказывается во всякомъ нашемъ ремесленникѣ и мелкомъ торгашѣ. «Пудъ соли надо съѣсть съ человѣкомъ», какъ и пословица опредѣляетъ, прежде чѣмъ окончательно убѣдишься, что это точно не мошенникъ или что это дѣйствительно святой. Этой, можетъ быть глубокой, но непріятной неясности нѣтъ во французахъ. Говоря или дѣлая что-нибудь, французъ, очевидно, около этого ничего еще не думаетъ; это не легкомысліе—это просто ясность природы; нужно совершить поступокъ, напримѣръ выпить стаканъ вина или поцѣловать рядомъ сидящаго въ партерѣ (случалось видѣть): онъ и цѣлуетъ или выпиваетъ, ничего больше и, кончивъ это, онъ съ прежнимъ и, очевидно, не дѣланнымъ вниманіемъ смотритъ на сцену или продолжаетъ разговоръ. Что-то чистое въ мускулахъ, не растревоженное въ нервахъ сказывается въ этомъ. Ихъ манера выражать удовольствіе, вставая и раскидывая въ сторону руки и такъ держа ихъ пять-десять секундъ, восхитительна. «Vive la Russie!» Но конечно—и «vive la France!»

И даже—vive la République française!» Невозможно было безъ волненія смотрѣть на фигуры эмблематической Франціи, во фригійскомъ красномъ колпачкѣ, держащейся за руку съ эмблематической Россіей — въ боярскомъ нарядѣ и кокошникѣ. Все невольно спрашивалось: что̀ это—притворство, дѣловая сдѣлка, временная нужда самозащиты отъ когтистыхъ враговъ? Но, право же, не это или не только это. Еслибы съ Германіей у насъ былъ «союзъ-разъ-союзъ»—этой удивительной любящей ласки, съ которою возились русскіе съ французами, не было бы у насъ. Тутъ сказалась какая-то симпатія крови и темпераментовъ; не спорю, если скажутъ—симпатія противоположностей: «les extremités etc.». Никогда политическая нужда и дружба правительствъ не можетъ вызвать этого румянца щекъ, этой искрящейся улыбки, съ какою эти дни по загороднымъ садамъ союзились французы и русскіе, уже подгулявшіе и, очевидно, о политикѣ забывшіе. Вы знаете сыръ: онъ бываетъ безъ «слезы» и со «слезою». Съ нѣмцами союзъ былъ бы дѣловой, безъ «слезы»; съ французами онъ именно со «слезой», т. е. съ этой жгуче-слад-

кой каплей, которую не можетъ создать никакая нужда и вызвать никакой разсчетъ.

Но я заговорилъ о фригійскомъ колпачкѣ. Удивительно, какъ въ самомъ дѣлѣ эта остроконечная, съ загнутой верхушкой шапочка—характерна и вѣрно указана въ качествѣ эмблемы Франціи. Тончайшая музыка ея исторіи схвачена въ этой фигурѣ. Что-то шаловливое и лукавое, и вмѣстѣ какая-то правда; шаловливое въ манерѣ и умное, серьезное въ существѣ. «Идеальное» — но не на «тысячу же лѣтъ»; накостное — но не до послѣднихъ предѣловъ; вѣчно обновляющееся, ни въ какомъ случаѣ не монотонное. Напримѣръ, смотря на эту фигуру, въ первый разъ мною видѣнную, я въ первый разъ догадался, сколько есть умнаго и прекраснаго въ извѣстной исторической неоригинальности французовъ; въ томъ, напримѣръ, что въ XVIII вѣкѣ они только — заимствовали и разработали идеи, выработанныя въ XVII вѣкѣ въ Англіи. Здѣсь именно сказалась высокая ихъ простота и довѣріе къ людямъ — величайшій умъ. О, тупица тысячу лѣтъ просидѣлъ бы въ навозѣ и твердилъ: «je suis et j'y reste;» его обстригли бы, его хоронили бы, и онъ, уже только кончикомъ носа выглядывая изъ подъ земли, твердилъ бы: «je suis et j'y reste». Но эта фригійская шапочка— это эмблема исторической рѣзвости, вѣчнаго вниманія къ минутѣ; вниманія и къ окружающему; и подъ нею, какъ подъ чеченскою папахой или старо-московской пудовой шапкой, нельзя придти въ состояніе, описанное поэтомъ въ стихѣ:

Спитъ, покой цѣня.

И вотъ отчего эту вѣчно одушевленную рѣзвушку такъ любили всегда европейскіе народы; такимъ связующимъ, объединяющимъ и слѣдовательно высокочеловѣчнымъ звеномъ она вошла въ семью ихъ.

Играли «марсельезу».—«Встаньте», сказалъ мнѣ кто-то въ саду Аркадіи, хотя я сидѣлъ, обнаживъ подъ капающимъ дождемъ голову, и этого мнѣ казалось достаточно. Я всталъ. Удивительно. Какъ гимназистами мы боялись и хотѣли этихъ звуковъ; запирались въ комнатѣ и пѣли первые стихи, которые кстати одни и знали. Конечно, если бы мы были подслушаны, мы были бы исключены. Съ неудержимымъ внутреннимъ смѣхомъ, съ какой-то неудержимой веселостью я слышалъ, какъ кричали музыкантамъ: «Марсельезу», и они играли, а головы обнажались. И вотъ здѣсь опять чудо любви и ласки: никакого, даже самаго малаго оттѣнка дурного чувства, дурной мысли не было. Казалось, огромный бытъ огромной страны вдругъ включилъ въ себя и эту подробность, ничего не почувствовавъ, любезно, ласково и нисколько, даже въ «задоринкѣ», не измѣнившись. «Такъ хочетъ нашъ Царь» —это слышалось въ крикахъ: «Марсельезу». Совершенно точно знали, что она значитъ; знали

смыслъ каждой строки, по крайней мѣрѣ многіе; и ни одного двусмысленнаго взгляда, ни одной усмѣшки, рѣшительно ничего. «Какъ будто рюмку коньяку пропустилъ». Но чудо любви и ласки, по крайней мѣрѣ у нѣкоторыхъ, лично у пишущаго напримѣръ, — простиралось далѣе. Нисколько, ни въ «задоринкѣ», не поддаваясь въ своемъ родномъ, храня въ душѣ всю «музыку» боярства и кокошника, начиналъ — среди всей этой удивительной обстановки — не понимать только, но и сочувствовать тончайшей музыкѣ... «фригійскаго колпачка». Императоръ Николай I сказалъ, что онъ понимаетъ только двѣ формы правленія, равно не лицемѣрныя и послѣдовательныя — чистую монархію и чистую республику. И та психологія, которая заставила его это сказать, возможна и даже естественна у всякаго строгаго русскаго. Звуки Марсельезы—«такъ себѣ» на всемъ протяженіи, въ одномъ мѣстѣ, въ серединѣ—мистически прекрасны. Руже де Лиль, сочинившій слова ея и музыку, ни ранѣе, ни потомъ не написалъ ни одной строчки, т. е. это было чистое вдохновеніе, «дыханіе» исторіи. Въ той части звуковъ, которую я назвалъ мистической, проходитъ какая-то невыразимая загадка, что-то запутанное и неразрѣшимое,—какъ въ геніальныхъ созданіяхъ, будетъ ли то слово, звукъ, краска. Кажется, тутъ болѣе всего выражено разочарованіе, т. е. исторіей своей, которая рушилась въ то время, и разочарованіе окончательное, но оплакиваемое; и какое-то великое, страшное рѣшеніе, ужасающее самого рѣшающагося: «знаю, что гибну». По крайней мѣрѣ, каждый разъ, какъ только эти звуки, эта часть звуковъ касалась уха моего, я вспоминалъ одинъ мигъ въ исторіи Людовика XIV, въ самомъ концѣ ея, когда, доведя до убійственнаго состоянія Францію и доведенный самъ до убійственнаго положенія союзниками, потребовавшими, чтобы онъ своимъ оружіемъ выгналъ своего же внука изъ Испаніи, онъ обратился съ полу-воззваніемъ, полу-жалобой къ народу; и народъ напрегъ послѣднія усилія, собралъ всѣ средства, все молодое, что еще оставалось, поставилъ подъ ружье... и былъ все-таки побѣжденъ. Нѣтъ, французы истинно и глубоко любили своихъ королей и упорно и долго любили: этого никакъ не слѣдуетъ забывать при оцѣнкахъ революціи. Но вотъ, тотчасъ послѣ «минутки» или, по крайней мѣрѣ, очень скоро послѣ нея «après moi le déluge» Людовика XV.

Dies irae, dies illa... и «Ici on danse».—«здѣсь танцуютъ», какъ было написано на дощечкѣ, отмѣчавшей мѣсто разрушенной и сравненной съ землею Бастиліи, гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, тотчасъ послѣ разрушенія разрушители устроили танцы. Самаринъ опредѣлилъ революцію, какъ «раціонализмъ въ дѣйствіи». Это ужасно бѣдно, совершенно невѣрно; это—опредѣленіе, сдѣланное не передъ лицомъ фактовъ, но при чтеніи французскихъ «философовъ». Напротивъ, совершенно напротивъ: въ революціи есть бездна ирраціональнаго;

скорѣй въ ней затаена какая-то вакхическая струйка, но сумрачная, печальная; и это она сдѣлала ее загадочною для историковъ, непреоборимою для политиковъ, не разрѣшающеюся въ серію «причинъ» и «послѣдствій». Поэзія гнѣва и мести, имѣвшая слишкомъ достаточныя основанія; но, какъ и всякая поэзія, т. е. видъ духовнаго опьяненія, пошедшая гораздо дальше этихъ основаній и вообще дальше всякихъ предвидѣній. «Лиръ» или «Отелло» Шекспира могли бы лучше ее уяснить, чѣмъ Тэнъ или Токвиль.

Демократизація живописи.

Одна изъ самыхъ всеобщихъ и самыхъ непобѣдимыхъ тенденцій нашей эпохи есть тенденція къ демократизаціи. Демократично становится все: наука, искусство, не говоря о законодательствѣ и управленіи. Подобно тому, какъ до XIX вѣка все замыкалось въ корпораціи, все затаивалось во внутреннемъ своемъ содержаніи, въ планахъ, открытіяхъ, мышленіи, стремленіяхъ, такъ съ начала XIX вѣка все раскрывается, спѣшитъ въ толпу, ищетъ вниманія и одобренія. Ньютонъ, открывъ, въ свое время, дифференціальное исчисленіе, скрылъ его подъ темными знаками и выраженіями, окружилъ его умолчаніями, и вся честь великаго открытія досталась Лейбницу, который самостоятельно и вторично нашелъ то-же нѣсколько лѣтъ спустя. Какая противоположность съ открытіями нашего времени, которыя, частица за частицею, раньше чѣмъ окончательно созрѣли въ умѣ ученаго, публикуются въ рефератахъ, отрывочныхъ замѣткахъ, и уже in statu nascenti становятся предметомъ всемірнаго обсужденія. Кохъ или Шенкъ и Ньютонъ—какая противоположность; какая противоположность — Парацельзъ и Эдисонъ! Площадь становится кабинетомъ размышленій и открытій: человѣчество въ необозримомъ его составѣ — аудиторіей, вѣчно внимающею.

Даже самые аристократическіе умы, аристократическія профессіи, аристократическія учрежденія становятся демократичны. Римско-католическая церковь, несмотря на свою замкнутость и высокомѣріе, заводитъ газеты и журналы, т. е. обставляется демократическими орудіями вліянія, чтобы поддержать свои средневѣковые принципы; дипломатика, устами Гладстона и Бисмарка, высказываетъ свои планы на митингахъ или передъ шумливою парламентскою толпой. Ницше ищетъ читателей; Шопенгауэръ

изнываетъ отъ зависти, что Гегель имѣетъ слушателей, когда у него ихъ нѣтъ. Леопарди, Байронъ — все это глубоко демократическіе умы по своимъ затаеннымъ стремленіямъ, несмотря на внѣшній аристократизмъ свой. Умѣнья презирать успѣхъ нѣтъ болѣе ни у кого: не читаться, не слышать аплодисментовъ — всякому кажется все равно что не жить. Никто не хочетъ заживо умирать; всякій рвется на солнце бытія, на солнце какого-то всемірнаго волненія, которое овладѣло человѣчествомъ послѣ того, какъ оно столько вѣковъ прожило уединенною, разорванною на отдѣльные міры жизнью.

Дурно-ли это? хорошо-ли? Какъ аристократія имѣла свои специфическіе и неуничтожимые пороки, такъ ихъ имѣетъ и демократія, и, повидимому, съ тѣмъ же неуничтожимымъ характеромъ. Вопли противъ демократизаціи всего уже раздались; многимъ кажется, что она зальетъ все эфирно-тонкое въ цивилизаціи человѣчества, что она никогда не пойметъ, а слѣдовательно не съумѣетъ и сберечь тотъ ароматъ, который вносится въ цивилизацію всегда индивидуальными усиліями исключительныхъ людей, и безъ котораго жизнь была бы тягостна, или, по крайней мѣрѣ, безъюотна, жестка. Не будемъ возражать противъ этого; не будемъ на этомъ настаивать. Замѣтимъ только, что глубочайшее и, пожалуй, единственное основаніе демократіи написано во второй главѣ книги Бытія, въ удивительныхъ словахъ, предшествовавшихъ созданію подруги Адама: «не хорошо быть человѣку одному». Вотъ законъ, вотъ истина, написанная въ ребрахъ нашихъ, вырѣзанная въ нашемъ мозгу, и которая констатируетъ и освящаетъ вѣчное стремленіе человѣка къ человѣку, вѣчное сліяніе ихъ, вѣчную и священную демократію.

И въ самомъ дѣлѣ, демократія новыхъ временъ, демократія христіанскаго міра существеннымъ образомъ отличается отъ языческой. Тамъ народъ требовалъ всего, и высшіе классы отдавали, уступали съ отвращеніемъ, негодованіемъ; не отдавали всегда, когда могли не отдать. Но посмотрите на наше время: ученые сами спѣшатъ въ толпу; посмотрите на удивительный процессъ возникновенія нашихъ школъ: народъ почти ихъ не желаетъ, во всякомъ случаѣ, не рвется къ нимъ; но образованные дѣвушки и юноши, молодые священники, также какъ иногда и неопытные студенты, церковь, земство, города — наперерывъ другъ передъ другомъ спѣшатъ со своими школами къ народу; показываютъ ему страны, народы, историческія событія въ туманныхъ картинахъ; объясняютъ физическіе опыты; и, словомъ, всѣми способами усиливаются слить его съ собою, съ міромъ своихъ знаній, съ колоритомъ своего пониманія.

Это — новое явленіе; это — явленіе христіанское. Оно, быть можетъ, потому и неудержимо, что въ сущности нечего возразить

противъ него; что возраженія, которыя мы готовы бы противъ него сдѣлать, направлены противъ его извращеній и никогда — противъ его существа. «Цивилизація огрубѣетъ»... но вѣдь сущность демократизаціи въ томъ именно и состоитъ, чтобы всякій вкусъ, всякую тонкость внести въ народъ, а не «смаковать» ее въ уединеніи. «Опошлится наука...» но вѣдь сущность демократизаціи состоитъ въ томъ, чтобы отвѣтить всемірною радостью уединенной мысли философа, и неужели это не окрылитъ его? Демократизація — это всемірность, и ничего еще болѣе. Это и волненіе исторіи, достигшее краевъ міра, послѣднихъ глубинъ народныхъ массъ, и ничего, кромѣ этого, въ ея понятіи не содержится. Плугъ забираетъ, наконецъ, послѣднюю новь; всякое сердце забирается и пріобщается всемірной тревогѣ. Каковъ ея смыслъ, будетъ-ли онъ низокъ или благороденъ, благотворенъ или гибеленъ—это отнюдь не предрѣшается цѣлиною, по которой идетъ плугъ, но уже тѣми, кто его направляетъ, т. е. въ концѣ концовъ индивидуумомъ, геніемъ, культурою, которые ищутъ новыхъ сердецъ.

Читатель да проститъ намъ эти чрезмѣрно общія соображенія; правда, миріады фактовъ навѣваютъ ихъ, и мы все-таки ихъ не высказали бы, если бы не частный и характерный новый фактъ. Мы говоримъ о тенденціи живописи, этого тончайшаго изъ искусствъ, передвинуться изъ салоновъ, картинныхъ галлерей, изъ академій — въ сѣрыя народныя волны. Жажда всемірнаго сорадованія, тронувшая поэтовъ, писателей, ученыхъ, трогающая сухихъ политиковъ, не могла пройти мимо людей, суть творчества которыхъ состоитъ въ нѣкоторомъ тайномъ сорадованіи природѣ и волнующейся окрестъ жизни. Нельзя изображать, не любя изображаемаго; нельзя захотѣть срисовать, уже предварительно не залюбовавшись срисовываемымъ. Живопись, поэтому, есть вѣроятно самое любящее изъ искусствъ, и притомъ любящее не субъективною, нервною, таящеюся любовью, какъ къ этому способна музыка, но успокоенною, ясною, созерцательною. Всякій художникъ есть созерцатель: онъ не хочетъ передѣлать предметъ, разбить его форму и дать ему другую. Актъ насильственности, такъ присущій композитору, по существу своему всегда реформатору, отсутствуетъ вовсе у живописца, по существу своему консерватора, который уже самымъ существомъ своего любующаго созерцанія утверждаетъ вещь, хочетъ утвердить ея истину и всегда закрѣпляетъ ея образъ.

Но вотъ здѣсь—маленькая опасность «демократіи». Народъ никогда не долженъ быть vulgus, и «народное» не должно состоять въ опошленіи. Сохраняй и закрѣпляй образъ, но позади его станови свѣтъ души своей, особенной, уединенной души—души именно художника, который вѣдь отличенъ же отъ другихъ людей, несетъ на себѣ печать особеннаго избранія. Сохраняй образъ, извнѣ взятый, но своею безсмертною душою въ его чертахъ просвѣчивай:

особенною любовью своею, угломъ своего созерцанія, точками, на которыхъ остановилось твое вниманіе. Олеографъ—тотъ все срисовываетъ: художникъ избираетъ. И хоть онъ гораздо болѣе натуралистъ, т.-е. точнѣе воспроизводитъ природу, чѣмъ олеографъ, но онъ вмѣстѣ и идеалистъ, ибо въ самой природѣ мимо одного проходитъ съ опущенною кистью и при взглядѣ на другое играетъ душою, начинаетъ рисовать. Этимъ онъ учитъ. Учитъ не ломая, не передѣлывая, даже не увлекая къ новому, какъ это дѣлаетъ невольно для себя композиторъ, но только черезъ простое забвеніе, простымъ актомъ, что онъ не залюбовался, не остановился, не закрѣпилъ. Вотъ методъ ученія, нѣжный до религіозности, который находится въ рукахъ живописца, присущъ живописи. Его не слѣдуетъ забывать, и особенно не слѣдуетъ забывать, идя съ искусствомъ своимъ въ народъ.

Въ Москвѣ, среди мѣстныхъ художниковъ, возникла мысль сдѣлать выставки живописи не только доступными для народа съ внѣшней стороны, по цѣнѣ, но и понятными по внутреннему содержанію, сюжетамъ; наконецъ, двинуться съ этими выставками въ сѣрыя массы, «передвигая» ихъ не изъ столицы въ столицы, отъ фешенебельнаго общества къ фешенебельному, но идя съ ними въ большіе фабричные центры, въ большія торговыя села. Не должно забывать, что къ числу коренныхъ москвичей принадлежитъ и В. Васнецовъ, давшій такое богатое и неожиданное движеніе русской живописи. Москва—это, конечно, самъ *бѣсъ*: *бѣсъ* даже въ барствѣ своемъ, столь чуждомъ «снобизма», и, конечно, она есть *бѣсъ* въ лучшемъ, христіанскомъ смыслѣ; отъ этого и покорилъ онъ себѣ, безъ внѣшней борьбы, даже барство. Славянофильство все elita-демократично, порывисто-демократично, хотя это есть барское ученіе не только по происхожденію всѣхъ своихъ основателей и столповъ, но также и по утонченности своей конструкціи. Въ Москвѣ давно стушованы и примирены противорѣчія положеній и даже противорѣчія образованія. Грановскій или Герценъ—какъ они были въ сущности умственно-демократичны; особенно если рядомъ съ ними поставить Чернышевскаго, Благосвѣтлова, съ ихъ высокомѣріемъ, «нѣсколькими книжками», которыя они прочли сверхъ тѣхъ, которыя всѣ читали. Университетъ московскій всегда былъ демократиченъ. И мы не удивляемся нисколько, что и искусство тамошнее первое двигается въ народъ, и съ тѣмъ же здоровымъ духомъ, тѣмъ же естественнымъ, не разсчитаннымъ порывомъ, какъ двинулись гораздо ранѣе его къ народу и въ народъ мѣстная литература, мѣстное мышленіе.

Идея народныхъ выставокъ родилась не задолго до образованія «Товарищества московскихъ художниковъ» (1896 г.), и въ средѣ тѣхъ самыхъ лицъ, которые образовали изъ себя это товарищество. Было предположено исполнить цѣлый рядъ картинъ,

гдѣ былъ бы образно переданъ ходъ нашей исторіи въ ея центральныхъ моментахъ и съ сохраненіемъ хронологической послѣдовательности. Справедливо былъ высказанъ взглядъ, что библейскіе и евангельскіе сюжеты уже теперь извѣстны въ народѣ болѣе, нежели событія родной исторіи, и приковываютъ интересъ народа еще горячѣе. Рѣшено было избрать темами картинъ и жизнь праотцевъ, судей и царей израилевыхъ, наконецъ пророковъ. Нельзя представить себѣ, въ самомъ дѣлѣ, степень не только обогащенія фактическимъ знаніемъ, но и оживленія и облагороженія народной фантазіи, какое могло бы быть послѣдствіемъ устройства подобныхъ выставокъ, въ зависимости, конечно, отъ высоты исполненія. Кто представитъ себѣ сѣрое однообразіе фабричной жизни, ея затхлую удушливость и часто растлѣвающія условія, тотъ оцѣнитъ, какимъ порывомъ свѣжаго вѣтра и даже поэзіи пахнули бы сюда эти выставки.

Намъ хотѣлось бы здѣсь напомнить одну истину, не рѣдко забываемую при попыткахъ сблизиться или сближать съ собою народъ. Никогда на него не слѣдуетъ смотрѣть какъ на ребенка, или даже какъ на малолѣтняго. Народная стихія полна серьезности, полна содержательности. Народъ пережилъ и ежеминутно переживаетъ въ себѣ, въ частномъ быту своемъ, глубочайшія душевныя драмы; онъ чутко наблюдателенъ; онъ упорно размышляетъ. Мы не впадемъ вовсе въ преувеличеніе, если скажемъ, что это — «варваръ-Шекспиръ», т. е. «варваръ» по отсутствію въ немъ мѣры, «вкуса», и также грамотности, но съ запасомъ шекспировскихъ страстей и также шекспировскихъ догадокъ: вѣдь, и великій англійскій драматургъ не зналъ географіи и исторіи, даже въ предѣлахъ, полагаемыхъ теперь школами самаго невысокаго типа. Поэтому упрощенный до нельзя сюжетъ, картина только какъ иллюстрація къ тексту краткаго учебника священной или отечественной исторіи не займетъ или мало займетъ его. Если въ душѣ художника есть мистическая глубина, пусть онъ не боится выносить ее въ народъ. Рисунки г. Васнецова, такъ часто мистически-сложные, могли бы приковать величайшее вниманіе народа, стать источникомъ сложныхъ размышленій. Все это — благо къ благу. Въ прошедшемъ человѣческаго рода, съ его грѣхомъ и искупленіемъ, даже въ прошедшемъ только земли своей, народъ чувствуетъ бездны глубины и поэзіи; для него это всегда прежде всего — путь Провидѣнія, гдѣ много загадочнаго и почти все священно. Не вздумайте же освѣщать для него этотъ путь олеографіями, тутъ требуется истинное мастерство, требуется богатство собственнаго содержанія, вовсе не пониженіе и упрощеніе таланта требуется, а скорѣе его крайнее напряженіе.

Въ самомъ дѣлѣ, для идеаловъ своей души собственно лишь въ народѣ мистическій художникъ встрѣтитъ цѣнителя одного съ со-

бою уровня. Все для народа серьезно: грѣхъ для него есть точно грѣхъ, грѣхопаденіе—точно грѣхопаденіе, а не аллегорія; это—не поэзія, не «археологическая подробность», давно «разрушенная критикою». И также художникъ, если онъ избираетъ это своимъ сюжетомъ, то хоть на минуту начинаетъ все это чувствовать не какъ аллегорію, но какъ дѣйствительность, исполненную глубочайшей правды, если даже и не буквальной. Общество оцѣнитъ у него технику картины, но полетъ фантазіи, но нѣжныя и сокровенныя созерцанія души, «уголъ зрѣнія» и «точки вниманія»—быстрѣе разгадаетъ народъ и онъ теплѣе на нихъ отзовется. Вотъ линія касанія, возможная между искусствомъ и народною стихіею.

Я не могу не кончить однимъ маленькимъ воспоминаніемъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ, на нижегородской ярмаркѣ, въ отдѣлѣ фотографій и гравюръ, около такъ называемаго «Главнаго дома», висѣла довольно распространенная картина ангела, съ поднятыми крылами, и прижатой къ груди его полуразгѣтой дѣвушки. Когда я подошелъ къ рисунку — и мнѣ всегда нравившемуся — около него стояла, и уже очевидно давно, дѣвочка-подростокъ, лѣтъ 13, изъ простыхъ. Очевидно преодолѣвъ смущеніе, она спросила у меня, что это значитъ, т. е. чтобы я объяснилъ ей сюжетъ. Мнѣ всегда это казалось иллюстраціей къ «Демону» Лермонтова, и я сталъ передавать исторію Гудала и его дочери. Вдругъ, къ удивленію, дѣвочка прервала меня: «нѣтъ—это не то». Я замолчалъ, потому что, какъ я могъ докончить ей, что это—«то»? Но, очевидно, что то *что*, глубокое и таинственное, по тону восклицанія гораздо содержательнѣйшее, нежели только сюжетъ «Демона», связалось въ ея душѣ съ рисункомъ. *Что* именно—я такъ и не узналъ, какъ-то инстинктивно удерживаясь отъ расспросовъ, боясь ихъ нецеломудрія. Но вотъ внѣшній знакъ внутренняго впечатлѣнія, который я подсмотрѣлъ когда-то и дѣлюсь имъ съ возможнымъ читателемъ-художникомъ. Безмолвная душа народная есть тоже, что молчащій инструментъ, и уже отъ смычка будетъ зависѣть, какіе звуки извлечь изъ нея.

1897 г., май.

Гдѣ истинный источникъ „борьбы вѣка"?

Л. Тихомировъ. Борьба вѣка. Москва. 1895 г.

I.

Со временъ «Республики» Платона, этого ранняго и наиболѣе философскаго построенія возможной дѣйствительности на мѣстѣ существующей, и до грубыхъ ученій Бакунина объ «аморфизмѣ» обществъ, черезъ исторію культурнаго человѣчества проходитъ рядъ полуидей, полужеланій, въ которыхъ нѣкоторое лучшее будущее показывается человѣку и манитъ его изъ юдоли настоящаго. «Утопія» Том. Мора, «Civitas solis sive de rei publicae idia dialogus poeticus» Кампанеллы — всѣ эти книги самымъ именемъ своимъ уже показывали, что ихъ содержаніе составляетъ лишь частную полумысль, полумечту ихъ авторовъ, ради которой они не направили бы такъ, а не иначе ни одного практическаго своего дѣла. Но вотъ насталъ вѣкъ, когда эти мечты овладѣли самою дѣйствительностью, точнѣе — когда онѣ стали дѣйствительностью самою ощутимою, самою яркою: выйдя изъ тиши кабинетовъ, онѣ волнуютъ улицу, смущаютъ правительства, грозятъ порвать правильный ходъ исторіи, вмѣшавшись въ естественную связь реально ее составляющихъ дѣлъ. Онѣ становятся центромъ, душою борьбы, около которой блекнетъ, представляется незначительною борьба собственно политическая — за территорію, границы, экономическія преимущества или вліяніе государственное. Она — все одна, одна — уже цѣлый вѣкъ, когда предметы, орудія, дѣятели всякой другой борьбы мѣняются. Эта борьба, которая обнимаетъ собою не государство, ведется не арміею — есть, въ сущности борьба *общества* въ его неопредѣленныхъ границахъ; она ведется *людьми*, напрягаетъ силы *человѣка*, и вотъ почему она потрясаетъ все, что надъ нимъ или для него устроено

на землѣ: государство, церковь, экономическія отношенія, какъ и семью.

Конечно, источники этой борьбы должны быть чрезвычайно многочисленны и разнообразны; однако есть между ними несомнѣнно преобладающіе. Въ самыхъ условіяхъ вѣка, въ условіяхъ жизни именно за этотъ вѣкъ выросшихъ несомнѣнно таится что-то, что сдѣлало возможнымъ это странное, невѣроятное за два, за три вѣка назадъ явленіе, что идеи, которыя могли быть занимательны для застольныхъ друзей Том. Мора или для слушателей Платоновой академіи, стали усвоимы и привлекательны для каждаго поденщика фабрики, для самаго неспособнаго ученика какой-нибудь технической школы. Намъ думается, въ двухъ обстоятельствахъ, дѣйствительно возникшихъ за этотъ послѣдній вѣкъ, кроется главная причина, обусловившая такую возможность.

Прежде, чѣмъ указать эти причины, оговоримся, что нами оставляется совершенно въ сторонѣ *предметная* сторона соціальнаго броженія, что мы разсматриваемъ его, какъ *явленіе* и вовсе не какъ *программу*. И въ самомъ дѣлѣ, эта програмная сторона, имѣющая какъ-будто въ виду отвѣтить на нѣкоторыя реальныя нужды, въ дѣйствительности не есть самая главная, не есть даже очень значительная въ этомъ броженіи. Страданія человѣка, несовершенства общества — они всегда были, но всегда вызывали сословія, корпораціи, семьянина, рыцаря, плебея къ борьбѣ противъ *этого* опредѣленнаго страданія, *этими* опредѣленными способами, безъ мысли объ устроеніи на новыхъ началахъ *всѣхъ* человѣческихъ отношеній. Между тѣмъ, что именно связываетъ всѣ соціальныя системы, единитъ ихъ въ одну цѣпь развитія—это именно *неудержаніе* въ нихъ чего-либо изъ строя существующаго. Мечта, въ которой сохранялся бы католическій священникъ или нѣмецкій пасторъ, гдѣ семья была бы какъ у Гольдсмита или Толстаго, и, наконецъ, гдѣ Моммзенъ или Лиссіусъ могли бы продолжать свои историческія изысканія—вотъ что, по живому и вѣрному инстинкту всѣхъ, никогда не засчитывалось и не будетъ зачтено въ рядъ «соціальныхъ системъ». Существенная черта соціализма состоитъ именно въ неудержаніи чего-либо изъ стараго, и уже къ ней прибавляется, какъ вторичная и менѣе существенная черта — манящіе яркіе образы строя новаго. Вотъ почему не будетъ ошибкою, если, стараясь опредѣлить источники этихъ порывовъ, мы будемъ смотрѣть на нихъ, какъ на нѣкоторый протекающій въ исторіи *психозъ*—безъ всякаго, однако, узкаго или порицательнаго значенія этого термина. Ихъ существо, мы настаиваемъ, не въ *цѣли*; это существо—въ нѣкоторой особой психической атмосферѣ новаго человѣка, изъ которой возникаютъ самыя различныя цѣли, самыя несходныя построенія, отъ фаланстеръ Фурье до ожиданій Маркса о новомъ по-капиталистическомъ строѣ,—всѣ равно образуемыя не столько по указанію нужды, сколько по закону ихъ созидающей души.

II.

Потеря чувства дѣйствительности есть первое и главное изъ двухъ условій, на которыя мы готовимся здѣсь указать. Быть можетъ, мы ближе выразили бы природу этого явленія, если бы назвали его утратой *вкуса* къ дѣйствительному. Взглядъ, брошенный назадъ, къ первымъ соціальнымъ построеніямъ, введетъ насъ въ пониманіе этого страннаго явленія. Платонъ, Томасъ Мора, Кампанелла—какіе изолированные умы, какіе уединенные характеры! Мы хотимъ сказать, какъ мало связующаго осталось между ними и живой дѣйствительностью. Они ушли въ пустыню своихъ созерцаній, гдѣ, кромѣ ихъ самихъ и ихъ «идей», никого не было. И не ближе, какъ на границѣ этой пустыни, не иначе, какъ въ положеніи внимательнаго слушателя — было человѣчество. Платонъ могъ, *читая*, восхититься дифирамбомъ Анакреона: *плясать* въ хорѣ подъ звуки этого дифирамба — вотъ чего онъ никогда бы не могъ. Онъ все обдумывалъ устройство Сиракузъ, которыхъ раньше не видалъ; велъ мысленно бесѣды съ Діонисіемъ, котораго не зналъ; и даже съ Сократомъ, котораго такъ глубоко понялъ, такъ нѣжно полюбилъ, онъ заговорилъ только послѣ того, какъ тотъ выпилъ чашку цикуты: по крайней мѣрѣ, ни изъ его діалоговъ, ни изъ воспоминаній Ксенофонта мы не видимъ, чтобы Сократъ сколько-нибудь замѣчалъ около себя этого вдумчиваго, вѣчно молчаливаго ученика, который вѣрно представлялся ему нѣсколько тупымъ. Аѳинъ, Греціи, завтрешняго закона, вчера потерянной битвы — вотъ чего не было, что̀ не шумѣло, не язвило, не волновало мысль этого человѣка отъ лѣтъ очень раннихъ и до глубокой старости. Потеря вкуса къ дѣйствительности, отъединенность отъ рода людскаго — вотъ имя этого душевнаго состоянія, которое у Платона, Кампанеллы, Мора имѣетъ достаточное себѣ объясненіе въ ихъ творческомъ геніи, въ обиліи растущихъ извнутри идей, какъ бы не пропускающихъ внутрь лучей дѣйствительности — по крайней мѣрѣ, не пропускающихъ ихъ въ достаточномъ количествѣ.

Это же явленіе — *чѣмъ* оно могло быть вызвано въ наши дни у каждаго почти блузника, у репортера газеты, собирающаго для завтра извѣстія, которыя уже сегодня никому настоятельно не нужны? *Смѣщенностью* всякаго почти человѣка въ этотъ вѣкъ съ живаго мѣста на землѣ, въ которое онъ хотѣлъ бы и не можетъ врости прочнымъ интересомъ, понятнымъ трудомъ, постоянною привязанностью. Я несу свой трудъ на фабрику или въ департаментъ, которыхъ исторія мнѣ не очень извѣстна, судьба не очень занимательна и польза сомнительна; и въ то же время дѣти мои, которыхъ прошлое я знаю, ихъ существо мнѣ понятно, будущность — дорога̀, формируются людьми, ихъ вовсе не знающими иначе какъ

подъ угломъ этого для нихъ обязательнаго труда. Руки каждаго въ наши дни, его заботы, вниманіе, мысль приложены не къ объектамъ, съ нимъ кровно или генетически связаннымъ, а къ инымъ и далекимъ; и къ тому, что кровно или генетически съ нимъ связано, приложено постороннее вниманіе, чужая мысль, живою нитью не соединенная съ нимъ забота. Чувство дѣйствительности, не упроченное здѣсь — въ объектахъ труда, ослабленное тамъ—въ объектахъ привязанности, слабѣетъ неудержимо. Оно слабѣетъ не только какъ представленіе, какъ живой и вѣчно во мнѣ стоящій образъ, но и какъ воля, какъ усиліе, какъ мотивъ дѣятельности. Міръ, касаясь физически непосредственно меня, духовно становится отъ меня далекъ. Онъ, какъ и для Платона, Кампанеллы, Мора, отодвигается—у нихъ на границу ихъ созерцаній, у меня — на границу нѣкоторой внутренней пустоты. То чувство, тотъ интересъ, съ которымъ я на него смотрю, напоминаетъ нѣсколько тотъ слабый интересъ и чувство, съ которымъ русскій солдатъ временъ Елисаветы Петровны смотрѣлъ на картофельныя поля Помераніи, по которымъ онъ проходилъ. Касаясь ихъ подошвами ногъ, скользя по нимъ взглядомъ, онъ могъ ими пользоваться или ихъ истребить съ равнымъ спокойствіемъ; и какъ, подходя къ нимъ, ничего настоятельно нужнаго не пріобрѣталъ, такъ, удаляясь, ничего дорогаго въ нихъ не утрачивалъ. И, между тѣмъ (мы возвращаемся къ нашимъ днямъ), въ своей абстрактной необходимости чувство привязанности продолжаетъ жить во всякомъ человѣкѣ. Мы хотимъ сказать, что и въ наши годы, въ этихъ новыхъ обстоятельствахъ, каждый человѣкъ остается, какъ и всегда, живымъ росткомъ, органы котораго тяготѣютъ къ почвѣ, къ атмосферѣ, свѣту солнца. Онъ съ ними хочетъ взаимодѣйствовать—это его натура; онъ выпускаетъ корни, которые напрасно ищутъ укрѣпиться въ зыбкой, текущей подъ нимъ дѣйствительности; выкидываетъ листки, которымъ навстрѣчу не бѣгутъ никакіе живительные, грѣющіе лучи. Такъ называемое «*скаиіе*» — неопредѣленное, мучительное, въ которомъ всѣ инстинкты человѣческіе извращены, является послѣдствіемъ этого отношенія человѣка къ дѣйствительности. Мы часто удивляемся, удивляемся впервые въ исторіи, *жестокостямъ*, которыя совершаются со словами *любви* на языкѣ; мы поражены *деспотизмомъ*, притѣсненіемъ, которые налагаются въ тѣхъ и иныхъ странахъ (Франція) во имя *свободы*. Мы растеряны, недоумѣваемъ, когда слухъ нашъ оглушенъ тысячью высокихъ и чистыхъ словъ и глазъ утомленъ кровью, мерзостью, ужасомъ. И, между тѣмъ, этотъ непонятный контрастъ, это непостижимое противорѣчіе дѣлъ и словъ есть противорѣчіе внутренней природы человѣка, какъ она есть, и внѣшней дѣйствительности, какъ она тоже есть, — контрастъ залога и исполненія, усилія и осуществленія. Листъ загнивающій вмѣсто того, чтобы зазеленѣть, вовсе не усиливается стать именно вонючимъ и темнымъ;

его точное усиліе направлено именно къ свѣту, къ зелени. *Усилія* человѣка теперь, какъ и всегда, въ первомъ движеніи своемъ, въ темномъ невыраженномъ своемъ залогѣ, направлены къ любви и истинѣ и, между тѣмъ, ненависть и ложь проникнуты явно выраженныя *дѣла*.

Если мы отойдемъ за два, за три вѣка въ прошлое или если мы переступимъ теперь за внѣшнія грани европейской цивилизаціи, мы увидимъ, что явленіе, нами указанное, есть новое и мѣстное. Не только на равнинахъ Азіи, но и у насъ, въ Россіи, — всюду, куда еще не проникли дѣятельныя условія новой цивилизаціи, равно какъ въ прошломъ цѣлой Европы до эры «раздѣленія труда» въ промышленности, въ государствѣ, въ обществѣ,—человѣкъ не жилъ этою разорванною жизнью, гдѣ его живое вниманіе и необходимый трудъ сосредоточены на разнородномъ. Существованіе всякаго было цѣльнѣе, сосредоточеннѣе; его трудъ ему понятенъ и нуженъ; и дѣйствительность передъ всякимъ взоромъ имѣла ту самую яркость и свѣжесть, какую имѣла въ себѣ самой, — достоинство если и не высокое, то вполнѣ ощутимое. Не было никакихъ условій для того, чтобы человѣкъ, какъ бы полузабывъ объ этой играющей вокругъ него жизни, сталъ возсоздавать въ своемъ воображеніи новую цѣлостную жизнь, и не только возсоздавать, но, ради невѣрной надежды на ея осуществленіе, и разрушать дѣйствительную жизнь съ тѣмъ спокойствіемъ и равнодушіемъ, какъ будто бы это былъ полусонъ, полу-призракъ, а не дѣйствительность.

III.

Если, не придавая программной сторонѣ соціализма значенія, мы, однако, примемъ ее во вниманіе, какъ симптомъ, мы откроемъ вторую общую причину его быстраго и повсемѣстнаго развитія. Таящіяся въ немъ желанія, не въ главной разрушительной своей сторонѣ, но въ положительной и созидательной, общѣе всего выражены въ самомъ имени его адептовъ: *soci* — аліеты, *communi*'исты. Индивидуализмъ новыхъ обществъ, индивидуализмъ не въ смыслѣ яркости человѣческой личности (скорѣе она тускла теперь), но въ смыслѣ ея разобщенности, оторванности отъ какого-либо цѣлаго, которому она прежде принадлежала въ церкви, въ цехѣ, въ миніатюрномъ, хорошо сплоченномъ государствѣ, — вотъ что не переносится человѣкомъ въ силу также неуничтожимыхъ сторонъ его души. «Не хорошо человѣку оставаться одному» — вотъ слова, Богомъ о человѣкѣ сказанныя, сказанныя при самомъ исходѣ его бытія, на которыя обширнымъ и внушительнымъ комментаріемъ являются соціальные порывы нашего вѣка. Мы безъ труда замѣчаемъ, что эти порывы отсутствуютъ вовсе тамъ, гдѣ еще сохранилась сплоченность человѣка съ человѣкомъ, и присутствуютъ о-бокъ всюду,

гдѣ только эта сцепленность распалась. Ни въ крѣпко связанной семьѣ, ни въ хорошо сплоченныхъ сословіяхъ, какъ духовное или военное, ни въ крѣпкомъ бытѣ, какъ напримѣръ нашъ крестьянскій, — чувство соціалистичности невозможно, не прививается, не встрѣчаетъ себѣ реагирующей почвы. Соціалистъ — сосредоточимъ на этомъ вниманіе—обычно безроденъ; это—скиталецъ, изгой когда-то прочнаго быта; остатокъ разрушившейся общественной клѣтки, который ищетъ прилѣпиться къ другой и обычно заражаетъ ее собою, потому что въ ней дѣйствуетъ, но къ ней не принадлежитъ. Онъ—человѣкъ, который потерялъ свое мѣсто въ мірѣ и собственно потерялъ всякое взаимодѣйствіе съ нимъ, кромѣ денежнаго, которое его не удовлетворяетъ; онъ въ этомъ мірѣ не имѣетъ обязанностей, ему въ немъ не нужны права, въ немъ онъ блуждаетъ и, блуждая, разрушаетъ, потому что ни къ чему не тяготѣетъ, не можетъ тяготѣть.

Его тоска, его порывы, будучи уродливы по выраженію, опасны для общества, нелѣпы по выказываемой отчетливо цѣли—въ сущности здоровы по направленію и индивидуально безвинны по происхожденію. Нужно только хорошо это понять и не вдаваться въ обманъ словъ: миражи больнаго чувства и изуродованнаго ума не принимать серьезно въ «програмномъ» смыслѣ. Это — великая соціальная болѣзнь, которая направленіемъ своего теченія дѣйствительно указываетъ, что болѣе всего нужно, первѣе всего необходимо. Необходимо возсоздаться обществу, какъ организму; безродные должны получить родство, безкровные духовно—кровъ, безотечественные — отечество не въ смыслѣ только территоріальномъ, и соціализма болѣе не будетъ. Не дальнѣйшее поэтому расширеніе и расширеніе хаотической свободы, не снятіе съ индивидуума послѣднихъ связей его съ цѣлымъ, въ предположеніи еще облегчить его и тѣмъ успокоить, умиротворить, можетъ насытить новаго человѣка; но — мы выговоримъ пугающее всѣхъ слово, въ которомъ, однако, заключено все спасеніе, — новое всемірное закрѣпощеніе человѣка его долгу, его дѣлу, его *обязанности* передъ живымъ, ощутимымъ, конкретнымъ цѣлымъ можетъ только возвратить покой его сердцу, свѣжесть и силы его уму. Подумаемъ, какъ узко мѣсто, на которомъ стоитъ священникъ, какъ неподатливы грани, въ которыхъ замкнута его жизнь, какъ недоступна ему праздность, блудъ и еще множество дѣлъ, мыслей, чувствъ и, главное, наслажденій, изъ которыхъ намъ данъ свободный выборъ,—и вотъ, въ своемъ ограниченіи онъ счастливъ, умиротворенъ, когда мы всѣ, въ своей свободѣ, алкаемъ «неба новаго и земли новой».

IV.

Въ интересной книжкѣ г. Л. Тихомирова: «Борьба вѣка», посвященной соціальному броженію нашихъ и прошлыхъ дней, есть

одна сцена, которая, будучи реальна, въ то же время чрезвычайно выпукло носитъ на себѣ всѣ черты, которыя мы соединяемъ мысленно съ этимъ броженіемъ.

«Въ *Женевѣ*, на сходкѣ *рабочихъ*, на возвышенномъ мѣстѣ, стоитъ ораторъ, худой и воспаленный. Онъ жестоко громитъ зловредный швейцарскій строй. «Посмотрите на себя,—восклицаетъ онъ.—на эти *изможденныя* лица *жертвъ* безжалостной эксплоатаціи!» А вокругъ него сидятъ женевскіе рабочіе, *красные*, *полные*, все молодецъ къ молодцу. Ужь, кажется, собственные глаза могли бы показать нелѣпость восклицанія. И, однако, ораторъ кричитъ, а «изможденные» рабочіе прекрасно слушаютъ, потягивая пиво изъ своихъ кружекъ».

«Одинъ рабочій, которому наскучило слушать «des phrases creuses» о *будущемъ*, попросилъ разъяснить ему, какъ бы устроить, чтобы *теперь* больше заработывать. Ораторъ тотчасъ *подозрительно* и *иронически* спросилъ его:

— Да вы рабочій ли?

— Я-то рабочій. Вотъ мои руки. Онѣ всѣ въ мозоляхъ. А вотъ вы кто — не знаю.

«Ораторъ былъ захудалый *русскій князь* изъ всечеловѣковъ, никогда въ жизни, конечно, не работавшій».

Если восклицаніе изгоя далекой родины мы переведемъ словами: «Какъ несчастенъ я; какъ несчастенъ, что никто не удержалъ меня на той землѣ, гдѣ я родился, въ томъ быгѣ, въ которомъ я выросъ, въ условіяхъ общественно-историческихъ, которымъ принадлежалъ я отъ рожденія!»—мы поймемъ соціализмъ не только въ сущности его, въ страданіи, но и въ средствахъ исцѣлить его.

«Во время президентства Греви, при бездѣятельномъ почти правительствѣ, одинъ соціалистскій депутатъ, обращаясь къ избирателямъ, говорилъ передъ ними о недостаткѣ свободы во Франціи. Яростныхъ восклицаній нельзя было обобраться. Можно было подумать, что дѣло идетъ объ Иванѣ Грозномъ. И что же: *единственный* фактъ, который приводилъ ораторъ, былъ тотъ, что на улицахъ Парижа не допускаютъ процессій съ *красными* знаменами» [1]) (символъ соціальной революціи)

Г-нъ Тихомировъ понимаетъ это буквально. Но ораторъ хотѣлъ сказать, что онъ не имѣетъ дѣла, къ которому посылался бы утромъ, не имѣетъ семьи, о которой долженъ былъ бы заботиться, крова, который долженъ былъ бы защищать и за который трепеталъ бы ежедневно; и когда въ праздности «не-дѣланія», въ пустынѣ своей свободы онъ захотѣлъ создать себѣ отечество подъ краснымъ знаменемъ и поволокъ его по улицамъ, у него это новое отечество, эту произвольную семью, это выдуманное и, однако, единственное

[1]) «Борьба вѣка», стр. 16 — 17.

у него на землѣ счастье — отняли. Его жесты, его скорбь, его готовность бороться — понятны, какъ только на мѣсто призрачныхъ словъ мы поставимъ настоящія.

Недостатки книги г. Тихомирова, которые намъ показались значительными, всѣ вытекаютъ изъ того именно, что онъ понимаетъ «борьбу вѣка» въ ея прямомъ смыслѣ, нѣсколько чистосердечно и наивно, не замѣчая, что истинная ея сущность лежитъ въ боковыхъ условіяхъ, въ невысказанныхъ словахъ, въ томъ, что́ вовсе не входитъ ни въ какія соціальныя «программы». Отъ этого, перебирая характерныя черты его занимающаго явленія, онъ то растерянъ, то возмущенъ; онъ ихъ оспариваетъ, за нихъ упрекаетъ — однако такъ, что въ словахъ его не слышно никакой надежды. Въ замѣчаніяхъ его, въ характеристикахъ иногда много мѣткости, почти глубины. Такъ, онъ характеризуетъ все явленіе терминомъ «соціальный мистицизмъ». Но когда же мистицизмъ поддавался логикѣ? Когда онъ отступалъ передъ силлогизмомъ? И, наконецъ, когда онъ отвѣчалъ на будничную, ежедневную нужду? Въ томъ, что есть *фактическаго* въ трудѣ г. Тихомирова (напр., стр. 10—12, 17—18 и многія другія), онъ могъ бы прочесть опроверженіе почти всего, чего онъ боится, чѣмъ встревоженъ, что́ ищетъ разрѣшить, какъ теоретикъ.

V.

Быть *обманываемымъ* въ исторіи, точнѣе — надѣяться въ ней и не получать, есть постоянный удѣлъ человѣка на землѣ. Можно сказать, надежды *внушаемы* человѣку для того, чтобы, *маясь* ими, онъ совершалъ нѣкоторыя дѣла, которыя необходимы для приведенія его въ состояніе, ничего общаго не имѣющее съ этими надеждами, но очень гармоничное, ясно необходимое въ общемъ строѣ всемірной исторіи. Наши «проекты», наши разсчеты и «программы», наши мечты — суть нужные рычаги и блоки, съ помощью которыхъ нѣкоторыя тяжести поднимаются отъ земли, другія опускаются на землю для возведенія зданія, въ планѣ котораго вовсе не содержится чертежа этихъ рычаговъ и блоковъ. Мысль, что человѣкъ въ самомъ дѣлѣ дѣлаетъ исторію — вотъ самая яркая нелѣпость; онъ въ ней живетъ, блуждаетъ безъ всякаго вѣдѣнія — *для* чего, *къ* чему. Мы можемъ только надѣяться, что это блужданіе не напрасно; что оно нужно; что, оставаясь покорны ведущей насъ рукѣ, мы не погибнемъ, или погибнемъ не ранѣе, чѣмъ когда станетъ это необходимо, и мы, все равно, отъ того не уклонились бы.

Вотъ почему, не закрывая глазъ на дѣйствительно великія страданія огромныхъ массъ людей, въ умиротвореніи которыхъ предполагается задача и сущность соціализма, мы ни на минуту не сомнѣваемся, что его корень и будущій исходъ лежатъ далеко въ

сторонѣ отъ подобнаго умиротворенія. Оно также мало входитъ въ раскрывающіеся планы всемірной исторіи, какъ мало въ Ренессансъ входило дѣйствительное возвращеніе къ античному міру, въ Реформацію—возрожденіе апостольскихъ временъ и сокрушеніе «Римской блудницы», въ революцію—осуществленіе «естественнаго братства» людей. Во всѣхъ названныхъ нами случаяхъ люди надѣялись не менѣе горячо, вѣрили повидимому также основательно, какъ теоретики «новаго строя» въ наши дни, и самыя движенія тѣхъ столѣтій такъ же широко раскидывались, такъ же безбрежны были по содержанію и по массамъ людей, волнуемыхъ ими, какъ и соціальное броженіе, нами переживаемое. И между тѣмъ Возрожденіе перешло неуловимо въ «споры этихъ несносныхъ монаховъ»; Лютеръ и Меланхтонъ смѣнили Эразма и Ульриха фонъ-Гутена—но и изъ *нихъ* вѣры, порывовъ, силы вытекли вовсе не апостольскія времена, но бюрократизмъ, ученость, поверхностность и сухость новаго протестантства. Революція, безличная, неясная, массовая до Наполеона—въ немъ получила себѣ сосредоточеніе и лицо, уста говорящія и руку дѣйствующую, которыя высказали міру ея смыслъ, очень далеко разошедшійся съ тѣмъ, какой предполагали въ ней мечтатели отъ Руссо до Кондорсэ. И такъ же точно, когда соціализмъ тревожитъ теоретиковъ экономической науки, пугаетъ правительства, волнуетъ улицу—историкъ можетъ спокойно смотрѣть на эти страхи и завыванія, ища далеко внѣ точекъ общаго сосредоточенія мѣсто, куда упадетъ всѣми въ страхѣ ожидаемый фактъ.

О символистахъ и декадентахъ.

I.

Подъ именемъ символизма и декадентства разумѣется новый родъ не столько поэзіи, сколько стихотворческаго искусства, чрезвычайно рѣзко отдѣляющійся по формѣ и содержанію отъ всѣхъ когда-либо возникавшихъ видовъ литературнаго творчества. Явившись всего 10—12 лѣтъ назадъ, онъ съ чрезвычайною быстротой распространился во всѣхъ странахъ образованнаго міра, очевидно всюду находя для себя хорошо подготовленную почву, какія-то общія предрасполагающія условія. Какъ образчики этого рода искусства, приведемъ два три стихотворенія:

Мертвецы, освѣщенные газомъ!
Алая лента на грѣшной невѣстѣ!
О, мы пойдемъ цѣловаться къ окну!
Видишь, какъ блѣдны лица умершихъ?
Это—больница, гдѣ въ траурѣ дѣти...
Это—на льду олеандры...
Это—обложка романсовъ безъ словъ.
Милая, въ окна не видно луны.
Наши души—цвѣтокъ у тебя въ бутоньеркѣ (*В. Даровъ*).

Въ нѣсколько болѣе оживленномъ размѣрѣ:

Тѣнь несозданныхъ созданій
Колыхается во снѣ.
Словно лопасти латаній
На эмалевой стѣнѣ.
Фіолетовыя руки
На эмалевой стѣнѣ
Полусонно чертятъ звуки
Въ звонко-звучной глубинѣ,
Вырастаютъ точно блестки
При лазоревой лунѣ;
Всходитъ мѣсяцъ обнаженный

При лазоревой лунѣ:
Звуки рѣютъ полусонно,
Звуки ластятся ко мнѣ.
Тайны созданныхъ созданій
Съ лаской ластятся ко мнѣ.
И трепещетъ тѣнь латаній
На эмалевой стѣнѣ (*Русскіе символисты, кн. II*).

Два приведенныя стихотворенія — наши русскія; вотъ стихотвореніе, принадлежащее Метерлинку:

Моя душа больна весь день,
Моя душа больна прощаньемъ,
Моя душа въ борьбѣ съ молчаньемъ,
Глаза мои встрѣчаютъ тѣнь.
Я вижу призраки охотъ;
Полу-забытый слѣдъ ведетъ
Собакъ секретнаго желанья
Во глубь забывчивыхъ лѣсовъ.
Лиловыхъ грезъ несутся своры,
И стрѣлы желтыя—укоры—
Казнятъ оленей лживыхъ сновъ.
Увы, увы! вездѣ желанья,
Вездѣ вернувшіеся сны,
И слишкомъ синее дыханье...
На сердцѣ мерцаетъ ликъ луны.

То, что́ есть въ содержаніи символизма безспорнаго и понятнаго — это общее тяготѣніе его къ эротизму. Старый какъ мать-природа богъ, казалось, изгнанный навсегда изъ дѣловой поэзіи 50 — 70 годовъ, вторгся въ сферу, ему всегда принадлежавшую, имъ издревле любимую, но въ формѣ изуродованной и странной, въ формѣ безстыдно обнаженной:

О, чудно нѣжная и страстная болѣзнь!
Въ тебѣ вся жизнь моя и милый идеалъ!
Ты звѣздно обняла меня, какъ землю плѣснь,
Какъ ржавчина въ бою измученный кинжалъ!
Ты волю мнѣ дала, я грозенъ и великъ
Не желчной грубостью, не силою, не знаньемъ:
Усѣянъ язвами смятенный мой языкъ,
И заражать могу однимъ своимъ дыханьемъ
Весталокъ, стариковъ, безпомощныхъ дѣтей;
Всѣхъ наградить могу болѣзнію нагою.
Я презираю жизнь, природу и людей,
Смѣюся надъ тоской, надъ горемъ и слезою.
(*Емельяновъ-Коханскій*).

Также и въ слѣдующемъ, чрезвычайно безобразномъ даже по формѣ:

Не входите, присѣдники!
У меня-ль не ноги бѣлыя?
У меня-ль не руки сплетаются?
Не входите, присѣдники!
Обевумѣю, обезсилѣю
За собольчатымъ пологомъ..
Заплету я руки змѣистыя,

Прикоснусь моихъ плечъ обнаженныхъ,
Зацѣлую очи смуглыя...
Не входите!.. (*А. Добролюбовъ*).

Этотъ же мотивъ одинъ отчетливо выдѣляется и въ прозѣ:

О чемъ молишь, Свѣтлый? Не очей-ли ты жаждешь неразгаданныхъ, не сдержаннаго-ли дыханія страсти? Не улыбки-ли, одѣтой слезами, не роскоши-ли души молодости?

Я дамъ тебѣ тѣло дѣвственное, безстыдныя, смѣлыя ноги, уста опьяняющія... Къ ложу утреннему ты приближься, Суровый.

Я-ли не молода? Сплетутся руки змѣистыя. Блѣдная бѣлая ночь поблѣднѣетъ отъ моихъ объятій и уйдетъ изъ покоя за окно, на волю.

Свѣтлый! Мнѣ уютно... Мнѣ больно, Свѣтлый! Бѣлая ночь глядитъ на тебя бездонными глазами. Она не уходитъ. Словно вдова, груститъ ночь... Словно вопленица, плачетъ она. Плачетъ она о кладбищенскомъ утрѣ. Мнѣ страшно... Свѣтлый! (*А. Добролюбовъ*).

Эросъ не отѣтъ здѣсь болѣе поэзіей, не затуманенъ, не скрытъ; весь смыслъ, вся красота, всѣ безконечныя муки и радости, изъ которыхъ исходитъ актъ любви и которыя позднѣе, съ инымъ характеромъ поэзіи и другими заботами, изъ него слѣдуютъ—все это здѣсь отброшено: отброшено самое лицо любимаго существа: на него, какъ на лицо оперируемаго, набрасывается въ этой новой «поэзіи» покрывало, чтобы своимъ выраженіемъ страданія, ужаса, мольбы оно не мѣшало чему-то «существенному», что́ должно быть совершено тутъ, около него, но безъ какого-либо къ нему вниманія. Женщина не только безъ образа, но и всегда безъ имени фигурируетъ обычно въ этой «поэзіи», гдѣ голова въ объектѣ изображаемомъ играетъ почти столь же ничтожную роль, какъ и у субъекта изображающаго; какъ это, напримѣръ, видно въ слѣдующемъ классическомъ по своей краткости стихотвореніи, исчерпываемомъ одною строкой:

О, закрой свои блѣдныя ноги! (*Брюсовъ*).

Уголъ зрѣнія на человѣка и, кажется, на всѣ человѣческія отношенія, то-есть на самую жизнь, здѣсь открывается не сверху, идетъ не отъ лица, проникнутъ не смысломъ, но поднимается откуда-то снизу, отъ ногъ, и проникнутъ ощущеніями и желаніями, ничего общаго со смысломъ не имѣющими.

II.

Родина символизма и декадентства, какъ извѣстно, есть Франція; и здѣсь, въ этой новой «поэзіи», она едва-ли не первый разъ въ своей исторіи выступила не какъ истолкователь чужихъ идей и позывовъ, но какъ руководительница и наставница въ нѣкоторомъ новомъ родѣ «вкусовъ». Отечество маркиза де-Сада, наконецъ, ясно высказало, въ чемъ оно безспорно господствуетъ среди всѣхъ цивилизованныхъ народностей и вовсе не располагаетъ у нихъ чему-нибудь научаться. Съ тѣмъ вмѣстѣ оно вдругъ, но съ

совершенно неожиданною силой, выразило, чѣмъ истинно интересовалось и интересуется въ то время, какъ на ея поверхности, на глазахъ волнующагося и часто восхищеннаго міра, раздавались звуки тревогъ политическихъ, религіозныхъ, экономическихъ, другихъ. Художество болѣе чутко, чѣмъ что-либо, къ будущему: оно яснѣе высказываетъ сокровенное нашей души. Года 4 назадъ, въ такъ называемомъ «художественномъ» отдѣлѣ французской выставки въ Москвѣ, простодушные россіяне, если бы они были проницательнѣе, могли бы уже читать «декадентство», выраженное не въ стихотвореніяхъ безъ рифмъ, безъ размѣра, безъ смысла, но съ «ногами»,—а въ рядѣ картинъ, безъ аксессуаровъ, безъ обстановки, безъ свѣта дня или ночи, безъ платья, но съ неизмѣнною живописью женскаго тѣла, насколько оно открывается со стороны пятокъ. Странное впечатлѣніе производилъ, едва вы переступали порогъ галлереи, длинный рядъ полотенъ, среди которыхъ совершенно отсутствовали всякіе иные сюжеты: не было ни природы, ни моря, ни горъ, ни солнца, ни цвѣтовъ, ни уличныхъ видовъ, ни домашнихъ сценъ, но только — вытянутыя на одинъ почти манеръ женскія фигуры, съ «лядвеями» и прочими подробностями, съ отвратительно истощенными лицами, какъ бы вытягивающіяся передъ «художественнымъ воображеніемъ» живописцевъ [1]). Очевидно, для этихъ послѣднихъ — умерла исторія; умеръ человѣкъ; умерла природа; и даже въ «сюжетахъ» любимыхъ умерло лицо, имя, прошлое человѣка, его будущее; и, какъ для декадентовъ нашихъ дней, изъ этой нѣмоты молчанія, изъ этой тьмы небытія торчали только «блѣдныя ноги», которыя никакъ не хотѣли спрятаться изъ болѣзненно настроеннаго воображенія.

Но отсутствіе лицъ, не только осмысленно-выразительныхъ, но и просто красивыхъ или молодыхъ и свѣжихъ, составляло не главную особенность этой галлереи голыхъ тѣлъ. Поражала здѣсь вымученность воображенія, которое усиливалось и не могло выразить еще и еще что-нибудь изъ сферы «голаго». Такъ, я помню картину, представлявшую глубину морскую, въ которую падалъ лучъ солнца; внимательнѣе всматриваясь, вы замѣчали, что какая-то рогатая раковина, вытягиваясь къ верху и сплетаясь съ крутящимися водами, поднималась на встрѣчу этому лучу, обнимала его, принимала его въ себя; и, еще внимательнѣе всматриваясь, вы замѣчали съ нѣкоторымъ удивленіемъ и гадливостью, что то не пучина и не изгибающіяся формы раковины тянулись вверхъ, а въ формѣ ихъ— судорожно изгибающееся, прозрачное женское тѣло охватывало своими формами лучъ.

---

[1]) Разсказывали на выставкѣ, что Государь Александръ III, посѣтившій выставку, прежде всего направился въ художественный отдѣлъ, но едва дойдя до двери и взглянувъ въ залъ — повернулся назадъ и не захотѣлъ смотрѣть это «французское искусство».

Не нужно было быть философомъ культуры человѣческой, чтобы, видя эту живопись, предугадывать, какова должна быть и словесность этой страны за эти годы. Мнѣ (къ сожалѣнію) не случалось что-нибудь прочесть изъ Мопассана или Золя, но вотъ выдержка изъ перваго, какъ она передана была въ одной критической о немъ статьѣ (г. *П. Л-ма*: «Гюи де-Мопассанъ», въ *Русск. Вѣстн.*, 1894 г., ноябрь) и гдѣ мы уже вступаемъ въ сферу декадентства, хотя страница эта и была написана за долго до появленія знаменитой «школы»:

... Любить, страстно любить можно только не видя предмета своей любви. Видѣть — значитъ понимать, понимать — значитъ презирать. Любить женщину нужно опьяняясь, какъ виномъ, опьяняясь до того, что не чувствуешь болѣе, что именно пьешь. И пить, пить, пить, не переводя духа, днемъ и ночью.

Это (пишетъ рецензентъ) запись героя одного разсказа, въ дневникѣ своемъ, *до* брака; *послѣ* брака онъ продолжаетъ дневникъ:

Женившись на ней, я подчинился безсознательному влеченію, которое толкаетъ насъ къ женщинѣ.

Она теперь моя жена. Пока я только душой стремился къ ней, она казалась мнѣ воплощеніемъ моей несбыточной мечты, готовой осуществиться. Но какъ только я заключилъ ее въ мои объятія, я увидѣлъ въ ней лишь орудіе, которымъ пользовалась природа для того, чтобы обмануть мои ожиданія.

Обманула-ли она (то-есть жена) ихъ? Нѣтъ. Но она опротивѣла мнѣ, опротивѣла до того, что я не могу прикоснуться къ ней, не чувствуя въ душѣ невыразимаго отвращенія, быть можетъ даже не къ ней именно, а отвращенія высшаго порядка, болѣе глубокаго, отвращенія къ любовному слиянію вообще, до того омерзительному, что существа *съ высшей организаціей* должны бы скрывать этотъ постыдный актъ, говорить о немъ только шепотомъ, краснѣя...

Я не могу болѣе переносить вида моей жены, когда она подходитъ ко мнѣ, обнимаетъ меня, зоветъ улыбкой, взглядомъ. Еще недавно мнѣ казалось, что поцѣлуй ея унесетъ меня въ небеса! Однажды она заболѣла кратковременной лихорадкой, и я почувствовалъ въ ея дыханіи легкій, тонкій, почти неуловимый запахъ разложенія; я былъ охваченъ ужасомъ!

О, бренное тѣло, очаровательный живой навозъ! О, движущееся, мыслящее, говорящее, смѣющееся разложеніе, такое розовое, соблазнительное, красивое и такое обманчивое, какъ сама душа!

Мы чувствуемъ за этими словами ту степень физическаго изнеможенія, которая исключаетъ возможность реальнаго сближенія; и это изнеможеніе, какъ можно видѣть изъ нѣкоторыхъ словъ, не есть слѣдствіе богатой траты богатыхъ силъ, но изнурительной работы воображенія надъ извѣстнаго рода «сюжетами» гораздо ранѣе, чѣмъ они приблизились и стали доступны in re. И вотъ, ходячій трупъ, однако предполагающій о себѣ, что онъ принадлежитъ къ породѣ «высшимъ образомъ организованныхъ» существъ (см. выше), пишетъ далѣе въ томъ же *Дневникѣ*:

... Я люблю цвѣты, какъ живыя существа. Я провожу дни и ночи въ оранжереѣ, гдѣ скрываю ихъ, какъ скрываютъ женщинъ въ гаремѣ. У меня есть оранжереи, куда никто кромѣ меня и садовника, не проникаетъ.

Я вступаю туда, какъ въ мѣсто тайныхъ наслажденій. Въ высокой стеклянной галлереѣ сначала пробираюсь среди двухъ рядовъ вѣнчикообразныхъ цвѣтовъ, которые поднимаются ступенями отъ земли до крыши. Они посылаютъ мнѣ первый поцѣлуй.

Эти цвѣты, украшающіе переднюю моего таинственнаго гарема, — мои скромныя служанки. Миловидные, кокетливые, они привѣтствуютъ меня усиліемъ своего блеска и благоуханія. Занимая восемь ступеней по одну сторону и восемь по другую, они такъ стиснуты, что кажутся садами, съ обѣихъ сторонъ спускающимися къ моимъ ногамъ. Сердце мое усиленно бьется, глаза зажигаются страстью при видѣ ихъ, кровь приливаетъ и руки трепещутъ отъ желанія схватить ихъ. Но я прохожу мимо. Въ концѣ этой высокой галлереи видѣются три запертыя двери. Я могу выбирать. У меня три гарема.

Чаще всего (продолжаетъ критикъ) онъ заходитъ къ орхидеямъ:

Онѣ трепещутъ на своихъ стебелькахъ, точно собираются улетѣть. Прилетятъ-ли онѣ ко мнѣ? Нѣтъ, душа моя полетитъ къ нимъ, будетъ витать надъ ними—душа мистическаго самца, истерзаннаго любовью.

... Цвѣты, цвѣты—одни цвѣты въ природѣ такъ чудно благоухаютъ—эти яркіе или блѣдные цвѣты, нѣжные оттѣнки которыхъ заставляютъ такъ сильно биться мое сердце и отуманиваютъ мои глаза! Они такъ прекрасны, нѣжны, такъ чувствительны, полураскрытые, болѣе соблазнительные, нежели уста женщины, — полые, съ вывернутыми, зубчатыми, мясистыми губами, осыпанными зародышами жизни, возбуждающими въ каждомъ изъ нихъ специфическій ароматъ. Они, одни они во всей природѣ размножаются безъ позора для своего неприкосновеннаго (?) рода, распространяя вокругъ себя дивный ароматъ своей любви, своихъ ласкъ, благоуханіе несравненной плоти, полной невыразимой прелести, одаренной необыкновеннымъ богатствомъ формъ и цвѣтовъ и опьяняющимъ соблазномъ самыхъ разнообразныхъ благоуханій. (*Рус. Вѣстн.*, 94, ноябрь, стр. 269—271).

Этотъ въ своемъ родѣ «свадебный полетъ» къ цвѣтамъ, уединеннымъ въ гаремъ-оранжерею, напоминаетъ аналогичный случай, имѣвшій дѣйствительно мѣсто въ древнемъ мірѣ, гдѣ одинъ грекъ воспылалъ подобною же страстью къ мраморной статуѣ и дошелъ въ экстазѣ до того, что однажды тайно осквернилъ ее. Исторія запомнила этотъ случай, и разсказъ о немъ дошелъ до насъ; очевидно, язычники-греки были удивлены имъ въ такой мѣрѣ, что не могли пройти его молчаніемъ, и не только въ разговорѣ, на площади, но и въ книгахъ; теперь христіанскій писатель падаетъ воображеніемъ до низинъ подобной же животности, и даже глубже—до низинъ неодухотворенной природы, но онъ не только падаетъ сюда, но и обобщаетъ, узаконяетъ свое паденіе, облекая его въ красоту литературныхъ формъ; онъ, наконецъ, ему поетъ гимнъ при внимательно-чуткомъ прислушиваніи «критиковъ» всѣхъ странъ, къ удовольствію необозримой толпы слушателей-читателей—и только, къ сожалѣнію, не безъ ущерба для своего здоровья. Главное, однако, не въ этомъ.

Приведенные отрывки изъ *Дневника*, въ двухъ отдѣлахъ своихъ—человѣкообразномъ и животномъ, представляютъ ярко выраженный каданъсъ человѣка и его воображенія. Прежде чѣмъ его авторъ дошелъ до цвѣтовъ съ мясистыми, вывернутыми губами, «осыпанными зародышами жизни», пока онъ сохранялъ еще нѣко-

торый обликъ человѣка и не убѣгалъ изъ людского общества, его воображеніе также дѣйствовало, тому же закону повиновалось, какому повиновалось воображеніе и тѣхъ «художниковъ» кисти, которые привезли показать свои произведенія московскимъ Китъ Китычамъ: то же отсутствіе подробностей, аксессуаровъ, отсутствіе въ рисуемомъ человѣкѣ—*лица*; молчаніе—исторіи, невѣдѣніе—природы; нѣтъ ни городского шума, ни домашней сцены; ни прошлаго *ея*, ни ея—*нуждъ*, *надеждъ*, напримѣръ на дѣтей. Умерло строгое римское: «matrimonium liberorum quaerendorum causa»; библейское: «плодитесь, размножайтесь, наполняйте землю и обладайте ею»; евангельское: «что Богъ сочеталъ—человѣкъ да не разлучаетъ». Умеръ человѣкъ и остались только панталоны. Ступень паденія еще ниже тотчасъ слѣдуетъ за этимъ: въ живописи мы видѣли этотъ кадансъ въ изображеніи раковины-женщины, поглощающей въ себя солнечный лучъ, въ беллетристикѣ—«мистическаго самца», порхающаго надъ жено-подобными цвѣтами. Тамъ и здѣсь уродливое впало въ безсмысленное, и мы не чувствуемъ никакого удивленія, не видимъ ничего новаго, читая послѣ *той* прозы эти стихи:

Всходитъ мѣсяцъ обнаженный
При лазоревой лунѣ;
Звуки рѣютъ полу-сонно,
Звуки ластятся ко мнѣ...

или еще:

Мертвецы, освѣщенные газомъ!
Алая лента на грѣшной невѣстѣ!
О, мы пойдемъ цѣловаться къ окну!

и наконецъ:

Моя душа больна весь день.
Моя душа больна прощаньемъ,
Моя душа въ борьбѣ съ молчаньемъ,
Глаза мои встрѣчаютъ тѣнь.

Это все лишь—«орхидеи», трепещущія на стебелькахъ своихъ, точно собираются улетѣть. «Прилетятъ-ли онѣ ко мнѣ? Нѣтъ, душа моя полетитъ къ нимъ, будетъ витать надъ ними, душа мистическаго самца, истерзаннаго любовью».

Такимъ образомъ, символизмъ и декадентство не есть *особая новая* школа, появившаяся во Франціи и распространившаяся на всю Европу: это есть окончаніе, вершина, голова нѣкоторой другой школы, звенья которой были очень длинны и корни уходятъ за начальную грань нашего вѣка. Выводимый безъ труда изъ Мопассана, онъ выводится, далѣе, изъ Золя, Флобера, Бальзака, изъ *ультра-реализма*, какъ антитезы ранѣе развившемуся *ультра-идеализму* (романтизмъ и «возрожденный» классицизмъ). Именно этотъ элементъ *ultra*, разъ замѣшавшійся въ литературу и никогда потомъ изъ нея не вытѣсненный, какъ результатъ *ultra* въ самой жизни, въ ея нравахъ, въ ея идеяхъ, ея влеченіяхъ, ея позывахъ,

и сказался въ концѣ-концовъ такимъ уродливымъ явленіемъ, какъ декадентство и символизмъ. Декадентство—это *ultra* безъ того, къ чему оно относилось бы; это—утрировка безъ утрируемаго: вычурность въ формѣ при исчезнувшемъ содержаніи: безъ риѳмъ, безъ размѣра, однакоже и безъ смысла «поэзія»—вотъ decadance.

III.

Великое самоограниченіе человѣка, тянувшееся десять вѣковъ, дало между XIV и XVI вѣкомъ нашей эры весь цвѣтъ такъ называемаго «Возрожденія»: корень и обычно не бываетъ по виду похожъ на плодъ, но между силою и сочностью корня и красотой и вкусомъ плода—есть несомнѣнная связь. Средніе вѣка, кажется, ничего общаго не имѣютъ съ Возрожденіемъ, во всемъ ему противоположны: между тѣмъ вся пышность, все трепетаніе силъ человѣческихъ въ эпоху Возрожденія имѣетъ основаніе свое вовсе не въ мнимо-«возрождавшемся» классическомъ мірѣ, не въ подражаемыхъ Виргиліѣ и Платонѣ, не въ отрываемыхъ изъ подваловъ старыхъ монастырей манускриптахъ, но именно въ этихъ монастыряхъ, въ этихъ суровыхъ францискацахъ, жестокихъ доминиканцахъ, въ св. Бонавентурѣ, Анзельмѣ Кентерберійскомъ, Бернардѣ Клервоскомъ. Средніе вѣка были великимъ кладохранилищемъ силъ человѣческихъ: въ ихъ аскетизмѣ, въ ихъ отреченіи человѣка отъ себя; въ презрѣніи его къ красотѣ своей, къ силамъ своимъ, къ уму своему—эти силы, это сердце, этотъ умъ были сбережены до времени. Эпоха Возрожденія была эпохой открытія этого клада: тонкій слой прикрывавшей почвы вдругъ былъ отброшенъ и, къ изумленію ряда послѣдующихъ вѣковъ, изъ-подъ него засверкали ослѣпительныя, несмѣтныя сокровища: вчерашній бѣднякъ, убогій нищій, который умѣлъ только на перекресткахъ орать нескладнымъ голосомъ псалмы,—зацвѣтился вдругъ поэзіей, силой, красотой, умомъ. Откуда все это? Изъ истощившагося-ли въ себѣ самомъ античнаго міра? Изъ заплѣсневѣлыхъ-ли пергаментовъ? Но развѣ Платонъ писалъ свои діалоги съ тѣмъ живымъ восхищеніемъ, съ какимъ Марсиліо Фичино ихъ комментировалъ? или римляне, читая грековъ, развѣ переживали то же, что переживалъ Петрарка, когда, за незнаніемъ греческаго языка, только перекладывалъ съ мѣста на мѣсто драгоцѣнныя рукописи, по временамъ цѣловалъ ихъ и съ тоской смотрѣлъ на непонятный текстъ? Всѣ эти манускрипты, въ удобныхъ и точныхъ изданіяхъ, лежатъ и передъ нами: отчего же *насъ* они не «возрождаютъ»? отчего греки не «возродили» Рима? или грекоримская литература не произвела въ Галліи и Африкѣ II—IV вѣка ничего подобнаго итальянскому Ренессансу? Тайна Возрожденія XIV—XV вѣковъ лежитъ не въ древней литературѣ: эта литература была только заступомъ, сбросившимъ землю съ зарытыхъ въ

нее сокровищъ; тайна лежитъ въ самихъ сокровищахъ; въ томъ, что между IV и XIV вѣками, подъ вліяніемъ суроваго аскетическаго идеала умерщвленія плоти къ себѣ и ограниченія порывовъ своего духа, человѣкъ только сберегалъ и ничего не умѣлъ тратить. Въ этомъ великомъ тысячелѣтнемъ молчаніи его душа созрѣла для Divina Comedia: въ этомъ насильственномъ закрываніи глазъ на міръ. все-таки интересный, хоть и грѣховный, вызрѣли Галилей, Коперникъ и школа обдуманнаго опыта, которую создалъ Бэконъ; борьбой съ маврами—выковались Веласкецъ, Мурильо; и въ тысячелѣтнихъ молитвахъ ранѣе XVI вѣка, вырисовались образы Мадоннъ этого вѣка, которымъ мы умѣемъ молиться и которымъ никто не умѣетъ подражать.

Съ XIV и до XIX вѣка мы только тратимъ несмѣтныя сокровища, тогда открывшіяся, расходуемъ великій запасъ силъ, къ этому времени собранный. Отсюда—новая исторія есть антитеза среднимъ вѣкамъ; человѣкъ не хочетъ болѣе о себѣ молчать: всякое малѣйшее чувство, всякую новую шевельнувшуюся мысль онъ торопится высказать другимъ. разрисовать ее въ краскахъ, расцвѣтить въ звукахъ, непремѣнно — закрѣпить печатнымъ станкомъ. Можно сказать, какъ сильно онъ таился до XIV вѣка, такъ становится болтливъ, переступивъ за грань этого вѣка и во всѣ послѣдующіе. Не только мудрое, не только благородное, но и смѣшное, глупое, наконецъ уродливое въ себѣ онъ облекаетъ въ стихи и прозу, кладетъ на музыку и очень хотѣлъ бы, но только не умѣетъ, выразить въ мраморѣ или запечатлѣть въ архитектурныхъ линіяхъ. Замѣчательно, что архитектура—этотъ видъ безличнаго искусства, эта форма созиданія, гдѣ создающій слитъ съ эпохой и народомъ, гдѣ онъ не возвышается надъ ними, не выдѣляетъ на ихъ фонѣ своего *я*.—падаетъ, какъ только мы переступаемъ въ новую исторію, и ни разу въ ней не поднимается къ великому или прекрасному.

Это—слишкомъ безкорыстный видъ искусства, и, между тѣмъ, новый человѣкъ рѣшительно не находится, какъ, какимъ способомъ, черезъ посредство чего онъ могъ бы почувствовать себя безкорыстнымъ. Онъ все болѣе и болѣе разучается молиться: молитва есть обращеніе души къ Богу и, между тѣмъ, его душа обращается только къ себѣ. Все, что сжимаетъ его, тѣснитъ, что мѣшаетъ независимому обнаруженію своего *я*—будетъ ли это *я* низко или благородно, содержательно или пусто, — для него становится невыносимо: въ XVI вѣкѣ онъ сбрасываетъ съ себя церковь, говоря: *я* — церковь; въ XVIII вѣкѣ сбрасываетъ государство, говоря: *я* —государство; онъ декларируетъ права этого *я* (революція); онъ поэтизируетъ глубины этого *я* («Фаустъ» и «Вертеръ», Байронъ); онъ говоритъ, что и весь міръ есть только отраженіе этого *я* (философія германскаго идеализма),—до тѣхъ поръ, пока это *я*,

превознесенное, изукрашенное, огражденное законодательствами, на развалинахъ всѣхъ великихъ связующихъ институтовъ: церкви, отечества, семьи,—не опредѣляетъ себя, къ исходу XIX вѣка, въ этомъ неожиданно краткомъ, но и вмѣстѣ выразительномъ пожеланіи:

О, закрой свои блѣдныя ноги!

— при чемъ по точкѣ, замыкающей строку, и по пустому полю листа, ее окружающему, мы заключаемъ, что въ немъ нѣкоторый «субъектъ» безъ остатка выразилъ все внутреннее свое содержаніе.

IV.

Религія своего *я*, поэзія этого *я*, философія того же *я*, произведя отъ Поджіо и Филельфо до Байрона и Гете рядъ изумительныхъ по глубинѣ и яркости созданій, исчерпали, наконецъ, его содержаніе; и въ «поэзіи» decadence'a мы видимъ стремительное низверженіе пустой оболочки этого *я*. Мы выше замѣтили объ утрировкѣ безъ утрируемаго, о вычурномъ безъ субъекта вычурности въ этой «поэзіи»; это такъ — со стороны формы; со стороны же внутренняго содержанія, хотя и отрицательно выражаемаго, декадентство есть прежде всего безпросвѣтный эгоизмъ. Міръ, какъ предметъ любви или интереса, даже какъ предметъ негодованія или презрѣнія, — исчезъ изъ этой «поэзіи»: онъ исчезъ не только какъ объектъ, возбуждающій къ себѣ что-нибудь у безсодержательнаго *я*, но и какъ зритель и возможный судья этого *я*, какъ просто *присутствующій*:

Это—на льду олеандры,
Это—обложка романсовъ безъ словъ

— вотъ что осталось отъ него въ зыбкомъ, не любящемъ, не любопытствующемъ воспоминаніи опустошеннаго и павшаго *я*. Едвали во всей этой словесности можно найти собственное имя—имя города, названіе мѣстности и часа: передъ пустымъ *я* проносятся чисто абстрактныя видѣнія, не цѣпляющіяся ни за какую реальную дѣйствительность, ничего изъ реальнаго міра не несущія въ себѣ, кромѣ отдѣльныхъ словъ, названій предметовъ, обрывковъ сценъ, которые чередуются въ произвольномъ порядкѣ; среди этихъ сценъ, предметовъ, словъ, захваченныхъ зыбкимъ воспоминаніемъ изъ міра дѣйствительности и несущихся впередъ безъ намѣренія и смысла, попадаются какъ-бы брошенныя, какъ-бы потерянныя мысли, безъ развитія, даже безъ сколько нибудь необходимой связи:

Я вижу призраки охотъ;
Полузабытый слѣдъ ведетъ
Собакъ секретнаго желанья
Во глубь забывчивыхъ лѣсовъ.

Лиловыхъ гревъ несутся своры.
И стрѣлы желтыя—укоры—
Казнятъ оленей лживыхъ сновъ.

Отмѣченныя курсивомъ строки суть мысли, какъ-бы вкрапленныя въ сцены дѣйствительности, къ которымъ онѣ не имѣютъ никакого отношенія; но и самыя эти сцены—не дѣйствительность, а какъ-бы обрывки о ней воспоминанія, не очень твердаго, мало необходимаго въ себѣ самомъ и, кажется, мало нужнаго самому вспоминающему. Мы наблюдаемъ въ этомъ потокѣ безсвязности отсутствіе какой-либо закономѣрности въ самомъ субъектѣ: *я*—распалось въ себѣ самомъ, послѣ того какъ въ исторіи, въ трехвѣковой борьбѣ съ великими объективными институтами оно разложило ихъ своимъ субъективизмомъ, отвергло въ нихъ какой-нибудь для себя обязательный, священный законъ.

Нѣтъ причинъ думать, чтобы декадентство—очевидно, историческое явленіе великой необходимости и смысла — ограничилось поэзіей; мы должны ожидать, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, декадентства философіи и, наконецъ, декадентства морали, политики, бытовыхъ формъ. До извѣстной степени, Ницше уже можно считать декадентомъ человѣческой мысли; по крайней мѣрѣ—въ той степени, какъ Мопассана можно, въ нѣкоторыхъ *заключительныхъ* чертахъ его «художества», считать декадентомъ человѣческаго чувства. Какъ и Мопассанъ, Ницше кончилъ помѣшательствомъ; какъ и у Мопассана, у Ницше культъ своего *я* теряетъ всякія сдерживающія границы: міръ, исторія, лицо человѣческое, его труды, его законныя требованія—исчезли равно изъ представленія обоихъ; оба были въ достаточной степени «мистическіе самцы».—только одному больше хотѣлось «порхать» надъ «трепещущими орхидеями», а другому нравилось въ какой-то пещерѣ или съ какой-то горы объявлять человѣчеству новую религію, въ качествѣ возродившагося «Заратустры». Религію «сверхъ-человѣка», объяснялъ онъ. Но они всѣ, и Мопассанъ тоже, уже были «сверхъчеловѣками» по совершенному отсутствію для нихъ нужды въ «человѣческомъ» и по отсутствію какой-либо въ нихъ самихъ необходимости для человѣка. На этомъ новомъ въ своемъ родѣ nisus formativus'ѣ человѣческой культуры мы должны ожидать увидѣть великія странности, великое уродство, быть можетъ великія бѣдствія и опасности.

Еще два слова о немъ: мы можемъ очень тонкими нитями генетически связать безсмысленный и уродливый символизмъ нашихъ дней съ такимъ богатымъ по мысли и яркимъ по красотѣ созданіемъ, какъ «Фаустъ». Въ обоихъ выразилась и еще выражается «свободная человѣчность»: только въ одномъ она является при истокѣ и богатая силами, въ другомъ — при заключеніи и лишенная силъ; но существо именно «свободы» и именно «человѣчности» равно

есть главное, равно есть характерное въ обоихъ. Скажемъ болѣе: вторая часть «Фауста», вышедшая изъ того же субъективнаго духа, какъ и первая, но только въ пору истощенности его силъ, представляетъ всѣ черты символизма и декадентства, но только въ построеніи цѣлаго, части котораго столь же безсвязны и вычурно соединены, какъ и строки символическихъ стихотвореній. Тамъ уже есть немножко «эмалевыхъ латаній...» Мы хотимъ сказать, что символизмъ и декадентство—отрицательное отношеніе къ которому безспорно для всякаго, кромѣ «соучаствующихъ»,—генетически связуются со всѣмъ геніальнымъ и высокимъ, что создано было «не связанною личностью», и «свободною человѣчностью» западной культуры за этотъ періодъ времени, отъ Возрожденія и до электротехники; напротивъ, грань, для него не переступаемая, кладется тамъ, гдѣ человѣкъ понималъ себя всегда «связаннымъ». Великій материкъ исторіи, материкъ реальныхъ дѣлъ, практическихъ потребностей и, болѣе чѣмъ этого всего, религіи *передшей*, церкви *сложившейся*—вотъ на берегъ чего никогда не можетъ выползти это смрадное чудовище и куда, убѣгая его, мы хотимъ указать—можетъ всегда спастись человѣкъ. Тамъ, гдѣ поднимается монастырская стѣна, *это* движеніе невѣрныхъ волнъ исторіи, какую бы оно силу и распространеніе вокругъ ни получило — окончится и отхлынетъ назадъ.

Теперь и прежде.

I.

Два факта, раздѣленные болѣе нежели двумя тысячелѣтіями, служатъ равно характернымъ выраженіемъ двухъ эпохъ, двухъ культуръ, и ихъ сопоставленіе не лишено самаго серьезнаго интереса и величайшей многозначительности. Первый относится къ нашимъ днямъ и принесенъ «Письмомъ изъ Парижа» г. Яковлева («Русское Обозрѣніе», 1898 г., январь); второй—второй всегда былъ извѣстенъ внимательнымъ, полу-забытъ толпой, но получаетъ необыкновенную силу и яркость изъ сопоставленія съ тѣмъ первымъ фактомъ. Мы приведемъ ихъ оба, не прибавляя ни одной черты отъ себя.

«...Въ 1881 году въ Парижѣ разбирался процессъ, очень обыденный и который обратилъ на себя вниманіе только благодаря имени одного изъ его участниковъ. Докторъ Каброль, бывшій лейбъ-медикъ фельдмаршала С. Арно, обвинялся въ томъ, что за деньги произвелъ выкидышъ у молодой дѣвушки Габріэль Берто, результатомъ чего была смерть послѣдней. Габріэль была дочь пѣвицы изъ кафе-шантана... Мать сдѣлала невѣроятныя и по-истинѣ трагическія усилія, чтобы избавить Габріэль отъ того омута, въ которомъ сама провела жизнь. Она ревниво оберегала ее отъ своихъ знакомыхъ, скрывала отъ нея свою профессію и помѣстила въ дорогой пансіонъ, чтобъ ее приготовили къ учительской должности. Оказалось, однако, что такая дѣятельность была для Габріэль слишкомъ серіозною. Тогда мать отдала ее въ науку къ одной почтенной модисткѣ, поставивъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы Габріэль спала въ одной комнатѣ съ матроной. И она дѣйствительно спала. Но это не помѣшало бѣдной дѣвочкѣ — ей было

16 лѣтъ—въ скоромъ времени забеременѣть. Чрезъ одну свою подругу Габріэль познакомилась съ молодымъ и богатымъ коммерсантомъ Дюкрокомъ, у котораго имѣлся рояль. Габріэль стала ходить къ нему играть, и романъ быстро разыгрался. Когда дѣвушка узнала, что должна сдѣлаться матерью, она стала волноваться, искать способовъ отдѣлаться отъ нежеланнаго плода. Дюкрокъ, со своей стороны, самъ того желалъ и предложилъ свезти дѣвушку къ доктору, который считался большимъ виртуозомъ по этой части [1]).

«Въ назначенный день карета Дюкрока остановилась предъ квартирою доктора. Молодой человѣкъ безъ обиняковъ объяснилъ ему цѣль визита. Сторговались за сто франковъ, и докторъ тотчасъ же приступилъ къ операціи... «Въ этотъ вечеръ молодые праздновали», — какъ выразился прокуроръ, — «свою побѣду надъ природой» [2]), но на другой день Габріэль слегла и уже больше не вставала.

«При первомъ извѣстіи о болѣзни дочери, мать пріѣхала немедленно въ Парижъ и тутъ только узнала подробности всей исторіи. Прежде всего она помѣстила Габріэль въ больницу, затѣмъ отправилась къ Дюкроку.

«Молодой коммерсантъ принялъ ее дерзко и насмѣшливо. Сначала онъ даже не могъ припомнить, о какой дѣвушкѣ шла рѣчь, но потомъ вспомнилъ, что «такую дѣвушку встрѣчалъ на тротуарахъ».

— Вы пойдете на скамью подсудимыхъ, господинъ соблазнитель,—вскричала бѣдная пѣвица, — если будете отмалчиваться и не женитесь на моей дочери.

— Жениться! — отвѣчалъ Дюкрокъ.—Что скажетъ коммерческая палата?

— Ничего, вы не герцогъ Омальскій.

— Теперь! возьмите деньги, я устрою Габріэль. Такъ лучше будетъ.

— Нѣтъ, мнѣ не надо денегъ, я хочу спасти жизнь и честь моей дочери. Женитесь, или вы пойдете подъ судъ ассизовъ.

---

[1]) На медицинскихъ факультетахъ, какъ заграницей, такъ и у насъ, открыто преподается преступное искусство вытравлять плодъ женскій,—и столь же открыто это «высокое искусство» излагается въ курсахъ акушерства. Мотивируется, т. е. прикрывается, это изложеніе тѣмъ соображеніемъ, что «бываютъ случаи (неправильности въ устройствѣ женскаго таза), когда нормальное разрѣшеніе отъ бремени невозможно для рожениць и удобнѣе произвести все равно неизбѣжный выкидышъ преждевременно (обычно на третьемъ мѣсяцѣ беременности) и искусственно. Конечно, искусство, которое нужно Красовскому и Славянскому и имъ въ рѣдчайшихъ случаяхъ примѣняется, — не нужно и примѣняется въ преступныхъ цѣляхъ сотнями «Ивановыхъ» и «Петровыхъ» Слѣдовало бы по крайней мѣрѣ съ каѳедры и печатно не учить преступному.

[2]) Характерно чрезвычайно это краснорѣчіе прокурора. Ясно, что въ понятіяхъ, въ чувствахъ, въ цѣлой психикѣ, между судимымъ Дюкрокомъ и его судьями не было, въ сущности, разграничивающей черты.

«Дюкрокъ предпочелъ сѣсть на скамью подсудимыхъ. Онъ зналъ, говорилъ онъ, что всѣ честные люди будутъ за него...

«И онъ не ошибся.

«Во все время суда, докторъ и его соучастникъ продолжали быть предметомъ дифирамбовъ множества газетъ всѣхъ оттѣнковъ. Ихъ имена произносились въ печати не иначе, какъ съ прибавленіемъ: «почтенный, симпатичный, заслуженный». Что подсудимые были оправданы—нечего и говорить. Но вотъ что было послѣ суда. «Третьяго дня»,—писали въ «Expresse»,—«толпа человѣкъ во сто ожидала его, Дюкрока, на улицѣ: его обнимали, ему бросали букеты, незнакомые люди подавали ему свои визитныя карточки, почтенныя женщины (des dames respectables) плясали отъ радости или плакали. Онъ же, при первой возможности, ускользнулъ отъ этой овации, желая отдохнуть. Сегодня онъ проводитъ день въ пріемѣ поклонителей, въ чтеніи газетъ. Завтра онъ возвратится къ дѣламъ».

«Та же радикальная газета познакомила насъ со внутреннимъ состояніемъ своего героя. На другой день послѣ процесса она отправила къ нему своего сотрудника Поля Алексиса, извѣстнаго романиста натуралистической школы, друга и ученика Зола. Вотъ какъ онъ передавалъ въ этой газетѣ свой разговоръ съ Дюкрокомъ:

— «Это—интересный молодой человѣкъ, въ креслѣ предъ камином, съ сигарой въ зубахъ». Поль Алексисъ смотрѣлъ чрезъ его плечо на рояль, на которомъ еще такъ недавно играла Габріэль.

Дюкрокъ — «Мои пять мѣсяцевъ тюрьмы прошли и очень медленно, и очень скоро; странно, что я никогда не скучалъ. Камера моя была очень удобна Мнѣ очень долго не давали даже носоваго платка—изъ страха, чтобы я не повѣсился. Мой арестъ мнѣ показался сномъ до той самой минуты, пока меня заперли въ камерѣ. И эта минута была самою тяжелою во всей моей Одиссеѣ. Мое выраженіе: «что скажетъ коммерческая палата» — показалось публикѣ неудобнымъ. Но она была не права: то былъ крикъ, идущій изъ сердца коммерсанта, потому что я вѣрую въ коммерцію, какъ вы вѣрите въ литературу... Что касается отвѣта матери Габріэли: «вы—не герцогъ Омальскій», сознаюсь, онъ оригиналенъ и красивъ. Но эта дама все-таки скверная женщина, она была причиной моего несчастья, и особенно своей дочери. Не будь ея.—еслибъ Габріэль, оставшись въ живыхъ, была сиротой и оказалась хорошею матерью, кто знаетъ'—можетъ-быть я когда-нибудь и женился бы на ней».

— Такъ — прибавляетъ отъ себя Поль Алексисъ, — говоритъ этотъ человѣкъ, еще молодой, но уже перенесшій тяжелое испытаніе; онъ ни на минуту не перестаетъ быть благоразумнымъ, умѣреннымъ и покорнымъ своей судьбѣ, и не обвиняетъ ни Бога, ни судьбу, ни общество. («Русск. Обозр.» 1896, январь, 440—41 стр.)

Ну, ужъ конечно, «ni Dieu, ni la société»...

И ни одного даже простаго воспоминанія о зарытомъ въ землю трупѣ, почти о дѣвочкѣ еще, надъ которою докторъ хлопоталъ съ иглой: ни даже тѣни сознанія о себѣ...

Спящій въ гробѣ — мирно спи.
Жизнью пользуйся живущій!

Чтобы понять что-нибудь въ des dames respectables—безъ сомнѣнія взрослыхъ и, быть-можетъ, даже старѣющихъ матеряхъ семействъ и взрослыхъ сыновей, приведемъ изъ того-же «Парижскаго Письма» отрывокъ, предшествующій этому разсказу:

«Французское общество отлично понимаетъ экономическую выгодность для себя женской проституціи, и поэтому безъ всякихъ стѣсненій часто философствуетъ устами своихъ публицистовъ на тему о морализующемъ вліяніи послѣдней на семью,—что еслибъ-де не было проституціи, то инстинкты, «находящіе себѣ исходъ въ ней, направились бы на развращеніе семьи». Поэтому же дирижующая буржуазія смотритъ сквозь пальцы на увеличеніе проституціи, какъ на явленіе будто бы неизбѣжное, и всѣ силы ея, въ этомъ отношеніи, направлены на то, чтобы сдѣлать ее безвредною въ медицинскомъ смыслѣ (какъ, впрочемъ, и у насъ). На развратъ сынка буржуа смотритъ всегда благосклонно, лишь бы это дѣлалось безъ увлеченія и съ разсчетомъ, — и такъ, чтобы сынокъ не вступалъ ни въ какія обязательства относительно будущаго».

Невольно вспомнишь и исторически примѣнишь слова Давида о «нужномъ и вѣрномъ рабѣ» своемъ Іоавѣ, сказанныя послѣ предательскаго умерщвленія имъ Авенира: «О, да никогда домъ Іоава не останется безъ сѣмеиоточиваго, или прокаженнаго, или опирающагося на посохъ, или падающаго отъ меча, или нуждающагося въ хлѣбѣ». (Вт. Кн. Царствъ, III, 29). Примѣнишь и скажешь объ этомъ обществѣ растлѣнныхъ: «да никогда не останутся они безъ сѣмеиоточивыхъ или падающихъ на мечъ».. Да это уже и есть — Богъ это и дѣлаетъ имъ.

Во всякомъ случаѣ, не только фактъ приведенный, но и вся житейская обстановка, на фонѣ которой онъ возникъ,—характеризуется отсутствіемъ какой-либо вѣры, вѣры во что-либо опредѣленное, если за нее не принимать «вѣру въ коммерцію», не менѣе твердую, но и не болѣе содержательную, чѣмъ вѣра шантажирующаго [1]) Поля Алексиса «въ литературу». Мы говоримъ о вѣрѣ идеальной, не непремѣнно религіозной, но хотя бы политической. Собственно, кафе-шантанная пѣвица есть единственная свѣтлая точка на этомъ сальномъ пятнѣ, которое почему-то считаетъ себя цивилизаціей: среди всего и всѣхъ здѣсь фигурирующаго и фигурирующихъ — прессы, суда, des dames respectables, — эта бѣдная кафе-шантанная пѣвица одна «въ своемъ правѣ». Но у ней нѣтъ

[1]) Насколько помнится, Поль Алексисъ бѣжалъ въ 1895 году въ Америку, когда вмѣстѣ со множествомъ другихъ «писателей», ему грозила тюрьма и судъ по обвиненію въ обыкновеніи, при помощи печати, мошенничествѣ (вымогательствѣ денегъ у коммерсантовъ).

меча, чтобы защитить это право, онъ — у государства и направленъ противъ нея; она не можетъ сослаться на какой-нибудь опредѣленный, всѣми одинаково признанный, для всѣхъ идеально обязательный законъ. Даже къ Богу... но она, вѣроятно, не вѣритъ въ Него. Она—самка, такая же въ духовномъ смыслѣ бездомная, какъ и тѣ «respectables»: нѣсколько лучше однѣхъ одѣтая, нѣсколько хуже другихъ: она воетъ, ей больно; она скулитъ надъ закопаннымъ въ землю щенкомъ своимъ, и ничто ей не отвѣчаетъ среди этого «естественнаго» стада, которымъ стало человѣческое общество на исходѣ двухъ почти тысячелѣтій своей цивилизаціи.

II.

«Другой фактъ совершился болѣе, чѣмъ двѣ тысячи лѣтъ назадъ, и мы приведемъ его также дословно, ничего не измѣняя въ историческомъ памятникѣ.

«Въ Вавилонѣ жилъ мужъ, по имени Іоакимъ. И взялъ онъ жену, по имени Сусанну, дочь Хелкія — прекрасную собою и богобоязненную. Родители ея были праведные и научили дочь свою закону...

«Іоакимъ былъ очень богатъ: близъ дома былъ у него садъ; и собирались къ нему Іудеи, потому что онъ былъ между всѣми почтеннѣйшій.

«И были въ этомъ году поставлены изъ народа два старца судьями,—изъ тѣхъ, что сказалъ о нихъ Господь: беззаконіе вышло изъ Вавилона отъ старѣйшинъ-судей, которые казались управляющими народомъ. Старѣйшины эти бывали постоянно въ домѣ Іоакима; и приходили къ нимъ всѣ, имѣвшіе спорныя дѣла.

«Когда, около полудня, народъ расходился—Сусанна уходила въ садъ свой для прогулки. И видали ее оба старѣйшины всякій день прогуливающеюся: и въ нихъ родилось къ ней желаніе. И извратили они умъ свой, и уклонили глаза свои, чтобы не смотрѣть на небо и не вспоминать о праведныхъ судахъ.

«Были они оба уязвлены желаніемъ къ ней, но другъ другу боли своей не открывали, потому что стыдились высказать тайное желаніе свое—имѣть съ нею соединеніе. И они прилежно сторожили каждый день, чтобы видѣть ее, и говорили другъ другу: «пойдемъ домой, потому что часъ обѣда»—и вышедши, расходились другъ отъ друга. И возвратившись приходили на то же самое мѣсто, и когда допытывались другъ у друга о причинѣ того — признались, наконецъ, въ похоти своей; и тогда назначили вмѣстѣ время, когда могли бы застать ее одну.

«И было — когда они выжидали удобнаго дня, Сусанна вышла, какъ вчера и третьяго дня, съ двумя только служанками, и захотѣла мыться въ саду, потому что было жарко. Не было тамъ никого, кромѣ двухъ старѣйшинъ, которые спрятались и сторожили

ее. И сказала она служанкамъ: «принесите мнѣ масла и мыла и заприте двери сада, чтобы мнѣ помыться».

«Онѣ такъ и сдѣлали, какъ она сказала: заперли двери сада, и вышли боковыми дверями, чтобы принесть, что было приказано имъ, и не видали старѣйшинъ, такъ-какъ тѣ спрятались.

«И вотъ, когда служанки вышли, встали оба старѣйшины, и, подбѣжавъ къ ней, сказали: «двери заперты, никто насъ не видитъ; у насъ есть похоть къ тебѣ—не отказывай намъ, побудь съ нами. Если же не такъ, то мы засвидѣтельствуемъ противъ тебя, что съ тобою былъ юноша — и ты поэтому отослала отъ себя служанокъ твоихъ».

«Тогда застонала Сусанна и сказала: «Тѣсно мнѣ отовсюду; ибо если я сдѣлаю это—смерть мнѣ; а если не сдѣлаю—то не избѣгну отъ рукъ вашихъ. Лучше для меня не сдѣлать этого и впасть въ руки ваши, нежели согрѣшить предъ Господомъ». И закричала Сусанна громкимъ голосомъ, закричали такъ же и оба старѣйшины противъ нея; а одинъ, побѣжавъ, отворилъ двери сада.

«Когда же находившіеся въ домѣ услышали крикъ въ саду, — выскочили боковыми дверями, чтобы видѣть, что случилось. И когда старѣйшины сказали слова свои, то слуги чрезвычайно были пристыжены: никогда ничего такого о Сусаннѣ говорено не было.

«И было на другой день — когда собрался народъ къ Іоакиму, мужу ея, пришли и оба старѣйшины, полные беззаконнаго умысла противъ Сусанны, чтобы предать ее смерти. И сказали они народу: «пошлите за Сусанной, дочерью Хелкія, женой Іоакима», — и послали. И пришла она, и родители ея, и дѣти ея, и всѣ родственники ея.

«Сусанна была очень нѣжна и красива лицомъ; и эти беззаконники приказали открыть лицо ея, такъ какъ оно было закрыто, чтобы насытиться красотой ея. Родственники же и всѣ, которые смотрѣли на нее, плакали.

«А оба старѣйшины, вставши посреди народа, положили руки на голову ея. Она же въ слезахъ смотрѣла на небо, ибо сердце ея уповало на Господа.

«И сказали старѣйшины: «Когда мы ходили по саду одни, вошла эта съ двумя служанками, и затворила двери сада, и отослала служанокъ. И пришелъ къ ней юноша, который скрывался тамъ, и легъ съ нею. Мы, находясь въ углу сада и видя такое беззаконіе, побѣжали на нихъ и увидѣли ихъ соединенными, но не могли удержать его, такъ какъ онъ былъ сильнѣе насъ, и, отворивъ дверь — выскочилъ. Но ее мы схватили и стали допрашивать: кто былъ этотъ юноша? Но она отказалась объявить намъ. Объ этомъ мы свидѣтельствуемъ».

«И повѣрило имъ собраніе, какъ старѣйшинамъ народа и судьямъ — и осудили ее на смерть.

«Возопилъ Сусанна громкимъ голосомъ, и сказала: «Боже вѣчный, вѣдающій сокровенное и знающій все прежде бытія его! Ты знаешь, что они ложно свидѣтельствовали противъ меня, и вотъ я умираю, не сдѣлавъ ничего, что̀ эти люди злостно выдумали на меня».

«И услышалъ Господь голосъ ея.

«И когда она ведена была на смерть, возбудилъ Богъ Святый Духъ молодого юношу, по имени Даніила. И онъ закричалъ громкимъ голосомъ: «Чистъ я отъ крови ея!»

«Тогда обратился къ нему весь народъ и сказалъ: «Что это за слово, которое ты сказалъ?»

«Тогда онъ, ставъ посреди ихъ, сказалъ: «такъ ли вы не разумны, сыны Израиля, что, не изслѣдовавъ и не узнавъ истины, осудили дочь Израиля? Возвратитесь въ судъ, ибо эти ложно противъ нея засвидѣтельствовали».

«И тотчасъ весь народъ возвратился. Старѣйшины сказали ему: «садись посреди насъ и объяви намъ, потому что Богъ далъ тебѣ старѣйшинство».

«И сказалъ Даніилъ къ народу: Отдѣлите ихъ другъ отъ друга подальше, и я допрошу ихъ». Когда же они были отдѣлены одинъ отъ другаго, призвалъ онъ одного изъ нихъ и сказалъ ему: «Состарѣвшійся въ злыхъ дняхъ! Нынѣ обнаружились грѣхи твои, которые ты дѣлалъ прежде, производя суды неправедные, осуждая невинныхъ и оправдывая виновныхъ, тогда какъ Господь говоритъ: невиннаго и праваго не умерщвляй. Итакъ, если ты ее видѣлъ— скажи, подъ какимъ деревомъ видѣлъ ты ихъ разговаривающими другъ съ другомъ?» Онъ сказалъ: — «подъ мастиковымъ».

«Даніилъ сказалъ: «Точно солгалъ ты на свою голову; ибо вотъ Ангелъ Божій, принявъ рѣшеніе отъ Бога, разсѣчетъ тебя пополамъ». И удаливъ его, онъ приказалъ привесть другаго старѣйшину, и сказалъ ему: «Племя Ханаана, а не Іуды! Красота прельстила тебя и похоть развратила сердце твое. Такъ поступали вы съ дочерями Израиля, и онѣ изъ страха имѣли общеніе съ вами, но дочь Іуды не потерпѣла беззаконія вашего. Итакъ, скажи мнѣ: подъ какимъ деревомъ ты засталъ ихъ разговаривающими между собою?» Онъ отвѣтилъ: «подъ зеленымъ дубомъ».

«Даніилъ сказалъ ему: «Точно солгалъ ты на твою голову; ибо Ангелъ Божій съ мечемъ ждетъ, чтобы разсѣчь тебя пополамъ, чтобъ истребить васъ».

«Тогда все собраніе закричало громкимъ голосомъ, и благословило Бога, спасающаго надѣющихся на Него. И возстали на обоихъ старѣйшинъ, потому что Даніилъ ихъ устами обличилъ ихъ, что они ложно свидѣтельствовали. И поступили съ ними такъ, какъ они зло умыслили противъ ближняго — по закону Моисееву [1]), и умертвили ихъ. И спасена была въ тотъ день кровь невинная».

[1]) „Если свидѣтель ложно донесъ на брата своего: то сдѣлайте ему то, что онъ умышлялъ сдѣлать брату своему". Второзаконіе, XIX, 18 — 19.

«Хелкія-же и жена его прославили Бога за дочь свою Сусанну съ Іоакимомъ, мужемъ ея, и со всѣми родственниками, потому что не найдено было на ней постыднаго дѣла. И Даніилъ сталъ великъ передъ народомъ — съ того дня и потомъ». (Книга пророка Даніила. XIII).

И была радость въ тотъ день; и радуемся мы, читая о томъ днѣ — вотъ уже спустя 2½ тысячелѣтія. И чувство гнусности отъ нашихъ дней сильнѣе объемлетъ душу при чтеніи святыхъ строкъ.

Даже еслибы прекрасная Сусанна умерла, даже еслибы Богъ не услышалъ «надѣющуюся на Него» (однако мы вѣруемъ, что Онъ и всегда таковыхъ слышитъ) — можно ли ея святую кончину, можно ли ужасъ ея родителей и мужа, гнѣвъ разъяренной противъ преступка толпы народной, весь этотъ всплескъ бурно текущихъ и святыхъ чувствъ сравнить съ гнусною слизью, которую растирая между пальцами — мы ничего не слышимъ на ощупь, и поднеся къ носу — замѣчаемъ, что она пахнетъ: и что, однако, при ближайшемъ поднесеніи къ глазу, къ удивленію нашему кричитъ: «я — человѣкъ, подайте мнѣ человѣческія права!» И наконецъ, когда Дюкрокъ отвѣчаетъ матери погубленной имъ дѣвушки: «да... встрѣчалъ на тротуарахъ» — почему его не побить камнями? Когда онъ же говорилъ: «Соглашаюсь, что это остроумно» — почему его вторично не побить? Вѣдь онъ же, или акушеръ съ нимъ вмѣстѣ — «побили», и совершенно «невинную»? побили даже двухъ, потому что нельзя забывать о кафе-шантанной пѣвицѣ? Вѣдь «побіенія» же совершаются на нашихъ глазахъ, мы ихъ уже допускаемъ, и допускаемъ не для охраны божескаго или высоко-человѣческаго, а всего только для насыщенія панталонной стороны своей природы?

Я не говорю о невинной въ сущности дѣвушкѣ-ребенкѣ; нѣтъ вины смертной на ней и по закону Ветхому [1]), какъ не осудилъ бы ее и Спаситель. Я говорю о Дюкрокѣ, о всѣхъ подробностяхъ, среди которыхъ онъ дѣйствовалъ, о цѣломъ комплексѣ явленій и условій жизненныхъ. Я говорю о цивилизаціи — чѣмъ она стала безъ вѣры и безъ законовъ иныхъ надъ собою, чѣмъ отвѣчающіе ея комфорту.

---

[1]) „А отроковицѣ (соблазненной) ничего не дѣлать, на отроковицѣ нѣтъ преступленія смертнаго" (Второзаконіе. XXII, 26). „Она пусть будетъ женою соблазнившаго, потому что онъ опорочилъ ее; во всю жизнь свою онъ не можетъ развестись съ нею" (тамъ-же, стихъ 29). Замѣчательно, что мать Габріэли, безъ сомнѣнія не зная ничего о Второзаконіи, требовала въ сущности его примѣненія.

Христіанство пассивно или активно?

Мы не приготовляемся рѣшать этого вопроса. Наша мысль скромнѣе и законнѣе; мы только обводимъ красною чертою этотъ вопросъ, останавливаемъ на немъ человѣческое вниманіе и хотѣли бы, чтобы онъ въязвился въ душу каждаго и началъ въ ней мучительно саднить — но именно какъ вопросъ. Въ грядущей дали вѣковъ, мы предвидимъ, онъ такъ же заволнуетъ и соберетъ около себя христіанское человѣчество, какъ въ первые вѣка его эры оно мучительно волновалось и собиралось около вопроса объ «единосущіи» или только «одинаковости» (т.-е. по однимъ качествамъ) «Отца» и «Сына». Нервъ, въ насъ живущій и насъ питающій— «двигательный-ли»? или только «чувствующій»? Или, наконецъ, онъ даже и не «чувствующій», а лишь свѣтящійся въ насъ и насъ святящій? Что за мелодія, льющаяся въ дву-тысячелѣтнемъ почти зданіи нашей цивилизаціи: зоветъ-ли она насъ? или только успокаиваетъ? Странные вопросы: мы ихъ не поднимали бы, если бы уже не видѣли окрестъ совершенно твердыхъ, хотя и не обдумчивыхъ ихъ рѣшеній въ одну сторону.

Вотъ одно изъ нихъ. Пушкинъ умеръ; умеръ въ окруженіи такихъ обстоятельствъ, измучившихъ душу поэта и огрязнившихъ его жизнь, что чувство скорби и гнѣва невольно вольнуется около его памяти; мы думали — этотъ гнѣвъ въ насъ, эта скорбь естественны. Но вотъ проводится передъ нами успокаивающая мысль, что подобнымъ-же гнѣвомъ и скорбью волнуясь, поэтъ собственно и «убилъ себя», «законно заслужилъ» свою смерть:

Жизнь его не врагъ отъялъ,
Онъ своею силой палъ.
Жертва гибельнаго гнѣва...

—такъ надъ могилой поэта скандируетъ г. Вл. Соловьевъ («Судьба Пушкина, «Вѣстн. Европы», сентябрь 1897 г.), и, успокоенный, предлагаетъ и намъ успокоиться. Но почему? и развѣ нѣтъ *святого* негодованія? «Нѣтъ», отвѣчаетъ онъ; и развиваетъ, какъ фундаментъ своего воззрѣнія, идею пассивнаго христіанства.

«Въ отеческихъ писаніяхъ — кажется, въ Лимонаріи св. Софронія, патріарха іерусалимскаго, — я читалъ такой разсказъ. Къ знаменитому подвижнику пришелъ начинающій монахъ, прося указать ему путь совершенства. — Этою ночью, сказалъ ему старецъ, ступай на кладбище и до утра восхваляй погребенныхъ тамъ покойниковъ, а потомъ приди и скажи мнѣ, какъ они примутъ твои хвалы. На другой день монахъ возвращается съ кладбища. — Исполнилъ я твое приказаніе, отче! Всю ночь громкимъ голосомъ восхвалялъ я этихъ покойниковъ, величалъ ихъ святыми, преблаженными отцами, великими праведниками и угодниками Божіими, свѣтильниками вселенной, кладезями премудрости, солью земли; приписалъ имъ всѣ добродѣтели, о коихъ только читалъ въ священномъ писаніи и въ эллинскихъ книгахъ. — Ну, что-же? Какъ выразили они тебѣ свое удовольствіе? — Никакъ, отче: все время хранили молчаніе, ни единаго слова я отъ нихъ не услыхалъ. — Это весьма удивительно — сказалъ старецъ, — но вотъ что ты сдѣлай: этою ночью ступай туда опять и ругай ихъ до утра, какъ только можешь сильнѣе; тутъ ужъ они навѣрно заговорятъ. — На слѣдующій день монахъ опять возвратился съ отчетомъ.—Всячески поносилъ я ихъ и позорилъ, называлъ псами нечистыми, сосудами дьявольскими, богоотступниками; приравнивалъ ихъ ко всѣмъ злодѣямъ изъ Ветхаго и Новаго завѣта отъ Каина-братоубійцы до Іуды-предателя, отъ Гивеонитовъ нечестовыхъ и до Ананіи и Сапфиры богообманщиковъ, укорялъ ихъ во всѣхъ ересяхъ отъ Симоновой и Валентиновой до новоявленной монофелитской. — Ну, что же? Какъ же ты спасся отъ ихъ гнѣва? — Никакъ, отче! они все время безмолвствовали. Я даже ухо прикладывалъ къ могиламъ, но никто и не пошевельнулся. — Вотъ видишь, — сказалъ старецъ — ты поднялся на первую ступень ангельскаго житія, которая есть послушаніе; вершины же этого житія на землѣ достигнешь лишь тогда, когда будешь такъ же равнодушенъ и къ похваламъ, и къ обидамъ, какъ эти мертвецы». (Тамъ-же, стр. 142—143).

Мы поражены; но во всякомъ случаѣ — мы остановлены. Подавляя подъ свято-отеческой страницей гнѣвъ въ себѣ, загоняя его внутрь, мы пробѣгаемъ разъ, мы пробѣгаемъ два статью богослова и философа нашихъ дней, и видимъ, что, предложивъ намъ «успокоиться» и «спокойный» самъ, онъ не вовсе беззаботенъ. «Довлѣя днесь» и, кажется, «не печась на утре», въ осторожной и обдуманной статьѣ онъ, отвлекаясь отъ Лимонарія, поновляетъ

вѣнокъ на могилѣ Писарева («ясный, послѣдовательный и замѣчательный писатель», стр. 145), пускаетъ стрѣлу въ г. Мережковскаго (стр. 146), соглашается и съ г. Спасовичемъ, что Пушкинъ былъ въ сущности пустой человѣкъ, и даже прибавляетъ, что онъ былъ лживый человѣкъ (стр. 136—137 и 150); но не противорѣчитъ и гг. Энгельгардту, Буренину и Розанову, что какъ поэтъ собственно онъ, правда, былъ великъ. «Довлѣетъ дневи злоба его»... Наши дѣла хорошо закончены, «округленно» закончены; а поэтъ? Ну, что поэтъ:

Спящій въ гробѣ—мирно спи;
Жизнью пользуйся—живущій.

Я хочу сказать, что идея пассивнаго христіанства имѣетъ одну мучительную въ себѣ сторону: «успокаивая» насъ, она наконецъ оледеняетъ насъ; мы становимся нѣсколько похожи если не на «почившихъ» Лимонарія св. Софронія, то на обыкновенную ледяную сосульку, и въ такомъ видѣ не только говоримъ, думаемъ и чувствуемъ—

Спящій въ гробѣ—мирно спи,

но и живыхъ принимая какъ-бы за «спящихъ въ гробѣ», «не печемся» о нихъ и даже какъ-то ихъ не совѣстимся. Чудовищный эгоизмъ, неслыханный холодъ отношеній... да оглянемся-же: все это—вокругъ насъ, это и есть зрѣлище обледенѣлой въ сущности христіанской цивилизаціи, гдѣ есть все въ добродѣтели, но все—номинально; и если мы подумаемъ: да почему? — то источникъ этого и откроемъ именно въ этомъ безъ-нервномъ пониманіи христіанства.

Безъ-нервное христіанство... Да, но тайна, глубокая и великая, состоитъ въ томъ, что основанія для него имѣются. Мы перебѣжимъ отъ статьи о Пушкинѣ, принадлежащей перу зыбкому и колеблющемуся, къ писателю твердому и глубокомысленному, хотя онъ не былъ ни «философомъ», ни «богословомъ». Это—Лѣсковъ: вотъ взглядъ его, уже очевидно высказанный не подъ дуновеніемъ религіозно-поэтической «минутки», но сложившійся годами и, можетъ быть, десятилѣтіями. Онъ высказанъ въ прекрасномъ его разсказѣ «На краю свѣта», въ видѣ бесѣды одного стараго архіерея о сравнительныхъ достоинствахъ живописнаго изображенія Спасителя на Западѣ и у насъ. Высокоопытный епископъ, въ рядѣ тонкихъ сопоставленій, имѣетъ въ виду приблизиться къ идеалу пониманія Лика: но мы чувствуемъ, что тутъ есть и больше: усиліе уловить не замутившуюся истину самаго христіанства. Идетъ не «споръ» — этотъ терминъ отвергъ епископъ, а «бесѣда»; и мы приведемъ весь діалогъ, съ подаваемыми старцу репликами.

«Епископъ взялъ со стола большой, богато украшенный рѣзьбою изъ слоновой кости альбомъ и, раскрывъ его, сказалъ:

«— Вотъ нашъ Господь! Зову васъ посмотрѣть! Здѣсь я собралъ много изображеній Его лица. Вотъ онъ сидитъ у кладезя съ женой самаритянской,—работа дивная; художникъ, надо думать, понималъ и лицо, и моментъ.

«— Да, мнѣ тоже кажется, владыко, что это сдѣлано съ понятіемъ, — отвѣчалъ собесѣдникъ.

«— Однако, нѣтъ ли здѣсь въ Божественномъ лицѣ излишней мягкости? Не кажется вамъ, что Ему ужъ слишкомъ все равно, сколько эта женщина имѣла мужей и что нынѣшній мужъ ей не мужъ?

«Всѣ присутствующіе молчали: архіерей это замѣтилъ и продолжалъ:

«— Мнѣ кажется, сюда немного строгаго вниманія было бы чертой нелишнею.

«— Вы правы, можетъ быть, владыко.

«— Распространенная картина: мнѣ доводилось ее часто видѣть, преимущественно у дамъ. Посмотримъ далѣе. Опять великій мастеръ. Христа цѣлуетъ Іуда. Какъ кажется вамъ здѣсь Господень ликъ? Какая сдержанность и доброта! Не правда ли? Прекрасное изображеніе.

«— Прекрасный ликъ!

«— Однако, не слишкомъ ли много здѣсь усилія сдерживаться? Смотрите: лѣвая щека, мнѣ кажется, дрожитъ, и на устахъ какъ бы гадливость.

«— Конечно, это есть, владыко.

«— О, да; да вѣдь Іуда ея ужъ, разумѣется, и стоилъ: и рабъ, и льстецъ — онъ очень могъ ее вызвать у всякаго... только, впрочемъ, не у Христа, Который ничѣмъ не брезговалъ, а всѣхъ жалѣлъ. Ну, мы этого пропустимъ; Онъ насъ, кажется, не совсѣмъ удовлетворяетъ, хотя я знаю одного большого сановника, который мнѣ говорилъ, что онъ удачнѣе этого изображенія Христа представить себѣ не можетъ. Вотъ вновь Христосъ и тоже кисть великая писала — Тиціанъ. Передъ Господомъ стоитъ коварный фарисей съ динаріемъ. Смотрите-ка: какой лукавый старецъ, но Христосъ... Охъ, я боюсь! смотрите: нѣтъ ли тутъ презрѣнія на Его лицѣ?

«— Оно и быть могло, владыко!

«— Могло, не спорю: старецъ — гадокъ: но я, молясь, такимъ себѣ не мыслю Господа и думаю, что это неудобно. Не правда ли?

«Мы отвѣчали согласіемъ, находя, что представлять лицо Христа въ такомъ выраженіи неудобно, особенно вознося къ Нему молитвы.

«— Совершенно съ вами въ этомъ согласенъ, и даже припоминаю себѣ объ этомъ споръ мой нѣкогда съ однимъ дипломатомъ, которому этотъ Христосъ только и нравился; но, впрочемъ,

что-же?... моментъ дипломатическій. Но пойдемте далѣе: вотъ тутъ уже, съ этихъ мѣстъ, у меня начинаются одинокія изображенія Господа, безъ сосѣдей. Вотъ вамъ снимокъ съ прекрасной головы скульптора Кауера: хорошъ, хорошъ! — ни слова; но мнѣ, воля ваша, эта академическая голова напоминаетъ гораздо менѣе Христа, чѣмъ Платона. Вотъ Онъ, еще... какой страдалецъ.. какой ужасный видъ придалъ Ему Метсу!.. Не понимаю, зачѣмъ онъ Его такъ избилъ, изсѣкъ и изкровянилъ?.. Это, право, ужасно! Опухли вѣки, кровь и синяки... весь духъ, кажется, изъ Него выбитъ и на одно страдающее тѣло ужъ смотрѣть даже страшно. Перевернемъ скорѣй. Онъ тутъ внушаетъ только состраданіе, и ничего болѣе. — Вотъ вамъ Лафонъ, можетъ быть, и небольшой художникъ, да на многихъ нынче хорошо потрафилъ: онъ, какъ видите, понялъ Христа иначе, чѣмъ всѣ предыдущіе, и иначе Его себѣ и намъ представилъ: фигура стройная и привлекательная, ликъ добрый, голубиный взглядъ подъ чистымъ лбомъ, и какъ легко волнуются здѣсь кудри: тутъ локоны, тутъ эти пѣтушки, крутясь, легли на лбу. Красиво, право! а на рукѣ Его пылаетъ сердце, обвитое терновою лозою. Это «Sacré coeur», что отцы іезуиты проповѣдуютъ; мнѣ кто-то сказывалъ, что они и вдохновляли сего господина Лафона чертить это изображеніе: но оно, впрочемъ, нравится и тѣмъ, которые думаютъ, что у нихъ нѣтъ ничего общаго съ отцами-іезуитами. Помню, мнѣ какъ-то разъ, въ лютый морозъ, довелось ѣхать въ Петербургѣ къ одному русскому князю, который показывалъ мнѣ чудеса своихъ палатъ, и вотъ тамъ, не совсѣмъ на мѣстѣ—въ зимнемъ саду, я увидѣлъ впервые этого Христа. Картина въ рамочкѣ стояла на столѣ, передъ которымъ сидѣла княгиня и мечтала. Прекрасная была обстановка: пальмы, аурумы, бананы, щебечутъ и порхаютъ птички, и она мечтаетъ. О чемъ? Она мнѣ сказала: «ищетъ Христа». Я тогда и всмотрѣлся въ это изображеніе. Дѣйствительно, смотрите, какъ онъ эффектно выходитъ, или, лучше сказать, износится изъ этой тьмы; за нимъ ничего: ни этихъ пророковъ, которые докучали всѣмъ, бѣгая въ своихъ лохмотьяхъ и цѣпляясь даже за царскія колесницы, — ничего этого нѣтъ: а только тьма... тьма фантазіи. Эта дама—пошли ей Богъ здоровья—первая мнѣ и объяснила тайну, какъ находить Христа, послѣ чего я и не спорю съ господиномъ капитаномъ (оппонентъ архіерея), что иностранные проповѣдники у насъ не однимъ жидамъ Его покажутъ, а всѣмъ, кому хочется, чтобы Онъ пришелъ подъ пальмы и бананы слушать канареекъ. Только Онъ ли туда придетъ? Не пришелъ бы подъ Его слѣдъ кто другой къ нимъ? Признаюсь вамъ, я этому щеголеватому, канареечному Христу охотно предпочелъ бы вотъ эту жидоватую главу Гверчино, хотя и она говоритъ мнѣ только о добромъ и восторженномъ раввинѣ, котораго, по опредѣленію господина Ренана, можно было любить и съ удо-

вольствіемъ слушать... И вотъ вамъ, сколько пониманій и представленій о Томъ, Кто одинъ всѣмъ намъ на потребу! Закроемъ теперь все это и обернитесь къ углу, къ которому стоите спиною: опять ликъ Христовъ и уже на сей разъ это именно не лицо — а ликъ. Типическое русское изображеніе Господа: взглядъ прямъ и простъ; темя возвышенное, что, какъ извѣстно, и по системѣ Лафатера означаетъ способность возвышеннаго богопочтенія: въ ликѣ есть выраженіе, но нѣтъ страстей. Какъ достигали такой прелести изображенія наши старые мастера? — это осталось ихъ тайной, которая и умерла вмѣстѣ съ ними и съ ихъ отвергеннымъ искусствомъ. Просто—до невозможности желать простѣйшаго въ искусствѣ: черты чуть слегка означены, а впечатлѣніе полно: мужиковатъ Онъ, правда, но при всемъ томъ Ему подобаетъ поклоненіе, и какъ кому угодно, а по моему, нашъ простодушный мастеръ лучше всѣхъ *понялъ* — Кого ему надо было написать. Мужиковатъ Онъ, повторяю вамъ, и въ зимній садъ Его не позовутъ послушать канареекъ, да что бѣды! — гдѣ Онъ какимъ открылся, тамъ такимъ и ходитъ: а къ намъ зашелъ Онъ въ рабьемъ зракѣ и такъ и ходитъ, не имѣя гдѣ главы преклонить отъ Петербурга до Камчатки. Знать Ему это нравится принимать съ нами поношенія отъ тѣхъ, кто пьетъ кровь Его и ее же проливаетъ. И вотъ, въ эту же мѣру, въ какую, по моему, проще и удачнѣе наше народное искусство поняло внѣшнія черты Христова изображенія, — и народный духъ нашъ, можетъ быть, ближе къ истинѣ постигъ и внутреннія черты Его характера». («*На краю свѣта*», гл. I: *Сочиненія Лѣскова*, т. I, изд. 1889 г., стр. 682—686).

Вотъ мысль, въ сущности та же, которая содержится и въ приведенной у г. Вл. Соловьева выдержкѣ, но только глубже и утонченнѣе развитая, и главное — идущая къ самому источнику. Нѣкоторый видъ богомыслія положенъ въ основу тамъ и здѣсь. «Есть выраженіе, но нѣтъ страстей» — вотъ центръ всего разсужденія: «мастеръ понялъ, Кого ему надо написать»; «Ему подобаетъ поклоненіе», т. е. тогда какъ тамъ, въ европейскомъ художествѣ, мы имѣемъ *картины*—здѣсь, подъ кистью русскаго мастера, возникъ *образъ* поклоняемый. Это—цѣльный взглядъ, цѣльная философія; и она такъ мало еще канонизирована, что, сохраняя всю скромность, мы можемъ подойти къ ней съ критикой.

«Нѣтъ страстей», и изъ очень внимательно построенной діалектики видно, что нѣтъ—по выраженному и защищаемому представленію — самыхъ корней этихъ страстей, нѣтъ ихъ, какъ подавленнаго, побѣжденнаго, какъ предмета борьбы и, наконецъ, преодолѣнія. Но тогда въ чемъ же и какъ было выражено въ Спасителѣ «человѣческое», о коемъ вселенскіе соборы уже отвергли предположеніе, что оно было «поглощено Божествомъ» — мнѣніе, которое мы находимъ, въ сущности, у Лѣскова и къ которому склонявшіеся въ

древности были признаны «еретиками»? «Черты суть слегка означены» — вотъ многозначительное выраженіе, т. е. онѣ даютъ какъ бы рамку человѣка,—сосудъ, за внѣшнимъ краемъ коего сей часъ же начинается и до глубины и нетъ божество. Но что же тогда есть отъ человѣка? цвѣтъ щекъ и кожи, и она сама тонкой пленкой? «Человѣческое» не только поглощено, но оно, при такомъ взглядѣ, и искоренено — а на такую мысль мы не смѣемъ рѣшиться. Очевидно—и на это прямо указываетъ вселенское пониманіе—въ Спасителѣ были въ сліяніи какъ Божество, такъ и человѣчество, не въ предикатахъ только своихъ, но и въ самомъ существѣ. Спаситель былъ не только «всемогущъ» и «всевѣдущъ», но онъ былъ Богъ: такъ точно и человѣкъ присутствовалъ въ немъ не какъ портретный очеркъ, но и глубже, т. е. именно какъ сплетеніе страстей или, по крайней мѣрѣ, ихъ корни. Изгнаніе торгующихъ изъ храма не вовсе исключало гнѣвъ: и у Матѳея, противъ книжниковъ и фарисеевъ, мы читаемъ и отвращеніе, и негодованіе: «горе вамъ, украшающіе гробницы пророковъ»... Вообще, у четырехъ евангелистовъ мы усматриваемъ въ образѣ Спасителя полный очеркъ всего круга человѣческихъ страстей, но ихъ сліяніе съ Божествомъ сказалось въ ихъ мѣрѣ: онѣ вездѣ взяты въ такой гармоніи, что ни на одно сердце человѣческое не произвели бы того отталкивающаго впечатлѣнія, какъ его произвели всѣ человѣческія попытки выразить въ художествѣ Его лицо, такъ справедливо отторгнутыя архіереемъ и .Іѣсковымъ. Не правы художники тѣ; не правъ, однако, и .Іѣсковъ. Христосъ не изобразимъ, не подсиленъ человѣку: это — тайна, и, вѣроятно, это—сущность Его божества. Но попытки передать Его «съ выраженіемъ, но безъ страстей» глубочайшимъ образомъ неправильны, и «штрихи едва намѣчены»—это показываетъ бѣгство отъ задачи, а не ея выполненіе. «Бога никто же нигдѣ же видѣлъ»: Его видѣли тѣ, между коими онъ ходилъ 33 года, но намъ никакой силы и никакого дара Его представленія и уразумѣнія во внѣшнихъ чертахъ не дано. Это замѣчательно, но и безспорно: на картинахъ, гдѣ есть фигура Христа—собственно есть подъ картинами Его подпись, т. е. подпись объ Его имени, но на картинахъ нѣтъ Христа, и потому безъ сомнѣнія, что Онъ не представимъ, не изобразимъ. Темные старинные лики Христа намъ болѣе нравятся потому, что они не ясны, что мы не можемъ тутъ ничего опредѣленнаго разглядѣть; есть мѣсто, къ которому мы относимъ мысль свою, и нѣтъ опредѣленныхъ линій, которыя обозначали бы Того, Кто не обозначимъ. Почернѣвшее отъ времени художество, какъ и «едва намѣченные штрихи», лучше потому, что они приближаются къ отсутствію штриховъ, къ отказу художества отъ несоотвѣтственной ему задачи: «какъ бы нѣтъ вовсе картины»—и вотъ уже начало «образа», куда мы можемъ отнести молитву. Но здѣсь мы оставляемъ художество и обратимся къ художнику, т. е. мы обра-

тимся къ самому человѣку, который глубоко подчиняется наполняющимъ его образамъ и въ зависимости отъ того, какъ представляетъ себѣ Бога — формируется самъ.

Пробѣгая очеркъ Лѣскова, и еще лучше—переписывая его, мы ясно видимъ, до чего страсть волнуется подъ нимъ. Представленіе Христа и притомъ «безъ страстей» наполняетъ мысль архіерея и, конечно, за нимъ стоящаго Лѣскова, но удивительно—очеркъ, приведенный нами, грубъ, и до извѣстной степени изуродованъ этими царапающими строчками, въ которыхъ отмѣчены и задѣты всѣ почти общественныя положенія: и «дипломатъ», и «важный сановникъ», «князь» и «княгиня», и чуть ли даже ни «канарейки» и «бананы». Отсутствіе того, что мы выражаемъ нѣсколько расплывающимся и въ этой именно расплывчатости вѣрнымъ терминомъ «благость»—поражаетъ насъ здѣсь:

И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ.

Это — удивительно: игра чувствъ, аналогичная «заботамъ» г. Вл. Соловьева. И здѣсь, какъ тамъ, она вытекла около представленія, по существу казалось бы исключающаго всякія земныя заботы и «мятежность духа». Таинственнымъ какимъ-то внутреннимъ преломленіемъ принципъ «не печитеся» отразился въ обоихъ случаяхъ, и отражается всегда, бездною земного «попеченія», но въ искаженной и загрязненной формѣ. Откуда это? какъ возможно? гдѣ уголъ преломляющій?

Да именно — въ этомъ пассивномъ идеалѣ и въ представленіи Христа «съ выраженіемъ», но безъ зачатковъ «страстей». Горячими желаніями, «молитвою», страстнымъ вожделѣніемъ мы закопались въ могилу и лежимъ около «покойниковъ» Лимонарія: «безстрастно» лежимъ, по другой версіи «богомыслія». Съ этимъ можно было бы помириться; но полная дѣйствительность состоитъ въ томъ, что мы остаемся въ то же время и на землѣ, подъ свѣтомъ дня, но уже здѣсь остаемся вовсе безъ «молитвы» — для величайшихъ глубинъ грѣха, въ самыхъ смрадныхъ его формахъ. «Небо» для насъ — тамъ, на кладбищѣ; здѣсь—только «земля», и уже не освѣщаемая нисколько «небомъ», безъ «молитвы» пронизывающей насъ въ ежедневномъ дыханіи, сопутствующей каждому мигу труда и ежесекундныхъ нашихъ вожделѣній. Здѣсь — «nefas», «нечисть», — и именно въ полноту того, какъ всякое «fas», всякая «святость» нами отнесены туда — въ небо «безстрастнаго» лежанія около «упокойниковъ». Такимъ образомъ крайній спиритуализмъ въ пониманіи христіанства, поглощеніе въ Христѣ «человѣка» «Божествомъ» — отъ котораго предостерегали насъ вселенскіе соборы — отразились полною матеріализаціей христіанства, ежесекундныхъ и повсемѣстныхъ всплесковъ христіанскаго моря.

Отсюда текутъ его антиноміи; «антиноміями» Кантъ назвалъ коренныя и идущія отъ самаго начала противорѣчія нашего разума, и есть такія же «противорѣчія» въ нашей цивилизаціи. Остановимся на нѣкоторыхъ. Евангеліе есть книга безплотныхъ отношеній—цѣломудрія, возведеннаго къ абсолюту; и между тѣмъ цивилизація, казалось бы на немъ основанная, есть первая въ исторіи, гдѣ проституція регистрируется, регламентируется и имѣетъ свое законодательство, какъ есть законодательство фабричное. «Истинно говорю вамъ—верблюду легче войти въ игольныя уши, чѣмъ богатому въ царство небесное»,—и вотъ мы видимъ, что именно «стяжелюбивый юноша» есть господствующій въ нашей жизни типъ. «Богатый и Лазарь»—какая вѣковѣчная притча; но гдѣ еще была болѣе роскошная, болѣе блистательная, «блистающая въ одеждахъ» и всяческой «нѣгѣ» цивилизація, какъ наша? Поразительно, что все течетъ обратно: не то, чтобы по разнымъ путямъ расходится—«слово» правѣе и «дѣло» немножечко влѣво; нѣтъ—они діаметрально кидаются на встрѣчу другъ другу. «Царство не отъ міра сего»... но было ли «царство» когда нибудь болѣе отъ «сего міра», столь поразительно свѣтское, щеголеватое, до послѣднихъ своихъ нѣдръ суетное и объективное, безъ всякой въ себѣ тайны, безъ трогательности и нѣжнаго? «Не печитеся на утро, утренній бо собою попечется»—и нѣтъ, не было еще міра, который тревогу свою простиралъ бы такъ далеко, какъ нашъ: мы боимся и кометы, которая какъ бы не разбила землю, и пересыханія водъ на нашемъ шарѣ, и исчезновенія на немъ воздуха, и охлажденія солнца, и паденія земли на солнце—космическаго «пожара». Трусость и «попеченіе», которыя рѣшительно не имѣютъ себѣ примѣровъ въ исторіи. «Религія любви и милосердія»... Странникъ въ Аравіи или въ Тибетѣ, подходя къ шалашу бедуина или къ войлочной кибиткѣ татарина, находитъ не только кровъ себѣ; ему не только «омоютъ ноги» холодною водой, которая облегчитъ приливъ къ нимъ крови (какая предусмотрительная и утонченная заботливость!), но за его жизнь и безопасность, если даже онъ вошелъ въ палатку кровнаго врага, этимъ врагомъ будетъ положена жизнь. Главное—это обычай, т. е. вездѣ, для всякаго, не обѣгая ни одной палатки. Пусть «кровный врагъ» зарѣжетъ васъ сейчасъ, какъ только вы выйдете изъ-подъ его крова. Да, *потомъ* зарѣжетъ—Востокъ не претендуетъ, какъ Западъ, на «прощеніе» всяческихъ «обидъ»: онъ мститъ, волнуется, негодуетъ и не знаетъ ни нашего «не-дѣланія», ни нашего «несопротивленія злу». Но пока вы въ палаткѣ врага—вы не въ дремучемъ лѣсу, не въ берлогѣ звѣря, вы гдѣ-то въ священномъ убѣжищѣ, надъ вами ясно простертъ религіозный законъ, не переступаемый ни для какой ярости, ни для какого омраченія разсудка. Теперь возьмите нашъ западный міръ: куда вы пойдете, въ какой домъ осмѣлитесь войти, гдѣ на васъ не посмотрѣли бы съ величай-

нимъ удивленіемъ, и съ нѣкоторымъ безмолвнымъ «мы не отъ міра сего» не затворили бы передъ вами дверь? «Взгляните на лиліи полевыя: и Соломонъ въ красотѣ одеждъ не былъ украшенъ лучше ихъ»; «птицы не сѣютъ, не жнутъ — и Отецъ Небесный питаетъ ихъ»,—это вы слышите въ утѣшеніе, когда въ величайшей нуждѣ, въ безысходномъ горѣ, полной растерянности обращаете рѣчь къ «брату»; и какъ часто—о, почти всегда!—этотъ словесный «хлѣбъ» есть единственный, который вы получаете въ напитаніе. Погибнуть на площади, т. е. передъ людными домами, замерзнуть на улицѣ, быть растлѣнною ради рубля, который дастъ ужинъ — о, вѣдь это наша исторія, это хроника нашихъ газетъ, отдѣлъ «мелкихъ» и самыхъ любопытныхъ въ нихъ «извѣстій». «Мелкихъ извѣстій» — какъ характерно это названіе! жизнь человѣка для насъ «мелка», она *привычно* мелка, она «мелка» для всѣхъ, и газеты только выражаютъ мнѣніе всѣхъ, послѣдуютъ сужденію всѣхъ, когда набираютъ эти извѣстія мельчайшимъ шрифтомъ, позади телеграммъ о томъ, что корабль, везущій Фора, уже доѣхалъ до Антверпена. Филантропія подбираетъ замерзающихъ и растлѣваемыхъ: да, это характерно—выдѣлился общественный институтъ, почти государственное министерство, чтобы исполнить то, чего около себя, вокругъ себя никто исполнить не хочетъ. Зажегся очагъ милосердія, какъ въ морозы зажигаются костры на улицахъ... ну, да потому и зажегся, что атмосфера пронизана холодомъ, и, въ сущности, каждый порознь есть полу-замерзающій.

Вотъ эти «антиноміи». Не забывая, прервемъ ихъ и возвратимся къ частному факту, который пробудилъ въ насъ эти общія мысли.

Г. Вл. Соловьевъ существенно неправильно понялъ христіанство, оцѣнивъ «Судьбу Пушкина». Онъ осудилъ поэта за активность, и такъ строго, что даже присудилъ къ смерти. Онъ задается вопросомъ, что сталъ бы дѣлать поэтъ, еслибы тяжело ранилъ и даже убилъ такъ измучившаго его, такъ оскорбившаго и, наконецъ, такъ не отвязчиваго Геккерна. Онъ серьезно думаетъ, что «съ горя» Пушкинъ пошелъ бы на Аѳонъ, постригся бы въ монахи (стр. 155). Человѣка гонятъ, травятъ въ обществѣ и когда, загнанный домой, онъ оборачивается у порога — онъ видитъ, что преслѣдователи не щадятъ и его крова и слѣдуютъ за нимъ по пятамъ. — «Attendez, je me sens assez de force pour tirer mon coup!» — тутъ весь Пушкинъ въ простотѣ и правдѣ своего гнѣва. «Что сталъ бы дѣлать онъ, убивши»?—то, что и солдатъ, въ сраженіи честно защищавшій свое отечество, или что дѣлалъ гр. Л. Толстой, бывшій на севастопольскихъ бастіонахъ и вѣрно не праздно тамъ бывшій. И Пушкинъ защищалъ ближайшее отечество свое — свой кровъ, свою семью, жену свою; все это защищалъ въ «чести», какъ и воинъ отстаиваетъ не всегда существованіе, но часто только «честь», доброе имя, правую гордость своего отечества. Нисколько и ни въ чемъ все это не

противорѣчитъ активному христіанству и тѣмъ «корнямъ» страстей, которыхъ бытіе въ Богочеловѣкѣ утверждали соборы, и такъ напрасно въ нихъ усомнился Лѣсковъ, сомнѣвается г. Вл. Соловьевъ.

Еще два слова о занимающей насъ статьѣ: г. Вл. Соловьевъ собираетъ документы лживости Пушкина и вездѣ ошибается въ психологическомъ ихъ анализѣ. Какъ Пушкинъ могъ—спрашиваетъ онъ—почти въ одно время написать о томъ же лицѣ и извѣстное стихотвореніе: «Я помню чудное мгновенье», и назвать это лицо въ частномъ письмѣ—«наша вавилонская блудница, Анна Петровна»? (стр. 137). — Другъ или «пріятель» Достоевскаго и, вѣроятно, знатокъ его сочиненій, г. Вл. Соловьевъ, могъ бы быть проницательнѣе въ отношеніи именно этихъ темъ. Красота тѣлесная есть страшная и могущественная, и не только физическая, но духовная вещь; и каково бы ни было содержимое «сосуда»—онъ значущъ и въ себѣ, *въ себѣ* духовенъ и можетъ пробудить духовное же—напр. данное стихотвореніе, которое вовсе не будетъ «предъявленіемъ завѣдомо ложныхъ свѣдѣній», какъ это показалось не очень проницательному «философу». Второе обвиненіе: принявъ вызовъ Геккерна, поэтъ нарушилъ слово императору, которому обѣщалъ довести до его свѣдѣнія, если вызовъ послѣдуетъ. Но это понятно и психологически это опять невольно: вѣдь императоръ именно не допустилъ бы дуэли, и измученный поэтъ, жену коего позорили, и глубину, боль, язву этого позора только онъ одинъ въ настоящей силѣ чувствовалъ, былъ бы лишенъ единственнаго оставшагося у него средства прекратить эту боль. «Attendez, je veux tirer mon coup» — и только, и опять никакой лжи. И какъ было не войти въ міръ той взволнованности, того смятенія чувствъ, которое пережилъ поэтъ; того необыкновенно сложнаго круга воспоминаній, взгляда на себя и свою историческую миссію, оторвавъ отъ которой его вдругъ и неудержимо погнала до порога дома, до спальни жены стая ужасныхъ гончихъ: левъ обернулся... и все-таки былъ затравленъ. Но уже раненый на смерть, однако же еще дыша, творецъ «Моцарта и Сальери», и этихъ словъ:

Когда бы всѣ такъ чувствовали силу
Гармоніи! Но нѣтъ: тогда-бъ не могъ
И міръ существовать; никто-бъ не сталъ
Заботиться о нуждахъ низкой жизни —
Всѣ предались бы вольному искусству!
Насъ мало избранныхъ, счастливцевъ праздныхъ,
Пренебрегающихъ презрѣнной пользой,
Единаго прекраснаго жрецовъ.
Не правда-ль? Но я нынче нездоровъ,
Мнѣ что-то тяжело; пойду, засну...

— приподнялся и, съ гнѣвными словами секундантамъ отойти въ сторону, «недрожащею рукою выстрѣлилъ въ противника и слегка его ранилъ». Да, такъ вотъ вопросъ: зачѣмъ онъ выстрѣлилъ,

а не читалъ молитву? «Это крайнее душевное напряженіе и сломило окончательно силы Пушкина и рѣшило его земную участь («судьбу» его), имъ «онъ и убитъ, а не пулею Геккерна» («Судьба Пушкина», стр. 151).

Ты заснешь
Надолго, Моцартъ!.. Но ужель онъ правъ,
И я не геній? Геній и злодѣйство —
Двѣ вещи несовмѣстныя...

Такъ въ «райской пѣснѣ» этого таинственнаго своего «реквіема», поэтъ пророчески предугадалъ и объяснилъ, во всѣхъ ея подробностяхъ, истинную, а не выдуманную «судьбу Пушкина»:

Онъ нѣсколько занесъ намъ пѣсень райскихъ,
Чтобъ возмутивъ безкрылое желанье
Въ насъ, чадахъ праха, послѣ улетѣть!
Такъ улетай же!..

Страшны эти слова о «безкрыломъ желаньи», и они страшны не для одной той минуты, когда были сказаны, какъ и весь этотъ Requiem въ психологической части своей есть вѣковѣчное созданіе.

«Мы знаемъ, что дуэль Пушкина была не внѣшнею случайностью, отъ него не зависѣвшею, а прямымъ слѣдствіемъ той внутренней бури, которая его охватила и которой онъ отдался сознательно, несмотря ни на какія провиденціальныя препятствія и предостереженія. Онъ сознательно принялъ свою личную страсть за основаніе своихъ дѣйствій, сознательно рѣшилъ довести свою вражду до конца, до дна исчерпать свой гнѣвъ. Одинъ изъ его ближайшихъ друзей, князь Вяземскій, въ томъ самомъ письмѣ, въ которомъ онъ описывалъ его христіанскую кончину, обращаясь назадъ къ исторіи дуэли, замѣчаетъ: «ему нуженъ былъ кровавый исходъ». Мы не можемъ говорить о тайныхъ состояніяхъ его души, но два явные факта достаточно доказываютъ, что его личная воля безповоротно опредѣлилась въ этомъ отношеніи и уже не была доступна никакимъ житейскимъ воздѣйствіямъ,—я разумѣю: нарушенное слово императору и послѣдній выстрѣлъ въ противника» (стр. 153).

— «Такъ улетай же!..»

Кроткій демонизмъ.

Нѣжнымъ, блѣдно-розовымъ задачамъ «Книжекъ Недѣли» удивительно отвѣчаетъ г. Меньшиковъ, писатель юной мысли и юнаго языка, а главное—который никогда не обѣщаетъ состариться. Это — писатель-мелодистъ: не богата и проста его мелодія:

Чижикъ, чижикъ, гдѣ ты былъ?—

но она льется, не утомляя и убаюкивая слухъ читателя, изъ страницы въ страницу, изъ книжки въ книжку журнала, переливается съ одной темы на другую, и, кажется, сгинь всѣ сотрудники «Книжекъ Недѣли», г. Меньшиковъ безъ всякаго напряженія ума и утомленія слова могъ бы замѣстить ихъ всѣхъ. Если вы не подвержены чувству умственной скуки, вы никогда не устанете его читать: равно какъ, если въ васъ есть этотъ скверный червякъ, вы никогда его читать не начнете. Онъ мелодистъ,—я сказалъ,—и, дѣйствительно, разъ онъ наклонился надъ пустымъ листомъ писчей бумаги, уже какая-то волшебная музыка, наигрывающая въ головѣ, готова принять и нанизать какія угодно слова на мотивы этой музыки. Я увѣренъ, что трудъ писанія ему ничего не стоитъ, и. какъ для настоящихъ поэтовъ, онъ есть для него наслажденіе. Скверный червякъ умственной скуки открываетъ только одинъ недостатокъ въ его писаніяхъ: именно—въ нихъ нѣтъ мысли, т.-е. мысли, растущей, развивающейся, движущейся; какъ и нѣтъ, собственно, мысли доказанной, и мы убѣждены — очень дорогой, «возлюбленной». Счастливая авторская способность, и въ наши практическія времена — даръ неба, совершенно равняющійся чудесной Аладиновой лампѣ, которая все добывала своему маленькому и, казалось бы, немудрому обладателю. Г. Меньшиковъ идетъ къ «Книжкамъ Недѣли», какъ флеръ-д'оранжъ къ улыбающемуся

лицу 16-лѣтней дѣвушки, спѣшащей въ церковь, спѣшащей объ руку съ возлюбленнымъ...

Се, женихъ грядетъ въ полуночи...

Но словомъ «женихъ» мы, вѣроятно, ужасно раздражаемъ г. Меньшикова: онъ противъ «брака», противъ «любви» и всѣхъ этихъ «плотскихъ» ужасовъ—совершенно 16-лѣтняя дѣвушка, но на степени опытности 11-лѣтней. Въ сентябрьской, октябрьской и ноябрьской книжкахъ «Недѣли» за 1897 г. онъ разбираетъ фактъ такъ называемой плотской любви, и, какъ мы внимательно ни читали эти статьи, заглушая всякаго въ себѣ «червяка», мы не открыли ни одного мотива въ нихъ, кромѣ этого: «любовь есть грѣхъ». Конечно, г. Меньшиковъ не пишетъ «грѣхъ», ибо это напоминало бы семинарію, но онъ пишетъ «пошлость», склоняетъ во всѣхъ падежахъ «пошлость»,—и вся статья его есть музыкальный речитативъ на извѣстныя и первично въ Крейцеровой сонатѣ сказанныя слова Позднышева. Совершенно непостижимо, зачѣмъ изобрѣтенъ онъ г. Меньшиковымъ послѣ «Крейцеровой сонаты», рѣшительно ни однимъ изгибомъ мысли ея не дополняя, и даже не излагая ея явныхъ и особенно скрытыхъ мотивовъ, но беря изъ нея одну строчку и на мотивъ этой строчки, вотъ уже три мѣсяца —

Чижикъ, чижикъ, гдѣ ты былъ...

«Крейцерова соната» есть мучительное и мрачное, хотя, какъ мы убѣждены, совершенно ложное явленіе; это—кроткій демонизмъ, демонизмъ «братчиковъ» и «сестричекъ», изъ-за котораго такъ и слышится арія г. Яковлева въ операѣ Рубинштейна, на извѣстныя слова Лермонтова, открывающая эту оперу:

Проклятый міръ...
Превратный міръ...

Поэзія поблекшихъ цвѣтовъ, померкшей весны, заслоненнаго солнца; слѣпое вырываніе изъ цвѣтовъ ихъ благоуханныхъ «пестиковъ» и «тычинокъ», и, въ послѣднемъ анализѣ—слѣпое вырываніе изъ міра его всеоживляющаго, всерасцвѣчивающаго нерва. Конечно—это арія демона, хотя бы и прикрывшагося самыми кроткими словами; ибо сущность демонизма есть сущность отрицанія: «духъ небытія и отрицанія, страшный и умный духъ пустыни говорилъ мнѣ», какъ проникновенно опредѣлилъ его Достоевскій въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» (Легенда объ инквизиторѣ). Въ чемъ же это «отрицаніе», это «небытіе» столь полно и столь кореннымъ образомъ выражается, какъ не въ идеѣ безкровныхъ «братчиковъ» и «сестричекъ», этой особенной «святости» поблекшихъ щекъ и увядшихъ мускуловъ,—идеѣ міра, но съ вырваннымъ изъ него хребтомъ, по-

тухшимъ взоромъ, необозримою словесною любовью и безъ любви реальной, радостной и свободной? Въ легендахъ о многихъ святыхъ передается одинъ и тотъ же разсказъ, какъ къ разнымъ

Отцамъ пустынникамъ и женамъ непорочнымъ

демонъ являлся, но не въ привычномъ и отталкивающемъ или грозномъ своемъ видѣ, но въ «ангельскомъ» или «божескомъ», такъ что слабѣйшихъ изъ нихъ и соблазнялъ себѣ поклониться. Богъ же есть Богъ благословляющій, и мы опять спрашиваемъ: въ чемъ еще сущность благословенія могла бы быть выражена такъ полно и кореннымъ образомъ, какъ ни въ благословеніи этому тонкому и нѣжному аромату, которымъ благоухаетъ міръ «Божій», «садъ» Божій,—этому нектару цвѣтовъ его, «тычинокъ» и «пестиковъ», откуда, если разсмотрѣть внимательно, течетъ всякая поэзія, растетъ геній, теплится молитва, и, наконецъ, изъ вѣчности и въ вѣчность льется бытіе міра? Но мы заговорили серьезно, какъ соотвѣтствовало бы «умному духу пустыни», духу «небытія», заговорившему въ «Крейцеровой сонатѣ», и вовсе не соотвѣтствуетъ «элементамъ романа», которые пишетъ г. Меньшиковъ въ «Книжкахъ Недѣли». И такъ, оставляя серьезность, мы предпочитаемъ шутить о любви; кстати, она льется и обычно среди веселья и шутокъ:

Нѣжны стопы у нея; не касается ими
Праха земного; она по главамъ человѣческимъ ходитъ—

такъ опредѣлилъ ее Гомеръ, а Платонъ замѣтилъ у него этотъ стихъ и привелъ въ своемъ «Пирѣ», этомъ глубокомысленномъ и до извѣстной степени страшномъ разсужденіи о чувственной любви. Но г. Меньшиковъ—музыкантъ: онъ, напримѣръ, замѣтилъ у Платона раздѣленіе любви на «земную» и «небесную»—«Афродиту земную» и «Афродиту небесную», и, закрывъ глаза на то, что написалъ объ этомъ Платонъ,—подъ заглавіемъ «О любви святой», написалъ о любви монастырскихъ «старцевъ» и старыхъ филантропическихъ барынь, утверждая (см. конецъ октябрьской статьи), что такъ именно и училъ Платонъ. Между тѣмъ, какъ совершенно ясно можно читать на соотвѣтствующихъ страницахъ «Пира», Платонъ называлъ любовью «земной» — любовь къ другому полу, а «небесною» любовью называетъ вовсе не филантропическую, но чувственную любовь и только къ одинаковому съ собою полу. Онъ называетъ при этомъ и цитируетъ поэтессу Сафо, и вообще это такъ безспорно, что въ этомъ невозможно сомнѣваться. Это составляетъ ту сторону знаменитаго діалога, которую мы назвали страшною, и о ней можно десятилѣтія размышлять, ничего не понимая. Но, разъ пишешь статью, избралъ тему, къ которой никто не нудилъ — нужно писать о томъ, что есть дѣйствительно, и цитируя

авторовъ—нужно брать, видѣть и понимать то, что они говорятъ, а не приписывать имъ свои, хотя бы и очень «музыкальныя» мысли. Не менѣе своевольно авторъ обращается съ Библіей: она, отъ первой главы «Бытія», и далѣе въ «Исходѣ», «Второзаконіи», наконецъ у пророковъ и въ многострадальной «Книгѣ Іова» льется благословеніями святой, но опять именно чувственной, рождающей «въ роды и роды» любви. Никакой тѣни въ Библіи нѣтъ безплотной, филантропической и, въ послѣднемъ анализѣ, притворной словесной любви. Да, Библія есть книга факта и тѣхъ твердынь, на коихъ тысячелѣтія держится фактъ всемірнаго бытія. Но что до этого за дѣло г. Меньшикову: онъ Библіи не читалъ, въ частности не читалъ чувственныхъ образовъ и сравненій у Іезекіиля, и пишетъ

Чижикъ, чижикъ...

т. е. не это, а слѣдующую прямую и беззастѣнчивую ложь: «древніе пророки и вѣро-учители едва удостаивали половую любовь своего презрѣнія; они не останавливались даже на анализѣ этой страсти, не отличая ея отъ порока» (стр. 191) «Выясненіями», правда, Библія не занимается, но она ими не занимается и относительно всякихъ другихъ темъ: это не философская, не размышляющая, но именно благословляющая и проклинающая книга, «отдѣляющая свѣтъ отъ тьмы», почему для всѣхъ народовъ она и сдѣлалась «священною». Ну, вотъ тамъ есть книга «Руѳь»—одно изъ благоуханнѣйшихъ созданій семитическаго генія. Свекровь говоритъ невѣсткѣ послѣ смерти своего сына, а ея мужа, т.-е. настоящаго мужа, а не братчика: «онъ умеръ, а я бѣдна—вернись же въ свою землю и къ своему племени», — «я стара и уже не могу родить тебѣ еще мужа», наивно поясняетъ она. Но та отвѣчаетъ: «куда ты пойдешь, туда и я пойду, и гдѣ ты будешь жить, тамъ и я съ тобою; твой народъ будетъ моимъ народомъ и земля твоя будетъ моею землею». Вотъ степень привязанности, которой не знаютъ филантропы; но, однако, къ кому же привязанности—къ свекровистарухѣ? Конечно, нѣтъ, но къ памяти мужа, и по ней — къ этой ненужной старухѣ, его матери. Любовь, именно чувственная любовь, несмотря на ея грозовыя и разрушительныя иногда явленія, драгоцѣнна, велика и загадочна тѣмъ, что она пронизываетъ все человѣчество какими-то жгучими лучами, но одновременно и нитями такой прочности, которыя «въ огнѣ не горятъ, въ водѣ не тонутъ». Безъ этой «любви» человѣчество разсыпалось бы ненужнымъ и холоднымъ мусоромъ, да и разсыпается по грозному обѣтованію Спасителя: «и въ концѣ временъ охладѣетъ любовь». Г. Меньшиковъ не наблюдалъ, повидимому, или, точнѣе, занимаясь своей словесной музыкой и освѣщая тѣсный уголокъ своей редакціи драгоцѣнной «Аладиновой лампой», не замѣтилъ, что мутныя и грязныя

явленія любви, какихъ, напримѣръ, множество мы читаемъ въ «Bel ami» Мопассана,—всѣ развиваются именно на почвѣ «хладѣющей» любви, не жгущей болѣе, и потому именно манящей къ грязному и «холодному», какъ инстинктивно вѣрно опредѣлило его человѣчество, «разврату». Кто же не знаетъ, что старикъ всегда развратенъ болѣе, чѣмъ юноша. И уже г. Меньшиковъ не споритъ, что онъ и «холоднѣе», чувственно холоднѣе юноши. Вотъ наблюденіе, которое могло бы дать начало множеству размышленій: «Bel ami», напримѣръ, рѣшительно не въ силахъ любить долѣе двухъ недѣль; онъ идетъ изъ-подъ вѣнца съ молоденькой шестнадцатилѣтнею дѣвушкой и уже думаетъ о другой женщинѣ—истинное проклятіе, которымъ нѣкогда Давидъ проклялъ потомство Іоава. Но какъ горячо любитъ этого отвратительнаго юношу-старика его невѣста, которая ради него въ шестнадцать лѣтъ оставила отца и мать свою. О, эта не будетъ думать о другомъ возлюбленномъ, и не измѣнитъ всю жизнь, по крайней мѣрѣ такъ скоро не измѣнитъ. Въ нашу пору и въ условіяхъ нашей жизни, слава Богу, дѣвушки хранятъ еще цѣломудріе: и вопреки тысячѣ клеветъ на нихъ, все-таки очевидно, что изъ нихъ выходятъ болѣе вѣрныя жены, чѣмъ изъ нашихъ преждевременно погасающихъ, «холодѣющихъ» юношей — вѣрные мужья. Такимъ образомъ, цѣломудріе, т.-е. сосредоточенная, не растерянная чувственность—есть условіе великой прочности семьи, долгаго горѣнія въ ней очага Весты, семейной вѣрности, теплоты. И именно въ этихъ великихъ зиждительныхъ цѣляхъ она хранится, а не для нелѣпаго «сидѣнья въ старшахъ» и не для занятій филантропіей. Да, этотъ жгучій и таинственный огонекъ не неистощимъ и задача сохранить его, т.-е. сохранить какъ драгоцѣнность, а вовсе не какъ «пошлость», которую не понятно для чего было бы и хранить въ себѣ, — есть великая задача религіознаго и соціальнаго строительства. Разсужденія г. Меньшикова о «пошлости» и «ненужности» любви разбиваютъ послѣднія крохи, которыми еще питается и согрѣвается человѣчество, — конечно, если бы эти разсужденія имѣли какую-нибудь силу. Но какъ ходячій взглядъ, и особенно въ помощь могущественной «Крейцеровой сонатѣ», какъ ее иногда понимаютъ, — они могутъ принести свою долю вреда, отводя вниманіе, уваженіе и религіозное отношеніе къ тому, что именно требуетъ такого отношенія къ себѣ. Но мы заговорили о Библіи и отвлеклись отъ нея. Тамъ, кромѣ книги Руѳь, есть «Книга Товіи, сына Товита». Это — истинный апоѳеозъ плотской, но понятой цѣломудренно и религіозно любви. Едва спутникъ этого благороднаго юноши сказалъ, что вотъ «мы подходимъ къ дому, гдѣ есть дѣвушка—и она предназначена тебѣ въ жены, и будутъ у тебя отъ нея дѣти», какъ уже по одному имени и извѣстію «Товія полюбилъ ее и душа его крѣпко привязалась къ ней». Здѣсь мы имѣемъ

то же, что и у Руфи: тамъ любовь не угасающая по воспоминанію, здѣсь любовь вспыхивающая по ожиданію. Утренняя и вечерняя заря, но именно плотскаго чувства. Замѣтимъ, что Товія еще не видѣлъ лица невѣсты, и онъ «полюбилъ и привязался» къ чисто женственному ея началу и, очевидно, чисто мужскимъ началомъ въ себѣ, безъ примѣси эстетическихъ и этическихъ элементовъ. Но будемъ слѣдить дальше. Придя въ домъ Рагуила, онъ такъ нетерпѣливъ, что отказывается ѣсть и пить, пока не будетъ сдѣланъ брачный договоръ. И вотъ ночь и они одни. «Товія всталъ съ постели и сказалъ: встань, сестра, и помолимся, чтобы Господь помиловалъ насъ. И началъ Товія говорить: «Благословенъ Ты, Боже отцовъ нашихъ, и благословенно имя Твое святое. Ты сотворилъ Адама и далъ ему помощницею Еву, подпорою—жену его. Отъ нихъ произошелъ родъ человѣческій. Ты сказалъ: не хорошо быть человѣку одному: сотворимъ помощника, подобнаго ему. И нынѣ, Господи, я беру сію сестру мою не для удовлетворенія похоти, но по истинѣ: благоволи же помиловать меня и дай мнѣ состарѣться съ нею. И она сказала съ нимъ: аминь».

Конечно, слово «сестра» сейчасъ же увлечетъ г. Меньшикова, какъ и «небесная Афродита» Платона. Но Една, мать Сарры, говоритъ на брачномъ пирѣ сыну и зятю: «возлюбленный братъ, да возставитъ тебя Господь Небесный и даруетъ мнѣ видѣть дѣтей отъ Сарры, дочери моей. И вотъ я отдаю тебѣ дочь на сохраненіе: не огорчай ея».

Вы живо чувствуете, что всѣ пошлости «братчиковъ» и «сестричекъ» есть истинно «хладный развратъ» мысли передъ этой любовью, чувственной и плотской. «Въ роды и роды» любовью но подъ угломъ святого созерцанія, на нее брошеннаго. Въ этомъ созерцаніи все и дѣло. Оно въ томъ, чтобы не почувствовать мигъ и миги «любви», какъ наконецъ-то «разрѣшенный грѣхъ», до котораго «дорвался»; не взглянуть на эти таинственные «миги», какъ на безсодержательное и почему-то пріятное удовольствіе (наша «хладная» точка зрѣнія): напротивъ, ихъ нужно понять, какъ радостный долгъ и вмѣстѣ невыразимое счастье бытія, исполненное таинственнаго содержанія и религіозной высоты. Вотъ совершенно новая точка зрѣнія, но именно на то, на тѣ самыя подробности, на которыя «грозно» ополчается г. Меньшиковъ. Тутъ въ нервѣ бытія человѣческаго, въ сладкомъ «нектарѣ» бытія, въ сущности, колеблется ось міра, и то, что мы сегодня называемъ враждебнымъ «сѣвероМъ» — можемъ завтра назвать благодатнымъ «югомъ». «Грѣхъ» — въ грѣшномъ нашемъ созерцаніи: «грязь» — въ той «грязи» мысли, съ которой мы сюда подходимъ («Элементы романа» г. Меньшикова): фактъ одинъ, и какъ только мы вольемъ положительное содержаніе въ него, вмѣсто отрицательнаго, мало-помалу измѣнится наша мысль, а, наконецъ, измѣнится и самочув-

ствіе наше въ «фактѣ». Неудержимая радость, благословеніе «въ роды и роды» польется изъ насъ, вмѣсто—

Презрѣнный міръ...
Проклятый міръ...

Вотъ гдѣ истинное «узаконеніе» брака, коему церковь только послѣдовала, но не создала его, и которое субъективно каждый изъ насъ носитъ въ себѣ. И какъ часто—о, почти всегда!—глубокимъ непониманіемъ «таинства сего великаго» мы самый бракъ преобразуемъ въ «узаконенный» развратъ. Бракъ — и «законный» — есть въ насъ, въ нашемъ созерцаніи: или «по молитвѣ», или «разрѣшенный грѣхъ». Библія, Евангеліе взяли естественный, въ природѣ и отъ Бога существующій процессъ—«того ради оставитъ отца и матерь»,- ту сильную, непреодолимую и ужъ, конечно, не риторическую и не филантропическую, но именно чувственную, однако со всѣмъ окруженіемъ поэзіи, любовь—«огонекъ» любви. И взявъ, — въ словахъ «тайна сія велика есть», объяснили ея смыслъ. Наша же ошибка состояла въ томъ, что мы взяли словесную формулу, и не догадываясь, что вовсе не въ ней «таинство», — стали вносить внутрь этой формулы всѣ виды «хладнаго разврата», предполагая, что она ихъ «узаконяетъ». Но «не жертвенникъ святитъ, а жертва». Понятно, однако, что, смѣшавъ слово съ дѣломъ, объясненіе съ объясняемымъ, мы перестали «домаливаться» до брака, возрастать и развиваться въ «сію великую тайну» — къ ея религіозной высотѣ мы не теплимся болѣе, какъ Товія. И фактъ любви насъ покидаетъ, а ея мысль ускользаетъ отъ нашихъ умовъ.

Сѣмя и жизнь.

Наружно погружась въ ихъ блескъ и суету,
Ласкаю я въ душѣ старинную мечту...
Лермонтовъ.

Существуетъ въ географической литературѣ легенда о томъ, какъ произошли кофейныя плантаціи въ Новомъ Свѣтѣ: вскорѣ послѣ его открытія одинъ матросъ нашелъ въ карманѣ своей куртки завалявшееся зерно, и вмѣсто того, чтобы его бросить какъ ненужное—посадилъ въ землю. Отъ деревца, выросшаго изъ зерна, и произошли всѣ прочія въ Америкѣ. Можно представить въ положеніи этого матроса разсѣяннаго ученаго, какъ Паганель въ «Дѣтяхъ капитана Гранта», который ежедневно пилъ кофе, но могъ не замѣтить, какъ и изъ какихъ зернышекъ оно смалывается; можно предположить, наконецъ, менѣе извѣстное и даже вовсе неизвѣстное зерно. Во всякомъ случаѣ, чтобы познать его природу—блага она или зла ab origine et in se, «въ себѣ и искони»,—нужно повторить поступокъ благоразумнаго матроса. То, что отъ сѣмени поднимается, особенно въ начальную пору своего существованія, пока еще вѣтеръ и стихіи не наложили на поднявшееся своей затемняющей печати,—выяснитъ истинную природу сѣмени. Всѣ предикаты «деревца»—суть предикаты неизвѣстнаго «зернышка».

Способъ познанія, на который нѣтъ апелляціи. Онъ невольно представляется уму, какъ самый простой и естественный, при прислушиваніи къ странному спору, который, здѣсь и тамъ завязываясь, какъ-то не хочетъ замолкнуть въ нашей литературѣ. Мы говоримъ о плотской любви, о половомъ влеченіи мужчины и женщины—да извинятъ намъ термины, уже всюду начавшіе повторяться. Это—«низменный инстинктъ», опредѣляетъ его г. Вл. Со-

Тайной силою броженья
Кубокъ жизни пламенитъ;
Травку выманила къ свѣту,
Хаосъ въ солнца развила
И въ пространствахъ, звѣздочету
Неподвластныхъ, разлила...
У груди благой природы
Все, что дышетъ, радость пьетъ;
Всѣ созданья, всѣ народы
За собой она влечетъ...

Такъ говоритъ Шиллеръ, и, занятые нашимъ вопросомъ, мы входимъ въ глубины «тайной силы броженья», въ «кубокъ жизни», «пламенѣющій» по опредѣленію поэта. Да—это пламя; но г. Меньшиковъ и всѣ съ нимъ аргументирующіе не замѣтили въ Библіи одного многозначительнаго опредѣленія: «Азъ есмь огнь поѣдающій» (Второзаконіе, гл. 4, ст. 24). Да, чтобы «клубить міры» и разсѣвать звѣзды, для исчисленія которыхъ недостаточна наша нумерація, конечно, нужна не мутная водица, или даже не водица кристально чистая, но именно, какъ и сказалъ о Себѣ Господь: «огнь поѣдающій»; «Богъ ревнующій»—прибавилъ Онъ почему-то тутъ же. Но мы входимъ въ «кубокъ жизни»: деревцо ушло въ темную могилку: передъ нами—мать, завтрешняя мать, сегодня «имущая во чревѣ», и снова мы припоминаемъ замѣчательное опредѣленіе Апостола: «чадорожденіемъ женщина спасается». Да—«спасается»; то-есть «чадорожденіе» не есть черная тѣнь, оттѣняющая свѣтъ и свѣты «воздержанія», но оно есть нѣкоторое положительное, опредѣленное благо; и, какъ указываютъ предикаты младенца,—оно не только «благо», но, при святомъ на него воззрѣніи, и свято. Удивительно, какъ много зависитъ отъ воззрѣнія человѣка, отъ точекъ, на которыя онъ становится, чтобы созерцать вещи: подъ каламбуромъ, ужимками, подмигиваніями, и молитва становится каламбуромъ: но читайте ее серьезно, и она станетъ во всю величину свою. Всѣ люди, весь міръ—какой заботой, уваженіемъ окружаютъ «имущую во чревѣ»: ей—всѣ мѣста, и всякій покой, но прежде всего уваженіе. О, какъ бѣдна передъ нею дѣвушка; какъ она мало постигаетъ! И, наконецъ, взгляните же пристальнѣе, вы увидите, что въ чертахъ матери, въ сложеніи материнства дѣйствительно просвѣчиваютъ, излучиваются предикаты младенца. Мать сама полна такихъ тревогъ, такихъ особенныхъ заботъ и мыслей, и, наконецъ, полна такой серьезности въ воззрѣніи на міръ, людей, людскія отношенія, что совершенно ясно, что послѣ дѣвства она вступила на высшую ступень, и именно въ категоріи тѣхъ предикатовъ, какіе мы опредѣлили для младенца. «Царство Божіе» теперь не около ящика съ игрушками; оно схоронено подъ землею, «клубится», и «клубитъ» его искра «поѣдающая», въ него опущенная. Да, мы не имѣемъ третьяго выбора

и, стоя передъ этимъ явленіемъ, должны или вдаться въ плоскую пустынность Геккелева-Дарвинова созерцанія, о коемъ читается въ недѣлю Православія: «міръ мнити быти безъ Бога—анаѳема»; или сейчасъ и здѣсь, стоя лицомъ передъ кардинальною тайной міра, передъ труднѣйшей его задачей и вмѣстѣ—задачей самой высокой по предмету сюда замѣшанному (человѣкъ), мы будемъ «мнить міръ съ Богомъ», но съ «Богомъ» именно отсюда начиная, здѣсь и впервые Его непосредственно, субъективно, въ таинственномъ материнствѣ ощущая. Мы видимъ, что источникъ излучиванія матери, какъ и странныхъ предикатовъ младенца, котораго только еще «носило чрево» и «питали сосцы», имѣетъ нѣкоторыя таинственныя и дѣйствительныя для себя основанія. Но мы идемъ дальше, руководимые методомъ кофейнаго деревца; мѣсяцы таютъ, таютъ недѣли, скрываются дни, и передъ нами... мигъ, когда благоразумный матросъ опустилъ въ землю кофейное зернышко.

Еще не мать, но уже жена: и не задолго передъ этимъ дѣвушка, въ окруженіи странныхъ волненій, которыя возбудили о себѣ столько споровъ. Передъ нами—полъ... Что такое? Предметъ стыда, т.-е., поправляемъ мы, застѣнчивости и этого страннаго инстинкта, въ силу котораго все въ природѣ понижаетъ голосъ, начиная говорить о важномъ:

Шопотъ, робкое дыханье.
Трели соловья...
Свѣтъ ночной, ночныя тѣни...
И заря, заря...

Такъ пѣлъ Фетъ, и совершенно очевидно, что влюбленные, «робко дыша», не стыдятся же другъ друга. Нельзя себѣ представить, чтобы Сократъ, уча учениковъ, «кричалъ на всю площадь». Кто не замѣчалъ, что ораторы, т.-е. крикуны, никогда рѣшительно не бываютъ ни глубокими мыслителями, ни тонко организованными поэтами. Ньютонъ, сидя въ парламентѣ отъ Оксфорда однажды только всталъ, чтобы сказать нѣсколько словъ о монетномъ дѣлѣ, о коемъ велись дебаты, но, страшно сконфузившись и никѣмъ не услышанный, сѣлъ тотчасъ опять на скамью; и между тѣмъ извѣстно, какъ много говорилъ и мало конфузился Гамбетта. «Любовь» и «мигъ посадки зерна» ищетъ ночи и тишины; да, ночи:

...Сквозь туманъ кремнистый путь блеститъ,
Ночь тиха; пустыня внемлетъ Богу,
И звѣзда съ звѣздою говоритъ.

Ночь темна,т. е. она таинственна, но не грязна; въ ея тишинѣ поэты задумываютъ свои созданія; и, замѣчательно—ночь дѣйствительно есть великая сѣятельница, какая-то таинственная сѣятельница для цѣлой земли: нельзя представить себѣ геніальную мысль или чудный стихъ, которые бы вызрѣли въ человѣкѣ въ 12 часовъ

дня. Вотъ причина почему, какъ только развивается, т.-е. утончается и углубляется цивилизація—люди начинаютъ время бодрствованія, время обмѣна мыслями, веселаго общенія, какъ и время серьезныхъ занятій въ уединенномъ кабинетѣ, передвигать незамѣтно на ночь. Сомнѣваюсь, чтобы не ночью, но только днемъ, именно отъ начала и до конца днемъ, написалъ свои произведенія графъ Толстой, сторонникъ простоты и нормъ деревенской, крестьянской жизни. И такъ ночь—время духовнаго и также живого посѣва. И мы застѣнчивы, укрываемся, «шепчемся»—именно когда становимся чрезмѣрно серьезны, или когда растроганы, или когда интимны. Замѣчательно: послѣ долгой разлуки встрѣтившіеся хотятъ почему то всегда быть одни: посторонніе имъ помѣшали бы... Но что такое полъ?

Жизнь. Она начинается тамъ, гдѣ въ существахъ выникаютъ половыя различія; и эти послѣднія начинаются тамъ, гдѣ появляется жизнь. Растенія— и тѣ не лишены пола, но совершенно лишены—камни. Глубоко поэтому, и какъ-бы выявляетъ мысль всей природы, наименованіе подруги перваго человѣка «Евою», что значитъ одновременно и «женщина», и «жизнь»: т.-е. указываетъ, что «женщина»—это и есть «жизнь», что въ ея половыхъ отличіяхъ, и соотвѣтственно, конечно, въ половыхъ различіяхъ ея друга, и лежитъ тончайшій субъективный нервъ жизни. Но полнѣе и отчетливѣе—что-же это такое?

Не безъ причины полъ ищетъ мрака, любитъ ночь. Это онъ самъ есть темнота, но уже не окрестъ человѣка, но въ человѣкѣ. Темнота не какъ грѣхъ: о, нѣтъ! – но какъ важное. Человѣкъ имѣетъ день въ себѣ, въ своей организаціи, въ своихъ выявленіяхъ: ну, торговать, конечно, нужно днемъ—не просчитаешься; но придумывать рифмы—ночью, иначе ошибешься. На биржу мы спѣшимъ утромъ, но замѣчательно—въ храмъ идемъ или ко «всенощной» или къ «утренѣ», т.-е. или передъ полу-ночью или сейчасъ за полъ-ночью; въ обоихъ случаяхъ по темнымъ еще улицамъ и до восхода солнца. Полъ—это начинающаяся ночь въ самой организаціи человѣка: въ томъ смыслѣ, что ясно анатомическое и сухо анатомическое его расчлененіе теряетъ здѣсь ясность, сухость и вмѣстѣ раціональность свою. Все, приближаясь сюда, становится трансцедентно, т.-е. не только окружено это трансцедентными по необъяснимости своей бурями, «огнемъ поѣдающимъ», но и вообще какъ-то переливается въ значительности своей за край только анатомическихъ терминовъ. Это—второе темное лицо въ человѣкѣ, и, собственно, оно есть ноуменальное [1]) въ немъ лицо: отъ этого—

[1]) «Ноуменонъ»—основное въ философіи Канта понятіе: «вещь тою стороною своею, которою отъ насъ скрыта, и вмѣстѣ которою существенна». Лучше, однако же, потому что ярче и сложнѣе, это важное понятіе выразилъ Достоевскій въ словахъ, которыя мы сейчасъ приведемъ.

творческое не по отношенію къ идеямъ, но къ самымъ вещамъ, «клубящее» изъ себя «жизнь»; но оно такъ густо застлано отъ нашихъ глазъ туманомъ, что въ общемъ никогда его не удавалось разсмотрѣть. Въ нормальномъ случаѣ, сейчасъ послѣ невинности и даже еще невинные, юноша и дѣвушка, тяготѣя другъ къ другу безспорно половъ, тяготѣютъ имъ не функціонально, но лично: ясный знакъ, что полъ—не функція, не органъ,—ибо какой же есть человѣкъ, который предпочелъ бы лучше умереть съ голоду, чѣмъ непремѣнно ѣсть эту кашу и этою ложкой? не дышать вовсе, чѣмъ дышать въ этой комнатѣ?

Жги меня, рѣжь меня.
Ненавижу тебя...
(Пушк. «Цыгане»).

Это вполнѣ трансцедентное восклицаніе. И не было бы любви, цѣломудрія, брака, «материнство» и «дитя» не были бы самоизлучивающимися явленіями—если бы полъ былъ функціей или органомъ, всегда и непремѣнно въ такомъ случаѣ безразличнымъ къ сферѣ своей дѣятельности, всегда «хладнымъ», «не выбирающимъ». Отъ этого насильственное нарушеніе цѣломудрія, т.-е. именно отношеніе къ полу, какъ къ органу,—такъ потрясаетъ, внушаетъ ужасъ и невыразимую жалость къ потерпѣвшей, а сама она часто мучительно ищетъ смерти, какъ будто перервалось, разрушено трансцедентное основаніе бытія ея. Тутъ вовсе не «обида» только,—о, нѣтъ! Но «разрушеніе» человѣка. И не безъ причины «функція» съ «органомъ», по закону «потребности» и «голода», что все и входитъ въ актъ насилованія, наказывается какъ «убійство». Второе, мы говоримъ, едва просвѣчивающее въ темнотѣ лицо—по ту-стороннее, не отъ сего міра; и этому глубоко отвѣчаетъ, что вѣдь и источники жизни никто же не признаетъ «отъ сего міра», по сюсторонними. «Богъ взялъ сѣмена изъ міровъ иныхъ и посадилъ ихъ въ землю, и взрастилъ садъ свой; но все живетъ на землѣ касаніемъ таинственнымъ мірамъ инымъ»—такъ сказалъ еще Достоевскій устами умиравшаго старца Зосимы («Братья Карамазовы»). И до извѣстной степени,—да тутъ же помогаетъ намъ и физіологія, и анатомія,—это касаніе вообще происходитъ черезъ полъ и, тѣснѣе, въ половомъ общеніи *). Вотъ источникъ стран-

*) Этимъ объясняется, что эту одну «фушкцію» церковь обволокла обрядомъ, признала таинствомъ, не сдѣлавъ послѣдняго даже для такого торжественно-мистическаго момента, какъ смерть, какъ погребеніе. Въ церкви нѣтъ пассивно допускающаго отношенія къ тайнѣ: «два въ плоть едину», но активное и сорадующееся: «вѣнчаю васъ славою и честью»—говоритъ священникъ брачущимся. Т. е. на «спасающее» дѣло «чадорожденія» не смотрите съ поверхностной людской точки врѣнія («каламбуръ»), но я вамъ открываю на него воззрѣніе, какъ на «славу» и «честь». Замѣчательно, что наше духовенство,

ныхъ бурь, его иногда сопровождающихъ, и того, что—какъ замѣтилъ Достоевскій же—«тутъ берега сходятся». А что все это ищетъ тайны—ну, да просто потому и ищетъ тайны, что природа всего этого, выражаясь шутливо, сократическая: т.-е. болѣе похожа на сиѣнообразнаго аѳинскаго мудреца, чѣмъ на болтливаго и современнаго намъ оратора французовъ. Великая волшебница, наполняющая міръ своими созданіями, не хочетъ, чтобы подсматривалъ за нею пустой и не уважающій человѣческій глазъ. Міръ не хочетъ быть плоскимъ и яснымъ, какъ доска, какъ день, какъ утро, какъ биржа, но чѣмъ-нибудь и какъ-нибудь онъ хочетъ оправдать слова поэта:

Другъ Гораціо—есть многое на свѣтѣ,
Что и не снилось нашимъ мудрецамъ.

И кто-же не пойметъ инстинктивно, что этому «не снившемуся мудрецамъ» въ самомъ дѣлѣ гораздо болѣе подобаетъ быть скрытымъ, укутаннымъ, хоронящимся, нежели кичливо выявленнымъ на поверхность; и, можно сказать, Венера Медицейская, «стыдливо» поднимая одну руку противъ персей и другую опуская къ чреслamъ, говоритъ автору «Стыда, какъ основы нравственнаго чувства» и другому, автору «Элементовъ романа»:

Есть, другъ Гораціо...

И вотъ, я вспоминаю младенца: эту выявленную мысль Божію мысль—въ планѣ созданія своего, въ улыбкѣ, невинности и чудной безгрѣшности. Какъ уже замѣтилъ тонко Достоевскій, для понимающаго человѣческую природу нельзя безъ слезъ смотрѣть на младенца; или, какъ ту-же мысль высказалъ и старикъ Гете, нельзя смотрѣть на него «безъ переполненнаго сердца». Откуда это, тоже пожалуй трансцедентное волненіе въ насъ? Ибо что намъ ребенокъ? Чужой? безпомощный? Но какъ-то глядя на него, мы и въ себѣ пробуждаемъ какъ будто видѣніе «міровъ иныхъ», только-что-только оставленныхъ этимъ малюткой; вѣдь поэту же пришло въ голову стихотвореніе:

Онъ душу младую въ объятіяхъ несъ
Для міра печали и слезъ...

и еще далѣе—

И звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли...

именно начиная съ «Крейцеровой сонаты», стало усиленно и яростно нападать на Толстого, который предположилъ, что церковь лишь «допускаетъ» «преступленіе сообща двухъ». Зародышъ этого ошибочнаго и кореннаго его возрѣнія есть уже въ «Аннѣ Карениной».

Младенецъ и въ насъ пробуждаетъ чувство этихъ только-что имъ оставленныхъ міровъ, коихъ свѣжесть, яркость, а также и святость онъ несетъ на губкахъ своихъ, на безлукавыхъ глазахъ: и, бросая всякое дѣло, мы къ нему бросаемся. Какъ мрачный впослѣдствіи создатель «Крейцеровой сонаты», въ свое время бросивъ Севастополь и взявшись за перо, не сталъ изображать тѣхъ, о комъ поэтъ же сказалъ

Отцы пустынники и жены непорочны,—

но, чутко понявъ, что не пустыня есть колыбель и прототипъ «непорочности», нарисовалъ намъ дѣтскую спальню, въ ней Колю и Володю—одного еще спящаго и другого проснувшагося, и стараго младенца, котораго «тоже» есть Царство Небесное—Карла Ивановича. Вотъ правда, вотъ истина. И мы никогда не забудемъ, что Богъ есть Богъ живыхъ, а не Богъ мертвыхъ, или, какъ Онъ же сказалъ: «оставьте мертвымъ погребать мертвыхъ».

чувственность—жестока: но осмотритесь подробнѣе, зорче, внимательнѣе, и вы увидите странное явленіе, что самые безсердечные люди въ жизни, совершенно хладные ко всяческому страданію, неумолимые передъ слезами, не трогаемые криками — именно люди бѣдные чувственностью и ужасно богатые «belle vertue». Эти послѣдніе, при всемъ ихъ спокойствіи и тихости, есть истинный ужасъ жизни, начинающаяся ея минерализація: ибо хоть расточитесь вы въ слезахъ передъ ними, источитесь кровью, они такъ и не измѣнятъ застывшей улыбки, «ко всему міру» улыбки, на губахъ своихъ. Это нужно испытать, и испытывается это въ жгучія и роковыя минуты жизни. Въ древней Греціи была странная, по нашему — мучительная, поговорка: «если у тебя есть скопецъ — убей его, если нѣтъ — купи и убей». Древній міръ зналъ хорошо эту породу людей; хорошо испыталъ ее на своей шкурѣ: и вся желчь и негодованіе на этотъ типъ людей вылились у него въ приведенной поговоркѣ.

Но мы хотѣли говорить объ аскетизмѣ. Приведенные примѣры проливаютъ сюда свѣтъ. Богатство темперамента есть условіе внутренней теплоты и живости. И вотъ почему во всѣхъ случаяхъ, гдѣ положеніемъ или задачами жизни требуется особенная теплота и живость, «лучистость» человѣка — онъ запирается какъ бы въ плотинахъ воздержанія, т. е. онъ доводитъ до высшаго достижимаго уровня темпераментъ въ себѣ: и тогда начинаетъ «лучиться». Вотъ объясненіе монашества и аскетизма. Кстати—и исторически онъ возникъ именно въ тѣхъ странахъ и городахъ, на чувственныя вакханаліи которыхъ жалуется г. Меньшиковъ. Земля почти полуденнаго солнца, «почернѣвшая» отъ зноя — она первая открыла и мелодію молитвы и познала сладость отреченія. Но обратимся къ современному намъ, которое поможетъ понять тѣ древнія явленія.

Гр. Л. Толстой, въ «Крейцеровой Сонатѣ», записалъ, но не объяснилъ и даже почему-то не вдумался въ слѣдующее явленіе, вѣрно и точно имъ наблюденное: «большая пауза такъ называемой любви—болѣе ожесточенный приступъ злобы послѣ нея»: «покороче пауза — поменьше и потише злоба». Но вѣдь это именно послѣ паузы «любви» наступала злоба, а не передъ ней была она: передъ ней была нѣжность и любовь, настоящая любовь, дѣятельная, помогающая, сочувствующая. Гдѣ же, въ которой точкѣ, есть половое спокойствіе, невозбужденность, «belle vertue»? — да, конечно, послѣ паузы любви, когда полъ какъ бы умираетъ въ человѣкѣ, во всякомъ случаѣ—крѣпко засыпаетъ въ немъ. И вотъ, замѣчательный психологъ, который почему-то въ этомъ случаѣ не захотѣлъ быть аналитикомъ, замѣчаетъ: «о, какая же это была злоба». Даже дошло до убійства, и совершенно хладные люди, «скопцы изъ чрева матери», какъ Робеспьеръ, — и въ самомъ дѣлѣ какъ-то жаждутъ

крови, будто надѣются сколько-нибудь въ ней согрѣться. Но вотъ представимъ, что за паузою ожиданія такъ и не наступаетъ пауза «любви»: полъ задержанъ, поставлена плотина, добровольнымъ ли отреченіемъ или внѣшними препятствіями. Та нѣжность, ласковость, готовность на помощь, которую тонко передъ паузою отмѣчаетъ у Позднышева Толстой, подымается въ берегахъ все выше. выше: чѣмъ же она остановится? — Да останавливается именно нѣжностью, готовностью къ услугѣ, даже къ страданію за ближняго, наконецъ она излучивается въ молитву «за весь міръ», за «страждущихъ, путешествующихъ, недугующихъ». И вотъ вамъ объясненіе аскетическихъ феноменовъ, какъ Амвросій Оптинскій,— этой высшей, дѣятельной, героической любви, неустающаго подвига. Вотъ вамъ объясненіе Іоанны д'Аркъ, съ ея великимъ порывомъ: «я должна короновать дофина»: съ ея ужасомъ, когда она почувствовала земную страсть: «отъ меня отошло небо и я теперь безсильна».

Да, небо—т. е. въ чемъ же? Природа человѣческая, и именно не въ минеральныхъ, а жизненныхъ своихъ частяхъ, и частнѣе—въ темпераментѣ, въ полѣ, имѣетъ не только что-то положительное. но именно отсюда она становится мистическою, и притомъ съ благимъ, положительнымъ, а вовсе не съ чернымъ, не съ демоническимъ (какъ думаютъ) содержаніемъ. Это безспорно еще и изъ того, что мысль, геній, всякія прозрѣнія философскія лучатся отсюда же. Вся природа благоухаетъ весною—ну, вѣдь это же отъ Бога, никто этого не оспоритъ; но мало замѣчено, что и человѣкъ также начинаетъ благоухать геніемъ въ весну своего возраста. Намъ очень важно установить не—демоничность пола, и потому мы здѣсь же обратимъ вниманіе, что самыя обыкновенныя, простыя, но лучшія качества, какъ великодушіе, незлобивость, довѣрчивость. т. е. любовь въ тѣхъ самыхъ живыхъ чертахъ, какъ ее опредѣлилъ Апостолъ, особенно присущи отрочеству и юности: и кто отвергнетъ, что юность и въ темпераментѣ горяча, въ противоположность «хладной и разсудительной» старости, всегда и во всемъ, ранѣе подвига, разыскивающей «соломки» на случай паденія. Но мы заговорили о геніи. Мало кто слѣдилъ за этимъ, или, по крайней мѣрѣ, никто не собралъ въ этомъ направленіи фактовъ, хотя они бросаются въ глаза: именно, что самыя геніальныя прозрѣнія въ наукѣ и философіи выникли въ тотъ странный возрастъ кончающагося отрочества и начинающагося мужества, о которомъ Достоевскій, въ одномъ мѣстѣ, съ недоумѣніемъ замѣтилъ: «не знаешь о человѣкѣ въ ту пору, уйдетъ ли онъ въ монастырь, или пойдетъ и спалитъ деревню». Возрастъ самыхъ обильныхъ преступленій, 17—23 года: и въ эти именно годы Ньютонъ догадался о всемірномъ тяготѣніи и открылъ, своеобразно и первый, дифференціальное исчисленіе: Декартъ задумалъ свой новый методъ въ философіи и

догадался приложить алгебру къ геометріи; Бэконъ создалъ планъ «великаго возстановленія наукъ». Читая біографію ихъ, поражаешься необыкновеннымъ удивленіемъ: открытія эти такъ серьезны, почти старчески по глубинѣ и цѣнности, истинно «ветхи деньми», что, казалось бы, исключаютъ всякое предположеніе объ «умѣ незрѣломъ», «плодѣ недолгой науки». Но вотъ подите же, вѣрно въ натурѣ человѣка заложены глубины какой-то невѣдомой психологамъ и логикамъ «науки», силою которой открытія выявляются на свѣтъ безъ предварительной веревки силлогизмовъ, о которой думаютъ обыкновенно, что только по ней одной взбираются къ «истинѣ». Замѣчательны подробности біографическія около этихъ великихъ открытій: Декартъ видитъ сонъ, и въ неясныхъ строкахъ записываетъ, что онъ долженъ сходить къ Лоретской Божьей Матери на богомолье, ибо она дала ему чудное прозрѣніе, чуть ли не во снѣ дала, но именно какъ неподготовленную и неожидаемую догадку, что можно линіи геометрическихъ фигуръ выражать въ алгебраическихъ уравненіяхъ, и тогда самые трудные, и, казалось, даже не разрѣшимые вопросы по геометріи могутъ быть разрѣшены легко. Еще разсказанъ, и тутъ же, какой-то анекдотъ съ нимъ на улицѣ, въ связи съ восторгомъ его, что теперь въ геометріи нѣтъ для него неразрѣшаемыхъ задачъ. Истинно пора, когда не знаешь — «пойдетъ ли въ монастырь или сожжетъ деревню»! Бэконъ записываетъ въ черновыхъ тетрадяхъ, что онъ задумалъ планъ такого сочиненія, которое принесетъ неизъяснимое счастье роду человѣческому и совершенно преобразуетъ видъ наукъ. Настоящая Жанна д'Аркъ, собирающаяся «короновать дофина», и въ тѣ же именно годы, только соотвѣтственно мужскому полу нѣсколько большіе. Наконецъ, вспомнимъ Рафаэля, его раннюю смерть, и что, безъ сомнѣнія, видѣнія Мадоннъ прошли у него впервые почти въ отроческомъ еще возрастѣ. Моцартъ почувствовалъ впервые и уже геніальные порывы къ композиціи въ тѣ приблизительно лѣта, о которыхъ Лермонтовъ и Байронъ съ удивленіемъ припоминали, что они въ нихъ почувствовали первую, и настоящую, сильную чувственную любовь

Вотъ факты, ихъ никто не оспоритъ. Платонъ ушелъ юношею къ Сократу. Аристотель также почти юношею пришелъ къ Платону въ Академію: странное волненіе знанія, любопытства, теоретизма заставило обоихъ ихъ въ этотъ именно критическій возрастъ отвернуться отъ утѣхъ и пріятностей шумной и суетливой жизни. Они ушли оба въ монастырь философіи. Но всѣ эти явленія концентрируются въ одну точку: начало мужества и конецъ юности. Если мы возьмемъ религіозный аскетизмъ, мы замѣтимъ любопытное явленіе: мало есть великихъ подвижниковъ, которые, медленно созрѣвая къ серьезности, въ старости дошли бы, «наконецъ», до «столпничества». Аскетизмъ нале-

таетъ какъ буря, какъ вихрь [1]). Но, опять, онъ налетаетъ именно въ этотъ возрастъ. Великіе подвижники суть отроки-подвижники, которые затѣмъ, и до могилы, лучатся въ молитвѣ. Но о чемъ же все это свидѣтельствуетъ, и не раскрываетъ ли это глубже всякихъ разсужденій значеніе пола?—какъ веревка силлогизмовъ есть не единственная лѣстница къ открытію истины, такъ и къ созерцанію небеснаго мы переносимся таинственными дуновеніями, откуда-то въ насъ подымающимися, а не идемъ постепенно, сперва «удаляясь питій», «отметая табакъ», позднѣе — «упрощая» пищу, и, наконецъ, — «на столбъ». О, нѣтъ, какъ наука, такъ и религія — серьезнѣе, глубже; онѣ гораздо таинственнѣе: но странная точка, нами отмѣченная и которую трудно «отмести», именно показываетъ, что узелъ всѣхъ таинствъ и собранъ въ томъ, что такъ необдуманно вздумали грязнить теперь въ человѣкѣ, «отметать» въ немъ, порицать какъ «животное», какъ нѣкоторую «грязь», «нечистоту» его природы. О, нѣтъ, совсѣмъ обратно: изъ «грязи» ничего кромѣ «грязи» же и не выходитъ. Напротивъ, намъ совершенно понятно, что геній и молитва, наравнѣ съ благоуханіемъ цвѣтовъ, лучатся оттуда же, откуда нисходитъ на землю быть можетъ лучшее, чѣмъ самая молитва, самый геній—живое человѣческое дитя, эта непосредственная и реально выраженная мысль Божія, такъ ясно несущая въ невинной своей улыбкѣ, въ безгрѣшныхъ глазахъ слѣдъ только что имъ оставленныхъ «міровъ».

Но, однако, безспорнымъ остается, что геній безкровнаго спиритуализма, будетъ ли то Декартъ, «отрокъ Варооломей», Іоанна д'Аркъ, какъ-то органически отвращается отъ пола и полового. Было бы, однако, ошибочно довѣряться этимъ субъективнымъ иллюзіямъ, «само-критикѣ» аскетовъ, какъ и безумно поступилъ бы аптекарь, отпуская паціенту лекарства по рецептамъ, прописаннымъ его «собственною рукой», на основаніи «самоощущенія». Полъ имѣетъ игру въ себѣ. На рядъ феноменовъ его мы должны озриться какъ бы съ удаленія Сиріуса, и охватить взглядомъ многообразнѣйшія его выраженія, не у одного человѣка, но и во всей природѣ, и тогда только мы уловимъ—

Свѣтъ ночной, ночныя тѣни,
Тѣни безъ конца,
Рядъ волшебныхъ измѣненій
Милаго лица...

---

[1]) У насъ, въ живописи, есть прекрасная по сюжету картина г. Богданова-Бѣльскаго—«Будущій инокъ», кажется, очень многими замѣченная: отрокъ лѣтъ 14-ти слушаетъ «странника» и, полуотвернувшись въ сторону, о чемъ то «соверцательно» («не знаешь – войдетъ ли и спалитъ деревню, или въ монастырь уйдетъ») задумался. «Разсказъ» выслушанный и порывъ, за нимъ слѣдующій, не имѣютъ ничего общаго въ количествѣ движущейся въ нихъ силы; и ясно, что «разсказъ» есть лишь поводъ, «случай», «возбужденіе» около зарытой гдѣ-то въ человѣкѣ таинственной «науки».

Итакъ, не презирая никакую плоть, мы обратимъ вниманіе читателя на тотъ странный фактъ, что тѣ птицы, которыя въ весеннюю пору — и, именно, только въ нее — получаютъ чудный даръ голоса, уже не получаютъ никакихъ цвѣтныхъ придатковъ; напротивъ, богато украшающіяся, и опять только весною, не получаютъ ничего въ голосѣ. Соловей, въ красотѣ почти человѣческаго голоса, вульгаренъ опереніемъ какъ воробей; а павлинъ раздираетъ намъ уши несноснымъ крикомъ. Но возьмемъ цвѣты—здѣсь явленіе поразительнѣе: махровые изъ нихъ теряютъ силу оплодотворенія, какъ бы становятся безполыми, «безплотными». И между тѣмъ, очевидно, что махровость есть благоуханіе именно плоти ихъ: нельзя же образовать «махровость» на листьяхъ, корѣ, корняхъ и т. д. Но перейдемъ къ человѣку: Моцартъ, можетъ быть, скучалъ, проходя по картиннымъ галереямъ, и Рафаэль едва ли особенно «чувствовалъ» музыку. Дарвинъ пишетъ о себѣ въ автобіографіи: «никогда иначе, какъ съ чувствомъ невыносимой скуки, я не могъ читать Шекспира», и, между тѣмъ, онъ охотно читалъ бездарныя современныя повѣстушки, «гдѣ любовь оканчивалась бы бракомъ». Именно «безъ скуки» не могъ читать. Что «махровость» есть половое явленіе—мы это открываемъ не только потому, что она появляется на цвѣткѣ, но также и потому, что этотъ цвѣтокъ становится при ней какъ бы безполымъ: тутъ есть очевидная могущественная связь. Мы переходимъ теперь къ безплотному аскету, какъ Гаазъ, московскій докторъ 20—30-хъ годовъ, прекрасную біографію котораго, вслѣдъ за г. Кони, передаетъ какъ особенно поучительный «романъ» г. Меньшиковъ. Остановимся на секунду: есть аскеты по принужденію (внутреннему), «закусивъ зубы», и, въ концѣ-концовъ, по подражанію великимъ естественнымъ аскетамъ: типъ Анджело у Пушкина — вотъ лучшій этого примѣръ; средне-вѣковые инквизиторы — это другой примѣръ. Но есть естественные аскеты, соловьи «поблекшіе въ перьяхъ», излучившіеся «въ голосѣ», какъ отрокъ Вароломей, св. Францискъ Ассизскій; и къ ихъ порядку принадлежалъ Гаазъ. Ихъ отличительныя черты... Но тутъ мы будемъ рисовать Гааза.

Такой аскетъ не только не станетъ жечь людей: онъ излучится величайшею нѣжностью—и не только къ людямъ, но къ цѣлой природѣ, къ звѣздамъ, цвѣточкамъ, животнымъ; и по этой-то именно эфирнѣйшей любви, какой-то нѣгѣ таинственной ко «всяческому и во всемъ», и именно въ плоти, въ грязи, въ грѣхѣ и смрадѣ, мы откроемъ безошибочно, что это и лучится собственно плоть же. «Многоочитая», «исполненная внутреннихъ очей» плоть—если уже такъ враждебно настроены противъ ея имени. Это въ «Апокалипсисѣ» говорится о «тельцѣ, дѣвѣ, орлѣ и львѣ —мистическихъ животныхъ, «исполненныхъ внутри себя очей», которые «предстояли Престолу Бога (гл. 4). Въ противоположность аскетамъ «съ зажа-

тыми зубами», по подражанію, эти, совлекши съ себя плоть, любятъ однако плоть и плотское; не убѣгаютъ въ пустыню, а бѣгутъ къ людямъ; а если и удаляются въ пустыню — ласкаютъ львовъ, вынимаютъ занозы изъ мелвѣдя, не могутъ оторвать взгляда отъ звѣздъ, т.-е. во всѣхъ видахъ и формахъ любятъ міръ именно въ плоти его. Но обратимся же къ Гаазу—мы все отвлекаемся.

Практическій врачъ по профессіи, онъ—шеллингіанецъ, и не то, чтобы онъ по книгамъ занимался этою «системой» философіи: онъ переписывается съ великимъ учителемъ, т.-е. онъ ищетъ не логики системы, но именно плоти ея, ея «дыханія жизни»—въ непосредственномъ общеніи, въ частностяхъ, подробностяхъ приватной переписки. О. ему нужна не логика, но, если позволительно такъ выразиться, темпераментъ системы. Я знаю, что тысячи людей возстанутъ противъ этой мысли, закричатъ:—«абсурдъ», но почему же, почему онъ въ самомъ дѣлѣ не выписывалъ наилучшіе изъ Берлина комментаріи къ системѣ, и даже никакихъ вовсе комментаріевъ, а, выражаясь языкомъ Фета, слушалъ ея

Шопотъ, робкое дыханье...

— потому что вѣдь ничѣмъ иначе и нельзя назвать, вѣроятно, совершенно малозначительныя письма, какія Шеллингъ писалъ московскому врачу: но какая-нибудь подробность, восклицаніе, наконецъ именно строки не для типографіи и свѣта, и, послѣднемъ анализѣ—

Шопотъ, робкое дыханье...

—вотъ что важнѣе для него было всякихъ книгъ, волновало и одушевляло его болѣе, чѣмъ огромные логическіе контуры ученія. Какъ онъ любилъ арестантовъ: это именно плотская любовь—любовь къ плоти человѣка. Дома, кругомъ стѣнъ своей квартиры, измѣривъ ихъ для этого, онъ проходитъ съ желѣзнымъ прутомъ, на какіе въ ту пору нанизывали арестантовъ, столько верстъ, сколько арестантамъ полагается на переходъ «по Владиміркѣ», чтобы испытать и непосредственно, «плотски», знать степень труда ихъ. Прутъ жогъ холодомъ зимой — и онъ подымаетъ огромный шумъ, исторію, и, несмотря на всяческія противодѣйствія, добивается, чтобы прутъ зимою обертывали кожей, какъ теперь обертываютъ войлокомъ ручки конно-желѣзныхъ вагоновъ, за которыя приходится браться пассажирамъ. Онъ придумывалъ, т.-е. изобрѣталъ, искалъ, удивляя всѣхъ и раздражая, потому что онъ былъ во плоти арестантовъ. Вотъ гдѣ тайна Гааза. Почему онъ не усталъ? Намъ современный и очень похожій на Гааза сельскій учитель, бывшій профессоръ Московскаго университета, г. Рачинскій, говоритъ въ «Сельской школѣ»: «Я никогда, нервный и больной человѣкъ, не уставалъ съ крестьянскими дѣтьми». Тутъ нужно разобраться: Ра-

чинскій не только «не уставалъ», но перебрался самъ въ школу, завелъ въ ней общежитіе и ѣлъ ту постную и бѣдную пищу, какую ѣдятъ крестьяне,—«вытаскивалъ занозу изъ медвѣдя». И оба не устали: но почему? почему? Да именно потому, что самая близость арестантскаго или ребяческаго существа производила въ нихъ не «одурѣніе», какъ непремѣнно бы въ Анджело или г. Меньшиковѣ, но именно радостное и волнующее чувство, какъ бы они обоняли не смрадъ и бѣдность человѣческую, но почти весенній, лѣсной ландышъ. И за 40 лѣтъ у одного, за 20 лѣтъ у другого—ни одной скрываемой отъ человѣчества гримасы, ни одного скучающаго зѣвка «въ сторону»: да и, конечно, не было ихъ вовсе; но потому и не было, что это не «по долгу», не изъ «стоицизма», не ради «belle vertue», но по гораздо, гораздо высшему и жизненнѣйшему закону «многогрѣшной» плоти. Дайте составленіе бумагъ «одному», какіе-нибудь финансовые счеты другому, пусть отъ одного и другого зависѣло бы благосостояніе цѣлаго уѣзда, и оба упадутъ тотчасъ. Тутъ мы имѣемъ тайный, не сознаваемый никѣмъ и никогда, но изъ фактовъ явно опредѣляющійся порывъ плоти въ ея эфирнѣйшемъ излученіи: «преображеніе», но именно плоти, изъ грѣха и смрада, подъ какимъ угломъ она всѣмъ представляется, всѣми обоняется, въ чистоту и свѣтоносность, которая собственно и вздымаетъ крылья, «надуваетъ паруса» у трудолюбцевъ. Ничего «натащеннаго» на себя, никакого «подвига», ни тѣни филантропіи—это есть альфа пониманія этихъ своеобразныхъ практическихъ молитвъ. Кстати, маленькое отступленіе: развѣ кто не замѣтитъ, что три великихъ мистика нашей литературы—Гоголь, Толстой и Достоевскій, запылавшіе столь новою любовью къ человѣку, «незримыми» и ясно «зримыми» о немъ слезами,—запылали именно къ нему «во плоти», и первые и единственные изобразили и поняли его, «обоняя какъ бы ландышъ», среди всяческихъ смрадовъ и запаховъ, въ окруженіи мяса, въ земной ихъ тяжести. И это суть единственные оригинально и до глубины религіозные у насъ писатели. Будучи бѣденъ, Гаазъ покупаетъ телескопъ, и не одинъ, а нѣсколько: опять, какъ въ шеллингіанствѣ своемъ онъ не выписывалъ комментаріевъ изъ Берлина, такъ и здѣсь ему нужна была не математическая сторона «круговъ небесныхъ», но ощущеніе физическаго свѣта, т.-е. опять что-то въ родѣ «приватной и необдуманной переписки», какой-то небрежный «шопотъ», крохи любви, но именно и безспорно плотской: онъ нисколько не учился астрономіи, просто даже не интересовался ею въ математической, «не ощущаемой» ея сторонѣ. «Владыко, вы забыли о Христѣ!»—воскликнулъ онъ, среди замершаго въ страхѣ собранія, Филарету, и даже привскочилъ съ мѣста. О, именно «привскочилъ»: и они всѣ, отъ Іоанны д'Аркъ до отрока Варѳоломея, и даже до «сапоговъ» Толстого, надъ которыми столько издѣвались, не уловля

здѣсь важнѣйшей стороны дѣла, «привскакиваютъ». Секретъ и неоцѣнимая важность, что съ «сапогами» или чѣмъ другимъ — предметъ уже безразличенъ — они не могутъ усидѣть на мѣстѣ; что тайный оргіазмъ, надувъ «крылышки», перенесъ ихъ отъ слова къ дѣлу, будутъ ли то «сапоги» или освобожденіе Франціи. Это любопытно: Гаазъ 40 лѣтъ борется—да съ кѣмъ? Были ли преступны, злы, холодны, какъ предполагаетъ г. Меньшиковъ, окружающіе его люди, между которыми былъ митрополитъ Филаретъ? Это онъ остановилъ Гааза въ тюремномъ комитетѣ: «вы, Оедоръ Петровичъ, все говорите о невинно-осужденныхъ; такихъ нѣтъ: они осуждены и, слѣдовательно, виновны». Тутъ Гаазъ и «вскочилъ», а Филаретъ поправился: «Нѣтъ, не я о Христѣ забылъ, а Христосъ въ эту минуту обо мнѣ забылъ». Тоже побывалъ когда-то «отрокомъ Варооломѣемъ», и только потомъ на 60 лѣтъ установился въ тогу и на «столпъ». Но кончимъ же о Гаазѣ: антагонизмъ между средою и имъ, какъ позднѣе — между Гоголемъ и ему современной критикою, еще позднѣе — между Толстымъ и обществомъ, вытекъ и вытекаетъ изъ того, что среда идейно, логически, «по долгу» (Филаретъ и другіе) блага, но еще не плотски, не начавъ излучиваться въ плоти. Въ этотъ небесный хороводъ «безумствующихъ въ любви» (по Платону), намъ хочется ввести и еще одинъ новый типъ: «видѣлъ ли ты раба моего Іова: нѣтъ еще такого, мужъ благочестивъ и праведенъ», — говоритъ Богъ сатанѣ объ отцѣ семерыхъ сыновъ и семерыхъ дочерей, погрузившемся въ «стада свои и всяческій достатокъ», безъ тѣни гаазовской заботы о мірѣ, о «нищихъ». «Дыханіе мое испортилось, и я долженъ умолять жену приходить ко мнѣ ради плода чрева моего» (Іовъ, гл. 19), жалуется онъ на гноищѣ друзьямъ; а сойдя съ него — еще породилъ «семь сыновъ и семь дочерей», опять осуетился «верблюдами» и «ослами»: и пребылъ, однако, во всѣ дни бытія своего пребылъ «праведенъ и благочестивъ». «Онъ гораздо лучше васъ»—проговорилъ укоряющимъ его друзьямъ голосъ «изъ бури». Природа, исторія, религія исполнены потрясающихъ таинствъ. Нельзя безъ нѣкотораго волненія смотрѣть, въ такъ называемыхъ парусахъ (части свода) нашихъ церквей, на фигуры евангелистовъ, которыя свѣтлымъ, разглядываемымъ очеркомъ выдѣляются на темномъ и неразглядываемомъ фонѣ «льва», «тельца», «орла», «дѣвы». Смущеніе исходитъ отъ того, что мы безъ труда догадываемся, что тутъ взяты тѣ самыя категоріи «плоти», которыя подъ именемъ «аниса», «кончика», «сфинкса» (льва и дѣвы) были въ какомъ-то предчувствіи поклоняемы еще у древнихъ египтянъ. И, можетъ быть, тутъ есть ключъ къ странной запутанности Соломона между «скиніей» и «высотами». Если справедлива эта догадка, явленіе аскетизма, нами разобранное, особенно стало бы понятно: небесныя излучиванія нашей, «по образу, по подобію», плоти есть только

родственное, почти кровное, «во плоти открывающееся» стремленіе къ своему «домашнему загону», откуда на землю она ниспала какимъ-то «урваннымъ клокомъ сѣна», и, завитая здѣсь въ минеральную оболочку стихій, искрою поѣдающаго огня клубитъ въ «кубокъ жизни» — у кого на 40, у Гааза на 71, у Платона на 81 годъ: и намъ смертнымъ, дастъ столько бытія и лѣтъ, насколько мы съумѣемъ сохранить въ себѣ огонь и разнообразную радугу цвѣтовъ любви.

Женщина передъ великою задачею.

Н. А. Лухманова. Черты общественной жизни. Спб. 1898.

Ничего нѣтъ необыкновеннаго въ этой небольшой книжкѣ; но то «обыкновенное», что въ ней есть, такъ многозначительно по темамъ, по охватываемымъ группамъ людей, и выражено такъ жизненно и умно, что невольно захотѣлось остановить на этой книжкѣ общественное вниманіе.

Книжка состоитъ изъ 28 полу-разсужденій, полу-художественныхъ очерковъ—каждое въ 5—6, рѣдко болѣе, страницъ. Написана прекраснымъ, легкимъ языкомъ. Кой-гдѣ, едва замѣтно, мелькнули передъ нами грустныя строки, показывающія въ авторѣ какое-то недовѣріе къ самому существу человѣка (особенно страницы 41—42), недовѣріе къ возможности, чтобы отношенія между людьми складывались тепло и радостно, и при этомъ безъискусственно: мы не стали бы и разбирать книжки, если бы тонъ этихъ строкъ былъ доминирующимъ въ ней: въ другихъ мѣстахъ, и опять мелькая, есть наблюденія и мысли, напротивъ, свидѣтельствующія о безконечной вѣрѣ въ человѣка. «Сокровенная мечта каждой женщины быть, хотя бы изъ благодарности, любимой до конца жизни безъ обмана и безъ измѣны... Честныя, порядочныя, а главное чистыя женщины нашего времени такъ настрадались, что, наконецъ, готовы стать женами людей, нуждающихся въ ихъ уходѣ и ласкѣ, лишь бы создать себѣ настоящій семейный очагъ, гдѣ царитъ сердце, умъ, пусть въ соединеніи даже съ болѣзнью или физическою немощью, но—не произволъ все подчиняющихъ себѣ страстей» (стр. 81). Это сказано по поводу удивительнаго «Общества христіанскаго брака», возникшаго въ Америкѣ и состоящаго изъ женщинъ, которыя соединились клятвою выходить замужъ «только

за калѣкъ, уродовъ и больныхъ, дабы усладить ихъ страдальческую жизнь» (стр. 80). Г-жа Лухманова тонко отмѣчаетъ, что тутъ—не одно самоотверженіе, но и жажда для себя именно нравственнаго и уже непоколебимаго пріюта. Но въ самой этой жаждѣ, пожалуй эгоистичной — сколько чистѣйшаго идеализма! Многіе говорятъ, и уже давно порѣшили, что «такъ называемый» женскій вопросъ есть только пѣна, взбившаяся изъ общественнаго недомыслія. Въ смыслѣ специфическихъ хлопотъ 60-хъ годовъ, это—да, конечно. Но есть женскій вопросъ, идущій изъ тенденціи не «сравняться» съ мужчиною, но изъ тенденціи твердо и выпукло поставить именно свое женственное и особливое «я», и потребовать, чтобы цивилизація, грубая и слишкомъ «обще»-человѣческая, нѣсколько остановилась и задумалась, прежде чѣмъ сломить и окончательно загрязнить это хрупкое и нѣжное «я». Есть и не умеръ женскій вопросъ въ смыслѣ именно «домашняго очага», сохраненія «женственности», соблюденія вѣчныхъ въ природѣ, но въ искусственной цивилизаціи могущихъ быть разрушенными чертъ «материнства», «семьянинки», «хозяйки» дома.

Книжка г-жи Лухмановой глубоко практична —въ этомъ ея драгоцѣнность: на ея точкѣ зрѣнія, въ общемъ нѣсколько консервативной, стоятъ многіе, хотя и не большинство—отсюда ея «обыкновенность», отсутствіе чего-либо совершенно новаго въ ней. Но рѣшительно всѣ, раздѣляющіе ея взгляды, раздѣляютъ ихъ по «доктринерству», изъ «принципа», изъ «политики» и, такъ сказать, общаго «историческаго» и «религіознаго» консерватизма. Какъ и всегда, подъ этимъ доктринерствомъ много холодности сердца и невнимательности ума. Г-жа Лухманова входитъ во всѣ мелочи поднявшихся около женщинъ тревогъ; она нисколько не менѣе радикальна, чѣмъ приснопамятная г-жа Цебрикова, напр. въ этихъ словахъ: «Отчего же не открыть женщинамъ доступа на всякую службу? Вѣдь все равно, непригодную или безсильную держать не станутъ, но развѣ не могутъ между ними попасться и гораздо болѣе способныя, чѣмъ ихъ собратья-мужчины? Есть милые защитники женщинъ, которые боятся, что при такихъ занятіяхъ женщина потеряетъ свою женственность, но сохранитъ ли она ее среди нужды, апатіи, ненависти ко всему этому свѣту, въ которомъ она не находитъ положенія и ей не даютъ занятія? Что станутъ дѣлать мужчины, мало способные, лѣнтяи или пьяницы—этого я не знаю. Если же говорятъ о неспособности женщины къ труду, то, вѣроятно, забываютъ или не хотятъ упоминать о томъ, какая масса женщинъ, за кулисами публичной арены, является не только помощницами своихъ отцовъ, мужей, братьевъ и любовниковъ, но сплошь и рядомъ общественные дѣятели являются только орудіями женщинъ, подстрекающихъ ихъ на дѣло, участвующихъ въ ихъ подвигахъ и съ большимъ самолюбіемъ, чѣмъ сами мужчины, борющихся за ихъ гла-

венство» (стр. 18). Это — въ сущности все, что говорилъ когда-то Д. С. Милль. Итакъ, нашъ авторъ совершенно свободенъ въ движеніи своихъ сужденій, не пугаясь обвиненій въ радикализмѣ; и поэтому гдѣ мы встрѣчаемъ у него «религіозность», «историчность» и «консерватизмъ» во взглядѣ на дѣло, мы уже не опасаемся, что это—«тенденція», «доктрина», но ожидаемъ и дѣйствительно находимъ, что тутъ говоритъ или этого требуетъ самая жизнь.

Разсмотримъ же нѣсколько жизненныхъ и житейскихъ чертъ нашего времени, подмѣченныхъ внимательнымъ глазомъ автора.

«Осматривая старинные портреты, вездѣ встрѣчаешь *типъ*, и, несмотря на то, что конецъ нашего вѣка, пресловутый fin de siècle, считаетъ себя интеллигентнымъ и культурнымъ, отодвигая все прошлое въ невѣжество и мракъ,—въ лицахъ нашихъ бабокъ и прабабушекъ, въ портретахъ этихъ такъ мало ученыхъ, такъ крѣпостнически преданныхъ семейному очагу женщинъ, мы видимъ высокій лобъ, подъ которымъ кроется дума, широкіе, лучистые глаза, гдѣ много затаенной мысли, мечтаній и души, уста, умѣющія по одному своему складу и молчать, и дарить тою улыбкой, отъ которой кругомъ становится свѣтлѣе, а главное, въ общемъ выраженіи лица есть что-то свое, самобытное, спокойное, какое-то самоуваженіе и право на уваженіе другихъ» (стр. 31 — 32).

Съ этимъ наблюденіемъ нельзя не согласиться и нельзя отвергнуть слѣдующаго объясненія, относящагося къ текущему типу женщины: «Гоняясь за всѣмъ, теперь женщина размѣнялась на мелочи и утратила свою первую красоту — *спокойствіе* (нашъ курсивъ), подражая всему, она потеряла свой взглядъ, *свою* походку, *свой* вкусъ, *свою* врожденную грацію. Желая знать *все*, слѣдить за *всѣмъ*, она утратила свой внутренній міръ, не широкій, но присущій именно ей... Вотъ почему, глядя на портреты прабабушекъ, говоришь: «какія красивыя лица». Любуясь витриной моднаго фотографа нашихъ дней, восклицаешь: «какія хорошенькія мордочки» (стр. 33 — 34).

Это — зло, и слишкомъ: но, въ самомъ дѣлѣ, упадокъ женской красоты и даже какой-нибудь опредѣленной *выразительности* женскихъ лицъ такъ глубокъ и всеобщъ, что, бывая ежедневно на улицѣ, т. е. ежедневно видя (въ Петербургѣ) около сотни лицъ — въ теченіе зимы два или три раза, не болѣе, подумаешь при встрѣчѣ: «какое прекрасное лицо» или даже: «какое милое лицо». Т. е. передъ вами продефилируетъ около 30,000 женщинъ, и изъ нихъ у двухъ-трехъ такія лица, что съ обладательницами ихъ вы захотѣли бы заговорить, что за «лицомъ» здѣсь вы угадываете внутренній и не безъинтересный «духовный» міръ. Женщина (и дѣвушка)—стерлась: отъ нея осталось платье, подъ которымъ менѣе интересный, чѣмъ платье, человѣкъ. Это такъ глубоко, до того странно: мы далеки, чтобы выразить отношеніе свое къ этому факту

словомъ «мордочки» (однако — правильнымъ) и находимъ, что это предметъ не насмѣшки, но скорѣе рыданія; и оплакиваемое здѣсь— не женщина только, но вся наша цивилизація. Ибо какова женщина, такова есть или очень скоро станетъ вся культура. Но послушаемъ еще автора, прежде чѣмъ предаться нашимъ печальнымъ размышленіямъ:

«Душа, мысль и спокойствіе исчезли съ лица современной женщины, а съ ними исчезла и духовная прелесть, составляющая настоящую красоту женщинъ. Тревога, жадность, неувѣренность въ себѣ, тщеславіе, погоня за модой и наслажденіемъ исказили, стерли красоту женщинъ. Прибавьте къ этому чуть не поголовное малокровіе, нервность, доходящую до истеричности, фантазію, граничащую съ психопатіею, и новый бюрократическій трудъ, къ которому такъ стремится современная женщина» (стр. 34).

Это—психологія и физіологическій очеркъ существа, у котораго изъ-подъ ногъ выскальзываетъ почва. Снова — никакого предмета для иронiи; ибо это — «нѣтъ почвы» подъ ногами половины человѣчества и лучшаго друга мужчины. Поднявшаяся, еще съ шестидесятыхъ годовъ, тревога женщинъ и около женщины имѣетъ то объясненіе для себя, что женщина почувствовала, какъ, незамѣтно и деликатно пока, но для нея исчезаетъ тотъ фундаментъ, на которомъ она тысячелѣтія стояла; притворяется дверь того свѣтлаго и теплаго уголка, гдѣ она вила себѣ гнѣздо, переходя почти изъ «дѣтской» — къ «своему хозяйству» [1]), выходя изъ «сестры» въ

[1]) См. „Семейную хронику" С. Т. Аксакова, разсказъ о женитьбѣ Куролесова, невѣста коего „только тогда перестала плакать, когда рядомъ съ нею посадили ея большую куклу, почти съ нее величиною, и отъ которой она не могла оторвать глазъ". Мысль брака, его религіозная чистота не можетъ быть возстановлена никакими иными средствами, какъ отодвиженіемъ его заключенія къ самому раннему (невинному) возрасту, когда въ его реальное существо человѣкъ и вступаетъ съ безгрѣшною еще психикою и онъ охватываетъ, включаетъ въ себя такъ называемую первую (всегда чистую и идеальную) любовь; или, точнѣе, когда эта любовь и возникаетъ, начинается въ бракѣ. Время это у дѣвушки точно обозначено первымъ выявленіемъ пола, и для юноши это годы равные годамъ дѣвушки, съ прибавленіемъ трехъ или четырехъ годовъ. Просматривая каноническія книги, мы съ удивленіемъ и не безъ радости нашли, что въ классическую пору церкви бракъ и допускался, у насъ и въ католическихъ странахъ, въ этотъ ранній возрастъ—для дѣвушки въ 14 и 13 лѣтъ; и лишь съ конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка, очевидно, въ исключительно гигіеническихъ цѣляхъ и безъ всякаго каноническаго основанія онъ былъ передвинутъ къ 16 годамъ—времени «второй» и иногда «третьей» любви, всегда при загрязненномъ уже воображеніи и иногда начавшихся уже, такъ называемыхъ «отроческихъ порокахъ». Этихъ-то послѣднихъ «гигіена» и не приняла во вниманіе, какъ она не приняла во вниманіе и «спокойныхъ лицъ» и желѣзнаго здоровья нашихъ «бабокъ» и «матерей» (см наблюденіе г-жи Лухмановой). Возстановленіе ранняго «чистаго» брака есть альфа возстановленія глубоко потрясенной теперь семьи, какъ универсальность (всеобщность) брачнаго состоянія есть альфа поправленія всего потрясеннаго status quo общества. Мы слишкомъ понимаемъ, однако, что *теперь*, когда разрушеніе брака

«жену», изъ «дочери» въ «мать». Эти рамки ея существованія отодвинулись одна отъ другой на большое разстояніе, и даже безъ вѣрной между собою связи, безъ крытаго теплаго хода. Между ними — холодъ, улица, черезъ которыя нужно теперь перебѣжать дѣвушкѣ; добѣжитъ ли она до чего — это изъ сотенъ «ихъ сестры» никто не знаетъ, и онѣ бѣгутъ неувѣренно, торопливо, нервно—въ профессіи, на курсы, въ канцелярію, но безъ спеціальной къ нимъ привязанности, безъ окончательныхъ сюда положенныхъ надеждъ. Древняя надежда всякой дѣвушки, женщины—все та же въ fin de siècle, какъ и когда-либо; но уже нѣтъ для этой надежды незыблемо-древняго фундамента.

Присмотритесь къ обществу мужчинъ, чтобы что-нибудь понять въ женщинахъ: оно никогда болѣе не ищетъ женщинъ. Женщина начинаетъ «мѣшать» мужчинѣ; ея появленіе возбуждаетъ скорѣе досаду, прерывая спеціально мужскія темы; серьезнаго, тяжелодумнаго отношенія къ женщинѣ почти нельзя болѣе встрѣтить. Браки, если они заключаются (если!) — почти удивляютъ: это слишкомъ серьезно, чтобы давать женщинѣ. Въ судьбѣ, въ жизни, въ размышленіяхъ мужчины женщина не занимаетъ никакого почти мѣста; романы пишутся, но «романовъ» въ жизни почти нѣтъ. Въ идеяхъ, въ созерцаніи мужскомъ женщина спустилась до малозначительности прислуги—необходимой, но низшей и чуть-чуть нечистоплотной вещи. Глубокому перерожденію типа женщинъ предшествовало въ самомъ мужчинѣ перерожденіе и упадокъ чувства женскаго начала, ощущенія этого начала. Въ зоологіи есть такъ называемые «рудиментарные» органы—подвергнувшіеся «обратному развитію», умаляющіеся, не нужно висящіе. Что-то аналогичное этому наблюдается въ мужчинѣ, т.-е. въ его особливомъ половомъ сложеніи: оно тоже подверглось «обратному развитію», и мужчина почти стѣсняется или испытываетъ «надоѣдливое» чувство, когда изъ-подъ «гражданина», «дѣльца» все еще высовывается въ немъ возможный «мужъ» или «отецъ». Маленькая подробность въ бытѣ: прежде «свадьба»— это было что-то пышное, сложное, къ чему сложно готовились и что оставляло за собою длительный слѣдъ, долгое впечатлѣніе даже въ окружающихъ, участникахъ, зрителяхъ; это—переломъ въ положеніи, судьбѣ, характерѣ жизни, который переживалъ всякій и въ который всякій входилъ какъ во что-то торжественное и въ общемъ свѣтлое. «Тяжелодумность» повисла на обрядѣ: теперь свадьбы — почти прячутся; это что-то торопливое, почти робкое, съ посѣщеніемъ

зашло такъ далеко, это не можетъ быть сдѣлано иначе, какъ черезъ глубокое потрясеніе всей цивилизаціи, и мы думаемъ, надвигающійся новый вѣкъ будетъ эрою глубокихъ коллизій между существомъ, религіознымъ и таинственнымъ, брака, и между цивилизаціей нашей, типично и характерно атеистичной и *безполой*. Говоря ниже о возможной «культурѣ пола», цѣлой «половой цивилизаціи», мы имѣли въ виду именно эту коллизію.

усадкою въ вагонъ и «свадебнымъ путешествіемъ». Никто не замѣчаетъ, какъ много въ сущности неприличія въ этихъ «свадебныхъ путешествіяхъ»: прежде, бывало, это клали «домъ», устанавливали «семью», теперь это урванное «удовольствіе», сворованный «кусокъ мяса», который, зажимая хвостъ, собака относитъ въ сторону и имъ лакомится. Въ смѣнѣ обычаевъ отразилась въ сущности огромная смѣна міросозерцаній.

Нужно ли удивляться, что не только дѣвушка не несетъ болѣе на себѣ «красиваго» и «увѣреннаго», «спокойнаго» *лица*, а какую-то тоскливо-ищущую «мордочку», но и позднѣе, уже «проглоченная», она начинаетъ оглядываться кругомъ, какъ «живая же тварь», и въ свою очередь ищетъ «проглотить». Смѣнилось міровоззрѣніе, и оно собственно смѣнилось у мужчины. Все остальное уже естественно за этимъ послѣдовало. Прежде цѣломудріе—это было покровъ «дома», святыня «семьи». Но сейчасъ—что значитъ цѣломудріе? Сбереженіе себя почему-то «для одного», причемъ этотъ «одинъ» рѣшительно не постигаетъ самъ и никому не смогъ бы объяснить, почему онъ хочетъ быть «одинъ» около жены, и что, собственно, нарушаетъ или разрушаетъ ея невѣрность, особенно если она остается не открыта? Здѣсь, т.-е. въ теперешнемъ требованіи и ожиданіи обоюднаго или односторонняго цѣломудрія, есть что-то вкусовое, физіологическое, но что же далѣе физіологіи мы теперь постигаемъ въ бракѣ? Можетъ быть, его «мысли», «постиженія» и раньше не было, у «бабушекъ»; но у нихъ былъ безспорно его инстинктъ, онъ выражался въ обычаѣ, въ словахъ: «переломъ», «новая жизнь», «озаряетъ», «таинство». Все было, можетъ статься, и для нихъ не ясно, но что это—что-то великое, какая-то надвигающаяся на человѣка громада, какая-то нераскутанная темнота—это-то уже безспорно ощущалось. Въ обычаѣ же новомъ, въ этомъ вѣнчаньѣ «втихомолку», и сейчасъ—«вагонъ», на завтра «гостинница», совершенно ясно выражается, что всѣ эти ощущенія разсѣялись, и на нихъ мѣстѣ не выросло никакой мысли. Бракъ есть теперь, въ сущности, продолженіе холостыхъ удовольствій и нѣкоторое углубленіе, доведеніе до «неприличія» дѣвичьихъ шалостей. Его строгая и дѣйствительная, въ самомъ сердцѣ зиждущаяся, «моногамія» или «вѣчность» вовсе теперь непостижимы; и онѣ реально не осуществляются, ибо фактъ вездѣ послѣдуетъ за мыслью, а «вѣчности» и «моногаміи» нѣтъ, не откуда взяться въ мысли.

Бракъ тяготитъ, т.-е. онъ всѣхъ начинаетъ тяготить. Исключенія необъяснимы и они рѣдки: они принадлежатъ индивидууму, являются дѣломъ случая—но они не дѣло культуры, цивилизаціи, міросозерцанія. Войдемъ въ какую угодно семью и станемъ наблюдать ее; послѣ нѣкотораго промежутка времени всякая семья неудержимо начинаетъ собираться «въ гости»: ей нужно «отдохнуть», т.-е. отдохнуть «другъ отъ друга», отъ самаго начала «семейности». Явно,

что оно утомляетъ; или, напротивъ—«домъ» ждетъ къ себѣ «въ гости». Если вы скажете, что это—естественное общеніе, вы ошибетесь. Смотрите зорче: передъ «гостями» или «въ гости» въ семьѣ сгущается какая-то атмосфера раздражительности: прошли «гости»—атмосфера освѣжѣла, и становится возможно еще «терпѣть» семейность недѣли двѣ, мѣсяцъ. Собственно—это начало распада, которое есть рѣшительно почти во всякой семьѣ: «другъ дома», съ которымъ проводитъ досуги жена, или «вторая семья» у мужа есть только дальнѣйшее развитіе этого «сами въ гости», къ себѣ гостей, «скуки» семейной. Присмотримся зорче, чего ищетъ мужъ во «второй семьѣ», и отчего, разъ она есть, онъ, торопливо и пользуясь всякимъ случаемъ, спѣшитъ въ нее? Все это—страшно, но и все это любопытно. Ищетъ ли онъ здѣсь красоты, молодости? Не всегда. Но *всегда* онъ ищетъ здѣсь *оживленія*, большей *одушевленности* себя собственно. Вотъ тайна «вторыхъ», «третьихъ» семей, какъ и пошлостей «волокитства». Все это—«сало» нашей цивилизаціи, которое однако, любя человѣка, мы должны разгрести руками, извѣдать, пытать умомъ. Мы не имѣемъ активной семьи—вотъ гдѣ узелъ всего: мы не имѣемъ и никогда не было у насъ религіозно-активнаго ощущенія самаго ритма семьи—таинственныхъ совершающихся въ ней сліяній въ «мужа» и «жену», расчлененій въ «отца» и «ребенка», въ «дитя» и «мать». Но «въ доброе старое время» былъ, по крайней мѣрѣ, инстинктъ догадки, что это—что-то «религіозное», и онъ вносилъ поправку въ характерно-пассивное отношеніе къ реальному существу брака подчеркнуто-«безплотныхъ» религіозныхъ ученій, какія мы исповѣдуемъ нынѣ. Инстинктъ заглохъ во времени, усталъ дѣйствовать; а среди вѣруемыхъ нами ученій стоитъ загадочнымъ сфинксомъ ритмъ пола, начало «кровности», идея и ощущеніе «родства». Это—«естественный законъ»: вотъ краткая и безсодержательная мысль, далѣе которой мы не углубляемся и не имѣемъ фундамента, чтобы углубиться въ эти отношенія. «Естественный законъ», изъ котораго «естественно же» выпадаемъ мы на «вторую» и «третью» семью. Есть ли это «таинство», «религія»—никто этого не рѣшается сказать; есть ли это «грѣхъ»—мы также боимся сказать, опасаясь вступить на первую ступень скопческой доктрины, за коею ранѣе или позже придется пройти и всю «лѣствицу» печальной и ужасной философіи. Эта неясность обняла и церковный канонъ. Онъ остановился въ нерѣшительности и далъ бракъ человѣку, но отнесъ смыслъ «религіознаго таинства» къ номинальной его сторонѣ, къ «слову» о бракѣ, къ внутрь-храмовому «брако-глаголанію», оставивъ вовсе безъ объясненія, безъ опредѣленнаго «да» или «нѣтъ», «благословенія» или «проклятія», выполненіе брако-глаголанія, т. е. самое брако-дѣланіе, брако-исполненіе.

Хотя совершенно очевидно, что слова «да прилѣпится мужъ

къ женѣ и будутъ два въ плоть едину» обнимаютъ именно реальную липкость половъ и не имѣютъ вовсе въ виду номинализмъ «слово-глаголанія», однако все каноническое законодательство, всѣ нами содержимыя религіозныя ученія облѣпили именно «слово-глаголаніе», не пророняя никакого луча въ самую *вещь* брака, реальный *ритмъ* пола. И это умолчаніе, которое такъ легко было принять за отрицаніе (вульгарно и ложно постигаемый аскетизмъ), при замолкшихъ инстинктахъ, и породило фактъ сперва физіологическаго воззрѣнія на полъ, и потомъ тотчасъ вслѣдъ за этимъ пассивнаго «несенія» непонятно почему «вѣчной» и «неразрушимой» семьи, какъ нѣкоего жизненнаго «креста». «Ношу» всѣ и снимаютъ во «второй» и «третьей» семьѣ. Мы боимся, что мысль наша всетаки темна: мы усиливаемся сказать, что нѣтъ среди вѣруемыхъ нами ученій такого, которое обвѣяло бы мыслью и радостью и существо пола; дало бы пониманіе его, благословеніе ему, благословеніе именно его реальнымъ секундамъ и точкамъ. Безъ этого же, какъ эмпирическій фактъ, онъ естественно засорился въ вѣкахъ, пошелъ въ «терній», произростилъ изъ себя «волчецъ» и всякую «ненужную траву»—именно тотъ каждому изъ насъ постылый бракъ, типично пассивную семью, безъ игры солнечныхъ лучей въ ней, безъ солнечныхъ молитвъ здѣсь льющихся. Всѣ наши религіозныя представленія со времени работъ александрійскихъ нео-платониковъ (знаменитѣйшій изъ нихъ, Плотинъ, «стыдился», «отрицалъ» свое тѣло, даже до запрещенія срисовывать съ себя портреты) стали усиленно и подчеркнуто безполыми: «скорби» паденія западнаго римскаго міра, такъ естественно исключающія «брачное торжество», еще усилили это направленіе. И вся послѣдующая катехизація христіанства ушла въ разработку «предвѣчнаго слова» — только «логоса», но не того «бара»—«сотворилъ», которое стоитъ первою строкою въ Библіи, и не во-«площенія», которое составляетъ первый глаголъ Евангелія. Ни Виолеемъ, ни «бара» не получили для себя соотвѣтствующаго катехизиса. Удивляться ли, что «полъ», усиленно и подчеркнуто исключенный изъ «дыханія» религіи, и не «пронизывается» этимъ дыханіемъ, т. е. онъ не высвѣчивается религіозно, и мы имѣемъ какъ «пассивную» семью съ одной стороны, такъ съ другой и бракъ лишь номинально-религіозный (въ секунду вѣнчанія, а не въ теченіи своемъ).

Но будемъ еще наблюдать и собирать факты, гдѣ отражается печальный дефектъ самихъ доктринъ. Во «второй», въ «третьей» семьѣ мужъ нѣженъ; онъ не лукавитъ; онъ заботливъ—по крайней мѣрѣ относительно, насколько способенъ. Вотъ на что слѣдуетъ обратить вниманіе. Т. е. черезъ посредство «второй» и «третьей» семьи онъ возстановляетъ настоящія черты брака, потерянныя дома; и ясно, что ни второй, ни третьей семьи не было-бы у него, если бы первая семья сохраняла въ себѣ черты брака, т. е.

на тридцатомъ году совмѣстной жизни она была активна, какъ и на тридцатой недѣлѣ. Вотъ что потеряно, вотъ что лежитъ въ основѣ всего. Мужъ ли, жена ли отъ тускнѣющаго въ годахъ номинализма и фикцій брака—иначе какъ номинально и фиктивно и не существующаго у насъ—вѣчно уходятъ въ реальное его существо, «въ тайну», «въ любовь», «въ нѣжность», «въ заботу», «въ правду»—гдѣ-нибудь на сторонѣ. Тутъ «сторона»—

За рѣкой, на горѣ.

—вовсе не значуща въ себѣ: она въ себѣ не несетъ никакой силы, прибавимъ—никакой лжи; первая ложь и всякая сила почила въ первой семьѣ, оставленной,—именно въ отрицательныхъ ея чертахъ, быстромъ въ ней исчезновеніи реальнаго существа брака, при сохраненіи его скорлупы и имени.

Счастливыхъ семей, т. е. вѣрныхъ подлинно, въ сердцѣ,—еще гораздо менѣе, чѣмъ думаютъ. Буквально это есть рѣдчайшія исключенія; но они есть, и, присматриваясь тамъ и здѣсь, сейчасъ можно узнать такую семью Эго—оазисъ, заброшенное живое зерно среди мертвой (въ сущности) ткани брака: она никуда не спѣшитъ, ни къ кому не «собирается» и къ себѣ никого не «ждетъ». Въ ней есть какой-то свой собственный свѣтъ, тепло, поэзія. Часто это бываютъ молчаливыя семьи, т. е. все шумливое, или, по крайней мѣрѣ, все суетливое исключено изъ нихъ: ихъ члены «копаются» другъ около друга, т. е. заняты каждый своимъ дѣломъ, но «около» другъ друга, непремѣнно въ физическомъ почти касаніи. Сбиты въ «кучку»; и свѣтъ, и теплота здѣсь безспорно «животнаго», т. е. «живого» характера: это даже замѣтно по неубранности, всегдашнему отсутствію «парадности» въ такихъ «животно-теплыхъ» семьяхъ. Долго и внимательно изучая ихъ психическій складъ, всегда можно замѣтить, что—опять въ инстинктахъ ли, догадкахъ или въ какой-то теплой атмосферѣ дыханія—но у нихъ «религіозность» и «святость» брака продвинута нѣсколько дальше, чѣмъ обыкновенно, и нѣсколько вглубь, т. е., хотя чуть-чуть, но у нихъ значеніе брака отошло отъ исключительно и строго номиналистическаго его пониманія, продвинулось вглубь самаго предмета. Напримѣръ, у нихъ замѣтно религіозное чувство дѣтей—религіозное чувство самаго рожденія. Это сказывается въ записочкѣ, извѣщающей о «прибавленіи семейства», въ способѣ приглашенія на «крестины», неуловимо—но скажется какой-то торжественностью во всемъ этомъ, вовсе отсутствующей въ пассивныхъ семьяхъ, гдѣ рожденіе почти также скрывается, оно составляетъ такую же «неловкость», какъ и вѣнчаніе. Мы нашли узелъ разграниченія: пассивныя семьи какъ-то стыдятся реально-«животнаго» въ бракѣ, активныя какъ то соразуются ему и почти выячиваютъ его наружу. За этимъ все остальное въ тѣхъ и другихъ—общее.

Если мы обратимъ на это «выпячиваніе» въ себѣ животной стороны вниманіе, мы наблюдемъ, что въ активныхъ семьяхъ, «животныхъ», есть чувство серьезности, если не религіозности, разлившееся на самый ритмъ брака, его реальное и длительное существо. Моментъ вѣнчанія—забытъ: подробности ухаживанія—тоже: ясно, что бракъ держится самымъ ритмомъ своимъ, тѣмъ страннымъ и безспорно даже для наблюденія замѣтнымъ «поднятіемъ духа» семьи при всякомъ, напр., новомъ рожденіи—пусть это связано съ набѣгающими на лобъ морщинами отъ заботъ, труда, отъ страха, что семья уже становится «обременительна», «непосильна» для единственнаго часто работника. Не забуду окрика на кондуктора одной «чуйки», впавшей въ «вагонъ» конки (въ Петербургѣ). Кондукторъ рано дернулъ конку, когда «чуйка» не успѣлъ еще вскочить, и больно зашибъ ему почему-то палецъ: осматривая и пожимая палецъ, онъ закричалъ ему какъ-то жестоконесносно: «Вы мою семью не будете кормить, когда меня изувѣчите». Ясно, что боль и даже возможное увѣчье въ самую секунду боли почувствовались какъ только задержка или помѣха ритму семьи, здоровью жены, новымъ и новымъ рожденіямъ. Вотъ «отецъ-кормилецъ»—прототипъ и идеалъ вообще отца.

Великій дефектъ рѣшительно всего нашего міросозерцанія лежитъ въ расторженіи и отнесеніи на противоположные полюсы кажущагося «идеальнаго» и кажущагося же «животнаго». Оно стало «общимъ мѣстомъ» нашихъ сужденій; начавшись религіей, овладѣвъ философіею (особенно съ Декарта, по коему животное есть «автоматъ механическій»), оно подчинило себѣ и практику будней нашего бытія. Это расторженіе не только губитъ животное въ насъ, т.-е. «живое» и самую «жизнь», изъявъ изъ нея «идеалъ», «свѣтъ», «просвѣщеніе», но и обратно: оно внесло безжизненность въ наши предполагаемыя «идеи», безсочность, безкровность. И даже больше: это ввело подлогъ въ нашъ «идеальный міръ», замѣнивъ въ немъ кровныя мысли фикціями, «въ которыхъ не было бы ничего земного и грязнаго»,—и нѣтъ въ нихъ ничего, кромѣ лукаваго обмана и насъ, поддающихся на этотъ обманъ, обольщаемыхъ его «чистотою». Мы поклоняемся пустотѣ; въ то-же время не покланяемая болѣе жизнь естественно сперва мутнѣетъ, потомъ дегенерируетъ, «обратно развивается», становясь «рудиментарнымъ привѣскомъ» высокихъ фикцій нашего бытія. Но тайный нервъ этого расторженія, для коего нѣтъ никакихъ основаній въ Библіи, которое отвергается великимъ и потрясающимъ словомъ евангелиста: «Слово—плоть бысть и вселися въ ны»—этотъ нервъ все-таки лежитъ въ катехизическихъ частяхъ христіанства, черезъ внесеніе въ нихъ *чего-нибудь* Аристотеля—«творческаго разума», съ которымъ онѣ и отождествили существо Божіе, изъявъ и противопоставивъ этому существу «плоть», вопреки глаголу «яслей,» «Виѳлеема», «стадъ

животныхъ», окружившихъ рожденіе Спасителя, и поклонившихся Ему «волхвовъ» «съ Востока». Безспорно, что въ существо христіанства («во-площается») входитъ именно просвѣтлѣніе пола и полового; что тайна—почему Слово предвѣчное не сошло на землю «по радугѣ» или не «слилось» съ логическимъ сознаніемъ какого-нибудь раввина, но избрало «материнскія» для этого пути, въ ихъ подробностяхъ и частностяхъ.—очевидно, это содержитъ въ себѣ такое освященіе началъ «материнства» и «семьи», о коемъ лишь смутно гадали многодумные «волхвы», не смѣя надѣяться—и въ Виѳлеемъ они притекли «поклониться» исполненію своихъ думъ (см. у Геродота о Халдеѣ и Египтѣ). Вотъ евангельская часть освященія «брака», въ его реальномъ существѣ, не только не противорѣчащая положительному ветхозавѣтному ученію о полѣ, но и раздвигающая его до небесныхъ чертъ. Но, мы говоримъ, «Разумъ» Аристотеля все это рано вытѣснилъ: и именно виѳлеемская часть Евангелія не получила себѣ катехизиса. Вопреки объявленію «Слово—плоть бысть», мы разорвали «плоть» и «слово» въ себѣ и у себя и отнесли ихъ на противоположные полюсы. Тотчасъ, какъ это совершилось, бракъ свелся къ номинализму и семья—къ фикціи; безъ свѣта религіи въ таинственныхъ «завязяхъ» бытія своего, человѣкъ неудержимо сталъ загнивать въ нихъ, и «европейская» цивилизація, именно и только «европейская», неудержимо расплывается изъ «пассивнаго» брака просто въ проституцію. Нѣтъ огня, нѣтъ таинственнаго и жгучаго огня, стягивающаго человѣка въ «бракъ»—это такъ очевидно, и это очевидно только въ Европѣ, съ ея начинающимся «вырожденіемъ»! Мы извнутри похолодѣли, заливъ внутри себя святой очагъ Весты и на мѣстѣ священныхъ ему жертвоприношеній устроивъ сквозъ нечистотъ. Вотъ узелъ европейской цивилизаціи, нашихъ философскихъ дефектовъ, и скорбей нашего дня—включительно до «съѣзда сифилидологовъ», недавно бывшаго, и связь коего съ самыми фундаментами нашей цивилизаціи почему-то никому не пришла на умъ. Но гдѣ же исцѣленіе отъ этихъ скорбей?

Въ возстановленіи «ветхой деньми» мысли брака. Мы отмѣтили, что у дѣвушекъ есть цѣломудріе, потому что есть уваженіе къ полу и «тяжело-думность» въ его ритмѣ. Это уваженіе, существующее только какъ инстинктъ, т.-е. непрочно и эмпирически, возведемъ къ абсолюту—и мы получимъ цѣломудріе и вмѣстѣ живость брака, которыя мечтались лишь въ немногихъ случаяхъ и рѣдкими идеалистами человѣчества. Прольемъ религію въ самый полъ; ощущеніе высокаго и чистаго, что уже сейчасъ мы соединяемъ съ религіозными отношеніями, внесемъ это ощущеніе въ его незагрязненности и святости въ самый пульсъ своего бытія, кажущуюся «животную» его часть— и мы высвѣтимся извнутри себя, религія брызнетъ изъ крови нашей, въ сочныхъ и кровныхъ ея

чертахъ, взамѣнъ теперешняго религіознаго номинализма и индифферентизма. Мысль брака именно въ этомъ: нигдѣ не сказано—«вѣнчаніе есть таинство», да и само собою разумѣется, что никакое «слово-глаголаніе» не есть таинство, потому что оно «не» таинственно, «не» мистично, потому что оно до глубины постижимо и до дна раціонально. «Таинствомъ» названъ «бракъ», т.-е. самое прохожденіе жизни брачной, что открывается на завтра послѣ вѣнчанія и оканчивается съ могилою; «таинственны», не-раціональны, «мистичны» расчлененія человѣка въ семью, вчерашняго юноши—въ завтрешняго «отца» и «дитя», вчерашней дѣвушки—въ «дитя» и «мать». Вотъ—тайна, вотъ—непостижимое, и вотъ—религія. Но, въ общемъ, это ускользаетъ отъ насъ, и, стоя очень серьезно и торжественно въ церкви въ секунду вѣнчанія, мы на завтра послѣ него начинаемъ

...игры Вакха и Киприды,

и продолжаемъ ихъ 40—50 лѣтъ будто-бы «въ семьѣ» и «брачно». Совершенная иллюзія: «вѣнчаніе» есть таинство въ лунномъ, зависимомъ, обусловленномъ смыслѣ отъ падающихъ обратно на него лучей изъ «брака», какъ жизненнаго «счлененія», которое уже имѣетъ природу таинства въ его оригинальномъ, не обусловленномъ, солнечномъ значеніи. И вся торжественность и серьезность настроенія принадлежитъ 40—50 годамъ жизни, а не минутѣ вѣнчанія. Какъ только мы объ этомъ догадаемся, горячность и чистота минуты вѣнчанія разольется въ пульсъ жизни, и такъ же невозможно станетъ «бѣгство» изъ семьи, не желаемо—какъ рѣдко случается или никогда не бываетъ бѣгство «изъ-подъ вѣнца». «Вѣнецъ»—у насъ дома: это «ветхій деньми» вѣнецъ, данный человѣку при его созиданіи. Что такое «жизнь»? «Твореніе» (шестидневное) окончилось, когда сотворенная послѣдняя вещь понесла въ себѣ «дыханіе жизни» и стала «творческою», т. е. «суббота» мірозданія перешла въ «субботу» брака, продолжающую мірозданіе и по-сейчасъ—

По вѣчнымъ, великимъ,
Желѣзнымъ законамъ,

въ коихъ отъ Адама и поднесь мы—

Кругъ жизни свершаемъ.

Вотъ бракъ въ его всемірномъ и религіозномъ значеніи. Инстинктъ не обманываетъ дѣвушекъ, и намъ нужно вернуться къ ихъ инстинктамъ. Быть оскорбленнымъ «въ лицѣ»—менѣе, чѣмъ уничижиться въ точкахъ, для коихъ, какъ «скверны», мы ищемъ «сквернаго помѣщенія». Вотъ родникъ проституціи, которая залила нашъ христіанскій «безплотно-возвышенный» и въ сущности «возвышенно-фиктивный» міръ. Вернемся же къ браку: «вѣнецъ»—у

насъ въ дому; и «вѣнчаніе» въ его торжественно-религіозномъ значеніи настаетъ въ каждую «субботу» семейнаго ритма. Мы понимаемъ, мы догадываемся, что при этомъ воззрѣніи, разъ оно перелилось на ощущеніе, семья не можетъ похолодѣть, «утомить» въ потокѣ лѣтъ, какъ она не похолодѣетъ черезъ шесть дней въ седьмой послѣ вѣнчанія. «Мужъ»—«жена» религіозно ощущаютъ себя въ ритмѣ счлененія своего: бѣгущіе года и наступающая старость уже такъ мало значительны при этомъ становятся, что не могутъ пошатнуть чувства, какъ они пошатываютъ всегда дѣйствительно «животныя»

Игры Вакха и Киприды

и «физіологію», подъ угломъ которой нами единственно усвоенъ «бракъ». Въ самомъ дѣлѣ, мы все въ немъ перепутали и смѣшали: слово-глаголаніе, «вѣнчаніе» есть «таинство» и «религія», но почему-то сейчасъ послѣ него начинающееся есть «животное», «грязь», «нечистота», «физіологія». Намъ даже не придетъ на умъ, для чего позвана церковь, и почему, позванная, она пошла и предстоитъ «физіологіи». Все перепуталось у насъ, потому что все забыто. Напротивъ, что вѣнчаніе есть таинство въ лунныхъ лучахъ, а «жизнь», «40 лѣтъ» есть таинство же въ солнечныхъ лучахъ—изъ этого объясняется, почему церковь и позвана, и почему она «пошла», «предстоитъ». Религіозность счлененій родитъ религіозность и расчлененій. Почему дѣти должны «почитать» родителей? Какъ-то особенно почитать, религіозно, а не «благодарить» только за квартиру и столъ? Все это непонятно съ физіологической точки зрѣнія, какъ и съ точки зрѣнія «поэзіи»,

Игръ Вакха и Киприды,

и начинаетъ быть понятно, какъ только «вѣнецъ брака» изъ церкви вносится въ домъ и высвѣчиваетъ его, каждую хижину всякихъ убогихъ, но любящихъ людей церковнымъ свѣтомъ. Дѣти суть религіозныя существа и находятся въ религіозной связи съ родителями по религіозности ихъ рожденія. Разбѣжавшіяся слова одной молитвы, связи которыхъ мы не понимаемъ. Но лишь въ этой связи они постигаются, т.-е. постигается существо «ребенка»; связь «неразрываемая» мужа и жены; любовь, которая обѣщается и должна течь «до гроба», не пошатываемая «болѣзнью», «старостью». Все это въ чертахъ своей требуемой вѣчности и требуемой чистоты—суть религія; но, значитъ, есть уже религія, ритмъ пола, о чемъ, однако, мы имѣемъ лишь сбивающіяся представленія — и вина этой сбивчивости лежитъ въ номинализмѣ брака.

Книжка г-жи Лухмановой, исполненная глубокой и прекрасной тревоги о женщинахъ, о дѣтяхъ (см. нѣкоторыя главы о безпріютныхъ дѣтяхъ, пріютахъ), дала намъ поводъ напомнить, гдѣ узелъ

этихъ тревогъ. Съ великими надеждами на будущее мы смотримъ на женщину; мужчина такъ погрузился въ свои «гражданскія скорби», что ему «некогда» и подумать, что такое его «я» и «гдѣ» оно. Женщина—сосредоточеннѣе: правда, сейчасъ и она мятется, «перебѣгаетъ холодный дворъ», кутаясь въ «платочекъ» или въ «пледъ». Но, по особенностямъ ли организаціи своей или своей судьбы, она—существо «объ одной думкѣ». «Отчество» для мужчины—это секунда, и онъ могъ принять ее за «удовольствіе»; для женщины ея «материнство» есть *процессъ*, и такой сложности и труда, что его невозможно было смѣшать съ «удовольствіемъ». Культура наша, цивилизація, подчинясь мужскимъ инстинктамъ, пошла по уклону специфически мужскихъ путей—высокаго развитія «гражданства», воспитанія «ума», съ забвеніемъ и пренебреженіемъ, какъ незначущаго или низкаго «удовольствія», всего полового, т. е. самыхъ родниковъ, источниковъ семьи, новаго и новаго рожденія. Все это умалилось, сморщилось; все это прежде всего не обдумано. Мы можемъ представить себѣ, наоборотъ, цѣлую культуру пола. Тѣ глубины проницанія и вниманія, которыя мы сейчасъ отдаемъ

...петличкамъ, выпушкамъ...

которыя весело разбѣжались по всѣмъ швамъ нашей цивилизаціи, чувствуя, что подъ ними—фундаментъ, за нихъ — время, «о нихъ существуетъ и движется эпоха»,—эту силу вниманія и заботъ мы можемъ положить на полъ и половое. Мы культивируемъ умъ; мы также можемъ культивировать полъ: возьмемъ ли мы школу, возьмемъ ли мы устроеніе воинской повинности, да и весь строй нашей цивилизаціи, односторонне мужской, т. е. неуравновѣшенной,—мы увидимъ, что жизнь пола вездѣ пренебрежена, что она нигдѣ не была принята во вниманіе, просто — о ней не было вопроса, она не была замѣчена, какъ именно «незначущее удовольствіе», естественно сторонящееся передъ «серьезною задачею» «вздуть сосѣда» и «отнять у него Эльзасъ-Лотарингію». Какъ мы уже замѣтили, всѣ европейскіе народы или вырождаются, или начинаютъ вырождаться, и въ то время, какъ внутри ихъ совершается этотъ процессъ подъ односторонностью «мужскихъ» интересовъ, они захватываютъ или усиливаются захватить кусокъ земли у сосѣда. Кусокъ «земли»... Скоро европейскимъ народамъ надо будетъ такъ мало земли, какъ мало ея нужно для гроба: и, кажется, именно въ этотъ-то моментъ они особенно будутъ пылать желаніемъ «овладѣть всею землей», провести до края ея свои «легіоны» и «знамена». Съ «землею» вообще потеряна ихъ связь, и она потеряна въ «материнствѣ». Съ высокихъ культурныхъ точекъ зрѣнія «земля» и чувство «земли» есть именно материнское чрево и чувство этого чрева: такъ глубоко они связаны, почти сливаются. Земля—«кормилица», какъ «кормилица» и мать. Но мать — это «Ева», «жизнь»:

«высокая жена», «Сар-ра», въ противоположность «Сарѣ», «госпожѣ», каковое переименованіе было отмѣчено Богомъ въ мигъ заключенія завѣта съ человѣкомъ.

Вотъ гдѣ открывается передъ женщиною великая задача. Это—задача переработать нашу цивилизацію, приблизить ее къ своему типу; овлажнить сухія ея черты влажностью материнства и краткую «дѣловитость»—нѣгой и поэзіей дитяти, такъ и хочется добавить—его безгрѣшностью и святостью. Въ самомъ дѣлѣ, это задача не только культурная, но и религіозная: черезъ «материнское чрево», эту таинственную «землю» бытія нашего, можетъ пролиться религія «ощущеній», взамѣнъ религіи «сознанія», которую одну мы имѣемъ въ своемъ богословскомъ номинализмѣ, въ поклоняемомъ νοῦς ποιητικός Аристотеля. Кто же не наблюдалъ, что, поднимаясь изъ «дѣвушки» въ «жену», всякая женщина почему-то и какъ-то, но становится религіознѣе; что «роженица» послѣ великаго труда и страданія высвѣчиваетъ какою-то явно новою, святою влагою теперь лучащихся глазъ; но вотъ—она поднялась, и еще слабая, шатаясь, зажигаетъ лампаду около колыбели младенца, иногда зажигаетъ ее впервые въ жизни. Все это—инстинкты, и тѣмъ они драгоцѣнны, что тутъ нѣтъ обдуманнаго и намѣреннаго: это—религія, и скорѣе хоронящаяся, стыдливо затаивающаяся. Извнутри поднимающаяся вѣра; внутреннее, изъ «чрева» идущее, разогрѣваніе человѣка; возжиганіе вновь въ немъ очага Весты. Задача женщины, объединивъ эти инстинкты, догадавшись объ общемъ ихъ смыслѣ, и состоитъ въ томъ, чтобы стать жрицею (священною, госпожою, Саррою) любви взамѣнъ ея «проходимки». Тутъ все принадлежитъ тайному и молчаливому ощущенію: тенденція къ серьезности, которая уже есть у цѣломудренныхъ дѣвушекъ, и можетъ сгуститься до высоты и порыва молитвы. Мы постигаемъ безъ труда, что «свято» зачинаемое, безъ загниванія въ узелкѣ бытія, и приметъ въ природу свою начало святости, совершенно противоположную той, какую получаетъ младенецъ, зачатый среди

... игръ Вакха и Киприды.

Ибо если мудро проницательное словцо нашихъ простолюдиновъ о человѣкѣ, что онъ «каковъ въ колыбельку—таковъ и въ могилку», то собственно настоящая мудрость этого выраженія читается такъ: «какъ зачинается человѣкъ—такъ въ этомъ направленіи до могилы и продолжается». Ибо секунда его зачатія—естественное построеніе ноуменальнаго плана его души или по закону «грѣха», и тогда «въ смерть» (моральную, но частью и физическую), или «въ молитвѣ»,—и тогда, конечно, «въ жизнь». Тутъ—и никогда еще, еще нигдѣ, — хоть на секунду, но соединяются «пуповиною» земля и таинственное, не астрономическое, небо: ибо огонекъ новой, тутъ зажигаемой жизни — «не отъ сего міра», онъ «въ стихіи» ниспа-

дастъ, но самъ вовсе не изъ «стихій», а откуда-то и тоже не отъ астрономическихъ «звѣздочекъ», отъ какихъ-то лилейныхъ частей міра. «Богъ взялъ сѣмена изъ міровъ иныхъ и насадилъ садъ свой, оттого и начала жизни постигнуть нельзя; но все, что живетъ — живетъ ощущеніемъ касанія своего таинственнымъ мірамъ инымъ». Удивительно, что, сказавъ устами старца Зосимы эти многодумныя слова, Достоевскій не догадался продвинуться немного впередъ и указать топографію и хронологію этихъ «касаній», какъ и другой поэтъ, написавшій совершенно тождественныя слова:

Онъ душу младую въ объятіяхъ несъ...

— и не догадался, какъ близокъ и простъ фактъ, ноуменальное значеніе коего онъ инстинктивно выразилъ. Великіе инстинкты, тѣмъ болѣе драгоцѣнные, что они не преднамѣренны и даже вовсе безъ догадки, къ чему относятся. Но мы, видя лучащуюся мать, и какъ она зажигаетъ около колыбели лампаду, легко догадываемся, гдѣ, въ чемъ и какъ человѣкъ касается «мірамъ инымъ» и слушаетъ

Звукъ пѣсни святой,
Безъ словъ — но живой.

Читатель видитъ, что мы вовсе не «наобумъ» заговорили, и не «воспользовавшись случаемъ», но сообразивъ дальніе и вѣковѣчные инстинкты человѣчества, миріады подробностей, которыя всѣ падаютъ въ одну точку. Теперь мы лишь довершаемъ эти думы, объединяемъ инстинкты, удаляя «брашна и питія» изъ таинственной секунды ноуменальныхъ касаній и требуя, какъ окруженія, для нея молитвы, религіи. Собственно это уже и есть религія, но пока — инстинктовъ, и для этихъ инстинктовъ нужна бы цѣлая культура. Мы указали на одну подробность—отнесеніе начала брака къ состоянію невинности; вообще направленіе культуры, или пока индивидуальныхъ усилій, все должно быть направлено къ удаленію отрицательныхъ ингредіентовъ изъ положительнѣйшаго акта—«волчца», «терній», «смрада», «гари», и, въ послѣднемъ анализѣ, «грѣха» и «смерти». Онъ долженъ быть центромъ особенно свѣтлаго и безгрѣшнаго настроенія; замѣчательно, что и сюда есть уже тенденція инстинктовъ: смятеніе, страхъ, отвращеніе и вообще все, что̀ «въ смерть», какъ-то гонитъ отъ себя, отодвигаетъ какъ не совмѣщающійся съ собою таинственный актъ. Но и этотъ тайный инстинктъ нужно возвести къ апоѳеозу, т. е. нуженъ нѣкоторый лучащійся нимбъ настроенія, выходъ изъ гнѣва, зависти, унынія, входъ въ кротость и «примиренность со всѣмъ міромъ», чтобы въ это свѣтлое пятно и ниспалъ «огонь» новой жизни, которая или будетъ мучить людей 40 — 70 лѣтъ, или ихъ ласкать и имъ пособлять, войдетъ въ бытіе общечеловѣческое отравою или лекарствомъ. Замѣчательно, что опросъ брачущихся въ секунду вѣнчанія о «любви»

и «непринужденности» уже включаетъ, отдаленно и косвенно, эту мысль; т. е. такъ какъ бракъ, по нашему опредѣленію, течетъ 40—50 лѣтъ со всей тяжестью и чистотой въ каждомъ его ритмѣ секунды вѣнчанія, то «любовь» и «непринужденность», возведенныя къ апоѳеозу, и образуютъ свѣтлый нимбъ, о коемъ мы говоримъ. «Потому и рождаемое свято»... будетъ «въ свѣтѣ». Мы только договариваемъ всеобщіе инстинкты — возвращаемъ номинализмъ къ реализму; кстати, вѣдь «вещь», «дѣло», вызвала всѣ непонятныя теперь nomina, коими окружено «таинство» брака, т. е. въ «вещи». «дѣлѣ», лежитъ уже существо и мысль всѣхъ этихъ nomina. Но все это сейчасъ забыто, похоронено подъ мусоромъ вѣковъ, подъ щебнемъ разрушенныхъ цивилизацій—и такъ глубоко, что именно въ нимбъ положительнѣйшей секунды человѣческаго бытія какой-то демонъ увлекъ насъ внести мысленно «жало смерти», «духъ отрицанія», и естественно «жалимые» имъ — мы умираемъ, «вымираемъ» («проституція», «съѣздъ сифилидологовъ», «пассивная» разваливающаяся семья). Назадъ, и какъ можно скорѣй назадъ изъ этого искусно прикинувшагося демонизма!

«Жрица любви», «владычица жизни», носительница «посѣвовъ» исторіи, конечно — всегда «casta», «diva», т. е. черты особой непорочности и религіозной торжественности ей особенно присущи. Вотъ секретъ тоже инстинкта, съ коимъ г-жа Лухманова потянулась отъ «мордочекъ» къ «лицамъ». Мы говоримъ, что довершаемъ всемірные инстинкты, ибо то, надъ чѣмъ злобно смѣется авторъ указываемой нами книжки, — всѣ, кому дорого существо человѣческое, въ тайнѣ орошаютъ слезами («Плоды просвѣщенія», «Крейцерова соната»): кто же изъ насъ не плачетъ о потерѣ «религіозно чувствующей себя» матери, «религіозно себя сознающей» жены, «религіозно воспитываемой въ материнство» дочери-подросткѣ, и вообще что въ насъ и около насъ «мордочки», а не «лица»? Но «корень вещей» глубже зарытъ, чѣмъ догадываются; хоть чуть-чуть, мы его даемъ прозрѣть: хоть въ кой-комъ западетъ наша мысль. И кой-кто поправитъ «листокъ» на засыхающемъ «древѣ жизни». Здѣсь «дѣло культуры» возможно, ибо оно не требуетъ «громовъ» и «пушекъ»; это — тайно-твореніе жизни, и оно можетъ быть безмолвною и затаенною религіею, остаться внутреннею «молитвою» и теплотою, безъ наблюдаемыхъ знаковъ.

Нѣчто изъ сѣдой древности.

... И вселитъ Богъ Іафета въ шатры Симовы.
Бытія.

Существуетъ предвѣчное «отчество»: есть вѣчное «материнство». Что такое Библія? Книга «отчествъ». «Богъ Авраама, Богъ Исаака, Богъ Іакова»—вотъ формула Израиля, пронесенная безъ перемѣнъ въ блужданіяхъ между Мемфисомъ, Хананомъ, Сіономъ, Вавилономъ, Парижемъ, Вильною: т.-е. Богъ Авраама «родившаго» Исаака, Исаака «рожденнаго» отъ Авраама и «родившаго» Іакова; Іакова «родившагося» отъ нихъ. Но и помимо этого: съ самыхъ же первыхъ главъ и до очень позднихъ, Библія мѣстами переходитъ прямо въ исчисленіе рожденій, въ необозримую генеалогію, вѣтвленіе и вѣтвленіе человѣка. Это какой-то словесный «дубъ Мамврійскій», такъ и хочется поправить «дуброва» Мамврійская, и шумящій въ ней священный вѣтеръ. Индивидуумъ всегда въ ней взятъ въ точкѣ сочлененія съ «сукомъ», на которомъ сидитъ; и вся полнота вниманія остановлена на точкѣ тѣхъ новыхъ возможныхъ «сочлененій», гдѣ отъ него выбѣжалъ или могъ бы выбѣжать свѣжій листъ. Мы говоримъ о томъ, какъ Библія высвѣчиваетъ не въ томъ или иномъ рѣченіи, но въ колоритѣ и мелодіи необозримыхъ святыхъ страницъ. Но вотъ и изъ среды «рѣченій» одно-два яркихъ:

Іеффай возвращается побѣдителемъ; въ радости онъ даетъ обѣтъ посвятить Богу «во всесожженіе» то, что выйдетъ первое ему изъ дома. Онъ предполагалъ корову, барана; но выходитъ дочь—единственная. Какой ужасъ; но обѣщаніе передъ Богомъ есть уже дѣло, и вотъ дочь утѣшаетъ отца: «Отецъ мой, ты отверзъ уста передъ Господомъ и дѣлай то, что произнесли уста твои. Но только сперва отпусти меня на два мѣсяца: я пойду, взойду на горы и оплачу дѣвство мое съ подругами моими». Все далѣе происходитъ

соотвѣтственно обѣту. Казалось бы, какая тема для размышленій, скорби, недоумѣнія лѣтописца, но онъ вписываетъ только одну строку: «такъ она и не познала мужа» (Книга Судей, глава 11, ст. 39).

Это—вѣчная забота Израиля, и Библію также можно назвать книгою «познаній» въ этомъ особенномъ смыслѣ, какъ и книгою «отчествъ». Вотъ еще одна запись: война съ филистимлянами; войска еврейскія разбиты; взятъ въ плѣнъ и увезенъ ковчегъ завѣта; убиты Офни и Финеесъ, дурные сыновья первосвященника Иліи: и, наконецъ, самъ первосвященникъ, получивъ извѣстіе, упалъ навзничь и умеръ. Казалось, весь Израиль раззоренъ, какъ племя, какъ государство, какъ «святилище».—что же записываетъ лѣтописецъ? «Невѣстка же первосвященника была беременна и уже передъ родами. И когда дошло до нея извѣстіе, то упала она на колѣни и родила, ибо приступили къ ней боли ея. И когда умирала она, стоявшія при ней женщины говорили ей: не бойся, ты родила сына. Но она не отвѣчала и не обращала вниманія (т.-е. была мертва). («Первая книга царствъ», глава 4, ст. 20).

Вотъ окруженіе «ковчега завѣта». Его нѣтъ давно; отъ храма Іерусалимскаго осталась одна «стѣна плача»; но «плоть» израильская не только живетъ, но и рѣшительно не угасаетъ, не тускнетъ, и именно въ плотскомъ своемъ свѣтѣ. 4.000 лѣтъ—и никакой жизненной усталости: ни тѣни пессимизма: и до сихъ поръ какой-нибудь «Хаимъ изъ Вильны», бредя домой съ удачной или неудачной покупки, и увидѣвъ свѣтъ въ окнѣ хотя бы «язычника», останавливается и произноситъ: «благословенъ Богъ, сотворившій свѣтъ». Этого обычая нельзя навязать: онъ такъ подробенъ, за исполненіемъ его такъ трудно прослѣдить, что, безъ сомнѣнія, давно бы исчезъ, если бы не былъ какимъ-то внутреннимъ порывомъ этой не угасающей въ исторіи плоти.

Для историковъ европейскихъ Израиль и до сихъ поръ составляетъ загадку; до чего далека эта загадка отъ разрѣшенія, можно судить по одному замѣчанію, содержащемуся въ «Объясненіяхъ на книгу Бытія» покойнаго митрополита Филарета московскаго. Дѣло идетъ объ обрѣзаніи, этой странной дѣтской операціи, которая и до сихъ поръ сохранена не поколебленною у евреевъ. Присматриваясь къ «высвѣчиванію» Библіи, безъ труда можно замѣтить, что забота и страхъ обрѣзанія господствуетъ въ ней надъ вниманіемъ къ пророкамъ и послушаніемъ Моисею, надъ Сіономъ и самой плотью «12 колѣнъ» (изъ нихъ одно, Веніаминово, однажды едва не было истреблено); что все это, вся 4.000 лѣтняя «рѣка Израиля» и вытекла изъ маленькаго родничка этой странной операціи. Но замѣчательно, что митрополиту Филарету уже она представлялась съ чисто анатомической только стороны, какъ гигіеническая профилактика: «Къ учрежденію обрѣзанія слѣдуетъ

полагать двѣ причины: одна образовательная и другая прообразовательная или пророческая. Первою причиною можно считать: предупрежденіе нѣкоторыхъ болѣзней, чистота тѣла, приличная священному народу, приготовленіе къ обильному чадорожденію; въ семъ послѣднемъ смыслѣ изъяснялъ обрѣзаніе Филонъ (еврей изъ Александріи и вмѣстѣ философъ платоническихъ тенденцій, одинъ изъ великихъ, если не самый великій авторитетъ юдаизма). Пророческое же или прообразовательное значеніе его выступаетъ лишь по воплощеніи Бога-Слова». — Это больше, чѣмъ непониманіе; это—отрицаніе. «Ветхаго Завѣта не было», или «онъ не содержалъ въ себѣ ничего»—вотъ смыслъ приведенныхъ словъ; судя по ссылкѣ на Филона, впрочемъ уже къ началу нашей эры смыслъ обрѣзанія былъ совершенно темнъ самимъ евреямъ, и оно держалось и удерживается лишь коснымъ упорствомъ раввината. Между тѣмъ въ Библіи есть одно указаніе на смыслъ операціи: это восклицаніе Сепфоры, жены Моисея. Важно здѣсь все окруженіе обстоятельствъ, и мы приведемъ 5—6 строкъ. Моисей, только что выслушавъ Божіе наставленіе около Хорива, возвращается въ Египетъ, откуда бѣжалъ было, для изведенія изъ рабства своего народа. Значитъ, совершилось великое рѣшеніе, не въ немъ, но о немъ и объ Израилѣ; въ хлопотахъ пути, Сепфора на время отложила совершеніе «профилактической операціи», и вотъ прислушаемся къ тонамъ какъ бы далекаго и зловѣщаго переката громовъ: «И случилось дорогою на ночлегѣ, что встрѣтилъ его (Моисея) Господь и хотѣлъ умертвить его. Тогда Сепфора, взявши каменный ножъ, обрѣзала крайнюю плоть сына своего, и, бросивши къ ногамъ его, сказала: *ты женихъ крови у меня.* И отошелъ отъ него Господь. Тогда сказала она: *женихъ крови по обрѣзанію*». (Исходъ, глава 4, ст. 24—26). Итакъ, одинъ не обрѣзанный малютка едва не произвелъ поворота въ рѣшенной уже судьбѣ цѣлаго племени. «Если же кто не обрѣжетъ крайнюю плоть свою—истребится душа того изъ народа», сказалъ Богъ Аврааму при заключеніи самаго завѣта. Итакъ, «завѣтъ»—былъ: его мысль именно въ «обрѣзаніи». Собственно, всѣ «обѣтованія» о «наслѣдіи земли хананской», о «размноженіи, какъ песокъ морской», лишь прилагаются къ иному и главному, сокровенному содержанію обрѣзанія: это—земная сторона, нужная и понятная Аврааму, склоняющая его къ заключенію «завѣта» и, собственно, лишь повторяющая его же тягучія мечты. Это—награда. И есть то, за что награда,—самая «вещь» обрѣзанія, скользящій по крайней плоти ножъ; но это есть не земная его сторона, о которой никогда и ничего Израилю не было сказано, какъ очевидно и не нуждающемуся въ этомъ знаніи. «Ханаанъ», «песокъ морской»—«бѣ» къ человѣку; «крайняя плоть»—«бѣ» къ Богу.

Скользящій по ней ножъ есть жестъ, обрядъ, процессъ полового

обрученія, послѣ коего «женихъ крови» обязанъ въ вѣрности—«не уклоняться къ богамъ инымъ» и въ точкѣ и не черезъ точку обрѣзанія. «Обрѣзанный» есть «обѣщанный», «связанный въ завѣтѣ»; и по точкѣ наложенія печати мы не можемъ сомнѣваться, что раскрытіе завѣта, исполненіе обѣщанія наступаетъ въ бракѣ: отъ этого въ Египтѣ [1]), гдѣ также было обрѣзаніе, оно совершалось сейчасъ передъ бракомъ, на 17-мъ году. Замѣчательны подробности обрѣзанія: въ немъ собственно продольно разрѣзается кольцо (т.-е. перерубается). раздваивается, распаивается одно—въ два болѣе тонкія кольца, изъ коихъ одно. «край обрѣзанія», носится человѣкомъ. носится почти отъ рожденія до могилы, какъ «память» и «залогъ вѣрности»; а старое кольцо отбрасывается куда-то въ сторону. «испуганно кому-то выбрасывается». «И отошелъ Господь»—какъ бы насыщенный, удовлетворенный. «Завѣтъ» —конечно съ Богомъ; но «завѣто-исполненіе», судя по точкѣ печати—конечно только въ бракѣ, т.-е. въ бракѣ изъ «обѣщанія» завѣтъ переходитъ въ исполненіе, «слово» обрученія — въ дѣло мужа, безъ перемѣны собственно связанныхъ полу-кольцами. Отсюда—подробность: кто не можетъ быть мужемъ, вовсе не можетъ быть израильтяниномъ: «скопецъ или полу-скопецъ въ сонмъ Господень да не входитъ» (законъ Моисея). Такимъ образомъ всѣ «12 колѣнъ» суть «сонмъ Господень», но—слитый кольцомъ обрѣзанія, и слѣдовательно «сонмъ брачный», «брачущійся»; и именно въ точкѣ обрѣзанія. въ мѣстѣ приложенія таинственной печати, онъ становится, если позволительно такъ выразиться, «сонмствующимъ Господу». Сейчасъ тогда объяснятся странныя переименованія, и именно въ мигъ завѣта или при его подтвержденіи: «отнынѣ ты будешь называться не Аврамъ (=Господинъ), но Авра-амъ (=«отецъ множества»), и жена твоя не Сара (=«госпожа»), но Сарра (=«высокая жена»): «ты не Іаковъ, но Израиль» (=«боровшійся съ Богомъ»). Мысль этихъ переименованій въ необозримыхъ повтореніяхъ разъясняется въ символикѣ обрѣзанцевъ-египтянъ. Не «Аврамъ» ты болѣе; и ты не Сара; для Меня—ты только Авраамъ, и она Сарра; мое видѣніе лежитъ на этомъ второмъ, но собственно главномъ въ васъ лицѣ. Отрицаніе и утвержденіе, здѣсь слитыя, выражены въ вѣчномъ отрицаніи въ египетскихъ изображеніяхъ собственно «лица» въ человѣкѣ, его «головы», на мѣсто которой приставляется что-нибудь,

---

[1]) Его слѣды найдены на муміяхъ. Есть въ наукѣ попытка провести мысль, что «еврейское» и «египетское» обрѣзанье не имѣли ничего общаго; варіанты взглядовъ вѣроятно были, но въ общей фундаментальной мысли нельзя сомнѣваться судя по словамъ, съ которыми еврей. не обрѣзанные еще во время странствованія по пустынѣ, обратились къ Іисусу Навину, прося ихъ обрѣзать: «сними съ насъ поношеніе египетское», т.-е. возможность «укора», «насмѣшки» надъ нами—очевидно на почвѣ одинаковаго пониманія. Объ обрѣзаніи у египтянъ и его времени см. у разныхъ греческихъ писателей.

какая-нибудь чужая голова, взятая съ котораго-нибудь животнаго; «животная» голова—при сохраненіи и даже богатой разработкѣ собственно человѣческаго тѣла, при удержаніи и даже богатомъ выявленіи Авра-ама, Сар-ры. Всѣ читаемыя въ Библіи переименованія, раздвоенія человѣка съ отверженіемъ въ немъ одного лица и укрѣпленіемъ второго—лица плодоношенія, безмолвно все это сказано до сихъ поръ неразгаданною особенностью художествъ въ дельтѣ Нила, «священныхъ» художествъ. Тамъ и здѣсь раскрыто лицо завѣта: то, которое поглотило обѣтованія, и отвѣтно за нихъ поклялось въ вѣрности, принявъ кровавую печать, связавъ свободу.

Что такое ритмъ брака? Каждое біеніе его пульса такъ кратко, стѣснено во времени, что мы можемъ что-нибудь разсмотрѣть здѣсь лишь черезъ фотосферу окружающихъ явленій. Это—семья; и тамъ—ея родникъ: секунда, гдѣ она выникаетъ изъ небытія. Семья—ближайшее и самое дорогое для насъ отечество; пространственно—это мѣсто самыхъ горячихъ связей; духовно—это мѣсто совершеннаго идеализма, живого, лучащагося. Но въ узлѣ этихъ лучей—неразглядываемое, темное пятно таинственныхъ «прилѣпленій». Въ нихъ еще вчера «Аврамъ», «гражданинъ», «философъ»—разлагается въ «отца» и «дитя», выростаетъ въ «отца множества» (Авраамъ); вчера дѣвушка—сегодня разлагается въ «дитя» и «мать». Построеніе земного человѣка, начнется оно послѣ этого, или нѣтъ,—уже составитъ другую, болѣе внѣшнюю и, очевидно, менѣе важную, зависимую и обусловленную сторону; замѣчательно, что тяжесть секунды лежитъ въ чисто внутренней, субъективной сторонѣ само-разложенія, и вовсе не въ осязательной его сторонѣ. Но обратимъ вниманіе на фотосферу. Семья есть, конечно, «животный» союзъ, точка «животныхъ» сочленений мужа и жены, и расчлененій двухъ въ «животное»-же множество (дѣти). Поразительно, что, при безспорно «животномъ» существѣ, семья имѣетъ безспорно же мистическое, религіозное существо. Именно, сочленяясь и расчленяясь, она померкаетъ въ лицѣ, «Аврамѣ», но въ это же время мистическое «дыханіе» пронизываетъ ее и она является какимъ-то многоглавымъ Авраамомъ, «многоочитымъ», «исполненнымъ внутреннихъ очей» животнымъ. Сплетеніе «животнаго» и «религіознаго» въ ней поразительно, очевидно. Какая скорбь матери о болящемъ ребенкѣ! ревнивое охраненіе мужемъ незагрязненности дома; невольное требованіе отъ дѣтей особой, религіозной почтительности. Это—начинающаяся религія, это очевидно религіозный союзъ, т. е. уже религіозная связь—и все изъ неразглядываемаго, темнаго пятнышка «сочленений». Малѣйшее загрязненіе этого пятнышка раскалываетъ до глубины семью; дѣти болѣе не нужны и брошены; кинута жена, или оставленъ мужъ. Здѣсь полегла такая сила утвержденій, которая не выноситъ внесенія въ себя никакого отрицанія, ни соринки. Какъ часто жена, узнавъ

объ измѣнѣ мужа, ищетъ могилы; какъ часто, съ кровавыми слезами, мужъ губитъ даже предполагаемо измѣнившую (Дездемона). Въ «чемъ» измѣнившую?—какой, казалось бы, «вздоръ». Вспомнимъ глубокую тоску Пушкина при попыткахъ загрязнить его домашнюю жизнь; обратимъ еще вниманіе, что у нашего духовенства, которое очень мало занято романтическою стороною брака и имѣетъ серьезный и положительный взглядъ на плотское соединеніе, семейный и вообще родственный укладъ отличается часто поразительною, трогательною нѣжностью и теплотой. Въ любопытномъ возраженіи архіеп. Никанора на «Крейцерову сонату» приведено наблюденіе, безспорно не сочиненное: что въ очень счастливыхъ случаяхъ супруги и внѣшнимъ обликомъ сближаются другъ съ другомъ, начинаютъ походить лицомъ одинъ на другого. Тяжесть брака вся лежитъ въ его «животномъ» ритмѣ: тутъ онъ таинственъ, мистиченъ; отсюда его теплота, свѣтъ; но если мы сравнимъ до-брачныя пушкинскія

Игры Вакха и Киприды ..

съ его же послѣ-брачною серьезностью, когда онъ запѣлъ:

Отцы пустынники и жены непорочны...

—мы будемъ поражены разностью психическаго воздѣйствія однихъ и тѣхъ же физіологически пульсацій. Мы здѣсь не должны ничего преувеличивать и ничего уменьшать; должны быть безмѣрно внимательны, ибо кружимся около глубочайшей тайны бытія человѣческаго. Пушкинъ еще легкомысленно становится мужемъ, не предугадывая духовныхъ послѣдствій; онъ совершенно не религіозенъ; вся перемѣна, какую мы въ правѣ противъ прежняго предполагать у него, заключается въ иной точкѣ зрѣнія, въ иномъ и болѣе сосредоточенномъ ощущеніи въ «прильщеніяхъ»—и невольно, еще легкомысленный вчера, онъ сегодня становится задумчивѣе, завтра начинаетъ искать новыхъ книгъ и совершенно противоположныхъ прежнимъ впечатлѣній: Пушкинъ «возрождается»—какъ и отмѣтилъ это въ чудномъ стихотвореніи—и возрождающая сила лежитъ въ сосредоточенно-тяжеломъ, внимательно-заботливомъ отношеніи однако къ совершенно и безспорно плотской пульсаціи. Уголъ зрѣнія у него мѣняется; и гораздо раньше, чѣмъ рождается у него ребенокъ и начинается полная семья, мы видимъ его уже другимъ. Лермонтовъ, который постоянно сосредоточенъ на этихъ таинственныхъ «мгновеніяхъ» и вся его поэзія есть только преобразованіе ихъ почти до размѣровъ цѣлой вселенной.—постоянно и неразрушаемо, не отвлекаемо серьезенъ:

Дамъ тебѣ я на дорогу
Образокъ святой;

Ты его, моляся Богу,
Ставь передъ собой.
Да кидаясь въ бой опасный,
Помни мать свою...

Это—открытіе въ немъ «отчества»; конечно—это «отецъ» поетъ, «отецъ множества» по Божьему переименованію Авраама, распустившійся до нѣги матери, до «сліянія съ ея лицомъ» по опредѣленію архіеп. Никанора. Мы хотимъ сказать, что въ «секундахъ» брачныхъ, которыя всегда даютъ или имѣютъ силу дать дитя, есть, кромѣ этого, мистически-духовный свѣтъ, который при сосредоточенности на нихъ ума или воображенія подчиняетъ себѣ эти способности и преобразуетъ ихъ глубоко, до неузнаваемости, до противоположности съ прежнимъ: именно, онѣ разливаютъ какое-то «ветхое деньми» отчество, «древнее» материнство на теоретическую часть духа. Это какъ съ матерями физіологически случается, что у нихъ «молоко» бросается въ голову»: такъ свѣтъ «отчества» въ миги таинственныхъ разложеній «ударяетъ въ голову», и человѣкъ, вчера пѣвшій объ

Играхъ Вакха и Киприды,

завтра начинаетъ пѣть—

Отцы пустынники...

Дѣвушка, вчера исполненная романтизма, завтра, ставъ «высокою женою»—серьезнѣетъ; это такъ для наблюдателя замѣтно, что лишь отъ самого поверхностнаго ума скроется: въ «Крейцеровой сонатѣ» есть прекрасное замѣчаніе, что черезъ недѣлю послѣ вѣнчанія Позднышевъ увидѣлъ жену задумавшеюся и, подойдя,—хотѣлъ опять начать «играть» съ нею, но, отведя его руку, она горько зарыдала. Смыслъ «Крейцеровой сонаты» всетаки и до сихъ поръ не раскутанъ; вполнѣ удивительно и ошибочно, что его не захотѣлъ раскрыть самъ авторъ, повидимому «сконфузившись дѣла». Тайна въ томъ, что половые «миги» при цѣломудренномъ и религіозномъ ихъ ощущеніи, открывая и въ насъ, «подобіи и образѣ», предвѣчное отчество и предвѣчное материнство, вполнѣ ставятъ насъ на высоту человѣка; и нѣтъ книгъ, бесѣдъ, нѣтъ вообще способовъ познанія и чувства, которыя такъ реально и могущественно, обливая этими предвѣчными чертами второе, «логическое» въ насъ лицо, просвѣтляли бы его и углубляли. Позднышева зарыдала, ибо она обманулась въ цѣломудренныхъ дѣвичьихъ предчувствіяхъ; въ ней зарыдала «высокая жена» (Сар-ра), которая вдругъ почувствовала, что ея мужу ничего не понятно въ бракѣ; что для него въ немъ все—

Игры Вакха и Киприды...

и никогда, никогда онъ ея не сдѣлаетъ праведною израильтянкою. Но намъ пора перейти отъ этой минутной иллюстраціи къ Израилю.

Густая и святая мгла его, это «облако днемъ и какъ бы огнь ночью», есть свѣтъ и мгла вѣчныхъ сочленений подъ религіознымъ угломъ зрѣнія, пролитомъ на нихъ въ «обрѣзаніи». «Таинство брака», которое для насъ есть разъ въ жизни, и память его все хладѣетъ,—для израильтянъ есть таинство ритмическихъ біеній въ бракѣ, изъ коихъ каждое имѣетъ всю силу перваго и ту специфически-религіозную высоту, которую мы перенесли на слово о бракѣ: т. е. для нихъ таинство есть ткань жизни, самое снованіе ткущаго челнока, черезъ который —

По вѣчнымъ, великимъ
Желѣзнымъ законамъ
Кругъ нашей жизни
Всѣ мы свершаемъ (Гете).

Позднышева, и всякая цѣломудренная дѣвушка, всякій въ цѣломудріи блюдущій себя мужъ (у Толстаго—Левинъ: см. его волненія и чувство покаянія передъ бракомъ) смутно это предчуствуютъ: у нашихъ «купцовъ», гдѣ все-таки есть много серьезнаго, на свадебномъ вечерѣ невѣста не танцуетъ: она приуготовлена къ таинству и не должна разсѣяться. Вообще инстинкты цѣломудрія всѣ тянутъ сюда, на «высоту», и здѣсь... Здѣсь мы вдругъ начинаемъ постигать весь семито-хамитическій Востокъ.

«Географическая территорія передней Азіи есть родина всѣхъ трехъ монотеистическихъ религій»—заучиваемъ мы въ дѣтствѣ, по учебникамъ географіи: и это такъ любопытно, что и въ зрѣломъ возрастѣ мы не устаемъ размышлять объ этомъ, а наука пытается проникнуть въ это историческое въ своемъ родѣ таинство. Сейчасъ еще одинъ примѣръ — это Рафаэль: онъ жилъ въ атеистическомъ Renaissanc'ѣ, когда религіозный скептицизмъ заплескивалъ даже папскій престолъ. Когда умеръ папа Николай V, въ его комнатахъ не нашли даже Евангелія: онъ собиралъ и умеръ окруженный античными рукописями. Едва ли есть причины думать, и по крайней мѣрѣ никакихъ біографическихъ данныхъ, чтобы Рафаэль имѣлъ иныя точки зрѣнія: что же онъ рисовалъ?—

Дамъ тебѣ я на дорогу
Образокъ святой...

— вѣчныя дитя и мать: почти отсутствіе взрослыхъ мужскихъ фигуръ, или по крайней мѣрѣ не замѣчательныя: дитя и около него иногда еще другое, товарищески-играющее: иногда «завѣса» ликовъ, цѣлый «воздухъ» ликовъ, но непремѣнно дѣтскихъ, т. е. съ материнской влагой на глазахъ, едва просвѣтившихся къ зрѣнію міра. Истинно «многоочитая» плоть. Если всмотрѣться въ тайну его живописи, безъ труда можно замѣтить, что она и сводится къ этой влагѣ чрева, еще не высохшей на вѣкахъ, на щекахъ, на губкахъ дѣтскихъ ликовъ: она имъ сообщила ту святость, которую

ясно и безспорно мы читаемъ у своего 11—13 мѣсячнаго, или дву-годовалаго дитяти, если внимательно, часы не отрываясь, станемъ смотрѣть на него: и материнскія лица снова имѣютъ у него то невыразимое передъ иною живописью преимущество, что, устремленныя на дитя, еще какъ будто продолжаютъ чувствовать его біеніе подъ сердцемъ. Вотъ его тема; причемъ онъ бралъ сюжеты и пользовался ими со свободою, какъ Шекспиръ средневѣковыми хрониками; во всякомъ случаѣ безспорно, что одинаковые сюжеты, и передъ всѣми художниками по сейчасъ остающіеся, не вызвали ни у одного изъ нихъ рисунка и колорита, одинаковаго съ Рафаэлемъ, который почти не хотѣлъ и не умѣлъ рисовать еще что-нибудь, кромѣ матери и дитяти. Итакъ, то специфическое, что есть въ его созданіяхъ, течетъ очевидно не изъ сюжетовъ, не изъ темъ вычитанныхъ; но изъ существа художника, струившагося единственною темою материнства—«небеснаго» материнства, теперь-то уже мы можемъ сказать, ссылаясь на колоритъ его картинъ. Намъ все хочется сказать, что «отчество»-«материнство» въ точности—не стихійной природы: родникъ этого — не въ «красной» глинѣ, образующей составъ нашихъ костей и мускуловъ. Что здѣсь, а слѣдовательно и въ субъективныхъ разложеніяхъ въ «отца»-«дитя», или «дитя»-«мать», т е. въ самомъ ритмѣ брака, человѣкъ выходитъ изъ узъ «красной глины», изъ подневольности «стихіямъ» и возвращается къ древнимъ основаніямъ бытія своего, небесной своей родины; и что-то «отческое», и вмѣстѣ «ветхое деньми», касаясь «состава бедра его» — производитъ въ немъ и содроганіе, и сладкое ощущеніе, и цукъ духовныхъ и мистическихъ преобразованій, который мы отмѣтили выше. Вотъ даже для насъ, для размышляющаго созерцанія — внутреннее и лишь приблизительное содержаніе мига, но вернемся же къ Востоку.

II. для начала, войдемъ въ Скинію ковчега, въ святилище, и разсмотримъ устроеніе въ немъ свѣтильника. Вотъ какъ «рабъ Божій», Моисей, передаетъ въ 25-й главѣ «Исхода» повелѣніе устроить его: «И сдѣлай свѣтильникъ изъ золота чистаго; чеканный долженъ быть онъ; стебель его, вѣтви его, чашечки его, яблоки его и цвѣты его должны выходить изъ него; шесть вѣтвей должны выходить изъ него: три вѣтви изъ одного бока и три вѣтви изъ другого бока его; три чашечки на подобіе миндальнаго цвѣтка, съ яблокомъ и цвѣтами, должны быть на одной вѣтви, и три чашечки на подобіе миндальнаго цвѣтка на другой вѣтви, съ яблокомъ и цвѣтами: такъ на всѣхъ шести вѣтвяхъ, выходящихъ изъ свѣтильника; а на стеблѣ свѣтильника должны быть четыре чашечки на подобіе миндальнаго цвѣтка съ яблоками и цвѣтами: у шести вѣтвей, выходящихъ изъ стебля свѣтильника, яблоко подъ двумя вѣтвями, и яблоко подъ третьими двумя вѣтвями его: яблоки и вѣтви ихъ изъ него должны выходить... Смотри—сдѣлай все, какъ я показалъ тебѣ (т. е. Моисею) на горѣ» (Синаѣ).

Это—что-то напоминающее Рахиль и Лію, соперничающихъ въ чадородіи и берущихъ въ помощь себѣ служанокъ Валлу и Зелфу («Бытіе», гл. 30). Мы говоримъ о множествѣ символовъ въ его устроеніи, которые всѣ суть символы плодоношенія; но взглянемъ же еще разъ на него: «И сдѣлай къ нему семь лампадъ, и поставь на него лампады его -чтобы свѣтили на переднюю его сторону» (стихъ 37). Вотъ въ миньятюрѣ весь Израиль: несущій какъ свѣтильникъ передъ собою свое чадородіе; «дубъ мамврійскій», вѣчно сочленяющійся, весь состоящій изъ «стеблей», «вѣтвей», «миндальныхъ цвѣтовъ» и «яблоковъ» (въ древности—это возбудитель плодородія у женщинъ); но, въ противоположность намъ, съ «лампадою» въ точкѣ каждаго сочлененія. Аронъ входитъ въ святилище; на немъ ефодъ, священная одежда: «И сдѣлай по подолу ея яблоки изъ нитей голубого, яхонтоваго и пурпуроваго цвѣта: такого вида яблоки, и позвонки золотые между ними кругомъ: золотой позвонокъ и яблоко, золотой позвонокъ и яблоко, по подолу верхней ризы кругомъ» (Исходъ, глава 28, ст. 33—34). Мы догадываемся, что если яблоко есть возбудитель чадородія, то «позвонокъ»—возбуждаемыя къ чадородію «чресла»; и, по крайней мѣрѣ въ Египтѣ древнѣйшимъ изображеніемъ «небеснаго Нила» служила связка позвонковъ, съ идущими отъ нихъ зачатками реберъ (такъ называемая статуэтка Didoui). Въ святилище входятъ только потомки Аарона, не всѣ, но достойные: «У кого на тѣлѣ есть недостатокъ, не долженъ приступать къ святилищу: ни хромой, ни уродливый, ни такой, у котораго переломлена рука или переломлена нога, ни горбатый, ни съ сухимъ членомъ, ни съ бѣльмомъ на глазу; недостатокъ на немъ, по этому не долженъ онъ приступать, чтобы приносить хлѣба Богу своему» (Левитъ, гл. 21). Это такъ поразительно: священнослужитель долженъ представлять цѣлое и чистое тѣло, и это сливается или, точнѣе, замѣщаетъ наше требованіе «чистоты» вѣры и «неповрежденности» въ ея исповѣданіи. Но требованіе цѣлости и чистоты тѣла стоитъ на второмъ мѣстѣ: «Первое условіе, которому долженъ былъ удовлетворять священникъ, есть чистая кровь—священникъ не могъ быть женатъ на вдовѣ, на бывшей въ плѣну, на прозелиткѣ или отпущенной. Еще строже были правила для первосвященника. Онъ могъ жениться только на дѣвицѣ, предварительно изслѣдовавши ея родословную» (И. Переферковичъ: «Талмудъ, его исторія и содержаніе. Спб. 1897 г., стр. 111). Вотъ странное богословіе, въ которомъ они испытываются; и мы ожидаемъ встрѣтить великія странности въ религіи.

Она не имѣетъ храмовъ; «стѣна плача» есть остатокъ отъ единственнаго, послѣ котораго евреи не возздигаютъ другихъ; синагоги суть училищные дома и дома общественнаго собранія, безъ богослужебнаго въ себѣ значенія. Но и въ единственномъ храмѣ

въ чемъ же состояло «богослуженіе»?—вѣчныя «очистительныя» жертвы, по утру или въ вечеру, по требованію частныхъ приходящихъ лицъ или, въ нѣкоторые сроки, за цѣлый народъ. Храмъ есть точка всеобщаго для «12 колѣнъ» очищенія [1]). При мысли о религіи у насъ возникаетъ непремѣнно мысль объ исповѣданіи: религія есть кругъ вѣдѣнія, словесно выраженнаго; у евреевъ религія есть необозримый ритуалъ: это образъ жизни—«субботы», «новомѣсячія», «очищенія», и въ центрѣ ихъ—«обрѣзаніе». Религія у нихъ есть пульсъ жизни—это очевидно; у насъ это есть образъ мышленія—это также очевидно. Мы видимъ великое расхожденіе арійскихъ и семито-хамитическихъ племенъ: арій есть племя логическаго выраженія: скажемъ полнѣе: онъ выражаетъ въ исторіи второе лицо въ человѣкѣ, отраженной, лунной природы—родникъ «наукъ» и «искусствъ», «государствъ» и «гражданства»,—вездѣ порядокъ слова или, если и вещей, то черезъ слово выражаемыхъ, въ словѣ связываемыхъ, черезъ слово преобразуемыхъ, и «о словѣ и въ словѣ живущихъ». Если позволительна шутка при обсужденіи важной темы, мы выразились бы, что арійцы несутъ свою идею и миссію на кончикѣ носа, горделиво его подымая и всегда на протяженіи цѣлой исторіи всего болѣе страшась, чтобы, проходя мимо, кто-нибудь не задѣлъ другого «по носу». Революція и реформація, эти типичнѣйшіе феномены европейской исторіи, были битвою «символовъ» и великимъ крововзліяніемъ изъ высоко несомыхъ носовъ. Мы шутимъ, но тутъ есть чуть-чуть вѣковѣчной правды, и читатель легко переведетъ краткія строки въ обширныя размышленія и на совершенно серьезныя гаммы. Хамито-семиты понесли идею свою и миссію въ точкѣ обрѣзанія (финикійцы, см.

---

[1]) Замѣчательно,—и собственно вскрываетъ все провиденціальное значеніе Израиля—что источникомъ и первообразомъ «нечистоты» у евреевъ, еще отъ Моисея и по сейчасъ, считается «трупъ», «мертвое тѣло». По Талмуду это—«отецъ отцовъ нечистоты» («источникъ источниковъ»). Вспомнимъ на секунду устройство свѣтильника въ скиніи, и снова перебросимся мыслью къ ритуалу: что же лежитъ на противоположной точкѣ, въ обратномъ полюсѣ съ «трупомъ», «мертвымъ тѣломъ»? Да его созиданіе, т. е зачатіе, мигъ величайшаго одушевленія человѣка. Хотя нигдѣ въ Библіи не сказано, но изъ «отблеска», «высвѣчиванія» ея, изъ вѣчной радости о зачатіи и молитвословія при этомъ, можно безошибочно заключить, что это-то и есть «отецъ отцовъ чистоты» для Израиля; и въ ритуалѣ, до сихъ поръ хранимомъ, есть слѣды такого пониманія. Напр. еврейка, не погрузившись въ воду «святой миквы» (нѣчто въ родѣ общей ванны), т. е. именно въ тѣлѣ не освятившись, не можетъ брачно приблизиться къ мужу; равно невѣста, т е. казалось-бы совершенно чистая дѣвушка. См. объ этомъ любопытнѣйшемъ требованіи прекрасный этнографическій очеркъ г. Литвина: «Замужество Ченекки». Еще любопытнѣе, что передъ бракомъ у еврейки обстригаются всѣ роговыя части на тѣлѣ, напр. ногти до тѣла, часто съ пораненіемъ: «въ нихъ не течетъ крови», они «не живы», похожи на «трупъ». На этомъ основаніи шерстяная одежда, т. е. изъ мертвыхъ частицъ, была запрещена при входѣ въ скинію священникамъ. «Богъ» не можетъ обонять трупа, ибо Онъ есть отецъ «жизни».

у Геродота во 2-й книгѣ, также обрѣзывались),—т. е. въ точкѣ реальнаго выявленія человѣка, и, если позволительно сравненіе, въ «ликѣ» же человѣческомъ, но уже «отческомъ» и «материнскомъ»,—т. е. въ первомъ и главномъ, но сокровенномъ въ насъ, «не отъ сего міра», лицѣ. Они не имѣютъ нашихъ «наукъ», не захотѣли «искусствъ», явно отвращаются отъ «государственности»: они суть ткачи самой жизни, суть таинственные жизнетворцы. Но это имя постигнуто въ глубинахъ, которыя совершенно скрыты отъ арія; и мы можемъ довѣриться—постигнуто имя истинно. Эти глубины «обрѣзанія» не суть открывшаяся арію глубь; намъ открыты глубины философіи, наукъ, права, широкой общественной дѣятельности; но мы безъ труда догадываемся, что всѣ наши глубины лишь плаваютъ на поверхности тѣхъ семито-хамитическихъ глубинъ; и если, конечно, великъ и удивителенъ «Discours sur le méthode» Декарта, то удивительніе и больше его самъ Декартъ, «рожденный» и «рождавшій».

Религія ритуала и «очищенія» есть именно религія жизненной ткани, снованій станка—

По вѣчнымъ, великимъ,
Желѣзнымъ законамъ...

Мы одѣваемся въ эту ткань; мы ею пользуемся; кой-какъ и сами ткемъ, но, поверхностно здѣсь все видя, вовсе не понимаемъ «высоты» ткани, ея «доброты», и вообще все здѣсь путаемъ, сажаемъ узлы, рвемъ. И тутъ...

Тутъ вдругъ освѣщаются для насъ всѣ сиро-финикійскія «высоты» и становится понятенъ Соломонъ, совершающій «куренія на высотахъ»; и оплакиваніе «дѣвства своего» дочерью Іеффая, для чего она пошла въ горы, т. е. на тѣ-же сиро-финикійскія «высоты». «И не познала мужа»—замѣчаетъ лѣтописецъ, какъ бы она проронила и розлила какое-то священное таинство:

Когда волнуется желтѣющая нива...
И ландышъ мнѣ киваетъ...
...тогда я вижу Бога—

это сейчасъ, въ наши дни,—реакція къ Израилю: какъ и Рафаэль есть реакція въ сторону «высотъ»; и ожиданія Позднышевой, зарыдавшей, что она никогда, никогда не взойдетъ на «высоту» брака. Вся Передняя Азія (и съ ней сомкнутая дельта Нила), эта не разгаданная историками территорія, есть территорія «высокаго» пониманія ритмическихъ біеній пола,—и одновременно это есть родникъ, гдѣ вспыхнулъ еще въ ветхой древности «лампадами» и отъ этихъ лампадъ зажегся религіозный свѣтъ и для всѣхъ остальныхъ странъ. Но первоначально: почему именно въ географическомъ смыслѣ «высоты» избирались «для куренія»? кто когда-нибудь смотрѣлъ въ долину съ возвышеннаго мѣста, испытывалъ безъ со-

мнѣнія чувство странной, но именно психической, легкости и какъ бы воздушности себя; почти «крылатости» своего существа [1]). Въ Библіи мы почти не встрѣчаемъ идей о загробной жизни, ни о воздаяніи тамъ, ни о наказаніи; и смерть—какъ она легка, «разрѣшены ея узы»: «приложился къ отцамъ», «пошелъ въ путь всей земли» (объ Авраамѣ). Не менѣе странно почти отсутствіе идеи грѣха, по крайней мѣрѣ какъ чего-то томительно тянущаго долу, «смертнаго»: самые проступки, порой ужасные, имѣютъ что-то воздушное и легко-разсѣивающееся въ себѣ. И около этого, какъ-то странно облегченнаго, существованія—лампады, необозримыя, миріады ихъ: точно небо опустилось къ землѣ, и это его звѣздочки повисли надъ скиніей, въ скиніи, вокругъ скиніи. Но поразительно: онѣ зажглись вовсе не въ одномъ Израилѣ, но на всемъ широкомъ пространствѣ «обрѣзанія», и напримѣръ мы съ великимъ удивленіемъ читаемъ у Геродота: «На праздникѣ въ Саисѣ (городъ въ дельтѣ Нила), въ одну изъ ночей, во время жертвоприношенія—всѣ собравшіеся сюда зажигаютъ множество лампадъ, подъ открытымъ небомъ, вокругъ дома; причемъ вмѣстилищемъ для масла служитъ чашка, куда положено нѣсколько соли, и сверху плаваетъ свѣтильня. Лампады горятъ цѣлую ночь, и самый праздникъ называется Возженіемъ лампадъ. Тѣ изъ далеко живущихъ египтянъ, которые не попадаютъ на празднество, всетаки соблюдаютъ эту праздничную ночь и сами возжигаютъ лампады; благодаря этому, огни горятъ не въ одномъ только Саисѣ, но по цѣлому Египту. Ради чего эта ночь освѣщается и почитается, объясняется въ одномъ священномъ сказаніи» (книга 2, глава 62). Въ чемъ бы «сказаніе» ни заключалось, религія распускающагося лотоса была религіей «распускающагося миндальнаго цвѣтка» [2]); и «благословенъ Богъ, сотворившій свѣтъ»—звучитъ въ Вильнѣ, какъ могло звучать и въ Саисѣ. Но вотъ Товія, съ родиной въ Ниневіи: его научаетъ, въ пути, ангелъ «истинѣ» брака, и собственно мы опять читаемъ объ этихъ же лампадахъ: «И возьми часть печени рыбы, и положи ее на огонь курильницы, и покури. И демонъ ощутитъ запахъ и удалится. Когда же тебѣ надобно будетъ приблизиться (къ невѣстѣ)—встаньте оба, воззовите къ милосердому Богу, и онъ спасетъ и помилуетъ васъ» (книга Товита, гл. VI, ст. 17—18). Это—молитва и почти начало ритуала; его заключеніе мы снова находимъ въ странной записи Геродота (книга первая, глава 198): «Погре-

---

[1]) Отсюда, т. е. опять въ связи съ «высотами» и «высокимъ» пониманіемъ брака—идея «крылатыхъ» существъ, «окрыленныхъ» изображеній, ранѣе всего появившаяся въ Египтѣ и Вавилонѣ

[2]) У Діодора Сицилійскаго—III, 58—59; у Павсанія—VII, 17; у Страбона—X, 3, при передачѣ характерныхъ восточныхъ легендъ, оговорено, что плодъ миндальнаго дерева и гранатоваго яблока суть символы плодородія и его органовъ, мужскаго и женскаго.

бальныя пѣсни ихъ похожи на египетскія. Всякій разъ послѣ сообщенія съ женщиною вавилонянинъ воскуряетъ ониамъ; въ другомъ мѣстѣ тоже самое дѣлаетъ и женщина, съ которою онъ сообщился». Понятіе и чувство, діаметрально противоположное «низинамъ» нашихъ ощущеній [1]): но на что мы хотимъ здѣсь обратить вниманіе читателя—это что обрывокъ страницы изъ Геродота и страницы изъ Библіи сливаются оторванными краями въ одинъ цѣльный листъ: одинъ ритуалъ, одинъ духъ, одна «высота» ощущенія около одного и того же мига. Сейчасъ мы поймемъ идею устроенія Вавилонскаго храма: свѣтлое, «окрыленное», уже въ частной жизни у Товіи и вавилонянъ окружившееся «куреніями» и «ониамомъ» ощущеніе, поднимаясь еще «выше», «выше», наконецъ и создало... Но пусть говоритъ Геродотъ: «это — четыреугольникъ, и ущѣлѣлъ онъ до моего времени. Посрединѣ храма стоитъ массивная башня, имѣющая по одной стадіи въ длину и ширину; надъ этой башней поставлена другая, надъ второй—третья, и такъ дальше до восьмой. Подъемъ на нихъ сдѣланъ снаружи; онъ идетъ кольцомъ вокругъ всѣхъ башенъ. Поднявшись до середины подъема—находишь мѣсто для отдыха со скамейками. На самой послѣдней башнѣ есть большой храмъ, а въ храмѣ стоитъ большое, прекрасно убранное ложе и передъ нимъ золотой столъ. Никакого кумира въ храмѣ однако нѣтъ Провести ночь въ храмѣ никому не дозволяется, за исключеніемъ одной только туземки... Такъ разсказывали мнѣ халдеи, и они же прибавляли, чему я не вѣрю, что божество само посѣщаетъ храмъ и почиваетъ на ложѣ» (книга I, главы 181—182). Мы ничего здѣсь не поймемъ, пока не обратимся къ Товіи, не припомнимъ въ «Пирѣ» Платона безсильныя и торопливыя, взволнованныя слова объ «Афродитѣ Небесной», т. е. о сопричастіи чему-то небесному въ актѣ

По вѣчнымъ, великимъ
Желѣзнымъ ..

и, наконецъ, не примемъ во всемъ его объемѣ сдѣланное намп здѣсь раздѣленіе порядка логическаго выраженія и порядка жизненной ткани: т. е. это есть въ сущности тѣ-же «idees innées», «врожденная идея Бога» у Декарта, но въ переложеніи на семито-хамитическую

[1]) См «Разбойники» Шиллера, разсужденіе Франца Моора: «что такое отецъ? что такое я? Для него это былъ скотскій моментъ, послѣ плотства»... Не буквально, но мысль—именно эта, и слышавъ пьесу, слушая именно эти слова, я былъ чрезвычайно пораженъ, какъ-то дико пораженъ еще юношею-гимназистомъ; и признаюсь—тогда же ужаснулся и отвергъ такое представленіе. Замѣчательно, что Францъ Моръ и запираетъ отца въ башню голода: т. е. великое сыновнее неуваженіе къ родителямъ не отдѣлимо отъ «низинъ» представленія пола, какъ иранское «чти отца и матерь» – есть только приложеніе и дальнѣйшее развитіе «куреній», «ониама» и «лампадъ» около половыхъ выявленій.

гамму—не идея, но... ткань бытія, въ основѣ самихъ идей лежащая. Вотъ «храмъ Бела», «древняго» Бела: онъ—то-же, что «De substantia» Декарта, не большее, не меньшее. не менѣе истинное, ни болѣе оскорбительное—*то-же* безъ всякаго разграниченія. Мы «умственно» развились до великихъ теологическихъ системъ, до «видѣнія всего въ Богѣ» Беркли, Малебранша: Востокъ развился «усиленно» до *ощущенія* святости, и, наконецъ—до ощущенія прямо небесности, текстичности въ актѣ созиданія самого «лика человѣческаго», который позднѣе, черезъ тысячелѣтія заговорилъ — и дѣйствительно заговорилъ—теологіями. Намъ хочется ввести эти явленія въ грубую, обыденную дѣйствительность, въ свѣтъ фактовъ, непосредственно нами ощущаемыхъ, черезъ призму которыхъ станетъ яснѣе тотъ древній свѣтъ. Итакъ, вотъ Левинъ — «не чистый» — какъ онъ волнуется, испуганъ, и несетъ непорочной своей невѣстѣ тетрадку исповѣданій: т. е. онъ тянется къ какой-то «чистотѣ» въ ритмѣ жизни. Но что онъ дѣлалъ раньше? въ чемъ исповѣдуется? отъ чего бѣжитъ съ ужасомъ «въ бракъ», какъ «таинство»? Домъ терпимости — вотъ обратный полюсъ храму: онъ туда относилъ половой ритмъ, какъ въ Вавилонѣ онъ относился въ послѣдній. Два полюса—Востокъ и Западъ, въ ихъ соотвѣтственномъ расположеніи. Что же дѣлаетъ Левинъ, каясь, смятенный, робкій?—вступаетъ на первую-третью-десятую ступень «ветхаго деньми» храма. Полъ можетъ быть выявляемъ только въ бракѣ, т. е. сравнительно съ домомъ терпимости—на «высотѣ» же, именно на сиро-финикійской высотѣ; онъ можетъ быть выявляемъ только съ невинной, любимой и любящей, глубоко нравственно связанной женщиною: т. е. онъ ищетъ чистаго, не загрязненнаго себѣ помѣщенія; онъ жаждетъ и дѣйствительно образуетъ семью: это уже что-то святое, т. е. опять сравнительно съ толпою грязныхъ и «на день» женщинъ въ домѣ терпимости. Мы видимъ, что «семья» и «бракъ» именно и образуютъ собою «уступы», «скамеечки для отдыха», но по тому самому плану и мысли, какъ былъ устроенъ Вавилонскій храмъ. Небесный бракъ, т. е. чувство небеснаго въ ощущеніи брачнаго ритма, непорочность его, и наконецъ святость—вотъ куда вплескивается и сейчасъ, у всѣхъ, по крайней мѣрѣ у всѣхъ не развращенныхъ, половое влеченіе: какъ оно серьезно еще для дѣвушекъ, т. е. для блюдущей еще свою чистоту половины человѣческаго рода. Половое выявленіе внѣ семьи, безъ любви и уваженія — это пугаетъ и потрясаетъ ее, т. е. въ мѣру невинности человѣкъ стоитъ на высшей сравнительно ступени древнѣйшаго плана храма, и слѣдовательно планъ этотъ абсолютно непостижимъ только для развращеннаго.

Вотъ «дыханіе» Востока, повторяющееся въ біографіи каждаго изъ насъ; войдемъ въ домъ, «семейный», — и въ его отдѣленіяхъ мы откроемъ кой-что финикійское. Вотъ пріемныя комнаты, парадная

часть квартиры, куда мы выходимъ внимательно одѣтые и гдѣ ведемъ рѣчи внимательно обдуманныя: здѣсь есть люстры, канделябры — но мы не чувствуемъ необходимости образа; это жилище какъ помѣщеніе, но еще не жилище какъ семья. Но мы ищемъ именно семьи, ея теплоты. ея прекрасной и истинно мистической животной теплоты. Только если мы интимны съ хозяевами дома, т. е. если къ намъ они питаютъ совершенное уваженіе и особенно довѣріе къ нравственной чистотѣ, къ незагрязненности воображенія и сердца — они перепускаютъ насъ вглубь жилища, гдѣ комнаты меньше, темнѣе, все неубраннѣе: и лишь истиннаго, непоколебимаго друга вводятъ въ предъ-спальню, въ хаосъ копающихся дѣтей, одѣтой «по-домашнему» жены. Мы — въ «душѣ» дома: и уже здѣсь—образъ и лампада; въ спальнѣ, куда и другъ не переступаетъ—непремѣнно «благословенный» образъ, т. е. копмъ мужа или особенно жену «благословили» отецъ и мать въ бракъ. Передъ нимъ, въ лучшихъ случаяхъ—неугасающая лампада; т е. опять—это храмъ, начадо храма, его первообразъ, и онъ инстинктивно загорѣлся, засвѣтился именно какъ окруженіе здѣсь совершающагося полового ритма. Вотъ расположеніе исторіи, повторяющееся въ расположеніи квартиры. Семито-хамитическая Азія и была «внутреннею» частью, «задней половиной» всемірно-историческаго поприща, интимною, глубокою. Тамъ жило великое «чрево», которое истинно свято постигло задачу «плодоношенія»: оно подняло его «на высоту», окружило его «лампадами»: впервые въ исторіи создало образъ онміамнаго куренія и открыло мелодію молитвы. «Материнство», «отчество» всему этому научило ихъ; какъ оно же научаетъ этому каждаго изъ насъ, научило Пушкина, Рафаэля. «Благословенъ Богъ, сотворившій свѣтъ»—въ Сіонѣ, Тирѣ; въ Мемфисѣ, Вавилонѣ. Мы понимаемъ «распускающіеся миндальные цвѣтки» въ Скиніи Завѣта; распускающійся лотосъ — въ Саисѣ, Геліополисѣ. Мы —которые, забывъ это, теперь уже закрытое, застарѣвшее, не несущее болѣе «чрево», вынесли изъ него именно мелодію молитвы, «воздѣваніе рукъ» къ небу; и «все это преобразовали въ логическій способъ выраженія, въ «имя», «слова», «λόγος». Но остановимся же еще разъ на древностяхъ.

Какъ только мы примемъ указанную точку зрѣнія на нихъ—рѣшительно мельчайшія подробности «святаго чрева» Азіи высвѣтятся для нашего постиженія, сблизятся отдаленнѣйшія точки, сольются въ нерасчленяемую картину раздѣленные тысячелѣтіями обычаи, и поражающіе дикостью «нравы», «узаконенія» получатъ простой и ясный смыслъ—совершенно обратный тому, какой придавался имъ. Вотъ нѣсколько иллюстрацій. Евреи и по-сейчасъ не остаются хотя бы въ рѣдкихъ единицахъ холосты, и среди этого племени неугасающаго плотскаго свѣта мы вовсе не находимъ ни «старыхъ дѣвъ», ни «обманутыхъ» и «покинутыхъ» «любов-

ницъ». Законъ «ужества» или «левирата» — столь непостижимый въ укладѣ нашего обычая законъ — по коему юная вдова становится принудительно женою ближайшаго покойному мужу своему родственника, обезпечиваетъ израильтянкѣ материнство, пока она къ нему способна. Еврей и семья, еврейка и дѣти — понятія нераздѣлимыя; но какъ уже раздѣленныя у насъ! У насъ не разъединимы понятія «гражданинъ» и «просвѣщенный»: и не обезпечивая каждой дѣвушкѣ замужество, мы ей обезпечиваемъ грамотность: мы требуемъ — какъ естественнаго, какъ нормальнаго и слѣдовательно возможнаго, даже съ принужденіемъ — «всеобщаго обученія грамотности». Переложимъ это требованіе изъ порядка логическаго выраженія въ порядокъ жизненной ткани — и мы получимъ «левиратъ», постигнемъ плачъ лѣтописца о дочери Іеффая— «она не познала мужа», и поймемъ эту страницу изъ Геродота: «Между странными обычаями Вавилона болѣе всего мнѣ нравится слѣдующій. Въ каждой деревнѣ разъ въ годъ созываютъ всѣхъ дѣвушекъ, достигшихъ половой зрѣлости, и выводятъ толпою въ одно мѣсто: кругомъ ихъ располагается толпа мужчинъ. Глашатай вызываетъ каждую по одиночкѣ и продаетъ одну за другою — прежде всѣхъ самую красивую: когда первая бываетъ продана за большую сумму, глашатай вызываетъ другую, слѣдующую по красотѣ за первою; дѣвушки продавались подъ условіемъ супружеской жизни съ ними» — т. е., мы догадываемся, онѣ выдавались въ замужество: и, безъ сомнѣнія, странному обычаю уже предшествовали переговоры, соглашенія, любовь, которая въ этотъ мигъ получала реальное осуществленіе. «Всѣ богатые вавилоняне, достигшіе половой зрѣлости, одни передъ другими покупали себѣ красивѣйшихъ дѣвушекъ, а такого же возраста люди простые вовсе не искали красивой наружности и съ деньгами готовы были брать и очень некрасивыхъ. Покончивши съ продажею красивѣйшихъ дѣвушекъ, глашатый вызываетъ потомъ самую безобразную или калѣку и спрашиваетъ, кто желаетъ жениться на ней съ наименьшимъ вознагражденіемъ; дѣвушка вручалась тому, кто соглашался жениться на ней съ наименьшею додачей денегъ: употреблявшіяся на это деньги собирались за красивыхъ дѣвушекъ, т. е. красивыя выдавали замужъ безобразныхъ и калѣкъ» (книга I, глава 196).— «Всеобщая принудительная грамотность», переведенная на законъ «святого чрева»: «искалѣченность», «безобразіе», что для насъ какъ бы снимаетъ съ дѣвушки образъ человѣческій — для вавилонянъ не значило ничего особеннаго, и всеобщею заботою они давали ее въ «жену», возводили на высоту материнства; красивѣйшія, счастливыя съ чисто сестринскимъ чувствомъ отдавали свои средства, дабы и некрасивыя не остались «безъ доли». Вотъ — животная теплота: любовь внутреннихъ частей покоя, гдѣ дѣти, неубранность, лампада и пологъ. Во всякомъ случаѣ, это есть та же

забота, какъ и «левиратъ» у евреевъ: вѣдь и деверь можетъ быть некрасивъ, невѣстка—безобразна или уже стара: но она должна взойти «въ мать» — въ Сіонѣ, Вавилонѣ, сейчасъ — въ Вильнѣ. Одинъ законъ, одно явленіе: въ сущности, одно умоначертаніе».— «Слѣдующій по степени мудрости обычай у нихъ таковъ: больныхъ выносятъ они на площадь, потому что врачей не имѣютъ. Къ больному подходятъ и говорятъ съ нимъ о болѣзни: подошедшій самъ, быть можетъ, страдалъ когда либо такою же болѣзнію, какъ больной, или въ такой болѣзни видѣлъ другого. Люди эти, подошедши, бесѣдуютъ съ больнымъ и совѣтуютъ ему тѣ самыя средства, которыми они излечились сами отъ подобной болѣзни или видѣли, что излечились этими средствами другіе больные. У нихъ не дозволялось пройти мимо больного молча, не спросивши о болѣзни» (Геродотъ, книга I, глава 197). Это — братство: теплота коровьяго хлѣва, гдѣ никому не холодно, истинная любовь, потому что она реальна, потому что она плотска.—«О, еслибы можно было представить городъ, всѣ граждане коего связаны были бы плотскимъ чувствомъ: такой городъ былъ бы непобѣдимъ, ибо въ немъ каждый былъ бы готовъ умереть за каждаго»—воскликнулъ въ какомъ-то предвидѣніи и волненіи Платонъ въ «Пирѣ». Но вотъ этотъ «городъ» есть: это—Израиль; и въ самомъ дѣлѣ онъ—«непобѣдимъ», ибо «нельзя» въ немъ «пройти мимо больного и не спросить о болѣзни», нельзя израильтянкѣ выйти за «чужого»,—но за то каждой израильтянкѣ обезпеченъ «свой»: т. е. ясно, что это есть плотскій союзъ, и собственно законъ «ужества»—онъ тайно дѣйствуетъ на протяженіи всего Израиля: въ разрѣженной, прозрачной, едва уловимой, но однако реальной формѣ — онъ вѣетъ надъ всею массою 12 колѣнъ. Но сейчасъ намъ станетъ понятенъ и законъ «дубравъ».

Кто была Ревекка, жена Исааку?—Халдеянка. «И пойди въ землю мою, на родину мою, и возьми оттуда дѣвицу въ жену сыну моему», говоритъ халдеянинъ же Авраамъ, колонистъ изъ города Уръ (географическая точка въ Месопотаміи, теперь опредѣленная) вѣрному рабу своему —«Пей, господинъ мой; я начерпаю воды и для верблюдовъ твоихъ, пока не напьются всѣ» (Бытіе, 24), говоритъ Ревекка недоумѣвающему и осматривающемуся рабу. Она подлежала закону дубравъ, о которомъ читаемъ у Геродота: «У вавилонянъ есть, однако, слѣдующій отвратительный обычай: каждая туземная женщина (N. B. *не* дѣвушка) обязана разъ въ жизни имѣть сообщеніе съ иноземцемъ въ храмѣ Милиты. Многія женщины, гордыя своимъ богатствомъ, не желая замѣшиваться въ толпу другихъ, отправляются въ храмъ и тамъ останавливаются въ закрытыхъ колесницахъ; за ними слѣдуетъ многолюдная свита. Большинство женщинъ поступаютъ слѣдующимъ образомъ: въ святилищѣ садятся онѣ съ веревочными вѣнками на головахъ; однѣ приходятъ,

другія уходятъ. Во всевозможныхъ направленіяхъ здѣсь идутъ дорожки, и иноземцы, выходя, выбираютъ себѣ нравящуюся. Сѣвшая здѣсь женщина не въ правѣ вернуться домой ранѣе, какъ иноземецъ броситъ ей монету на колѣни и пригласитъ ее слѣдовать за собою: «зову тебя во имя богини Милитты». Какъ бы мала ни была монета—женщина не въ правѣ ее отвергнуть, и, не пренебрегая никѣмъ, она слѣдуетъ за первымъ, кто бы онъ ни былъ. Послѣ сообщенія женщина возвращается домой, и съ этого времени, записываетъ наблюдательный историкъ, вѣрно много распрашивавшій у туземцевъ, «нельзя имѣть ее ни за какія деньги». Вотъ обычай, выполненный матерями Авраама и Ревекки. «И отпустили Ревекку (отецъ, мать, братъ ея Лаванъ), сестру свою, и кормилицу ея, и раба Авраамова, и людей его; и благословили ее, и сказали: сестра наша! да родятся отъ тебя тысячи тысячъ и да владѣетъ потомство твое жилищами враговъ твоихъ». (Бытіе, 24). Вотъ психологія, вотъ бытъ: «тысяча тысячъ» въ потомствѣ—это и есть «чадородіе», возведенное въ культъ, на «высоту» постиженія, и вызвавшее странный обычай, такъ ужаснувшій Геродота. «Напейся ты, а потомъ верблюды», говоритъ она чужеродцу, какого увидѣла въ пришедшемъ изъ Ханаана Авраамовомъ рабѣ, и по первому его слову. Покорность и ласка. «И побѣжалъ Лаванъ, и сказалъ тому человѣку: войди благословенный Господомъ; зачѣмъ ты стоишь внѣ? я приготовилъ домъ и мѣсто для верблюдовъ». Еще Израиль только зачинается, но психика—типично израильская. «Благословенъ Богъ—сотворившій свѣтъ», это будутъ говорить въ Сіонѣ, но сейчасъ это говорятъ въ Урѣ Халдейскомъ. Но есть ли здѣсь принужденность въ бракѣ, тѣнь которой не исчезла по сейчасъ въ Россіи, Франціи? «Когда рабъ Авраамовъ кончилъ рѣчь свою, они (родители и братъ) сказали: позовемъ дѣвицу и спросимъ ее, что она скажетъ. И призвали Ревекку, и сказали ей — пойдешь ли съ этимъ человѣкомъ? Она сказала — пойду» (тамъ же). Мы упомянули о ласкѣ и теплѣ, о всемъ этомъ—въ приложеніи къ чужеродцу. Но что же такое «дубравы» и имя «Милитты» ли. «Мадонны ли»,—общѣе:

Дамъ тебѣ я на дорогу
Образокъ?..

—универсальное материнство, космическая животная теплота, самая безспорная, непоколебимая. Какъ весело бѣжитъ Лаванъ къ чужеродцу, не нашедшему постоялаго двора: «домъ тебѣ готовъ—и для верблюдовъ». Но распространимъ же эту ласку дальше, глубже; возведемъ это веселье бѣгущихъ ногъ—до неба, до «высоты» храма Бела; и возьмемъ безмолвіе, неумѣлость выражаться логически—такъ до конца и не создавшее ариѳметики, когда уже созданъ былъ Экклезіастъ: и вотъ родникъ «дубравъ». У племенъ «обрѣзанія», гдѣ все пошло въ культуру пола, которая истончилась и углубилась

до непостижимыхъ для насъ оттѣнковъ въ пониманіи цѣломудрія, чистоты, святости, и идея всемірной общности людей, ихъ братской и сестринской [1]) связанности—«нѣсть іудей, ни эллинъ»,—вылилась въ единственномъ способѣ говора, какимъ они владѣли,—въ говорѣ «дубравы». «Дубрава»—исключительно для иноземцевъ, за «самую мелкую монету», съ калѣкой или уродомъ, «именемъ Милитты»... Ну, что имя—

оно прошло, оно пройдетъ.

Рафаэль его вспомнилъ подъ однимъ именемъ, Лермонтовъ—подъ другимъ. Эти «дубравы», какъ и записалъ точно Геродотъ, не носятъ вовсе никакого чувственнаго характера: ихъ чувственно принимали иноземцы, но субъективно, внутренне—это самоотверженіе самое глубокое, «милостыня»—самая поразительная, сліянность съ «варваромъ», «іудеемъ», «эллиномъ», какой не выработали Аѳины, Римъ, Парижъ. «Потомъ нельзя пріобрѣсти такую женщину ни за какія деньги»—записываетъ Геродотъ: онъ же прибавляетъ: «выдающіяся красотою и сложеніемъ женщины уходятъ изъ храма скоро; всѣ некрасивыя остаются тамъ долго, потому что долго имъ не удается исполнить свою обязанность». Вотъ полнота факта: если мы вспомнимъ, что эдиктъ Каракаллы, даровавшій «право римскаго гражданства» всѣмъ «провинціаламъ», есть юридическое завершеніе тысячелѣтняго развитія Рима, мы догадаемся, что «умоначертаніе» дубравъ и есть «ветхое деньми» расторженіе національныхъ, городскихъ, территоріальныхъ узъ. Но— какъ это показалось Геродоту—это не есть «хладное» впущеніе къ себѣ чужеродцевъ: чужестранецъ, калѣка, старикъ—лишь символъ далекихъ, не видѣнныхъ земель; «благословенъ Богъ, сотворившій свѣтъ»—въ Иберіи, Галліи; гдѣ-то какіе-то есть люди:

что въ имени тебѣ моемъ?...

—они не забыты вавилоянкою,—и она не только «поитъ верблюдовъ», снимаетъ сапогъ и омываетъ ноги», но—«знатная и богатая», «гордая» (см. запись Геродота), имѣя вокругъ «свиту» и «укутавшись въ колесницѣ»—совершаетъ самоотверженіе, на которое для Инсарова лишь выздоравливающаго, ушедшаго отъ смерти—въ радости и счастьи о бытіи, о жизни *его* именно, рѣшается Елена («Наканунѣ»). Тутъ все поразительно, всякія частности: «иныя некрасивыя должны ждать по три и по четыре года», записываетъ Геродотъ. Какъ женщина, она не могла не чувствовать укола въ самую больную точку (самолюбіе, и самолюбіе красивостью) при

[1]) Замѣчательно, что «родное» и «чистое» имя «сестра» есть общее для жены, дочери (книга Іовита) и всякой вообще женщины у іудеевъ, въ Ханаанѣ и Халдеѣ.

каждомъ. прошедшемъ мимо и не остановившемся чужеродцѣ—«зеркало», показывающее ее «дурнушкою» цѣлыхъ три года: всякая, даже терпѣливая, разбила бы его.—но вавилонянка безмолвна и ждетъ. Тутъ есть такая глубина безропотности, смиренія, самоотверженія, до какихъ не можетъ поднять насъ ни наука, ни философія. Итакъ, къ исходу третьяго года—тысяча прошла мимо, и по обще-человѣческой психологіи мы не можемъ не догадываться, что, уже начиная приблизительно съ двухъ-сотаго халдеянка, чувствуетъ въ этихъ грубыхъ и невинно ее обижающихъ людяхъ нѣсколько «враговъ» себѣ. Но вотъ 1001-й, небрежно уронивъ ей въ колѣна монету, уродъ или старикъ, вовсе не понимающій (какъ и Геродотъ) смысла того, что тутъ совершается, зоветъ ее «именемъ Милитты».—«Какъ бы ни была мала плата, она не можетъ отказаться»: это бросилъ сирота на пирѣ міркомъ, «матросъ», «четвертое сословіе». На секунду мы оглядываемся на устроеніе храма Бела, и видимъ, что вавилонянка точно понимаетъ въ брачномъ ритмѣ небесное таинство; и она какъ «мирру» проливаетъ его на «меньшого брата» и «немножечко врага»—въ теченіе трехъ дѣтъ показывавшее ее некрасивою «зеркальце».—«О, какъ я ихъ ненавижу», инстинктивно говоритъ каждая дѣвушка, мысленно припоминая на вечерѣ сотни не танцовавшихъ съ нею: природа человѣческая—вѣчна; одна вавилонянка не умѣетъ ненавидѣть: она оказываетъ 1001-му оскорбителю такой актъ милости, склоняется около него такою «самарянкою», жертвуетъ такою цѣнностью, лучшей жемчужиной бытія своего, что—растерянные—мы можемъ только безмолвствовать. Это—Ревекка, т.-е. страна Ревекки; и изученная Авраамомъ, она и вызвала у него мольбу слугѣ: «вотъ я старъ—положи руку подъ стегно мнѣ (между бедрами — замѣчательно мѣсто утвержденія клятвы) и клянись мнѣ Господомъ, что ты не возьмешь сыну моему жены изъ дочерей хананеевъ, среди которыхъ я живу; но пойдешь въ землю мою, на родину мою и тамъ возьмешь жену сыну моему Исааку» (какую-нибудь, имя, лицо, условія—не указаны: страна «добрыхъ дочерей», «высокаго подбора женъ»). Библія и Геродотъ опять сливаются, но «отвратительное» для Геродота, для насъ высвѣчивается необыкновеннымъ, ясно небеснымъ свѣтомъ. Соня Мармеладова, но въ невинности и бодрой улыбкѣ, крѣпкой походкѣ ея сестры Полечки.

«— Вы любите, Полечка, вашу сестру Соню?

— О, да, я ее больше всѣхъ люблю; она такая добрая...

— А вы молитесь Богу?

— О, какъ же: сперва «Богородицу», а потомъ еще одну молитву: «Боже, прости и благослови сестрицу Соню», а потомъ еще: «Боже, прости и благослови нашего другого папашу (N. B.—Мармеладова, см. сейчасъ ниже), потому что нашъ старшій папаша уже умеръ, а этотъ вѣдь намъ другой, а мы и объ немъ тоже молимся».

«Раскольниковъ вдругъ наклонился.

— «Полечка, меня зовутъ Родіонъ; помолитесь когда-нибудь и обо мнѣ: «и раба Родіона»—больше ничего.»

— «Всю мою будущую жизнь буду о васъ молиться», горячо проговорила она и охватила его шею» («Преступленіе и наказаніе»—изд. 84 г., стр. 173).

Вотъ—Халдея. Сейчасъ объяснится и послѣдняя ея тайна, т. е. по крайней мѣрѣ тайна ея сѣверной двоюродности—Финикіи. Но сперва—черта изъ психологіи и быта: Ильѣ Весоптянину, «души котораго искали» «иконодулы»-финикіяне, пришлось зайти въ сидонскій, т. е. финикіанскій же городокъ Сарепту, и, чувствуя голодъ, онъ попросилъ ѣсть у встрѣтившейся женщины. «Живъ Господь Богъ твой,—отвѣтила поклонница Астарты,—«у меня ничего нѣтъ, а есть только горсть муки и ложка масла: вотъ наберу полѣна два дровъ и приготовлю это сыну своему и себѣ—и съѣдимъ, и умремъ» (былъ голодъ, засуха). Какая покорность: но израильтянинъ гордъ и властителенъ, и требуетъ сперва себѣ: «Не бойся, пойди, сдѣлай, что ты сказала: но прежде изъ этого сдѣлай небольшой опрѣснокъ для меня и принеси мнѣ». «И пошла она, и сдѣлала такъ, какъ сказалъ Илья; и кормилась она, и онъ, и домъ ея нѣсколько времени. Мука въ кадѣ не истощалась». Музыка «брака въ Канѣ Галилейской». Но вотъ у нея умираетъ «сынъ»—сынъ, «миндалинка» въ «свѣтильникѣ», ягодка на «расцвѣтшемъ Ароновомъ жезлѣ», и она приписываетъ, она убѣждена, что это—отъ гостя. Мы припоминаемъ халдеянку, и ея поступокъ съ три года говорившимъ «дурнушка» зеркальцемъ.—«Что мнѣ и тебѣ, человѣкъ Божій», говоритъ вдова:—«ты пришелъ ко мнѣ напомнить грѣхи мои и умертвить у меня сына». Вотъ—тембръ души, и онъ,

пройдя вѣковъ завистливую даль,

пережилъ Парѳенонъ и Капитолій, и еще тревожитъ, смущаетъ наше сердце. Но чей это голосъ?—углубившейся въ материнство женщины, провалившейся въ ея бездонныя глубины, въ невѣроятную сложность и утонченіе этого же материнства:

Дамъ тебѣ я на дорогу
Образокъ—

«Мадонны» ли, «Астарты» ли—

Что въ имени тебѣ моемъ?..

Но можетъ быть вдовица Сарептская была исключеніемъ?—Вотъ снова черта быта: «И прислали соглядатаи (отъ Іисуса Навина) въ Лаисъ, и увидали народъ, который въ немъ, что онъ живетъ покойно, по обычаю Сидонянъ, тихъ и безпеченъ, и что не было въ землѣ той, кто обижалъ бы въ чемъ или имѣлъ бы власть; отъ Сидонянъ они

жили далеко, и ни съ кѣмъ не было у нихъ никакого дѣла» (книга Судей, глава 18). Это — быть евреевъ и по сейчасъ: ихъ разбросанность, кроткія занятія Спинозы или нашихъ шапочниковъ. Соглядатаи думаютъ, однако, что это — язычники, и вотъ входятъ въ одинъ домъ: «знаете ли», передаютъ они потомъ своимъ, «что въ домѣ этомъ мы нашли ефодъ, терафимъ (типичныя священническія одежды у евреевъ), истуканъ и литой кумиръ: итакъ, братья, подумайте — что намъ съ ними дѣлать?» (тамъ же, стихъ 14). Они рѣшили переманить домохозяина къ себѣ. «Они — придя уже съ 600 человѣкъ вооруженныхъ — вошли въ домъ, и взяли истуканъ, ефодъ, терафимъ и литой кумиръ. Онъ же сказалъ имъ: что вы дѣлаете? Они сказали ему: молчи, положи руку твою на уста твои и иди съ нами, и будь у насъ отцомъ и священникомъ; лучше ли тебѣ быть священникомъ въ домѣ одного человѣка (NB: они «вошли въ его домъ», т. е. онъ «былъ священникомъ», «священствовалъ» въ дому своемъ, «далекомъ ото всѣхъ», въ «семьѣ» своей), нежели быть священникомъ въ колѣнѣ или въ племени Израильскомъ?» (тамъ-же, стихъ 19). Значитъ — безусловно это не былъ израильтянинъ, но подлинные израильтяне безусловно открыли какъ-бы «отца», «священника», «молодого левита» (стихъ 15) изъ своихъ нѣдръ. Мы вдругъ открываемъ, почему Авраамъ, т. е. еще до зачала евреевъ, встрѣчаетъ въ Ханаанѣ Мелхиседека — «священника Бога Вышняго» (Бытіе, гл. 14). «Израиль» начался гораздо ранѣе Израиля: и Авраамъ, осѣдая около «дуба Мамврійскаго», былъ каплею, капнувшею въ свое море, какъ и изъ «своего» же моря, около Ура Халдейскаго, онъ вышелъ. Сейчасъ намъ объясняется вся запутанность израильской исторіи: Соломонъ поклонился Астартѣ, но вотъ единственная въ исторіи по колориту и настойчивости просьба Авраама: «вотъ, я рѣшился говорить Владыкѣ, я — прахъ и пепелъ: можетъ быть до пятидесяти праведниковъ недостанетъ пяти, неужели за недостаткомъ пяти — ты истребишь весь городъ» (Бытіе, 18). Онъ — не недругъ князю спаленныхъ городовъ: «Поднимаю руку мою къ Богу Всевышнему, что даже нитки и ремня изъ обуви не возьму изъ того, что принадлежитъ тебѣ», говоритъ онъ ему, возвращая скотъ и имущество, отнятое обратно у кочевыхъ хищниковъ (Бытіе, глава 14). Это — собственно самое загадочное мѣсто въ Библіи [1]; но уже совершенно понятно.

---

[1]) Повидимому, тутъ есть прообразъ и предостереженіе: много будетъ людей, которые стремясь къ истинѣ обрѣзанія (признаніе многозначительности и многоцѣнности пола и полового) впадутъ въ грѣхъ этихъ городовъ. И въ самомъ дѣлѣ — тутъ есть родство и близость: факты, діаметрально противоположные (вѣчное чадородіе и уничтоженіе его въ корнѣ), скользятъ одинъ около другого, касаются, «союзятъ», «молятъ» одинъ о другомъ — одинъ устремляясь въ небо (обрѣзаніе) и другой нисходя въ адъ (Содомъ). Поразительно, что города такого смысла только однажды возникли въ исторіи — и именно въ самый

что Хирамъ тирскій, встрѣчая посланцевъ отъ Соломона, пришедшихъ за зодчими, говоритъ: «благословенъ нынѣ Господь, который далъ Давиду сына мудраго для управленія этимъ многочисленнымъ народомъ» (третья книга Царствъ, глава 5) — т. е. онъ говоритъ Израильскую молитву, какъ и зодчіе, спеціально храмовые, не спрашиваютъ у Соломона плановъ постройки—но воздвигаютъ все, что́ и какъ нужно «Мы тамъ нашли терафимъ и ефодъ—что́ намъ дѣлать»? Но можетъ быть, неразличимое для соглядатаевъ, неразличимое для Соломона, неразличимое и для насъ (восклицаніе сидонянки-вдовицы)—было различно однако всегда для пророковъ. Но нѣтъ, именемъ Бога говоритъ Іезекіиль о Тирѣ: «ты—печать совершенства, полнота мудрости; ты находился въ Едемѣ, въ саду Божіемъ; ты былъ помазаннымъ херувимомъ, чтобы осѣнять, и Я поставилъ тебя на то; ты былъ на святой горѣ Божіей, ходилъ среди огнистыхъ камней; ты совершенъ былъ въ путяхъ со дня сотворенія твоего» (Іезекіиль, глава 28). Вотъ родникъ неудержимыхъ отпаденій Израильскаго и потомъ наконецъ Іудейскаго царства въ финикійскій культъ—отпаденій въ самую творческую и оригинальную собственную пору, сейчасъ послѣ Давида и Соломона, въ стадію пророчества: «Чтили Господа, но покланялись и Астаргѣ» — вотъ строка, въ которую укладывается классическій періодъ Израиля, мы ничего въ ней не поймемъ, если не обратимъ вниманія, что многія самыя типичныя, самыя возвышенныя и до сихъ поръ повторяемыя у насъ въ церквахъ слова, рѣченія, строки—суть именно «дыханіе» Астарты. Кто была Руѳь?—Моавитянка, т. е. поклонница Хамоса (четвертая кн. Царствъ, глава 23, стихъ 13). Но кто былъ Іовъ? — Изъ земли Уцъ, въ сѣверной Аравіи, куда 12 колѣнъ не простирались. Т. е. передъ тою «долготерпѣливостью» Іова, кротостью сидонской вдовицы, преданностью и чистотой Руѳи—потомки халдеевъ Исаака и Ревекки преклонялись, какъ и мы досель преклоняемся. Но откуда же мучительный гнѣвъ на это пророковъ? Мы ничего въ этомъ не поймемъ, пока не обратимъ вниманія на составъ гнѣва и на одну маленькую современную намъ подробность. Гнѣвъ льется на самое имя, на лицо «иныхъ боговъ», не затро-

---

мигъ зачатія Израиля, въ сосѣдствѣ и очевидномъ союзѣ съ первымъ. Великое предостереженіе: второе подобное есть въ самомъ началѣ Евангелія – это Вивлеемскія избіенія младенцевъ. Опять прообразъ и предостереженіе. Многіе будутъ искать Христа и Христова (безплотность и полное умолчаніе о полѣ Предвѣчнаго Слова), но, чуть-чуть ошибаясь въ метѣ движенія, впадутъ въ Іродовъ грѣхъ. Это — всѣ формы отчужденія изъ полового стыда родителей отъ чадъ своихъ, какъ-то: выправленіе плода, убійство дѣвушками и вдовами плотищъ своихъ, институтъ такъ называемой «незаконнорожденности», практика «воспитательства» и дѣто-убійцы Скублинской (въ Варшавѣ). Содомъ и Іродова кровь суть ободъ, внутри коего движется, но въ противоположную сторону, идея вѣчнаго чадородія («обрѣзанія»), въ Ветхомъ, и уже безъ-чадной молитвы, но не молитвы «противо»-чадной, въ Новомъ Завѣтѣ.

гивая такъ сказать «дыханіе» поклоненія, его внутренній нервъ существо: онъ не противъ «материнства» Астарты, но противъ того чтобы молитва «материнства» относилась къ Астартѣ, когда должна быть (у евреевъ) отнесена къ Іеговѣ. Вотъ тембръ, вотъ линія уклона и содержаніе всѣхъ пророчествъ. «И высоты, которыя передъ Іерусалимомъ, направо отъ масличной горы, которыя устроилъ Соломонъ, царь Израилевъ, Астартѣ, мерзости Сидонской, и Хамосу, мерзости Моавитской, и Милхому, мерзости Аммонитской — ихъ осквернилъ Хелкія; и изломалъ статуи, и срубилъ дубравы, и наполнилъ костями человѣческими это мѣсто» (четвертая книга Царствъ, гл. 23). Вотъ гнѣвъ и ярость: яростныя уничижительныя и непремѣнно личныя выраженія—отторженіе Израиля отъ «лица» иныхъ боговъ. Мы такъ и слышимъ изъ-подъ этихъ строкъ опредѣленіе Богомъ Себя Моисею: «Азъ есмь огнь поѣдающій — Богъ ревнующій» (Второзаконіе, глава 4, ст. 24). Огнь ревности чисто половой есть въ тоже время огнь религіозной ревности у Израиля-«къ инымъ богамъ». Мѣсто Астарты--въ Тирѣ; тамъ ея—«10 или 15 колѣнъ»; и съ высоты Универса, для поклоняемаго «Ока» — «Тиръ совершенъ въ путяхъ своихъ со дня сотворенія своего» (Іезекіиль): но съ земли, откуда идетъ молитва, изъ «12» израильскихъ колѣнъ, уклониться къ этой тирской Астартѣ—не по существу ея, а потому что она уже есть «тирская»—значитъ уклониться въ «блудъ съ иными богами». Да это такъ прямо и выражено, напр. у Іезекіиля: «Я (Богъ) проходилъ мимо тебя (Израиля) — и вотъ это было время твое, время любви. Ты достигла превосходной красоты — поднялись груди и волоса у тебя выросли. И простеръ Я воскрилія Мои на тебя, и покрылъ наготу твою; и поклялся тебѣ, и вступилъ въ союзъ съ тобою, говоритъ Господь Богъ—и ты стала Моею» (Іезекіиль, гл. 16)... «но ты понадѣялась на красоту свою и, пользуясь славою твоею — стала блудить... съ сынами Египта... съ сынами Ассура... въ землѣ Ханаанской, до Халдеи» (та-же глава у Іезекіиля). Или, почти ярче еще, у пророка Осіи: «Судитесь съ вашею матерью, судитесь, ибо она не жена Моя, и Я не мужъ ея; пусть она удалитъ блудъ отъ себя, и прелюбодѣяніе — отъ грудей своихъ» (Осія, глава 2). Если мы примемъ во вниманіе, что рѣшительно духу всего Израиля и духу всей Библіи противенъ способъ изобразительности, манера «образовъ» поклоняемыхъ или украшающихъ, мы догадаемся, что здѣсь дѣло идетъ о дѣйствительности, т. е. о дѣйствительномъ ощущеніи, о способѣ «познавать» Бога, который снова обращаетъ наши глаза къ вершинѣ Вавилонскаго храма, къ «бреду», показавшемуся «неправдоподобнымъ вымысломъ» Геродоту, и который однако и составляетъ глубочайшую и собственно всю тайну семито-хамитическаго Востока. Маленькая подробность, сейчасъ сохраняющаяся, вдругъ объяснитъ и подтвердитъ эти древнія тайны: у евреевъ выйти изъ религіи, отречься отъ

«Бога отцовъ своихъ» и значитъ плотски разорваться [1]) въ узахъ съ племенемъ своимъ, напр. черезъ бракъ съ чужеродцемъ: т. е. вѣрность Богу, твердость религіозная проходитъ нитью именно въ брачномъ ритмѣ со своимъ. Это именно прозрачный «левиратъ», истончившееся въ утренній туманъ «ужество», связавшее все племя—

По вѣчнымъ, великимъ...

и плотская ткань его не была бы святою, неугасающею въ исторіи, не продырявливающеюся въ тысячелѣтіяхъ, если бы въ самое снованіе челнока не входило «дыханіе» Божіе, и, такъ сказать, существо Божіе не составляло бы суть вѣчной ткани. По крайней мѣрѣ, это такъ въ представленіяхъ пророковъ, и безспорно въ ощущеніи Израиля—по крайней мѣрѣ въ классическую пору его существованія, отъ котораго слѣдъ сохраняется въ теперешнихъ обычаяхъ, «предразсудкахъ», инстинктахъ. Но это самое ощущеніе и составляетъ «дыханіе» всѣхъ странъ обрѣзанія—оно есть въ планѣ и мысли Вавилонскаго храма, въ «милостынѣ» Милитты, «около храмныхъ» дубравахъ, въ куреніи Товіи, «миндалинкахъ скиніи»; и, наконецъ, въ дико-странномъ представленіи египтянъ, что «Аписъ зачинается отъ нисходящаго съ неба на корову луча свѣта, отъ коего она и рождаетъ его, послѣ чего уже никогда не можетъ быть стельною» (Геродотъ, третья книга, глава 27). Здѣсь общее и собственно единственно-важное — субъективное ощущеніе «высоты» брачнаго ритма, его «чистоты» и, наконецъ, «святости»—которое зажгло лампады, «подняло» храмъ Бела, насадило «дубравы» и создало, какъ у Израиля, весь необходимый ритуалъ «очищеній», «куреній», «новомѣсячій», «субботъ». Но мы все это оговариваемъ, чтобы объяснить грозную и ужасавшую всѣхъ историковъ манифестацію религіознаго чувства въ «правомъ отъ дней рожденія своего» Тирѣ—это курящаяся кровь дѣтей.

Вѣдь сидонянка, у которой попросилъ Илія Весвитянинъ хлѣба, отвѣтила: «съѣдимъ—сынъ и я, и потомъ умремъ». Сынъ—впереди

---

[1]) Однако первая жена Соломона была египтянка; Моавитянка Руѳь стала женою Вооза; халдеянка Ревекка - женою Исаака; хананеянки бывали женами царей Израильскихъ. Въ предѣлахъ «обрѣзанія», т. е. «высокаго» представленія — бракъ возможенъ, хотя чуть-чуть затрудненъ («иные бози»). Но онъ совершенно невозможенъ съ именами «низкаго» представленія о брачномъ ритмѣ, напр. съ нами. Мы, «упиваясь виномъ», впадая въ «скотоподобіе», «допускаемъ» себя до ритма: это — «животная» сторона нашей природы, коей мы дѣлаемъ невольную «уступку»; евреи, не входя въ наши разсужденія но принимая во вниманіе наши чувства, естественно испытываютъ чувство гнусности отъ полового съ нами общенія; они не хотятъ нисходить изъ «храма» въ «хлѣвъ»; и какъ по Второзаконію — «всякая, которая становится передъ скотомъ, да будетъ душа той истреблена изъ народа своего», — убиваютъ или почти убиваютъ, хотятъ «истребить» еврейку, рѣшившуюся «стать передъ» не-евреемъ.

матери, и нужно слишкомъ не понимать существо материнское, чтобы не догадаться, что дитя и всегда вездѣ предносится матерью. Но вотъ оно возносится въ «огнь поѣдающій».—«Сожигали сыновей своихъ въ огнѣ Адрамелеху и Анамелеху, богамъ Сепарвимскимъ, между тѣмъ чтили и Господа»—читаемъ мы въ главѣ семнадцатой 4-ой книги Царствъ. Вотъ поразительная тайна, отчасти Израиля, но главное—«жестокой» Финикіи.—«Отецъ, гдѣ же жертва»?—«Узнаешь, сынъ мой»,—вотъ діалогъ изъ Бытія, единственный полный очеркъ таинственнаго акта, гдѣ намъ вскрыта и его психологія. Въ діалогѣ этомъ—столько кротости и преданности волѣ Божіей, что онъ закрался кой-гдѣ и въ церковныя наши пѣснопѣнія (какъ образъ, сравненіе), т.-е въ эти пѣснопѣнія мы завили, какъ драгоцѣнную нить, единственную донесшуюся до насъ черту изъ внутренней стороны непонятныхъ жертвъ. «Какъ Исаакъ, несущій дрова для собственнаго закланія»...

Что такое жертва?—это всегда трудное, это всегда любовь. Мы «стоимъ» въ храмѣ, и сочли бы уничижительнымъ для себя сѣсть; есть «долгія» и трудныя «стоянія», на которыя особенно торопится народъ; паломники предпочитаютъ «идти» въ Кіевъ, а не ѣдутъ туда по желѣзной дорогѣ. Величина, тягость жертвы — всегда въ мѣру вѣры; и даже когда нищенка затепливаетъ

... свѣчу
Воску яраго

—она урываетъ копѣйку изъ нищи и прибавляетъ ее къ стоимости свѣчи. Это всегда, это вездѣ; въ этомъ смыслъ религіи, что мы хотимъ и даже спѣшимъ въ ней жертвовать. Дитя предносится матерью, и въ немъ она болѣе чѣмъ себя жжетъ. Вотъ свѣча, достигающая неба—единственная въ исторіи свѣча, и мы предполагаемъ, что было и въ основаніи ея единственное въ исторіи по яркости, по силѣ, т.-е. соотвѣтственно предмету—по глубинѣ и нѣжности, религіозное чувство. Гдѣ мы не въ силахъ прямо постигнуть дѣла, мы должны искать ему аналогій, подобій. Это—костры въ Испаніи. Какъ ужаснулись бы мы, еслибы кто-нибудь подумалъ, что они были «потребованы свыше». И это—жертва, видъ человѣческаго усердія:

Въ великолѣпныхъ auto-da-fe
Сжигали злыхъ еретиковъ...

—не своихъ дѣтей, не «друговъ», но «недруговъ», т.-е. тутъ мы можемъ различить ясно злое—умерщвленіе «врага».

Теперь мы догадаемся, что какъ это «in majorem gloriam» есть высшая степень логической гордыни, такъ есть нѣкоторое ниспаденіе «долу» духа въ принесеніи въ жертву «миндалинокъ», выношенныхъ «собственнымъ» чревомъ, и при взгля-

дѣ, что это чрево — свято, и ужъ конечно непорочно, свято, «чистый ярый воскъ» есть это дитя. Мы не умѣемъ это выразить, но ярко чувствуемъ, что тутъ именно второй полюсъ инквизиціи—тѣ глубины прощенія и смиренія, которыя выразились въ словѣ сидонянки: «Что мнѣ и тебѣ, человѣкъ Божій—ты пришелъ напомнить грѣхи мои и умертвить моего сына». Во всякомъ случаѣ, это-то уже понятно и читателю, что «сожженіе» себя есть нѣчто обратное, вывернутое по отношенію къ сжиганію «чужака»: что сжечь свое дитя—обратно, чѣмъ сжечь «недруга»; и, наконецъ, сжечь грѣшнаго, «злого» еретика и невинное дитя—тутъ все обратно, все противоположно, съ центромъ въ обоихъ разошедшихся фактахъ пламени «огня поѣдающаго». Тамъ и здѣсь—около Бога, религіозное, но расходящееся въ противоположныя стороны; и мы чувствуемъ—тутъ есть расхожденіе въ самыхъ представленіяхъ Бога. Но въ кострахъ auto-da-fe не ложно мы видимъ ужасное зло, бездны чернаго и демоническаго, бури гнѣвливости, дьявольскую жестокость и неправду; и только подъ угломъ этого сравненія мы вдругъ откроемъ въ «огняхъ», черезъ которые «проводили своихъ дѣтей» израильтяне съ такимъ неудержимымъ рвеніемъ—снова какой-то, намъ вовсе непонятный, но безспорно небесный и чистый свѣтъ кротости. Да вотъ отвѣтъ Ахава, сейчасъ послѣ пораженія сирійскаго царя Венадава; испуганный, этотъ царь, думая, что пришло время смерти его, «бѣгалъ изъ одной внутренней комнаты въ другую», и о немъ доложили Ахаву. «Развѣ онъ живъ?» переспросилъ этотъ: «онъ—братъ мой». Снова это тембръ души, какой сказался въ отвѣтѣ сидонянки Ильѣ. Мы замѣтили уже, что «дыханіе» всего Востока полно «материнствомъ»-«отчествомъ»; что этими чертами въ себѣ человѣкъ обращенъ къ небу, т.-е. естественно онъ обращенъ въ брачномъ ритмѣ, въ секунды дѣйствительно таинственныхъ разложеній индивидуальнаго существа въ «отца» и «сына», «мать» и «сына»; и именно въ небѣ онъ видитъ, къ небу относитъ разлагающее такъ себя начало, т.-е. онъ молится небесному «материнству» и «отчеству». Евреи особенно почувствовали «отчество» [1]) въ небѣ—противоположное и дополнительное ярко выраженной женственности [2]) себя какъ націи: болѣе мужественные финикіяне, отважные моряки и изобрѣтатели—ярче почувствовали въ небѣ дополнительное къ себѣ материнство. Существо, однако, здѣсь и тамъ одно: это—то существо, та тайна міра и истина его, которую

---

[1]) Однако первая строка Бытія: «Въ началѣ сотворилъ Богъ..» «Сотворилъ» = «бара»—форма глагола въ единственномъ числѣ указываетъ на единство или нерасчлененную слиянность творческаго акта: но «Богъ» = «Елогимъ»—форма *не единственнаго* числа, т.-е. въ первую строку и основное понятіе Израиля завито было и материнство къ міру.

[2]) Евреи—замѣчательно женственны, крикливы, нервны, и, напримѣръ, у нихъ вовсе не встрѣчается голосовъ «съ октавой»

инстинктивно ощущаетъ даже современная намъ наука, очень мало думающая о религіи, рѣшительно отказываясь признать начало жизни «обыкновеннымъ»,—ростомъ изъ «стихій» земли, изъ «красной глины». безъ замѣшавшагося сюда высшаго «дыханія»; и, напримѣръ, устами кажется Цёльнера, высказала гипотезу, что «первая органическая клѣточка, вѣроятно, упала на землю съ метеоритомъ». Съ «метеоритомъ» или нѣтъ—но съ «неба». «не» съ земли, «не» изъ «красной глины» поднялась,—вотъ что важно въ утвержденіяхъ XIX вѣка, и что глубоко, вѣрно и точно почувствовалось еще строителями Вавилонскаго храма. Но вернемся къ евреямъ и Финикіи: если характеръ финикіянъ былъ болѣе суровъ, то специфически-религіозное у нихъ представленіе, такъ сказать небесное дополненіе земного человѣка, будучи одной природы съ еврейскимъ, было нѣжнѣе, глубже, любящѣе. Тутъ и лежитъ разгадка столь поразительнаго явленія, которое мы наблюдаемъ въ Библіи за всю классическую пору существованія Израиля: что неподвижные, упорные, косные въ религіозной сферѣ евреи — неудержимо влекутся къ сліянію съ Финикіей: влекутся въ пору Бого-видѣнія (Соломонъ). сейчасъ послѣ псалмовъ Давида, въ пору созданія Экклезіаста и Пѣсни Пѣсней, при Іезекіилѣ, при Иліѣ, Исаіи, Амосѣ. Теперь, когда все стало непонятно намъ на Востокѣ—непонятенъ и этотъ фактъ; но это была внутренняя борьба въ одномъ по существу явленіи—«отчество» ли? но почему и «не материнство»? почему не «материнство и отчество»? и, главное—усиленнѣе, страстнѣе, глубже? Это былъ порывъ Израиля къ чему-то универсальному. но въ тѣхъ самыхъ линіяхъ. въ томъ планѣ, той мысли, въ которой и вѣчно, еще съ Авраама, онъ двигался; къ «огнистымъ камнямъ», «украшеннымъ одеждамъ», къ «полнотѣ мудрости и вѣнцу красоты»— какъ это выразилось съ безмѣрною любовью у Іезекіиля (глава 28). Но, однако, съ мѣстной и племенной, «12-колѣнной», точки зрѣнія это было уклоненіемъ отъ строгого и нѣсколько жесткаго «отчества». коему Израиль былъ обреченъ,—и онъ былъ остановленъ пророками. Мы можемъ, въ точкахъ соприкосновенія, вездѣ отмѣтить въ Израилѣ реакцію въ сторону грубости: вѣдь это Илья «порубилъ пророковъ» на Кедронѣ; и въ сношеніяхъ съ сидонянкою—вся нѣжность, покорность судьбѣ, готовность къ помощи—на ея сторонѣ; въ случаѣ съ Ахавомъ—едва онъ отпустилъ Венадава, какъ къ нему является пророкъ, и говоритъ: «душу за душу... Вотъ, ты отпустилъ его живымъ. и за это заплатишь жизнью». Вообще черты грубости и жестокости. порою рѣшительно непереносимыя, какія есть въ книгахъ Царствъ. вездѣ суть реакція специфически-израильскаго духа противъ болѣе кроткихъ «дыханій» «материнскаго» сосѣдства. Книга Руѳь, Книга Товита, Книга Іова и. наконецъ, Пѣснь Пѣсней—вотъ отпечатокъ Моава, Ниневіи, Аравіи, Сидона на древѣ Авраамовомъ, законѣ Моисеевомъ; и съ тѣмъ вмѣстѣ это суть самыя нѣжныя и

высокія страницы въ самой Библіи: онѣ гораздо выше и чище Второзаконія. Есть даже удивительная высота въ томъ, что «сосѣдство» не оставило послѣ себя никакихъ книгъ: оно прожило «Пѣснь Пѣсней» вмѣсто того, чтобы оставить памятникъ этой жизни въ словѣ. Кстати, объ этомъ великомъ произведеніи. Мы не догадываемся, что оно и есть памятникъ «дубравныхъ» молитвъ: и, до извѣстной степени, это есть въ словѣ выраженная мысль, планъ Вавилонскаго храма. Образы Іезекіиля объ отношеніи Бога къ Израилю—въ сущности повторены здѣсь: и, въ тоже время, въ неясности говорящихъ здѣсь лицъ, въ томъ, что мы постоянно слышимъ голосъ котораго-нибудь одного лица, что это есть вздохи, ожиданія, но не встрѣча и не самое касаніе, мы какъ бы читаемъ тутъ ночь ощущеній «туземной женщины» на «высотѣ» таинственнаго храма, описаннаго Геродотомъ:

«Я сплю — а сердце мое бодрствуетъ; вотъ голосъ моего возлюбленнаго, который стучится: отвори мнѣ, сестра моя, возлюбленная моя, голубица моя, чистая моя! потому что голова моя вся покрыта росою, кудри мои — ночною влагою.

«Я скинула хитонъ мой; какъ же мнѣ опять надѣвать его? я вымыла ноги мои—какъ же мнѣ марать ихъ?

«Возлюбленный мой протянулъ руку сквозь скважину, и чрево мое взволновалось отъ него.

«Я встала, чтобъ отпереть возлюбленному моему, и съ рукъ моихъ капала мирра, и съ пальцевъ моихъ мирра капала на ручки замка.

«Отперла я возлюбленному моему — а возлюбленный мой повернулся и ушелъ. Души во мнѣ не стало, когда онъ говорилъ; я искала его и не находила его: звала его и онъ не отзывался мнѣ.

«Встрѣтили меня стражи, обходящіе городъ, избили меня, изранили меня; сняли съ меня покрывало стерегущіе стѣны.

«Заклинаю васъ, дщери Іерусалимскія! если вы встрѣтите возлюбленнаго моего — что скажете вы ему? что я изнемогаю отъ любви.

«Чѣмъ возлюбленный твой лучше другихъ возлюбленныхъ, прекраснѣйшая изъ женщинъ? Чѣмъ онъ лучше, что ты такъ заклинаешь насъ?

«Видъ его подобенъ Ливану, величественъ какъ кедры: уста его — сладость и весь онъ — любезность. Вотъ, кто возлюбленный мой, и вотъ, кто другъ мой, дщери Іерусалимскія» (Пѣснь Пѣсней. глава 5).

Конечно, *мы* можемъ тутъ улыбнуться, вспоминая

...игры Вакха и Киприды,

но насъ остановитъ безспорно религіознѣйшій на землѣ народъ—евреи, ибо именно эту «Пѣснь Пѣсней», а не «Исходъ» и не

«Второзаконіе», что̀ отвѣчало бы историческому воспоминанію, они читаютъ въ «субботу изъ субботъ», въ «святую» Пасху. И наша церковь, которая также не знаетъ

...игръ Вакха и Киприды

и не можетъ не видѣть, что содержаніе Пѣсни Пѣсней есть чисто брачное — признала, что содержаніе это обнимаетъ не лицо, не индивидуумы, не землю, но землю въ отношеніи ея къ небу, «поднятыя» надъ землею «небесныя воскрилія» (Іезекіиль). Гипотеза Цёльнера, храмъ «древняго Бела», мечта Саиса, вздохи Сидона, мысль «обрѣзаннаго» подъ дубомъ Мамврійскимъ Авраама—вторая, не объясненная Аврааму, темная сторона обрѣзанія, сказавшаяся въ загадочномъ восклицаніи Сепфоры: «ты теперь—женихъ крови у меня». «И отошелъ Господь; она-же прибавила — женихъ крови по обрѣзанію».

«Обрѣзаніе» и есть «обрученіе» — «обѣщаніе», исполненіе котораго начинается по достиженіи половой зрѣлости. «Съ первыми признаками зрѣлости, въ 13 лѣтъ, еврей уже становится полноправнымъ въ народѣ и обязанъ исполнять всѣ мицвы или религіозные законы». (П. Перефферковичъ — «Талмудъ, его исторія и содержаніе». Спб. 1897 г., стр. 91). Вотъ «полное гражданство», начало «togae virilis», наступающее въ точкѣ обрѣзанія, и, собственно, самое «гражданство» лежитъ въ ритмѣ этой точки. Мы закончимъ это, нѣсколько археологическое, изслѣдованіе, въ сущности поразительнымъ, какъ и храмъ Бела, изображеніемъ еврейской субботы, какъ оно сдѣлано въ интересной книгѣ г. Перефферковича, только что нами цитированной. Но сперва замѣтимъ, что «суббота» — начинается съ вечера, кончается въ полдень, и не трудно догадаться, что ея центръ есть ночь. Суббота есть—ритмъ, одно біеніе въ 4.000 лѣтнемъ пульсѣ:

«Переносить предметъ изъ одной такъ называемой области въ другую—запрещено; при этомъ понятіе несенія разлагается на два момента: *поднятіе* вещи въ одномъ помѣщеніи и *опущеніе* ея въ другомъ. Такимъ образомъ возможно нарушеніе этого запрета, даже стоя на одномъ мѣстѣ: достаточно предметъ *поднять* въ одной области и *опустить* въ другой. Ученые раввины различаютъ четыре области: 1) *область неограниченную*, безпредѣльную—*решуѣ харабимъ*; сюда относится всякое пространство, не ограниченное со всѣхъ сторонъ; 2) *область ограниченную — решуѣ хаяхидъ* — собственно: *область частнаго лица*; сюда относится всякое, со всѣхъ сторонъ огороженное пространство, напр. дворъ, такая крѣпость, ворота которой на ночь запираются, и др.; 3) *кармелитъ*—среднее между областью ограниченной и неограниченной, напр. море, тупикъ, т. е. глухой переулокъ, огороженный съ трехъ сторонъ; и 4) *свободное мѣсто*—*макомъ-патуръ*; сюда относятся воз-

вышенія или углубленія, которыя можно разсматривать какъ ограниченныя со всѣхъ сторонъ. Не только несеніе изъ одной области въ другую составляетъ нарушеніе, но даже несеніе въ предѣлахъ *неограниченной области* и *кармелита*, на пространствѣ четырехъ локтей. Носить можно только внутри ограниченной области, какой-бы величины она ни была. Однако дѣлается различіе между ограниченной областью принадлежащей частному лицу, и такой, которая принадлежитъ многимъ лицамъ. Переносить предметы изъ одной ограниченной области въ другую — запрещено. Вслѣдствіе этого нельзя, напримѣръ, выносить изъ своего дома на дворъ, хотя бы онъ также представлялъ область ограниченную, такъ какъ на него имѣютъ права всѣ сосѣди...

Отсюда начинается понятная и интересная сторона «субботы»: итакъ географическая только смежность, «сосѣдство», есть отрицательное для «субботы» понятіе, или точнѣй—индифферентное.

«Для того, чтобы выносъ предмета на дворъ не составлялъ нарушенія, должно, чтобы всѣ сосѣди представляли одну семью»...

Вотъ положительная черта въ «субботѣ», требуемое —

«...одну семью съ фиктивнымъ главою, со стола котораго они, члены семьи», получаютъ пропитаніе, хотя живутъ въ различныхъ квартирахъ. Символомъ такого «родственнаго» отношенія между совершенно чужими людьми является принесеніе всѣми сосѣдями хлѣба къ одному лицу во дворъ. Этимъ актомъ всѣ квартиры одного двора соединяются, «смѣшиваются», такъ что всѣ онѣ вмѣстѣ со дворомъ представляютъ одну и ту-же частную область. Этотъ актъ называется *эрувъ* — «*смѣшеніе*»: благодаря ему становится дозволеннымъ выносъ предметовъ изъ частной квартиры на дворъ и обратно».

«Въ субботу запрещается удаляться отъ города болѣе, чѣмъ на 2.000 локтей. Для этого устанавливается, при помощи измѣренія, городской *иббуръ*, т. е. описывающій весь городъ прямоугольникъ, стороны котораго соотвѣтствуютъ четыремъ сторонамъ горизонта—*міровому квадрату*. На сторонахъ этого квадрата и строятся субботнія *черты—техумы*. Онѣ изображаютъ изъ себя прямоугольники, которыхъ одна сторона равняется данной сторонѣ иббура, а другая—2.000 локтей.

«Для того, чтобы можно было въ субботу исполнить какое-нибудь предписаніе—*мицву*—по ту сторону техума, дозволяется до наступленія субботы фиктивно перенести свое жилище на такое мѣсто, откуда не запрещалось бы ходить какъ до обычнаго мѣста жительства, такъ и до требуемаго мѣста. Символомъ новаго жительства опять становится пища».

Такимъ образомъ «суббота» какъ бы территоріально построяется, вычерчивается на землѣ—вотъ ея поразительная особенность, смѣ-

шеніе двухъ казалось бы несовмѣстимыхъ категорій—«праздника» и «мѣста». Но есть «праздничное мѣсто»—это «храмъ». Евреи не имѣютъ «храмовъ», но они имѣютъ «субботы», и мы безъ труда догадываемся, что раввины потому и «построяютъ» субботы, что «суббота» въ умоначертаніи ихъ есть «храмъ». И въ самомъ дѣлѣ: «нбуръ»—это «дворъ храма», за черту коего нельзя выйти, не прервавъ «празднованія» или не разрушивъ «храма»; «ограниченная область». «дворъ» съ фиктивнымъ главою и «хлѣбами предложенія», которыя хотя бы фиктивно, но соединяютъ жильцовъ отдѣльныхъ квартиръ непремѣнно «въ одну семью»,—есть въ этомъ храмѣ «святилище»: за его черту нельзя ничего «вынести», въ нее нельзя ничего «внести», ибо тутъ—все Богово, какъ внѣ ея, въ «мірѣ»—все «не» Богово. Но была еще въ храмѣ Соломоновомъ и въ Моисеевой скиніи «субботняя», радостная, высокая и святѣйшая часть: это «святое святыхъ». Что ей соотвѣтствуетъ въ «построяемомъ» до нынѣ храмѣ, въ еженедѣльной субботѣ евреевъ? Отворимъ дверь, переступимъ черезъ порогъ: съузимся въ «субботѣ» отъ «нбура», отъ «двора», къ тѣснѣйшему и внутреннѣйшему сосредоточенію: мы—въ «семьѣ». Вотъ передъ нами Авра-амъ, еще вчера Аврамъ; около него Сар-ра, выросшая изъ пятничной Сары: и около нихъ «свѣтильникъ»: это дѣти, живыя «миндалинки», отвѣчающія огнистымъ миндалинкамъ древняго храма.

«По мысли раввиновъ», заканчиваетъ г. Переферковичъ, суббота представляетъ совершенно особый, идеальный міръ, имѣющій очень мало общаго съ міромъ будничной суеты. Въ субботнемъ мірѣ для еврея существуютъ лишь самые необходимые предметы, какъ напр. пища, одежда, безъ которыхъ жизнь въ этотъ день не мыслима и которые были *заготовлены* спеціально для этого дня. Эти предметы составляютъ *мухинъ —заготовленное*. Все остальное, что не можетъ пригодиться въ субботу, лежитъ внѣ субботняго міра и составляетъ *мукцэ—выдѣленное*. Предметы, которыхъ не было при наступленіи субботы (напр. яйцо, снесенное въ самую субботу), лежатъ также внѣ субботняго міра: они — *нолидъ, родившееся послѣ*. Всѣ субботніе предметы запрещено брать въ руки или употреблять въ пищу въ субботній день» (стр. 122—124).

Вотъ поразительный праздникъ, такъ не похожій на наши. Мысль его—разобщеніе съ міромъ, отдѣленность отъ земли, нѣкоторая «духовная» сливающаяся съ «плотскою» «высота»: «нельзя брать въ руки» не «субботняго», съ земли, изъ долу—за границу этихъ послѣднихъ «техумовъ», во внутреннѣйшую, интимнѣйшую часть «мірового квадрата».—«Тамъ на верху есть комната—однако, никакого кумира нѣтъ: провести ночь тамъ никому постороннему не дозволяется, за исключеніемъ...» (*Геродотъ*, I кн., гл. 181)—«за исключеніемъ чистыхъ, какъ жертвы, дѣтей» (г. Переферковичъ, стр. 90), разсѣявшейся подъ дубомъ Мамврійскимъ Сар-ры и «отца

множества».—«Не смѣйся, сказалъ ей Господь: черезъ годъ въ этотъ день Я буду у тебя—и будетъ у тебя сынъ» (*Бытіе*, 15).

Такъ отъ субботы къ субботѣ ритмируетъ этотъ народъ, высвѣчивающійся извнутри, когда мы ищемъ освѣщенія съ боковъ, сверху, снизу. Неугасимый народъ. Онъ догадался о святомъ въ брызгѣ бытія—тамъ именно, куда мы въ понятіяхъ своихъ отнесли грѣхъ. Мы изъ «грѣха» замѣшиваемся,—и ищемъ потомъ, позднѣе, вокругъ, помощи, опоръ, костылей для тягостнаго въ природѣ своей и родникѣ существованія. Ему «вѣтерокъ», «высота» сообщаетъ воздушность созерцаній: «благословенъ Богъ, сотворившій свѣтъ». Онъ не имѣетъ центровъ сплоченія иначе какъ принужденно, защипаясь. Центръ его сплоченности—суббота, «нѣкоторое идеальное мѣсто». Таинственная ночь, передъ наступленіемъ которой зажигается свѣтильникъ. «И сдѣлай свѣтильникъ изъ золота чистаго... Стебель его, вѣтви его, чашечки его, яблоки его и цвѣты его должны выходить изъ него. Три чашечки—на подобіе миндальнаго цвѣтка: а на стеблѣ—четыре чашечки на подобіе миндальнаго цвѣтка, съ яблоками и цвѣтами: все сдѣлай, какъ Я показалъ тебѣ на горѣ» (*Исходъ*, гл. 25).

Почти странствующій, кочевой народъ доселѣ и всегда: какая-то толпа гогочущихъ «пророковъ» или «тихихъ и безпечныхъ ремесленниковъ», какихъ еще въ Финикіи увидѣли и описали пять соглядатаевъ: но послѣ какой борьбы, какого сопротивленія, въ потокахъ самой горячей и свѣже-бѣгущей крови они срывались съ мѣста своего, казалось бы, «странствованія». Римъ разлагался извнутри; Греція извнутри же умерла. «Стѣны города дрожатъ отъ таранов, а вы, граждане, сидите въ циркѣ и забавляетесь ристаніями»—обращался въ эпоху паденія къ «своимъ» Сальвіанъ (кажется). Какое разслабленіе: это—трупъ, который безсиленъ поднять руку, чтобы отогнать обнюхивающую его собаку. Но какъ трудно было Александру Македонскому сорвать «блистающій въ цвѣтныхъ огняхъ» Тиръ съ его «высоты». Какая кошачья цѣпкость существованія! Такъ съ «высоты же» былъ сорванъ Сіонъ Тятомъ. Узенькая полоска по «илистому», «влажному», «небесному» (Гомеръ) Нилу была послѣ 4.000 лѣтъ неутомленнаго существованія едва покорена Камбизомъ, обладателемъ всей передней Азіи. Вездѣ, во всѣхъ случаяхъ—внѣшнее разрушеніе, «зарѣзанность» на «дорогѣ».

Но и послѣ Камбиза «Мицраимъ» живетъ еще роскошною культурною жизнью. «Благословенъ Богъ, сотворившій свѣтъ». Какъ этотъ особенный и спеціальный свѣтъ «субботъ» и «миндалинокъ»—цѣпокъ въ бытіи, упоренъ въ сопротивленіи, жгучъ и какъ бы переполненъ кровью въ секунду гибели, подъ разрѣзающимъ его ножомъ! Какъ глубоко «корни» этихъ племенъ ушли въ «мать-землю». И какіе памятники — въ словѣ (Библія) или камнѣ (пирамиды). Пуняне (Карѳагенъ) едва сами не погубили Римъ: Hannibal ante portam.

Но и въ самый послѣдній мигъ, извнѣ «срываемые», эти племена обрѣзанія не несутъ типичнаго въ арійской смерти разложенія и трупнаго запаха: никакихъ морщинъ старости, утомленныхъ мускуловъ: ни weltschmerz'a, «міровой скорби», ни «соціальной анархіи». Жизнетворцы

по вѣчнымъ, великимъ...

—они въ самомъ нервѣ бытія исключили идею смерти, «не принимаютъ идеи небытія», какъ выразился въ Федонѣ Платонъ о безсмертіи души. Напротивъ, у арійцевъ внесено «жало» отрицанія въ самый родникъ бытія, и это «жалящее отрицаніе» пульсируетъ въ ихъ жилахъ. Арій живетъ въ смерть и поклонился гробу.

Мы до сихъ поръ вращались въ подробностяхъ ритуала, остановимся же еще на одной и яркой чертѣ его. Евреи, еще отъ временъ Товита, т. е. живой Ниневіи, прикоснувшись даже по необходимости или нечаянно къ трупу—не смѣли до «завтра» войти въ «святой» домъ, мѣсто «бытія», «утвержденія», снованій жизненнаго челнока. И по-сейчасъ они кидаютъ тѣла умершей жены, матери, брата въ какую-то почти яму, безъ обряда, слезъ, безъ уваженія, съ отвращеніемъ и религіозной брезгливостью. Трупъ для нихъ—«отецъ отцовъ нечистоты». Какой ужасъ въ этомъ отношеніи—для насъ; но подъ отвратительнымъ обычаемъ—какая глубина мысли, яркость ощущенія жизни, и демаркаціонной линіи, проходящей между нею и смертью. Мы лобызаемъ покойниковъ съ бо́льшимъ благоговѣніемъ, чѣмъ живыхъ; мы немножко имъ покланяемся—и какая красота у насъ погребальнаго обряда. Но какое же чувство подъ этимъ? не утрата ли въ самомъ ощущеніи нашемъ разграничительной между смертью и жизнью линіи; не нахожденіе ли наше въ области смерти какъ бы еще при жизни; и, какъ выразился бы Платонъ—не то ли это значитъ, не то ли символизируетъ, что мы «приняли идею небытія въ самое бытіе свое?»

И это «жало смерти», «идея небытія» пульсируетъ въ нашей крови.

Эмбріоны.

1.

— «Что дѣлать?» спросилъ нетерпѣливый петербургскій юноша.— Какъ что дѣлать: если это *лѣто*—чистить ягоды и варить варенье; если *зима*—пить съ этимъ вареньемъ чай.

2.

Западная жизнь движется по законамъ лирики, наша до сихъ поръ—въ формахъ эпоса; но нѣкогда и мы войдемъ въ формы лирики.

Вопросъ Чернышевскаго, поставленный въ заглавіи его романа, есть вопросъ существенно лирическій, не своевременный; ему можетъ быть данъ только бытовой отвѣтъ: дѣлать нужно то, что было дѣлаемо вчера.

3.

Въ декадентахъ и символистахъ 60-е годы только не узнаютъ себя: это—реабилитація плоти, ставшей измозженною послѣ 30 лѣтъ «свободы»; это торжество «личности» надъ средою; это—«дѣти», вдругъ оказавшіеся импотентными породить внуковъ.

Наказаніе слишкомъ скоро послѣдовало за преступленіемъ.

4.

Совершенство формы есть преимущество падающихъ эпохъ.

5.

Когда народъ умираетъ—онъ оставляетъ однѣ формы: это—скелетъ его духа, его творчества, его движеній внутреннихъ и внѣшнихъ. Республика, монархія—развѣ это не формы? трагедія, эпосъ,

«шестистопный ямбъ»—развѣ не формы? не формы—Пароенонъ, какъ и девятая симфонія? И, наконецъ, метафизика Платона или Гегеля?

И вотъ почему, еще разъ: когда народъ оканчиваетъ свое существованіе—формальная сторона всѣхъ имъ создаваемыхъ вещей приближается къ своему завершенію.

6.

XIX-й вѣкъ есть вѣкъ *любующійся* паденіемъ своимъ; чувство Сарданапала, сгорающаго на сокровищахъ своихъ и со своими женами, въ высшей степени ему присуще.

7.

Геній обычно *бездѣтенъ*—и въ этомъ его глубокая и, можетъ быть, самая *объясняющая* черта. Онъ не можетъ рождать и, кто знаетъ, нужно ли это для него? Онъ есть нѣкоторая ding an sich.

Какъ орудіе, какъ низменное средство, какъ земная сторона небесной тайны—половыя аномаліи, такъ часто встрѣчающіяся у геніевъ; влеченіе къ разврату; раннее половое развитіе; «пороки дѣтства».

Лермонтовъ и Байронъ 11—14 лѣтъ испытываютъ любовь; какъ *это* уродливо, какъ геніальны *они*. Рафаэль и Александръ Македонскій равно бездѣтны: бездѣтны Цезарь и Ньютонъ.

Потомство генія, если даже оно есть,—чахло и быстро гибнетъ; большею частью это—*женское* потомство. Вспомнимъ Наполеона I и нашего Петра. Здѣсь лежитъ объясненіе, почему послѣ *геніальныхъ* государей династіи, большею частью, пресѣкаются и наступаютъ «смуты».

8.

Въ *Дневникѣ* Аміеля, столь благоухающемъ, тонкомъ, глубокомъ, столь благородномъ, есть страшный недостатокъ, который остался незамѣченнымъ: его ужасная *пассивность*—отсутствіе страстныхъ, дѣятельныхъ и, слѣдовательно, зиждущихъ въ авторѣ эмоцій. Гр. Толстой чутко сравнилъ его съ книгою Марка Аврелія—но это не похвала, какъ онъ думаетъ. Тотъ и другой трудъ суть равно произведенія сумеречныя, осеннія—произведенія того времени историческаго года, когда соки въ людяхъ-растеніяхъ бѣгутъ не вверхъ, не поднимаютъ ихъ, но стремятся внизъ, къ землѣ и въ землю.

Бездна ума, критики у Аміеля, и—никакого творчества. Это—благоуханіе смерти. Оканчивая каждую страницу, хочется спросить: сколько еще дней осталось ему жить?

Жена Марка Аврелія не была ему вѣрна: Аміель, кажется, не дерзнулъ жениться. Это—люди, которые умѣли оставить только прекрасный *посмертный* «Дневникъ». Одинъ былъ вялымъ, унылымъ

императоромъ: другой—еще худшимъ ученымъ и профессоромъ, очень боязливымъ и несообщительнымъ.

Какая противоположность—Буслаевъ, до дряхлости бодрый и живой, съ толпою горячихъ учениковъ, которые разнесли слова учителя по Россіи и приложили его мысли къ безчисленнымъ предметамъ, какая противоположность Петръ—«капитанъ бомбардирской роты», розыскивавшій въ Липецкѣ желѣзистые ключи, на сѣверѣ строившій корабли, встрѣчавшій лоцманомъ первый голландскій корабль въ Невѣ. Каждый его шагъ былъ дѣломъ, всякое движеніе есть историческій фактъ... Это—люди рождающейся эпохи; въ «водахъ», крови, при крикахъ матери и судорожныхъ ея подергиваніяхъ—выходитъ чудный мальчикъ. Тамъ мы видимъ благоухающій, умащенный трупъ...

Миръ имъ: мы ихъ не хотимъ перечитывать—иначе какъ передъ смертью.

9.

Весь міръ есть игра потенцій; я хочу сказать—игра нѣкоторыхъ эмбріоновъ, духовныхъ или физическихъ, мертвыхъ или живыхъ. Треугольникъ есть половина квадрата, извѣстнымъ образомъ разсѣченнаго, и на этомъ основаны его свойства, измѣримость, отношенія къ разнымъ фигурамъ; земля есть «сатурново кольцо», оторвавшееся отъ солнца, разорвавшееся, склубившееся,—и поэтому она тяготѣетъ къ солнцу; и всякая вещь есть часть безчисленныхъ другихъ вещей, ихъ эмбріонъ, потенція ихъ образованія—и поэтому только она входитъ въ соотношеніе съ этими другими вещами, связывается съ ними, а отъ другихъ, наоборотъ, отталкивается. Поэтому, говорю я, жизнь природы есть жизнь эмбріоновъ: ея законы—суть законы эмбріональности; и вся наука, т. е. всѣ и всякія науки, суть только вѣтви нѣкоторой космической эмбріологіи.

10.

Что мы называемъ мистическимъ?—Мы называемъ имъ прежде всего *неясное*; но такое — въ чемъ мы чувствуемъ глубину, хотя и не можемъ ея ни доказать, ни изслѣдовать; далѣе, мистическимъ мы называемъ то, въ чемъ подозрѣваемъ отблескъ, косой, преломившійся лучъ Божескаго; и, наконецъ, то, въ чемъ отгадываемъ перво-стихійное, перво-зданное по отношенію ко всѣмъ вещамъ.

Напр., ушибъ камнемъ—не мистиченъ, конечно; но смерть, отъ него послѣдовавшая — вполнѣ мистична. Она мистична какъ *актъ*, и даже мистична, какъ моментъ въ судьбѣ человѣка, какъ его возможное наказаніе за грѣхъ.

Можно сказать, мистическое не столько есть въ природѣ, сколько заключается въ человѣкѣ: можно мистически смотрѣть на всѣ вещи, всѣ явленія, но можно—и натурально. Камень упалъ на человѣка

и онъ умеръ: доселѣ—натурализмъ; но почему онъ упалъ на *этого* человѣка—это уже мистика.

Въ натурализмѣ человѣкъ и собака сходятся: собака тоже ушиблена — и завизжала; сильнѣе ушиблена — и умерла; далѣе нѣтъ вопросовъ. Но человѣкъ никогда этимъ почему-то *не хотѣлъ* ограничиться; онъ спрашивалъ далѣе: и вотъ гдѣ начинается человѣкъ.

11.

Молнія сверкнула въ ночи: доска *освѣтилась*, собака — *вздрогнула*, человѣкъ — *задумался*. Три грани бытія, которыя мы напрасно усиливались бы смѣшивать.

12.

Всѣ геніи тяготѣютъ къ пре-мірному. Не есть ли предвареніе этой черты — то, что и всѣ люди тяготѣютъ къ необыкновенному, странному: къ ужасному даже. Собака не тяготѣетъ къ страшному, а только бѣжитъ отъ него; человѣкъ тоже бѣжитъ, но и заглядываетъ въ него, интересуется. Вотъ *главная* у него черта.

13.

Ищу рукавицы — а объ за-поясомъ. «Страшно то, что нѣтъ ничего страшнаго», сказалъ грустный Тургеневъ: онъ просмотрѣлъ *въ себѣ* то, о чемъ тосковалъ. Почему безстрашность была ему страшна, — развѣ это не ужасная тайна души человѣческой, *его* души? Я вижу день, но хочу ночи, тоскую по ночи: я вижу цѣлую жизнь только день — и спрашиваю, *не видя никогда и никогда*: «почему не ночь? гдѣ ночь? мнѣ страшно и тягостно безъ ночи?» Не есть ли это *темное вѣдѣніе* — ужасная тайна, гораздо болѣе ужасная, чѣмъ всѣ пугающіе фокусы «Пѣсни торжествующей любви», коими, въ предвидѣніи незримой ночи, онъ игралъ подъ старость?

Это есть именно — пугающая ночь: всѣ наши страхи основательны — ибо ночь не выдумана, не фикція, она *есть*. Оттуда летятъ на насъ сны: есть нѣкоторая относительная истина въ этихъ снахъ, хотя, конечно, есть и доля искаженія отъ нашего воображенія. И, обращаясь туда, къ этой ночи — мы молимся, испуганные, потрясенные: сердце наше сжимается робко, мы прижимаемся другъ къ другу... Это—церковь.

Всѣ таинства религіи—оттуда. Нѣкогда прозвучало оттуда: «не бойтесь...», пронеслась «благая вѣсть».

И вчера испуганные — сегодня умилились. Вотъ Евангеліе и Библія.

14.

Чувство Бога есть самое трансцедентное въ человѣкѣ, наиболѣе отъ него далекое, труднѣе всего досягаемое: только самыя богатыя, ***мощныя*** души и лишь черезъ испытанія, горести, страданія, и болѣе всего черезъ грѣхъ, часто подъ старость только лѣтъ, досягаютъ этихъ высотъ, — чуточку и лишь краемъ своего развитія, *одною вѣточкой*, касаются «мірамъ инымъ»: прочіе лишь посредственно—при условіи чистоты душевной — досягаютъ второй зоны: это—церковь. Коснувшіеся «мірамъ инымъ», отцы міра христіанскаго — оставили слова объ этомъ касаніи: они сложились въ обрядъ, ритуалъ, требованія: выросли какъ обычай, какъ учрежденія: окрѣпъ канонъ, создалась литургія: построенъ храмъ. Создалась масса матеріальной святыни, уловимой формами времени и пространства. И здѣсь почилъ Свѣтъ Божій, какъ праведникъ почиваетъ въ своихъ мощахъ. Касаніе сюда уже для всякаго доступно: это — средство спасенія, всѣмъ предложенное.

Да не касаются же руки человѣческія этой высочайшей святыни всего человѣчества. Что-нибудь поколебать здѣсь, смѣлять, усилиться поправить, даже улучшить (безъ знанія «міровъ иныхъ»)— болѣе преступно, болѣе ужасно, чѣмъ вызвать кровопролитнѣйшую войну, заключить позорнѣйшій миръ, предательствомъ отдать провинціи врагу. Ввести неудачную программу въ семинаріяхъ, удалить чинъ дьяконскій изъ богослуженія — хуже, чѣмъ неудачно воевать подъ Севастополемъ, чѣмъ заключить парижскій трактатъ и даже чѣмъ «возстановить Польшу».

Охъ, ужъ эти *починщики* таинственной и живой исторіи!

15.

Часто стоиковъ сравниваютъ съ христіанами и проводятъ параллели между послѣднею языческою философіей и новымъ «благовѣствованіемъ». Между тѣмъ, нѣтъ ничего ихъ противоположнѣе: даже эпикурейцы стоятъ ближе къ христіанамъ.

Стоицизмъ есть благоуханіе смерти: христіанство — потъ, муки и радость рождающей матери, крикъ новорожденнаго младенца. «Всегда радуйтесь», сказалъ Апостолъ: развѣ это *смутилъ* бы сказать какой-нибудь стоикъ? «чада мои, храните преданіе» — развѣ это языкъ умирающаго Рима? Христіанство — безъ буйства, безъ вина и опьяненія — есть полная *веселость*; удивительная *легкость* духа; *никакого* уныніе, *ничего* тяжелаго. Аскеты и мученики были веселы, одни въ пустыняхъ, другіе идя на муки. Какой-то потокъ внутренняго веселья даже у такихъ, даже въ такія минуты гналъ съ лица всякую тѣнь потемнѣлости...

Отецъ Амвросій Оптинскій и Іоаннъ Кронштадтскій—лучшіе и *типичнѣйшіе* изъ христіанъ, какихъ мы наблюдали — оба замѣчательно свѣтлы, радостны, жизненны. У отца Амвросія почти только шутки, прибаутки — въ письмахъ и разговорахъ; лицо о. Іоанна всѣмъ извѣстно — это сама радость.

Стоикъ—мы говоримъ это, потому что христіанинъ не можетъ искренно не смѣяться надъ нимъ — fait bonne mine à mauvais jeu: онъ сдерживается, усиливается, напрягается, вовсе не понимая въ сущности, для чего.

Положивъ руку ему на плечо, свѣтлый христіанинъ могъ бы посмѣяться надъ нимъ: «стоикъ — вотъ фалернское! о чемъ ты думаешь?» Можетъ быть, онъ вышибъ бы у него бокалъ, но онъ ничего не съумѣлъ бы отвѣтить.

Есть неуловимо тонкая черта, соединяющая стоиковъ съ фарисеями: оба *брезливы* по отношенію къ міру; одинъ уходитъ отъ него въ ванну и вскрываетъ себѣ жилы, читая «Федона»; другой отходитъ отъ него въ сторону и становится на молитву.

16.

Нельзя достаточно настаивать на томъ, что христіанство есть радость, и только радость, и всегда радость.

«Мы опять съ Богомъ»: развѣ не это — само-ощущеніе христіанъ? Гдѣ же тутъ уныніе?

17.

Сравнивали христіанство съ буддизмомъ: «у нихъ—однѣ добродѣтели»; да, но вотъ пороки не одни:

«Духъ же .. унынія отжени отъ меня»

— это молится христіанинъ. Буддистъ молится — или не столько молится, сколько молчитъ, въ вѣчномъ унынін.

Есть иная черта сближенія и противоположенія между буддизмомъ и христіанствомъ: буддизмъ есть міровой пессимизмъ, и онъ же есть атеизмъ. Вотъ глубина души человѣка, открывающаяся отсюда: Богъ есть радость, безъ Бога—отчаянье.

18.

Вся тайна православія — въ молитвѣ, и тайна быть православнымъ заключается въ умѣніи молиться.

Признаемся, мы чувствуемъ отвращеніе всякій разъ, когда заводится рѣчь о цезаро папизмѣ или папо-цезаризмѣ. Когда стоишь въ храмѣ и видишь молящихся—какъ примѣнить сюда эти понятія

что они—цезаро-паписты или папо-цезаристы? Все это—темы для *насъ* интересныя, и именно интересныя настолько—насколько мы разучились молиться.

19.

Усилія сдѣлать обычнымъ и даже обязательнымъ проповѣдованіе въ храмахъ не нравятся намъ: это едва ли православно и вовсе не народно. Это—протестантскія усилія около православнаго храма.

Православное богослуженіе есть уже проповѣдь: вѣдь проповѣдь есть ученіе, но литургія есть полный кругъ ученія, сверхъ коего не нужно еще ничего человѣку. О чемъ—въ прекрасныхъ эктеніяхъ—не молится діаконъ и съ нимъ народъ?—ничто не забыто: ни гробъ, ни плавающіе, ни побѣды Государю, ни миръ всего міра, ни благораствореніе воздуховъ. «Иже херувимы»—развѣ не ученіе? «всякое нынѣ житейское отложимъ попеченіе»—какое поученіе, какой призывъ сравнится съ этимъ? Кажденіе передъ иконами, возгласы священника -до того проникнуто все это смысломъ и красотою.

Постоянство и обязательность проповѣди понятны въ протестантскихъ опустошенныхъ храмахъ. Здѣсь все оголено смысломъ, поэзіей ученія: если они не будутъ пѣть псалмовъ, пасторъ не будетъ имъ говорить, музыка не будетъ играть—они заснутъ: что же имъ дѣлать? Тутъ ничего нѣтъ; нѣтъ собственно богослуженія. Лекція и концертъ образуютъ существо протестантскихъ религіозно-общественныхъ собраній, и поэтому понятно, что они такъ упорно держатся за эти остатки разрушенной церкви. У насъ по крайней мѣрѣ продолжительная и неумѣлая проповѣдь только закрываетъ красоту и сущность остальнаго богослуженія.

Народъ не очень любитъ проповѣдь: церковь, при первыхъ словахъ проповѣдника, раздѣляется на двое—передняя половина придвигается къ алтарю, задняя идетъ къ выходу: во множествѣ изъ переднихъ рядовъ стараются незамѣтно пробраться къ выходу.

Но вотъ что всю церковь сбиваетъ въ кучу: это—акаѳистъ. Акаѳистъ—только молитва, и никакая часть литургіи не вызываетъ такого умиленія, жара, у многихъ—слезъ, какъ акаѳистъ Іисусу или Божіей Матери. Вотъ это -народно и православно. «Щеки же ея пылали и первосвященникъ, видя это, подумалъ: не пьяна ли она?»—вотъ это зоркій взглядъ всегда замѣтитъ у одного, двухъ, трехъ молящихся во время акаѳиста. Тутъ всѣ становятся на колѣни—о, это православно! Многіе *наизусть* знаютъ акаѳисты и *впередъ* священника шепчутъ слова—слова, всегда *къ себѣ* прилагаемыя... Тутъ столько личныхъ, семейныхъ тайнъ вы видите въ горящихъ глазахъ, въ духѣ то сокрушенномъ, то веселящемся.

Можно сказать—акаѳисты воспитали Русь.

20.

Самая опасная сторона въ христіанствѣ XIX вѣка—это то, что оно начинаетъ быть риторическимъ. Это замѣтно даже въ стилѣ, даже у третьестепенныхъ писателей. Нѣтъ апостоловъ—есть «галилейскіе рыбаки»; нѣтъ Іисуса Христа—есть «Божественный Учитель». «Génie du christianisme» Шатобріана есть менѣе христіанское произведеніе, чѣмъ «Pucelle» Вольтера.—произведеніе менѣе христіанской эпохи Ибо что противъ христіанства были насмѣшки, издѣвательства, наглость—это было отъ первыхъ дней; но что сами христіане начинаютъ понимать свою вѣру риторически—это явленіе послѣднихъ дней.

Вотъ почему такъ хороши раскольники съ «Іисусомъ». Можетъ быть, еще они спасутъ міръ, съ сокровищемъ вѣры въ нихъ затаенной; и тѣмъ лучше, что они—«неотесаны»: остальные такъ усердно тесали себя въ исторіи, что уже ничего не осталось, стесали самую сердцевину себя.

21.

Нѣтъ болѣе *обманывающей* фигуры, чѣмъ «Моисей» Микель-Анжело: *этого* Моисея *не было*—фантазія художника, его апріорная мысль ошиблись.

Моисей былъ косноязыченъ: *написатель* книгъ, равныхъ которымъ не знаетъ міръ, вовсе *не могъ* говорить. Не поразительно ли? Вся мощь *слова* сосредоточилась въ духѣ, и для тѣлеснаго языка, для этого болтающагося куска мяса—ничего не осталось.

Но онъ еще вывелъ Израильскій народъ изъ Египта; онъ провелъ его черезъ пустыни; довелъ до «земли Обѣтованной». Удивительный человѣкъ; какъ вѣрны, *проникновенны* слова Гейне: «какъ малъ Синай—когда на немъ стоитъ Моисей». Это величайшее слово удивленія къ Моисею, какое мы знаемъ, вырвавшееся у язычника-писателя, въ языческую эпоху.

Я думаю—онъ былъ малъ и тщедушенъ; быть можетъ—безъ бороды или съ немногими рѣдкими волосами на подбородкѣ. Я думаю, онъ также былъ въ тѣлѣ своемъ нѣмъ по отношенію къ дѣламъ, имъ совершеннымъ, какъ былъ нѣмъ въ языкѣ по отношенію къ написаннымъ имъ книгамъ.

Онъ весь былъ внутри, сосредоточенъ. Безъ сомнѣнія, онъ былъ прекрасенъ, какъ никто изъ людей—никто до Христа: но это красота неуловимая, не передаваемая, и во всякомъ случаѣ не переданная.

Микель-Анжело обманулся и обманулъ.

Библіографія.

«Ученіе двѣнадцати апостоловъ.» Недавно открытое сочиненіе временъ апостоловъ. Переводъ К. Д. Попова. Изданіе «Посредника» для интеллигентныхъ читателей. Москва. 1898. Ц. 20 коп.

Текстъ этотъ открытъ Вріенніемъ, митрополитомъ серронскимъ, въ библіотекѣ іерусалимскаго подворья, въ Константинополѣ. Онъ былъ извѣстенъ и ранѣе по ссылкамъ на него писателей первыхъ вѣковъ христіанства, и, судя по одной изъ этихъ ссылокъ (Климента Александрійскаго, который умеръ въ 217 г.), составленъ, дѣйствительно, въ первомъ или въ началѣ втораго вѣка нашей эры. Текстъ раздѣленъ на 16 главъ, которыя составляютъ какъ бы компендіумъ или экстрактъ Евангелія. Едва ли можно сомнѣваться, что текстъ этотъ содержитъ изложеніе слышаннаго отъ апостоловъ или читаннаго въ Евангеліи ученія, но что рука ни одного изъ апостоловъ не приложила своего старанія и не вложила своего духа въ это изложеніе. Этимъ можно объяснить и то, что оно затерялось такъ рано и вообще не получило каноническаго авторитета. При чтеніи его особенно укрѣпляется одно общее наблюденіе надъ разностью ветхо-завѣтныхъ и ново-завѣтныхъ книгъ. Ветхо-завѣтныя книги, безъ исключенія всѣ, даже историческія, наконецъ даже законодательныя и почти юридическія («Второзаконіе»), заключаютъ въ себѣ чрезвычайно много порыва, устремленія, движенія; вообще много—примѣняя фразеологію нашей науки—динамическаго элемента; напротивъ, ново-завѣтныя всѣ построены, если позволительно такъ выразиться, въ эпическихъ гаммахъ: въ нихъ разлито спокойствіе,—и устремленіе, когда оно есть, имѣетъ опредѣленный предметъ, тѣсную задачу, не переходя никогда въ общую устремленность духа. Эта разница настолько коренная и всеобъемлющая, что простирается даже на самый центръ ветхо-завѣтнаго и ново-

завѣтнаго ученія—именно на содержащуюся тамъ и здѣсь молитву: Псалтирь—это неустанно и разнообразно льющаяся *молитва*, перебѣгающая съ частности на частность, ищущая поводовъ, чтобы персты пошли по струнамъ; «Отче нашъ» есть небесно-земная *формула* нашихъ отношеній и нуждъ. Поразительно, что центръ литургіи, музыкальный и художественный, составляетъ непзяснимомистическая, неясная пѣснь—«Иже херувимы». Она сложена была однимъ изъ византійскихъ императоровъ. Сколько музыкальныхъ разработокъ было придано ей!—т.-е. она вызвала, позвала на слова свои музыку. Объемъ содержанія «Отче нашъ» несравненно обильнѣе, и онъ даже универсаленъ, всеобъемлющъ: но поразительно, что музыка не пошла на слова главной и собственно даже единственной христіанской молитвы. Она поется просто, составляетъ почти речитативъ и не допустила вовсе никакой музыкальной разработки себя. На Востокѣ она даже читается, а не поется, и у насъ почти читается. На литургіи, центральная по содержанію среди всѣхъ пѣснопѣній, она проходитъ гораздо менѣе торжественною минутою, чѣмъ пѣніе «Херувимской пѣсни». А существо молитвы есть существо религіи, и въ указываемой подробности мы отмѣчаемъ разницу между «ветхимъ» религіознымъ духомъ и «новымъ». Съ точки зрѣнія этой разницы понятно и столь раннее появленіе «Ученія двѣнадцати апостоловъ». Духъ «новаго» завѣта есть духъ небеснаго училища, есть духъ учащій, разъясняющій, припоминающій; духъ «ветхаго» завѣта есть духъ неопредѣленнаго и почти безпредметнаго пѣнія. Тысячу лѣтъ Ветхій завѣтъ прожилъ, имѣя, правда (неопредѣленно упоминаемыя), «школы пророковъ», но не имѣя собственно ни училища, ни—въ строгомъ смыслѣ—догмата; напротивъ, Новый завѣтъ почти сейчасъ послѣ появленія сталъ расти въ догматъ, и, соотвѣтственно этому, уже во времена Карла Великаго всюду въ Европѣ стали заводиться школы. Такъ что «ученіе двѣнадцати апостоловъ» можно считать «горчичнымъ зерномъ», изъ котораго выросло все необозримое дерево наше училищнаго, ученаго, академическаго и книжнаго образованія.

Архіепископъ Никаноръ. «Изъ исторіи ученаго монашества». «Русское Обозрѣніе». 1896 г. 1—3 кн.

Сильное впечатлѣніе производятъ только что закончившіяся печатаніемъ записки покойнаго арх. Никанора: хотѣлось бы вѣрить, что на нихъ остановится вниманіемъ вся Россія — все размышляющее, заботливое, въ такъ называемой «образованной» Россіи. Записки эти одинаково важны для духовенства, выражающаго здѣсь себя, и для міра свѣтскихъ людей, внимающихъ выраженію. Собственно, до сихъ поръ мы знали цѣлый обширный кругъ лю-

дей, многозначительный въ народной жизни, только съ внѣшней, *общей* стороны: въ пышныхъ мантіяхъ, въ черныхъ клобукахъ, всегда на видномъ мѣстѣ, всегда на служеніи. Никто не предполагалъ глубокой человѣческой драмы, скрытой подъ этими одеждами; и вдругъ она разверзлась передъ нами, передъ нашими изумленными глазами, до сихъ поръ тускло смотрѣвшими на этотъ предметъ.

Впечатлѣніе записокъ, несмотря на ихъ болѣе чѣмъ грустный колоритъ, все-таки отрадное, мы видимъ, что сохраненъ высокій и чистый идеалъ цѣлымъ сословіемъ. Исторически знаменательно то, что сказано въ самомъ началѣ записокъ о *побужденіяхъ*, заставляющихъ идти въ монашество и что сказано въ самомъ ихъ концѣ о значеніи монашества въ исторіи христіанской религіи, о его вѣчности, непреходимости. Дѣйствительно (мы продолжаемъ мысль архіепископа Никанора), монашество не принесено на землю Евангеліемъ какъ учрежденіе, но оно уже есть въ Евангеліи какъ духъ, и учрежденіе явилось правильнымъ плодомъ этого духа. Достаточно, чтобы признать это, сравнить съ Евангеліемъ библейскія книги, ихъ еще полныя порыва страницы, гдѣ благословляется, повторяется, развивается первоначальное: «*плодитесь, множитесь*». Какъ мало этихъ порывовъ у евангелистовъ!—почти только изображеніе брака въ Канѣ Галилейской: новый строй духа вѣетъ тамъ: бракъ еще благословляется, никто къ нему не зовется: дѣти зовутся, но какъ самые чистые сыны Божіи, какъ самые воспріимчивые слушатели слова Божія, безъ упоминанія объ ихъ рожденіи, о необходимости для нихъ рождать, какъ это всегда мы находимъ у Моисея. Духъ плотскаго разъединенія, чистое вниманіе небесному ученію, школа царствія небеснаго, гдѣ есть учащіе и внимающіе, гдѣ нѣтъ племени, отечества, семьи, гдѣ все это не ясно и блѣдно—вѣетъ на насъ изъ Евангелія; и мы уже безъ труда прозрѣваемъ здѣсь будущія киновіи Оиваиды, Сиріи, Аѳона. Но мы уклоняемся въ сторону.

Между указаннымъ началомъ записокъ и ихъ концомъ, между подъятіемъ знамени и его исповѣданіемъ, идетъ потрясающій разсказъ о страданіяхъ. Что же, есть свѣтлая точка зрѣнія и на это даже: это—несеніе въ исторіи Креста, несеніе его тѣми, кто и воистину на землѣ взялъ образъ Предвѣчнаго Страдальца въ примѣръ, принялъ его какъ истину, какъ путь. Исторія возложила на плечи бремена тяжкія, какъ бы механически помогая выполненію внутренней миссіи, внутренняго обѣта.

Спаситель былъ оплеванъ, біенъ: мы читаемъ объ архіереѣ «на покоѣ», который стираетъ у корыта бѣлье свое, а, приходя въ церковь, становится гдѣ-нибудь въ углу, подъ лѣстницею, въ притворѣ, ибо онъ «всѣмъ мѣшаетъ». О, праведные наши архіереи, сердца которыхъ мы не знали, судьбы не подозрѣвали—да будетъ благо-

словенно имя ваше во вѣкъ и да отретъ Богъ слезу вашу, отретъ когда-нибудь въ исторіи...

Общее впечатлѣніе записокъ такъ высоко, что какъ-то умѣряетъ, утишаетъ, разсѣиваетъ негодованіе, которое все время, при чтеніи всякой почти страницы, неудержимо закипаетъ въ душѣ... Вѣрно—такъ Богу нужно было: вѣрно, Ему угодно, чтобы нѣкоторые люди низостью своего паденія, мелкостью душъ своихъ, ничтожествомъ помысловъ, были, какъ нѣкоторою религіозною карою, наказаны за грѣхъ какой-нибудь особенный и гадкій. Истинно наказанные въ запискахъ архіеп. Никанора—это они, мучители; имъ выпала самая на землѣ постыдная роль—быть орудіями исполненія постыднаго. Ихъ счастье кажущееся есть счастье Басмановыхъ, Малюты—предметъ тревоги, ужаса для человѣка религіознаго. О, какъ лучше стирать у корыта грязное бѣлье свое, сложивъ въ сторону архіерейскую мантію, нежели такъ жить, властвовать, наслаждаться...

И все-таки эти образы угнетаемыхъ долгіе годы людей, «съ которыми потому и легко и удобно имѣть дѣло, что по самому чину своему они не могутъ жаловаться, роптать»—не забываемы; не забываемъ Іоаннъ Смоленскій — этотъ дошедшій до озлобленія геніальный умъ, который такъ много зналъ, такою остротою мысли обладалъ, что рѣшительно его нужно было удалять и удалять, гнать и гнать, дабы глупость и зло человѣческое «не ходило въ свѣтѣ». Медленно, молчаливо онъ угасалъ въ своемъ удаленіи; у него, совершенно здороваго человѣка, открылось кровохарканіе, и онъ умеръ какъ-то странно, безъ свидѣтелей, нѣсколько темно, какъ видно изъ намековъ архіеп. Никанора..

Мы вѣримъ — конецъ этого страданія близится. Нужно только страстотерпцамъ перенести и не запоминать; нужно понять то, что нужно... Это временное удаленіе церкви отъ самостоятельнаго дѣланія, которое мы переживаемъ отъ Петра I-го, было не безъ предвидѣнія. Есть положенія историческія, есть времена, есть эпохи, оглянувшись на которыя въ поздніе вѣка—можно благословить темницу, которая сберегла чистоту жизни, оковы, которыя оберегли отъ дѣйствій. То учрежденіе, на которое, не упоминая названія, сѣтуетъ архіеп. Никаноръ, безъ сомнѣнія по отношенію къ церкви, и въ частности къ «ученому монашеству», сыграло роль этихъ благодѣтельныхъ временно оковъ.

Но, мы сказали, близится конецъ всего этого; и тотъ же самый стражъ, который во благовременіи замкнулъ за церковью двери, во благовременіи отомкнетъ ихъ. Есть нѣкоторая родственность между властью царской и духовной: власть Царей есть также священная; эта власть простирающаяся даже на жизнь человѣка—вполнѣ мистична. Она вовсе не изъ разряда властей гражданскихъ, политическихъ. Царь—какъ бы епископъ для совершенія земныхъ дѣлъ,

снявшій богатыя ризы свои, отложившій въ сторону посохъ, митру, чтобы склониться надъ страждущимъ Лазаремъ, народомъ своимъ, отереть гной съ его ранъ, перевязать ихъ, и вообще земными способами о земномъ позаботиться, но съ небесныхъ точекъ зрѣнія. Неуловимо, незамѣтно, но необходимо совершится нужное въ исторіи передвиженіе; и этотъ церковный смыслъ, который уже теперь соединенъ даже въ умахъ простого народа съ священнымъ именемъ Царя, который утверждается за этимъ именемъ самою церковью, ощущается въ себѣ нашими Царями—выдѣлится ярко среди остальныхъ и сложныхъ чертъ этой власти, станетъ изъ затѣненной второстепенной черты главною и затѣняющею.

Въ запискахъ архіеп. Никанора есть еще одна черта, особенно привлекающая къ себѣ вниманіе читателя-*писателя*. «Есть совѣсть въ русскомъ языкѣ», замѣтилъ глубокомысленно и тонко покойный Н. П. Гиляровъ-Платоновъ: записки архіеп. Никанора есть лучшій образецъ этого совѣстливаго языка—необъяснимо почему, но съ первыхъ минутъ чтенія и какъ первое впечатлѣніе отъ читаемаго ложится на душу увѣренность, что пишущій не скажетъ ни одного слова неправды, не поставитъ косо ни одного слова. Есть въ западной литературѣ произведенія, столь же знаменитыя, какъ и дурныя: «Les martyrs» и «Le génie du christianisme» Шатобріана: вотъ примѣръ ложнаго языка, вотъ примѣръ стиля, который обволакиваетъ изящною оболочкою скрытый въ произведеніи обманъ. Печальный, нездоровый литературный плодъ, выросшій на печальномъ деревѣ. Пока въ русской литературѣ будутъ появляться произведенія, подобныя *по языку* запискамъ архіеп. Никанора—можно быть увѣреннымъ, что эта литература здорова, что крѣпкіе, свѣжіе, чистые соки еще продолжаютъ бѣжать по дереву нашей духовной жизни.

Кстати, что же у насъ дѣлаетъ *учебная* литература? почему не издаются записки Пирогова и вотъ теперь арх. Никанора, какъ *классики* для юношества, для библіотекъ старшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній? По крайней мѣрѣ, эти книги заставили бы задуматься кое надъ чѣмъ серьезнымъ завтрешнихъ докторовъ, адвокатовъ, чиновниковъ, писателей—такъ мало обнаруживающихъ до сихъ поръ мысли? Или, можетъ быть, въ томъ и задача теперь воспитанія, чтобы учащіеся ни надъ чѣмъ не задумывались, да уже кстати ничего и не знали?

А. Кирѣевъ. «*По поводу старокатолическаго вопроса.*» Сергіевъ Посадъ. 1898. Все, что выходитъ изъ подъ пера А. Кирѣева, производитъ свѣтлое впечатлѣніе нравственной чистоты, лежащей подъ его строками. Согласны мы или несогласны съ нимъ, даже уважи-

тельно или нѣтъ относимся къ его мыслямъ, мы не можемъ никогда отвергнуть, что эти мысли суть плодъ чистаго теоретическаго интереса, что подъ ними не шевелится никакой задней мысли, никакой подозрительной тенденціи, какъ и нѣтъ никакого личнаго, т.-е. своекорыстнаго интереса. Въ нашу пору, когда книга такъ осквернилась, уже это отрицательное качество не маловажно. Разбираемое сочиненіе г. Кирѣева представляетъ отвѣтъ профессору и доктору богословія А. Ѳ. Гусеву и отстаиваетъ требованіе такъ называемыхъ «старо католиковъ», чтобы въ предполагаемой къ возстановленію Вселенской церкви было удержано древнее «семи-соборное» ученіе объ евхаристіи, безъ нѣкоторыхъ тонкихъ оттѣнковъ, усвоенныхъ римскою и греческою церквами. Содержаніе вращается въ тонкостяхъ опредѣленій и діалектики, которымъ не можетъ быть мѣста въ общей печати. Но есть кое-что, навѣваемое ея чтеніемъ, что можетъ и должно войти и въ общую печать.

Есть «религіозность», есть «церковность». Весь вопросъ о такъ называемомъ «старо-католическомъ вопросѣ» относится къ порядку «церковности» безъ примѣси къ ней «религіозности», или съ примѣсью случайною, не необходимою. Что такое «религіозность»? Мы ее не можемъ лучше опредѣлить, какъ словами Библіи о патріархѣ Енохѣ: «онъ ходилъ передъ Богомъ». Религіозность есть «хожденіе передъ Богомъ» или живое, непремѣнно личное и непремѣнно жизненное чувство, почти ощущеніе Бога. Отъ этого «религіозные» люди до могилы религіозны, ибо разъ испытанное становится у нихъ незабвеннымъ. Очень часто среди общества и «церквей» они проходятъ блуждающими кометами, то много совершая для нихъ положительной работы, то смущая ихъ покой и мутя «чистоту» догмата. Безспорно, однако, что чувство религіозности лежитъ исторически въ основѣ самаго «догмата», и оно его древнѣе, исконнѣе. Едва ли бы «догматъ» создался, не будь въ свое время этихъ «религіозныхъ» людей. Для примѣра, возьмемъ Гоголя и сильно на него вліявшаго Ржевскаго строгаго священника, отца Матвѣя. Какъ-то отецъ Матвѣй, во время «трапезы», заговорилъ о будущей жизни.—«Не говорите, замолчите,—это очень страшно!»—воскликнулъ Гоголь. Однако, отцу Матвѣю это не было страшно «до перепуга», т.-е. онъ говорилъ хоть строго и истово, но по памяти, безъ «смятенія» передъ видящимъ Богомъ; а у Гоголя было это смятеніе, и оно было у него, какъ постоянное чувство. Отъ этого люди «религіозные» суть люди подвига. «Церковные» люди, дѣйствуя по памяти, присоединяютъ къ ней умственную любознательность и, въ удачныхъ случаяхъ, такъ сказать, «умственное художество». Они создали богословскія системы, но едва ли они поставили много свѣчъ, и, такъ сказать, не курятся передъ Богомъ молитвою. Эти, по памяти дѣйствующіе, богословы предаются религіозной дѣятельности не иначе, какъ математики, увлекающіеся рѣшеніемъ трудныхъ за-

дачъ. Такъ какъ у нихъ дѣйствуетъ «память» и «сообразительность», то они непремѣнно становятся на почву «исконности» и недовѣрчиво, а иногда и враждебно относятся къ совѣсти, и именно—къ религіозной совѣсти. Они—археологи-реставраторы, концепціи храма у нихъ нѣтъ; но у нихъ есть историческія свѣдѣнія о храмовой архитектурѣ, и какъ всякій талантъ ищетъ себѣ примѣненія—ищетъ примѣненія и матеріала и ихъ талантъ. Между религіозными людьми и ими тогда бываютъ мучительныя коллизіи, и много костровъ зажглось въ этихъ столкновеніяхъ. Кстати—о «столкновеніяхъ». «Религіозные» люди, вовсе не сливаясь въ безлично-общую толпу, никогда между собою не враждуютъ, не сталкиваются: столкновеніе начинается тамъ, гдѣ начинается умственное любопытство или мастерство художнической реставраціи. Тутъ дѣйствуетъ вкусъ, а вкусъ имѣетъ остроту и страстность, какъ имѣетъ въ себѣ точность и крѣпость логическій выводъ. Острыя и жесткія отношенія, иронія и самопревознесеніе получаютъ тогда мѣсто около религіи. Ими полна исторія европейскихъ церквей. Замѣчательно, что Востокъ. Сирія, Оиваида,—гдѣ руки человѣка впервые сложились въ молитву—не зналъ тѣхъ огромныхъ и вѣковыхъ діалектическихъ «контроверзъ», на которыхъ разошлись церкви позднѣе. Тамъ люди просто молились; здѣсь они хотятъ спорить. Тамъ пылали къ Лицу Предвѣчнаго; здѣсь выводили Его свойства—немножко, какъ геометры выводятъ свойства линій изъ ихъ опредѣленій. Между прочимъ удивительно много въ эти построенія вошло изъ платонизма, и напр. «свойства Божіи» нашихъ теперешнихъ религіозныхъ системъ мы можемъ читать въ «Тимеѣ» греческаго философа, а «свойства души» и «духовнаго»—въ его «Федонѣ» и «Федрѣ». Напр., Богъ, уступая просьбѣ Авраама, нѣсколько разъ на минутъ перемѣняетъ свое рѣшеніе: но въ «Тимеѣ» твердо сказано, что «Деміургъ» пребываетъ непзмѣненъ—и именно это опредѣленіе, а не библейскій фактъ, вошло въ катехизическое ученіе. Ибо изъ «идеи» по Платону можно сдѣлать и дальнѣйшій выводъ, но что можно вывести изъ факта Библіи, кромѣ того, что онъ «былъ» и въ немъ выразившееся «Лицо»—свято? Тутъ нѣтъ работы для мысли, но только предметъ для вѣры.

Обратимся къ старокатолическому вопросу. Онъ весь состоитъ въ тончайшихъ контроверзахъ, и его существо для «религіозности» неуловимо. По религіозному бы порыву: «другъ друга обымемъ»—сперва лобзаніе и уже завтра размежеваніе. Но, конечно, это невозможно съ реставраторскихъ точекъ зрѣнія: сперва размежуемся, и если въ точности будетъ «suum cuique», «каждому свое»,—можно будетъ и облобызаться. Мы ожидаемъ, что поцѣлуй будетъ холоденъ и что, если «возстановленіе» «Вселенской церкви» и послѣдуетъ, это будетъ фактомъ скорѣе политическаго характера, такъ сказать—политическихъ и публицистическихъ послѣдствій, нежели собственно религіозныхъ.

Къ тому же не слѣдуетъ забывать реформъ Григорія VII Гильдебранта, на которыхъ собственно глубже, чѣмъ на «filioque», разошлися Западъ и Востокъ: ибо тутъ—концепція человѣка и жизни, а не діалектическая тонкость. Замѣчательно, что это расхожденіе началось уже во время перваго Вселенскаго собора, когда брезгливо-аскетическую точку зрѣнія римлянъ горячо оспаривалъ и отвергалъ св. Спиридонъ Тримифунскій. Замѣчательная живучесть идей и преемственность ощущеній: ибо это есть собственно «ветхое днями» ощущеніе Востока, который и до христіанства населилъ Олимпъ «плотящимися» богами, въ противоположность «не-плотящимся» Капитолійскимъ. Римъ никогда собственно не понималъ плоти и отвергалъ ея возможную святость; онъ бралъ человѣка въ тогѣ и не дальше тоги: остальное—онъ жегъ. Вотъ, можетъ быть, наиболѣе глубокій родникъ характерныхъ въ исторіи католическихъ чертъ; и если правильно пониманіе Евангелія, какъ специфически «безплотнаго» и «противу-плотскаго» слова, тогда «старо-католики» останутся не причемъ, ибо полнота Евангельской «безъ-плотности» и предполагаемой «противо-плотскости» нашла конечно осуществленіе въ реформахъ Гильдебрандта. Слова Спасителя: «Ты еси Петръ и на семъ камнѣ» и т. д.—получаютъ тогда свое объясненіе, и только слово «камень» въ Его рѣчи получило бы не значеніе «твердости», какое обыкновенно съ нимъ связываютъ, а «пустынности», «безплодности», «безъ-чревности». И вмѣстѣ съ тѣмъ это въ исторіи объяснило бы, быть можетъ, и крайне-мѣстную роль православія около универсально-раскинувшагося католицизма.

П. А. Даниловъ. *Въ тихой пристани.—Въ морозную ночь.—Поѣздка на богомолье.* С.-Петербургъ. 1899 г. Цѣна 1 руб.

Для всякаго, кто много размышлялъ на религіозныя и культурныя темы, эти три разсказа представляютъ волнующее чтеніе. Но прежде—о талантѣ автора. Едва ли мы ошибемся, если предскажемъ его сборнику печальную участь—быть обойденнымъ вниманіемъ и, можетъ быть, остаться не замѣченнымъ вовсе. Онъ не для многихъ. Тонкій и изящный рисунокъ пера можетъ ли сыграть роль олеографіи, которая издали видна и со всѣхъ сторонъ сзываетъ къ себѣ огромную толпу? Ничего кричащаго: опять, какъ это замѣтить въ литературѣ и въ жизни, которая, хорошо это или дурно, но уже наполнена криками? 203 странички этого сборника всѣ полны тонкою рисовкою тѣней и переливовъ, какіе проходятъ черезъ душу дѣвушки, борющейся между почти равными въ ней по силѣ инстинктами аскетическаго отреченія отъ міра и влеченія въ міръ. Инстинктъ отшельничества—инстинктъ семьи; поэзія молитвы—поэзія «своего гнѣзда»; красота монастырскаго быта, съ ве-

ликимъ мастерствомъ нарисованнаго—и красота дѣтей играющихъ, мужа, какъ жизненной опоры, въ мечтахъ, въ воображеніи отшельницы: вотъ колебаніе, наполняющее книжку. И такъ какъ рисунокъ автора вездѣ твердъ, сила его алканій въ одну и въ другую сторону—рѣшительно одинакова, воображенье—вездѣ чисто, то перевертывая листы книжки философъ и моралистъ какъ бы разсматриваетъ огромную иллюстрацію къ своимъ давнишнимъ и любимымъ темамъ, къ своимъ недоумѣніямъ. Трудно иногда отдѣлаться отъ подозрѣнія, что фамилія автора—псевдонимъ, и подъ нимъ скрывается женщина: такъ много есть штриховъ въ разсказѣ изъ міра волненій, вовсе и безусловно недоступныхъ наблюденію мужчины, даже просто—его пониманію.

Прежде чѣмъ принципіально говорить о книгѣ — какой-нибудь отрывокъ, какъ примѣръ языка ея и духа (форма разсказа—дневникъ): «Матушки-игумены нѣтъ дома; она уѣхала съ казначеей къ преосвященному владыкѣ. И я бы не прочь поѣхать (авторъ дневника родственница и любимица игумены), да подальше отъ начальства—лучше... Въ первый разъ я подошла къ фисгармоніи, коснулась клавишъ; съ тѣхъ поръ какъ я ушла изъ міра, я не играла, я думала, что и пальцы одеревенѣли. Я была совсѣмъ одна въ огромной нашей залѣ, и я поддалась искушенію... Я сыграла «Ave» Шумана. Я сыграла эту музыкальную фразу два раза, звуки точно говорили! Потомъ—то, другое, и наконецъ мою любимую сонату Бетховена. Крылошанки (монахини, поющія на клиросѣ), привлеченныя неслыханными звуками, робко оглянувшись во всѣ стороны, на цыпочкахъ вошли въ залу. Лиза сказала: «что это вы играли?.. скучно! не люблю! Сердце такъ вонъ и просится ..» Я отвѣчала: «канты», и когда проговорила это слово, едва сдержала рыданія, и потомъ, оставшись одна, долго плакала. Нехорошо, я вижу! Не такъ бы надо было жить въ монастырѣ, и не такъ я полагала начало. Не хочу никуда ѣхать, хочу обновиться душою, возвыситься и смириться въ одно и тоже время. Я взяла мою отраду: «Паденіе Адамово» Иннокентія и долго читала, пока праздничный колоколъ не заставилъ идти къ вечернѣ. Мы уже перешли въ зимнюю церковь—пройти только коррядоръ, и мы въ храмѣ. Мірскихъ сегодня не было никого» и т. д. (стр. 91). «Міръ» и «храмъ»; влеченіе къ обоимъ, къ обоимъ интересъ—взаимно пронизаны, и это то и составляетъ нѣжную красоту всѣхъ страницъ, силу и достоинство книги. Кончается она потрясающимъ объясненіемъ монахини, чуть-чуть было не вырвавшейся въ міръ—съ умнымъ, ласковымъ и грознымъ одновременно, архіереемъ. Еще нѣсколько всплесковъ загорѣвшейся страсти—и все утихло. Монастырь побѣдилъ. Невольно приходитъ на умъ: будь монастырь безъ этихъ «мірскихъ» лучей, безъ «побѣждаемаго» въ немъ «міра», будь онъ совершенно одинъ и изолированъ, и сведись къ «стояніямъ», «су-

хоядѣніямъ», глаголаніямъ, но совершенно пассивно и спокойно, «сыто» выполняемымъ—гдѣ и въ чемъ была бы его красота? Красота монастыря вся и лежитъ въ существующемъ и огромномъ притяженіи «міра», въ борьбѣ съ нимъ, надъ нимъ побѣдѣ: и нѣтъ вовсе, нѣтъ никакой красоты, нѣтъ красоты религіозной въ немъ an und für sich. Но и съ другой стороны: будь «міръ» и въ частности «семья», инстинктомъ которой волнуется молодая монахиня, совершенно безъ аскетическихъ порывовъ, т. е. безъ огромнаго же притяженія въ свою очередь монастыря—чѣмъ была бы она, какъ не грубою и отвратительною физіологіею? Такимъ образомъ «монастырь» также нуженъ для «жизни», какъ «жизнь» необходима для монастыря—въ обоихъ случаяхъ какъ поправка, какъ ограничивающій и сдерживающій идеалъ; какъ до извѣстной степени «душа». Да, мы нашли нужное слово: монастырь есть «душа» семьи въ той же самой мѣрѣ, какъ «семья» и именно ея алканіе—есть «душа» и смыслъ монастыря. Это до того вѣчно, то того коренится въ существѣ дѣла, что страна «матронъ», языческій Римъ, имѣла у себя вѣчно дѣвственныхъ «весталокъ», еще строже соблюдавшихъ себя, чѣмъ наши аскетички. Что же это значитъ? Что за тайна въ этомъ взаимномъ проницаніи? Да та простая тайна, что «семья» тянетъ къ себѣ человѣка и нужна ему какъ религіозный институтъ, какъ непремѣнно «святая семья», т. е. въ ограниченіяхъ и сдержанности почти аскетической. Тутъ-то къ ней и мучительный порывъ, и онъ тѣмъ страстнѣе, т. е. инстинктъ материнства и супружества тѣмъ неодолимѣе, чѣмъ человѣкъ религіознѣе. Обратно, аскетизмъ весь льется въ молитвахъ по существу материнскихъ же, въ сущности—супружескихъ, и отсюда, и только отсюда—его жизненность, яркость, красота. Мы имѣемъ двѣ души, до извѣстной степени—«двѣ души міра»: ***молитву, жизнь***. Т. е. въ тайнѣ и въ основѣ всего міра и цѣлаго Космоса лежитъ теплящаяся къ Богу жизнь, лежитъ живая молитва; и въ каждомъ нашемъ «я» не умирала и не изсякаема вѣчно эта древняя «ева» (=жизнь) съ поднятыми къ небу руками. Въ сущности—это въ высокой степени утѣшительно; хотя и очень показалось бы недоумѣнно Владыкѣ, укрощавшему «строптивую» (см. «Тихая пристань», конецъ): что истинная его самого основа и такъ сказать древнее его собственное «ребро», для коего даже какъ аскетъ онъ создавъ—и лежитъ въ этой порывистой дѣвушкѣ; что убери ее, убери вонъ изъ міра, убери и даже «не создавай» вовсе—и онъ самъ рухнетъ, рухнетъ совершенно, какъ прежде всего религіозно ненужная вещь. Если мы спросимъ себя, любопытствуя далѣе: что же, однако, есть первая и фундаментальная вещь изъ этихъ двухъ взаимно ограничивающихъ и взаимно нужныхъ вещей или, пожалуй (чтобы быть поконкретнѣе: кто есть первый и *древнѣйшій*, «первенецъ» Богу и «первенецъ» сотворенія, дѣвушка ли въ привычкахъ ея: «Не могу!

не могу!» или его строгое: «Не можете не грѣшить?» (стр. 150)—мы будемъ въ высокой степени затруднены въ отвѣтѣ. Повидимому, однако, «extemporale» должно быть сперва «написано», чтобы потомъ «исправиться», и безъ ученика, ставящаго «кляксы», нѣтъ и въ высокой степени ни для чего не нуженъ учитель. Т. е. «ученикъ» первѣе учителя и дѣвушка древнѣе архіерея, если не въ смыслѣ лѣтъ (возраста), то въ порядкѣ метафизическомъ и это должно бы смягчить его рѣчь (талантъ автора такъ удивителенъ, что онъ и сдѣлалъ это—заставивъ архіерея, хотя на минуту, совершенно проникнуться и слиться съ женственнымъ стремленіемъ послушницы), это именно и сообщило рѣзкую остроту и упругость ея отвѣтамъ. Выходя изъ подробностей разсказа, которыя даютъ безусловную правоту архіерею (неправость и дѣйствительная незаконность привязанности послушницы къ *семейному* человѣку) и перенеся діалогъ и споръ въ сферу отвлеченія, мы должны отвѣтить, что права именно она, а не онъ,—какъ порывъ къ свѣту, передъ копмъ онъ самъ стоитъ какъ служебный отражающій экранъ, и притомъ какъ порывъ во всякомъ случаѣ столь же трансцедентный, какъ и тотъ, который привелъ его къ панагіи и митрѣ. Да: великъ и не ошибоченъ очень древній инстинктъ церкви, всетаки именно семью возведшей въ «религіозное таинство», чего не сдѣлано для аскетическаго пострига, и о чемъ запамятованіемъ полна рѣчь архіерея. «Я хочу вѣнчальной фаты также и по тѣмъ же самымъ основаніямъ, не меньшимъ—какъ ты, аскетъ, алкаешь молитвы»—это въ сущности вѣчный и правый, за строжайше немногими исключеніями, мотивъ дѣвушки. «Семья» и есть «монастырь» для нея, также исполненный трудовъ, лишеній (хорошихъ, разумѣется, какъ впрочемъ для хорошихъ лишь монаховъ полонъ «лишеній» и монастырь), своеобразныхъ слезъ и восторговъ, умиленія и молитвъ. Типъ семьи (въ цѣлой Европѣ) ужасно пошатнулся и собственно теперь мы имѣемъ только ея разбитыя стеклышки: но въ истинномъ смыслѣ она есть тотъ же «затворъ», тоже «отшельничество отъ міра», «отреченіе» отъ его соблазновъ: не для «сухоѣденія», однако, а для дѣтей и покоя супруга, для собственной своей чистоты. Въ сущности религіозный центръ семьи—трансцедентнѣе даже, чѣмъ монастыря; отъ этого притяженіе къ ней—несравненно властительнѣе, она сама—вѣчнѣе. Это, правда—вѣчный «ученикъ» («вѣчное стремленіе»), но который не только метафизически предшествуетъ учителю, но и во времени переживаетъ его. Нельзя не обратить вниманія, что собственно «церковь», какъ «богоустроенное человѣчество», имѣла древнѣйшимъ зерномъ себя первую же человѣческую чету и именно въ сочетаніи ея; и нѣтъ никакихъ причинъ думать, что «первая церковь», и «внутреннѣйшая церковь» не есть и до сихъ поръ именно семья, около которой огромный институтъ церкви есть болѣе внѣшній «притворъ», «дворъ», «святилище»,

но не «святое святыхъ». Такъ представляется этотъ вопросъ, принимая во вниманіе древность; и что было время, когда «церковь» уже существовала, а еще не было ничего, кромѣ только одной «семьи»; напротивъ, не было момента въ состояніи церкви, когда бы не было семьи. Такимъ образомъ терминъ: «аутокефальная церковь», собственно юридическій, въ высокой степени присущъ семьѣ. Да проститъ насъ читатель, что мы заняли слишкомъ его вниманіе, отдаваясь любимой мечтѣ какъ-нибудь собрать «стеклышки» когда-то прекраснаго цѣлаго.

Иллюстрированная исторія религій, составленная въ сотрудничествѣ д-ра Э. Буклей въ Чикаго, библіотекаря Г. О. Ланге въ Копенгагенѣ. д-ра Ф. Іереміасъ въ Лейпцигѣ, проф. д-ра І. І. Валетонъ въ Утрехтѣ, проф. д-ра М. Т. Гутеми въ Утрехтѣ и д-ра Э. Леманнъ въ Копенгагенѣ, Д. П. Шантепи де ла-Соссей. д-ромъ и ординарнымъ профессоромъ теологіи въ Амстердамѣ. Переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія подъ ред. В. Н. Линдъ. Москва. 1898—1899 (выпуски 1—5). Ц. 5 руб. 50 коп.

Увы, какое пышное заглавіе, и какъ бѣдно содержаніе! На обложкѣ собрана всесвѣтная ученость, но все это оказывается «иностранцемъ Иваномъ Федоровымъ, изъ Лондона и Парижа». Приходится убѣдиться, что и заграницей водятся такіе «иностранцы...» Можно было, по сложному заглавію, ожидать прекрасной книги о исторіи религіознаго сознанія человѣчества; ну, по крайней мѣрѣ—связной книги, непремѣнно сколько-нибудь интересной: теперь судите же—всѣ авторы роются въ религіозной номенклатурѣ, въ географической религіозности, въ лингвистической религіозности, а что такое «религія», и даже есть ли она—просто имъ не приходитъ на умъ, и, такъ сказать, «выходитъ изъ серьезныхъ задачъ науки». Такимъ образомъ первый недостатокъ книги состоитъ въ отсутствіи самаго предмета ея — религіи. Это — чуланъ Плюшкина, въ который превращенъ величественный и святой храмъ. Отъ главнаго недостатка — отсутствія религіозности, вытекаетъ второй и подчиненный недостатокъ книги — отсутствіе связности въ религіяхъ, которыя, дробясь «по выпускамъ» изданія, «объединяясь» именемъ сочиненія, внутренно между собою ни связываются, ни дробятся: книга, въ концѣ концовъ, есть собственно иллюстрированный и пояснительный каталогъ какого-то музея религіозныхъ древностей. Она читается, но съ какой тоской и безнадежностью! Рядомъ съ этимъ недостаткомъ идетъ еще одинъ: непонятно, какъ возникла религія, т.-е. извѣстная настроенность души, встрѣчая которую у грека, русскаго мужика, еврея — мы говоримъ: «это — человѣкъ Божій», или о другомъ противополож-

номъ замѣчаемъ: «этотъ человѣкъ живетъ безъ Бога». Можно быть увѣреннымъ, что «душа» религіи древнѣе имени ея; она вѣчна и, такъ сказать, несгораема въ коловращеніяхъ исторіи. Вотъ опредѣлить ея существо и наблюсти, въ какихъ точкахъ и при какомъ складѣ души появляется этотъ протей религіознаго сознанія—значитъ построить альфу «исторіи религій». Тогда мы догадаемся, какъ «возникли» религіи, и будемъ знать, что предлежитъ нашему вниманію въ послѣдующемъ ихъ развитіи. «Исторія религіи» есть не каталогъ именъ, но нить самаго интимнаго, самаго внутренняго развитія человѣчества: она вся состоитъ изъ трогательнаго, глубокаго, изъ какихъ-то тайныхъ просвѣтленій совѣсти, сердца, позднѣе всего — ума. Теперь представьте, что ко всему этому отнеслись, какъ къ трупу: какую ужасную боль почувствуетъ отъ подобнаго прикосновенія всякій религіозный человѣкъ! Такую боль причиняетъ чтеніе «Иллюстрированной исторіи религій»—этой плохой олеографіи на великую тему. Научный интересъ сочиненія слабъ въ силу указанной недостаточности, такъ сказать, теоретической его стороны: множество сближеній, разъясненій, которыя вы держите въ умѣ относительно историческихъ фактовъ, руководимые религіозной чуткостью — не приходитъ на умъ этимъ каталогизаторамъ, какъ бы они просто не умѣли читать священные тексты. Прибавьте къ этому удивительную пышность языка, чванство эрудиціей, которое не допускаетъ критики и никакого сомнѣнія о себѣ,—и вы получите понятіе объ истинно непріятной книгѣ истинно ограниченныхъ людей.

С. Литвинъ. *Замужество Ревекки.*—Спб. 98. Ц. 2 руб.

Книга представляетъ сборникъ изъ семи разсказовъ, изъ которыхъ первый и самый большой далъ названіе всей книгѣ. Не такъ давно, въ 97-мъ году, тѣмъ же авторомъ выпущенъ былъ сборникъ «Среди евреевъ» (тоже семь разсказовъ). Высокой и прекрасной художественности авторъ достигаетъ рѣдко: таковъ разсказъ «Искупленіе», ни сюжета, ни подробностей котораго нельзя забыть; также очень хороши, хотя нѣсколько ниже по достоинству, разсказы «Мой дядя ребъ Шебсель-Эйзеръ» и «Жертвоприношеніе». «Сюрпризъ въ Балканахъ» (названіе гостинницы) — легкая шутка-гримаса, ничтожная по темѣ, хотя забавная по выполненію, и портитъ общее впечатлѣніе сборника.

Каково же это впечатлѣніе и каковы размѣры художественныхъ силъ автора? Для г. Литвина, судя по нѣкоторымъ разсказамъ, автобіографическій смыслъ которыхъ несомнѣненъ, еврейство есть воспоминаніе прошлаго, а «русскій духъ», русская культура, русскія умственныя и историческія задачи—есть новое, съ любопыт-

ствомъ осматриваемое, осматриваемое съ любовью, духовное отечество. Г. Литвинъ весьма серьезенъ въ отношеніи какъ къ еврейству, такъ и къ Россіи, «русскому», и это составляетъ высокую цѣну его разсказовъ. Въ немъ серьезный еврей сталъ серьезнымъ русскимъ. Судя по одному мѣсту, полу-намеку, полу-признанію, онъ остановился нѣкогда на гнѣвной, мстящей сторонѣ «Бога-Цаваота», и ему показалось это до такой степени несовмѣстимымъ съ самою идеею Божества, т.-е. кротости и милосердія прежде и выше всего, что переходъ въ христіанство былъ рѣшенъ этимъ полусомнѣніемъ, полунедоумѣніемъ. Но затѣмъ у него навсегда осталось теплое чувство къ самому племени еврейскому: и вотъ разсказы его суть плодъ этого двойного отношенія — идейной отчужденности и кровной привязанности. Какъ у серьезнаго человѣка, даръ автора— серьезенъ и, на нашъ взглядъ, прекрасенъ. Разсказы кратки и представляютъ случаи, эпизоды «среди евреевъ»: тѣмъ живѣе въ нихъ движеніе, ярче лица, непосредственнѣе интересъ. Авторъ нигдѣ не развертываетъ эпопеи, полотна цѣлой жизни; герои его не умаляются, не растутъ, не преобразуются передъ зрителемъ. Душа еврея, по отсутствію въ ней момента развитія, движенія, едва ли, впрочемъ, и требуетъ или допускаетъ такую большую художественную рисовку: еврей — всегда картина и никогда процессъ; онъ можетъ быть схваченъ на фотографію, и это какъ въ величественныхъ древнихъ своихъ чертахъ, такъ и въ измельчавшихъ новыхъ, но какъ въ одномъ случаѣ, такъ и въ другомъ, онъ не представляетъ «исторіи человѣческой души», т.-е. не допускаетъ «романа» своей судьбы. Онъ суетливъ (духовно и въ бытѣ), а въ сущности неподвиженъ, если угодно — вѣченъ. Отсюда — страшная мощь еврейства, и непріятное въ этой мощи для европейца, коего лицо и душа вѣчно переливается въ тонахъ и полутонахъ. Симпатія нашего автора вездѣ на сторонѣ стараго, нетронутаго еврейства, и вездѣ противъ напыщеннаго, тщеславнаго, зараженнаго всѣми пороками цивилизаціи и не пріобрѣтшаго ни одного изъ ея достоинствъ новаго, «интеллигентнаго» еврейства, которое онъ презираетъ въ его «межеумочности» сильно и ярко. Но старое еврейство духовнаго «гетто», замкнутаго въ себѣ, открещивающагося отъ цѣлаго міра и отъ коего цѣлый міръ открещивается, даетъ ему среду, гдѣ онъ останавливается на нѣкоторыхъ—всегда почти женскихъ типахъ— съ истинной любовью и высокимъ уваженіемъ. Такова величественная бабушка въ «Смерти дѣда Симхи» — настоящій библейскій типъ; ребенокъ Ревекка, замужество которой со старымъ и безобразнымъ евреемъ устраиваютъ благоразумные родители («Замужество Ревекки»), или благородная Эсирь, которая кончаетъ самоубійствомъ, избѣгая непріятнаго замужества («Жертвоприношеніе»). Почти въ каждомъ разсказѣ есть старуха, упрямая выразительница патріархальнаго еврейства (старуха Годе въ

«Жертвоприношеніи»), блюдущая традиціи и не уступающая ихъ деньгамъ, знатности, образованію. Живой умъ автора, уже отчужденнаго отъ еврейства, рисуетъ эту еврейскую сторону всегда въ теплыхъ и смѣющихся чертахъ, и здѣсь лежитъ культурная сторона его книги: смѣхъ — великій примиритель, когда онъ не золъ. Читатель съ удивленіемъ видитъ, что въ этихъ старикахъ и старухахъ, или въ этихъ дѣвочкахъ живутъ въ сущности вѣчныя человѣческія черты, которыя онъ наблюдаетъ и любитъ въ своей сестрѣ-подросткѣ, въ какомъ-нибудь старомъ, смѣшномъ и миломъ дѣдѣ: подъ чрезвычайнымъ своеобразіемъ оболочки, подъ совершенною отъ всего міра замкнутостью—онъ открываетъ съ удивленіемъ свое «я» или что-то очень близкое и родное своему «я». Онъ начинаетъ симпатизировать художественнымъ чувствомъ наблюдателя, а затѣмъ и нравственнымъ сочувствіемъ человѣка: Ревекка такъ смѣшно барахтается въ непонятной и грязной «святой миквѣ» (священная ванна, куда невѣста погружается передъ самымъ вѣнчаніемъ); она такъ любитъ наряды, такъ смущается передъ старостью и безобразіемъ плотояднаго жениха и, по еврейскому обычаю, все-таки остается ему такъ героически вѣрна до его смерти, что русскій, французъ, грекъ—всѣ равно почувствовали бы въ ней привлекательное лицо. Заслуга книги въ томъ, что компактное еврейство, представляющееся всякому не-еврею единымъ и слитнымъ, она разлагаетъ на множество типовъ, то алчныхъ и ужасныхъ (сыновья «дѣда Симхи»), то величественно-прекрасныхъ (мать этихъ же сыновей, и одинъ изъ нихъ, ненавидимый братьями и отстаиваемый матерью), то граціозныхъ,—и компактно-враждебное чувство, съ которымъ мы относились къ еврейству до чтенія книги, уступаетъ мѣсто разнообразію чувствъ: у насъ есть выборъ и есть предметы какъ антипатіи, такъ и опредѣленной, мотивированной любви. Судя по книгѣ, еврейство находится въ фазѣ очень быстраго разложенія. Нельзя сказать, чтобы образованіе ихъ не тронуло: хоть и отрицательно дѣйствуя, но оно вывело ихъ изъ тысячелѣтней неподвижности, произвело въ нихъ антипатичное броженіе, но все-таки броженіе. Не принявъ нашей вѣры, они приняли большинство нашихъ пороковъ — наше тщеславіе, нашу поверхностность, нашу «литературность» и «научность» въ несерьезныхъ ея формахъ. Рѣдкіе, очень рѣдкіе случаи представляютъ болѣе глубокій синтезъ: таковъ «дядя Шая», тайно прислушивающійся къ христіанскимъ легендамъ («Искупленіе») или Ревекка, выходящая по смерти перваго мужа вторично—за русскаго доктора.

Фридрихъ Кирхнеръ, проф. *Путь къ счастью. Какъ надо жить.* (*Der Weg zum Glük*).—Переводъ съ 4-го нѣмецкаго изданія Алек-

сѣя Маркова, подъ редакціею А. А. Быкова. Спб. 1897. Цѣна 75 коп.

Чувство пессимизма—удивительное чувство; его возникновеніе психически почти необъяснимо, или очень трудно объяснимо. Горе отъ опредѣленнаго несчастія, затрудненность жизни, нищета, болѣзни—это, собственно, вовсе не пессимизмъ. «Пессимизмъ» характеризуется отсутствіемъ опредѣленныхъ чертъ въ себѣ и опредѣленности своихъ основаній. «Я едва могъ бы насчитать нѣсколько мѣсяцевъ чистаго довольства за прожитыя 75 лѣтъ», сказалъ Гете. Въ «Исповѣди» Л. Толстой признается, что на верху славы, богатый, счастливый любовью и семьею, онъ часто задумывался о смерти, т. е. тянулся къ ней. Вотъ пессимизмъ въ двухъ выраженіяхъ его, германскомъ и русскомъ,—почти равно здѣсь и тамъ неопредѣленно-зыбкій, неотвязчивый, ужасный въ своей неосновательности. Пессимизмъ—это какая-то отсырѣлость души; завѣса тумана, который обволакиваетъ насъ, и мы не умѣемъ изъ него выбѣжать. Среди всяческихъ мечтаній жизнь всетаки *есть* и нормально *должна быть* радостью, которая кончается только со смертью.

Книжка Кирхнера начинается разсужденіями о пессимизмѣ, и ищетъ отъ него лекарствъ. Ея общая окраска—идеалистическо-религіозная, въ томъ добромъ и нѣсколько ограниченномъ тонѣ, который присущъ всѣмъ «еще не развратившимся» нѣмцамъ. Онъ перебираетъ внутреннія условія индивидуальнаго бытія—напр. характеръ, образованность, умъ, и среду индивидуальнаго существованія—напр. общество, бракъ; и вездѣ, указывая существующіе въ жизни недостатки, указываетъ «путь къ счастью» и «какъ надо жить». Слогъ, манера, тонъ—все напоминаетъ Смайльса, но только менѣе ярко, менѣе планомѣрно. Это—родъ душевной гигіены, по которой стало теперь появляться много «руководствъ». Конечно, это не дурное чтеніе, хотя едва ли особенно «спасительное». Всѣ этого рода книги не досягаютъ глубины предмета и, такъ сказать, составляютъ «моментъ» въ «эволюціи» пессимизма, нисколько не выходя за его черту. Какъ ни печально это сравненіе, но какъ будто на столикѣ хроническаго больного мы находимъ пузырьки съ сигнатурами все новыхъ и новыхъ цвѣтовъ, и ихъ перемѣна мало обѣщаетъ ему и не проливаетъ радости въ сердце окружающихъ людей.

Переводъ сдѣланъ очень внимательно. Въ концѣ книги (358 стр.) приложено 54 страницы примѣчаній историческаго, литературнаго, біографическаго характера, а также поясняющихъ имена, попадающіяся въ книгѣ Кирхнера. Едва ли она требовала этого вниманія къ себѣ, но, конечно, всякій трудъ заслуживаетъ уваженія.

Шарль Рише. *Любовь.* (Психологическій этюдъ). Переводъ съ французскаго. В. В.—Спб. 1898. Цѣна 25 к.

Книжка знаменитаго французскаго психіатра и физіолога написана какъ легкій очеркъ, безъ претензій проникнуть въ глубину предмета, но съ положительнымъ, а слѣдовательно и серьезнымъ вниманіемъ къ нему. Авторъ нигдѣ не объясняетъ факта половой любви въ природѣ, но, какъ и всегда почти дѣлаютъ натуралисты—описываетъ обильно ея явленія. Онъ извиняется въ предисловіи за нѣсколько щекотливую тему; но, наконецъ, слѣдуетъ же сознать, что такъ называемый «стыдъ» половыхъ явленій есть только «стыдливость», своеобразное затаиваніе природы въ самомъ жизненномъ и глубокомъ, т. е. въ наименѣе поверхностномъ явленіи. Тайна здѣсь есть свидѣтельство глубины и содержательности, но не «грязи», «дурного», «зла». Вторая причина «щекотливости», заключающаяся въ томъ, что это, будто бы, есть специфически *животное* чувство,—еще менѣе основательна. Это есть специфически *жизненное, живое* явленіе, объемлющее рѣшительно всю живую природу, тогда какъ всѣ другія явленія въ ней частичны и мѣстны: кровообращенія нѣтъ у насѣкомыхъ; головного и спинного мозга—у молюсковъ; нѣтъ костей, кожи, мяса—у растеній. Но вездѣ есть «полъ» и «половое»—которое, такимъ образомъ, равнозначительно понятію «жизни». Универсальность явленія еще менѣе, чѣмъ его глубина и тайна, даетъ поводъ видѣть здѣсь что-либо «щекотливое». Въ «полѣ» природа, даже дикая и животная—цѣломудренна, затаивается, т.-е. отсюда начиная она получаетъ тенденцію къ чему-то человѣческому. «Полъ» есть не «животное» въ человѣкѣ, какъ обыкновенно думаютъ; наоборотъ—это есть «человѣческое», по крайней мѣрѣ начало чего-то человѣческаго въ животномъ. Прислушаемся къ рѣчи натуралиста, присмотримся къ его наблюденіямъ. «Въ началѣ весны у птицъ самецъ и самка принимаютъ рѣшеніе жить вмѣстѣ. Тогда образуется настоящая семья. Это не только любовники, но и супруги: союзъ расторгнется лишь послѣ того, какъ птенцы достаточно подрастутъ для того, чтобы летать и самимъ искать себѣ пищу. Значитъ, у птицъ—больше, чѣмъ любовь, это настоящій бракъ, съ общностью интересовъ. Гнѣздо строится сообща, и въ то время, какъ самка высиживаетъ яйца, самецъ приноситъ пищу, или еще, согласно трогательному обычаю нѣкоторыхъ пѣвчихъ птицъ, старается разсѣять скуку бѣдной самки, терпѣливо высиживающей яйца, надежду будущаго потомства. Такъ, въ весеннія ночи, можно слышать соловья, заливающагося звонкими трелями, между тѣмъ какъ возлѣ него самка молча высиживаетъ свои драгоцѣнныя яйца и слушаетъ его съ восхищеніемъ» (стр. 33—34). Конечно, никто не отвергнетъ, что мы имѣемъ тутъ начало человѣка, блѣдную утреннюю зарю духовно-человѣческаго. И Рише не употребилъ бы терминъ «трогательное»—столь рѣдкій у натуралистовъ и чуждый,

почти враждебный имъ, если бы инстинктивно не почувствовалъ, что входитъ тутъ въ совершенно другую категорію явленій, чѣмъ дыханіе, кровообращеніе, или чѣмъ разыскиваніе корма и драка изъ-за него. «Курица со своими цыплятами способна устоять противъ свирѣпаго дога. Опасности для нея не существуетъ» (стр. 35). Рише не добавляетъ, что это трогательно, но за него добавимъ мы. Что же такое «материнство», какъ не послѣдствіе, т.-е. часть и подробность половой любви? Замѣчательно, что съ появленіемъ потомства, мать становится или равнодушнѣе, или даже совсѣмъ холодна къ самцу: соотношеніе, которое заставляетъ насъ прозрѣвать въ материнствѣ модификацію, преобразованіе—но все того же коренного инстинкта природы, полового влеченія. Это какъ бы «теплота» и «свѣтъ», взаимно переходящія другъ въ друга, о чемъ мы знаемъ по угасанію одной въ зависимости отъ появленія другой. Книжка Рише написана живымъ и увлекательнымъ языкомъ, хотя она и вращается въ общеизвѣстной сторонѣ явленій.